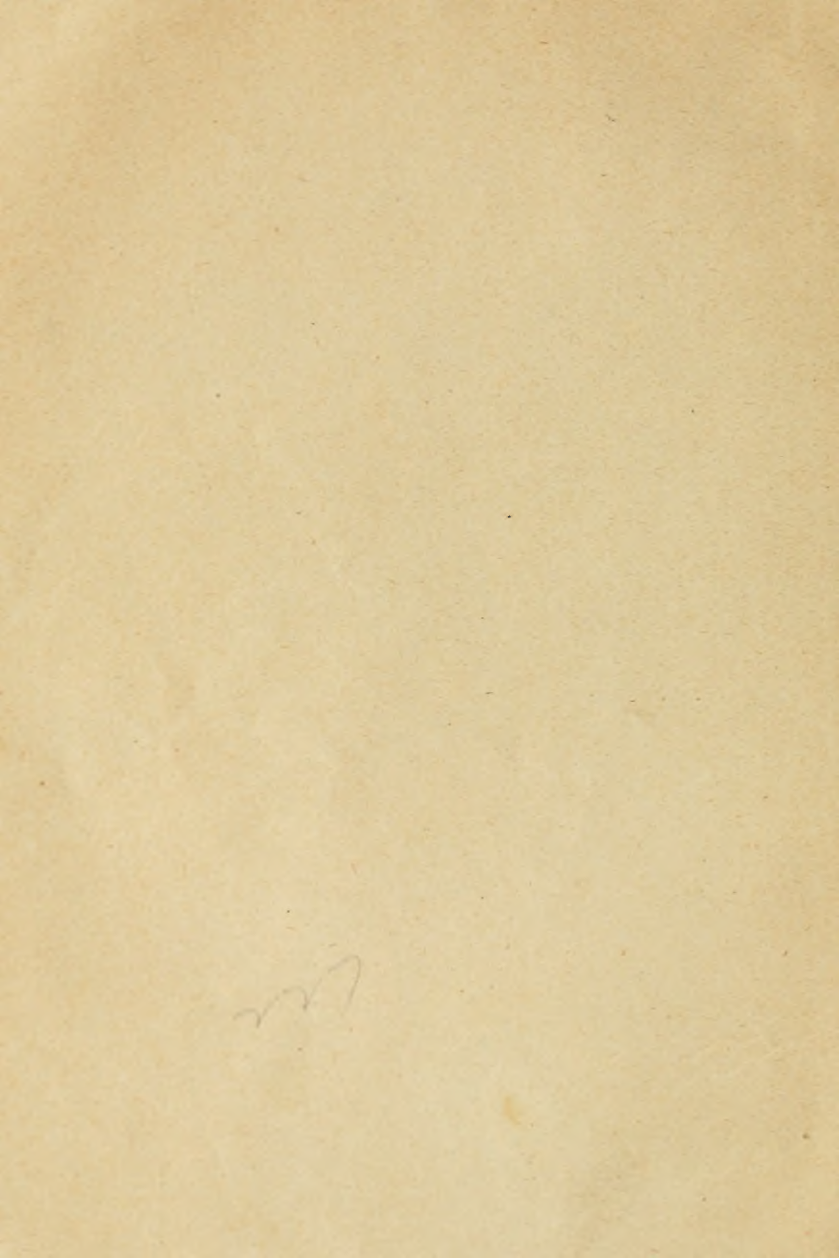

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01312323 7

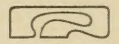






К. Валишевскій.

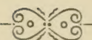
Петръ Великій.



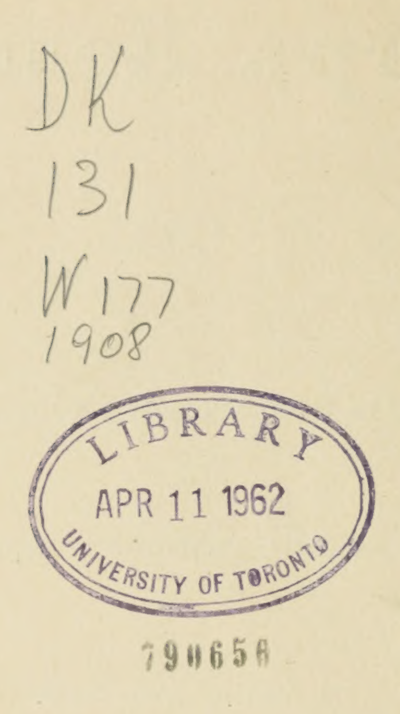
По новымъ документамъ.

Со многими рисунками и портретами.

Съ четвертаго изданія.



Московское Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ".



МОСКВА.—1908.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Послѣднее время въ исторической литературѣ замѣтенъ особый интересъ къ девятнадцатому вѣку; это и понятно—ближайшее къ намъ время больше всего насъ и интересуетъ. Однако этимъ не исключается такое любопытное столѣтіе, какъ восемнадцатое. Въ нашемъ представленіи съ этимъ вѣкомъ сливается громадная фигура Петра Великаго. Однако, что̀ мы знаемъ объ этомъ великанѣ? Мы еще не дождались лучшей его характеристики историка Ключевскаго[1]); извѣстный трудъ Брикнера едва появился въ свѣтъ, какъ тотчасъ сталъ библіографическою рѣдкостью. Да этотъ трудъ не миновалъ «духа времени», который допускалъ лишь славословить и молчать о «грѣхахъ и темныхъ дѣяніяхъ». Между тѣмъ эпоха Петра интересна столько же славными трудами, сколько изобилуетъ темными дѣяніями.

Здѣсь нужно прежде всего перечислить эти послѣднія. Затѣмъ еще важнѣе выяснить причины, породившія такія ужасныя событія, какъ розыскъ о стрѣльцахъ, небывалыя ихъ казни, наконецъ, преданіе смерти даже собственнаго царскаго сына, царевича Алексѣя Петровича.

Историкъ долженъ выяснить, на чей счетъ надо занести всѣ тѣ звѣрства и жестокости, что̀ надо приписать «духу времени» и что̀ объяснить характеромъ преобразователя. Время было исключительное, оно требовало исключительныхъ мѣръ, но требовалось очень многое, чтобы родился такой, въ сущности-то своей нелѣпый, слухъ, что въ лицѣ царя явился самъ антихристъ. Для того, чтобы въ умахъ массы создалось подобное представленіе, недостаточно одного «духа времени», здѣсь, на нашъ взглядъ, играло не маловажную роль непосредственное впечатлѣніе, которое производило въ народѣ какъ сама личность Петра, такъ

[1]) Третій томъ *Курса русской исторіи* доведенъ только до Петра.

и его дѣянія. Словомъ, передъ историкомъ стоитъ во всей своей важности вопросъ, кто же былъ Петръ? Былъ ли онъ геніальный человѣкъ или это былъ самодуръ и извергъ?

Печатаемый здѣсь трудъ Валишевскаго — болѣе всего и занимается этимъ вопросомъ; являясь лучшею его монографіею, онъ наиболѣе ярко и живо рисуетъ намъ бурю начала XVIII в. Печатая свой трудъ «за предѣлами досягаемости» цензуры, Валишевскому не приходилось умалчивать изъ принужденія и онъ могъ говорить о вещахъ открыто.

Если мы къ этому прибавимъ, что Валишевскій рѣдкій стилистъ и обладаетъ огромной эрудиціей, то мы вполнѣ представимъ, насколько цѣнно печатаемое сочиненіе, ни разу не появлявшееся въ Россіи и почти неизвѣстное внѣ сферы спеціалистовъ.

Чтобы представить эпоху Петра наиболѣе полно, мы снабдили настоящій выпускъ многими историческими и бытовыми картинами и рисунками, сдѣланными съ рѣдчайшихъ и лучшихъ подлинниковъ.

Г. Балицкій.



Конный жилецъ.

ГЛАВА I.

Кремль и нѣмецкая слобода.

Петръ Алексѣевичъ родился 30 мая 1672 года — въ лѣто 7180, согласно календарю, принятому тогда въ странѣ. Двумя съ половиною годами раньше старый Московскій Кремль былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища: собравшись изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, выбранныя изъ самыхъ различныхъ слоевъ, знати и народа, дворцовъ, хижинъ и даже монастырей, молодыя дѣвушки числомъ до нѣсколькихъ дюжинъ, набранныя среди самыхъ красивыхъ, какихъ только можно было найти, явились въ царскій дворецъ, въ назначенный царемъ день; тамъ, размѣстившись случайно и какъ попало въ шести комнатахъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе, онѣ проводили жизнь, обычную для жизни московскихъ женщинъ того времени, затворническую жизнь восточныхъ женщинъ, жизнь праздную и однообразную, развлекаясь лишь нѣкоторыми рукодѣліями, увеселяя себя лишь нѣкоторыми пѣснями; онѣ мечтали, томились, вздыхали, зѣвали подъ безконечные разсказы чудесныхъ и безсмысленныхъ сказокъ; затѣмъ наступалъ вечеръ и о! тогда онѣ

быстро забывали длинные часы муки, тоски и нетерпѣливаго ожиданія, и бѣжали вприпрыжку, возбужденныя, трепетныя, чрезвычайно потрясенныя необыкновеннымъ происшествіемъ, въ лихорадкѣ, подавляемой каждый разъ нѣсколькими минутами сладкаго испуга, тоски и надежды. На порогѣ, ведущемъ въ общую комнату, обращенную съ наступленіемъ ночи въ спальню, появлялись мужчины; двое изъ нихъ проходили вдоль тѣсныхъ кроватей, занятыхъ спящими красавицами, разсматривая ихъ на свободѣ, обмѣниваясь многозначительными взглядами и жестами, одинъ изъ этихъ людей былъ царь Алексѣй Михайловичъ, да, самъ царь, сопровождаемый своимъ врачемъ и ищущій между этими незнакомками супругу по своему выбору, «жену, способную стать утѣхою своему господину», по принятому выраженію, такую, которую, будь она дочерью послѣдняго изъ его слугъ, онъ завтра бы сдѣлалъ сначала великою княгинею, а потомъ царицею Всея Руси.

Обычай этотъ пережилъ уже два вѣка, перешедшій изъ Византіи подъ вліяніемъ высшей политики и отчасти даже по необходимости. Иванъ Васильевичъ (Великій—1435-1505) напрасно искалъ невѣсту для своего сына среди иностранныхъ принцессъ. У датскаго короля, у маркграфа Бранденбургскаго онъ получилъ унизительный отказъ. Но онъ не хотѣлъ больше родства съ русскими князьями, своими сосѣдями и соперниками. Онъ созвалъ въ Москву 1500 молодыхъ дѣвушекъ: если не самой знатной, то самой красивой была назначена великокняжеская корона. Сто лѣтъ спустя царь Михаилъ Федоровичъ, возобновивъ попытку съ женитьбой за границей, имѣлъ не больше успѣха: Датскій король дошелъ до отказа принять царскихъ пословъ. Съ тѣхъ поръ обычай былъ установленъ окончательно. Придворные бояре и боярыни получили порученіе осматривать по прибытіи въ Москву молодыхъ дѣвушекъ, отвѣтившихъ на вызовъ. Строгій и подробный осмотръ, отъ котораго не ускользали самые сокровенныя части тѣла. Такимъ образомъ получалось послѣ ряда отборовъ, что царю представлялся уже поистинѣ царскій кусокъ.

Однако получилось, что обычай сохранялся только для формы, и это было въ особенности въ случаѣ 1670 года. Спящія красавицы на этотъ разъ напрасно предавались воображенію и ночному кокетству. Выборъ царя былъ сдѣланъ еще до ихъ прибытія. Царю Алексѣю Михайловичу было 38 лѣтъ въ 1667 году послѣ смерти его первой жены, нѣкоей Милославской, которая принесла ему пять сыновей и восемь дочерей. Трое изъ этихъ

сыновей умерли; оставшіеся въ живыхъ Өедоръ и Иванъ были болѣзненные; естественно царь долженъ былъ позаботиться о новой женитьбѣ. Онъ и озаботился объ этомъ рѣшительнымъ образомъ, замѣтивши въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева красивую брюнетку, которую онъ принялъ сначала за дочь своего любимаго совѣтчика. Это была только воспитанница, Наталья Кирилловна Нарышкина, порученная своимъ отцомъ, бѣднымъ и неизвѣстнымъ дворяниномъ изъ провинціи, попеченію богатаго и могущественнаго боярина. Появленіе прелестной Наталіи передъ ослѣпленными очами царя не могло случиться въ истинно московскомъ домѣ, соблюдающемъ мѣстные обычаи. Молодая дѣвушка тамъ оставалась невидимою за непроницаемыми дверями терема.

Но домъ Матвѣева освободился отъ общаго обычая; Артамонъ былъ женатъ на иностранкѣ: нѣкоей Гамильтонъ. Поразивши крутыя Якобинскія фамиліи, революціонная буря разбросала тогда нѣкоторые отпрыски даже въ негостепріимныя пустыни далекой и варварской страны. Алексѣй оказалъ хорошій пріемъ этимъ иностранцамъ и Матвѣевъ обязанъ былъ отчасти своимъ благорасположеніемъ союзу съ однимъ изъ нихъ. Оттуда онъ почерпнулъ и нѣкоторую культуру; онъ много читалъ, имѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ и маленькую химическую лабораторію. Наталія занимала мѣсто за столомъ вмѣстѣ со своими пріемными родителями, иногда даже вмѣстѣ съ ихъ гостями. Алексѣй началъ съ того, что объявилъ, что онъ занятъ отысканіемъ ей мужа, «который не гнался бы за приданымъ», потомъ быстро рѣшился и открылся. Артамонъ Сергѣевичъ былъ больше испуганъ, чѣмъ обрадованъ. Его положеніе любимца уже создало ему достаточно враговъ. Онъ выдвинулся въ первые ряды изъ фамиліи столь же мало извѣстной, какъ и Нарышкины, онъ соединялъ въ себѣ управленіе многочисленными отдѣлами: иностранныхъ дѣлъ, монетнымъ, министерствомъ двора, командованіемъ стрѣльцами, управленіемъ Малороссіей, Казанью и Астраханью.

Онъ просилъ по крайней мѣрѣ соблюсти формальности. Наталія должна была появиться въ аппартаментахъ Кремля. Всѣ обряды были соблюдены тщательнѣйшимъ образомъ; дядя одной прекрасной претендентки даже остался недоволенъ рѣшеніемъ царя за примѣненіе неправильныхъ пріемовъ по отношенію къ его племянницѣ; онъ былъ допрошенъ обычно и съ пристрастіемъ съ примѣненіемъ кнута, дыбы и огня.

Свадьба была 22 января 1671 года, а 30 мая 1672 года Наталія Кирилловна произвела на свѣтъ сына. Въ этотъ же день Людовикъ XIV представилъ Буало содержаніе знаменитаго письма, видя, что его армія перешла Рейнъ подъ начальствомъ Конде и Тюренни; въ тотъ же день также на другомъ концѣ Европы турецкая армія перешла Днѣстръ, чтобы соединиться съ арміей великаго короля, черезъ большое пространство, и отобрать обратно государство. Ни тому, ни другому изъ этихъ двухъ событій не предали большого значенія въ Москвѣ среди ликованій, вызванныхъ появленіемъ на свѣтъ царевича. Жизнь тамъ оставалась мало доступной крупнымъ происшествіямъ европейской политики, придушенной и темной. Темнымъ и спорнымъ является до сего еще дня мѣсто рожденія величайшаго человѣка, какого когда-нибудь знала Россія. Московскій Кремль? Сосѣднее село Коломенское, переименованное въ русскій Виолеемъ? Можетъ быть Измайлово? Ни одного вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства.

Сомнѣнія идутъ еще далѣе. Физически и умственно Петръ не имѣлъ ничего общаго съ своими старшими братьями и сестрами, совершенно тщедушными и слабыми, какъ Ѳедоръ и Иванъ, носящими въ своихъ жилахъ дурную кровь, какъ сама прекрасная Софія. Уже подорванный самъ болѣзнью, предчувствуя свой близкій конецъ, могъ ли дать Алексѣй своему сыну эту фигуру гиганта, эту желѣзную мускулатуру, этотъ избытокъ силъ? Кто же тогда? Нѣмецъ-хирургъ, подмѣнившій своимъ мальчикомъ дѣвочку, истинный плодъ первыхъ родовъ Наталіи? Царедворецъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, изъ низкаго рода, внезапно возвысившійся посредствомъ женитьбы царя Михаила Романова на прелестной Евдокіи? Однажды подъ вліяніемъ винныхъ паровъ Петръ, говорятъ, пытался разобраться въ этихъ потемкахъ. «Этотъ вотъ, вскричалъ онъ, указывая на одного изъ своихъ собутыльниковъ, Ивана Мусина-Пушкина, знаетъ по крайней мѣрѣ, что онъ сынъ *моего* отца. Но отъ кого же я самъ? Ужъ не отъ тебя ли, Тихонъ Стрѣшневъ? Ну! Говори, не бойся! Говори, не то задушу...» — «Батюшка, смилуйся! Я не знаю, что тебѣ сказать... Я былъ не одинъ»...

Смерть Алексѣя (1674 г.) знаменуетъ начало смутнаго періода, въ который проявилась деспотическая власть Петра, бурная и кровожадная, какою она была. Судьба будущаго реформатора обозначилась тутъ опредѣленнымъ образомъ. Онъ становится здѣсь съ первыхъ дней героемъ драмы, даже главнымъ,

естественнымъ путемъ приведеннымъ на сторону оппозиціи. Возлѣ не успѣвшаго еще остынуть тѣла ихъ общаго господина возгорѣлась ожесточенная борьба между двумя фамиліями, которыя были извлечены изъ ничтожества двумя женитьбами покойнаго царя.

Предполагаютъ, что потомъ Нарышкины открыли свое происхожденіе по одной картинѣ, относящейся къ ядру одной чешской фамиліи Нарисци, владѣвшей княжествомъ Эгра; татаринъ Нарышъ, найденный историкомъ Мюллеромъ въ свитѣ князя Ивана Васильевича (1463), кажется болѣе достовѣрнымъ. Милославскіе образовали московскую отрасль древней литовской фамиліи, Корсаковыхъ, которая существуетъ въ Польшѣ; оттиснутые съ своего мѣста и отъ своего вліянія новыми пришельцами, они чувствовали себя вдвойнѣ оскорбленными и униженными. Отецъ Наталіи, Кириллъ Полуэктовичъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался самымъ богатымъ вельможей въ странѣ, придворнымъ совѣтчикомъ (думнымъ дворяниномъ) и крупнымъ государственнымъ чиновникомъ (окольничимъ). Колокола, звонившіе при похоронахъ Алексѣя, трезвонили въ уши его противниковъ о часѣ возмездія.

Милославскій противъ Нарышкина! въ продолженіе тринадцати лѣтъ потомъ этотъ воинственный крикъ направляетъ судьбы Россіи, бросаетъ ихъ въ кровавыя схватки партій, спорящихъ за власть. Побѣжденный въ первой стычкѣ, Матвѣевъ, пріемный отецъ Наталіи, открываетъ рядъ жертвъ; онъ былъ посаженъ въ темницу, подвергнутъ пыткѣ, сосланъ въ Пустозерскъ, въ Сибирь, гдѣ онъ рисковалъ умереть съ голода. Одно время возникалъ вопросъ заточить Наталію въ монастырь; но удовольствовались ссылкою матери и сына въ Преображенское, сосѣднее съ Москвой село, гдѣ Алексѣй выстроилъ себѣ дворецъ. Такимъ образомъ Петръ покинулъ Кремль. Онъ возвратился въ него только на короткое время, чтобы подвергнуться тамъ самымъ жестокимъ испытаніямъ и самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, присутствовать при рѣзнѣ своихъ близкихъ, при униженіи государевой власти, низведенной до подонковъ, при собственномъ паденіи. Онъ затаилъ тогда непримиримую ненависть къ мрачному дворцу. Даже уже побѣдителемъ и всемогущимъ властелиномъ онъ старается повернуться къ нему спиной. И этотъ разрывъ остается символомъ его жизни и его дѣятельности.

II.

Настоящій Кремль, во множествѣ загроможденный случайнымъ собраніемъ различныхъ, большею частію безъ стиля, построекъ,



Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Бликланда.

даже не характерныхъ, можетъ дать только несовершенное понятіе о зрѣлищѣ, какое должно было представлять въ концѣ семнадцатаго столѣтія жилище Алексѣя Михайловича. Пожары

1701 и 1737 годовъ, перестройки 1752 года оставили только остатки страннаго итальянскаго Ренесанса, введеннаго туда въ концѣ XV столѣтія дочерью одного изъ Палеологовъ, воспитанною въ Римѣ; отпечатки генія Фіоравенти, Солари, Алевиза борются съ византійскими традиціями; нѣсколько церквей, нѣсколько шпицевъ дворца и наружной ограды, которые дѣлаютъ его похожимъ скорѣе на укрѣпленный лагерь, чѣмъ на княжеское жилище, съ широко открытыми площадями невысокихъ укрѣпленій и ихъ кирпичныхъ башенъ, вздымающихъ мѣстами свои тонкіе силуэты, а также и часовые на посту. Внѣ этого на Красной площади, церковь Василія Блаженнаго одна только сильно вызываетъ представленіе о минувшемъ прошломъ.

Это было, безъ сомнѣнія, такое же смѣшеніе архитектуръ, своенравно ставившее рядомъ германскую готику съ Индіей, Византію съ Италіей, та же путаница строеній, насаженныхъ одно на другое на подобіе китайской головоломки, наконецъ, та же смѣсь орнаментовъ, формъ, цвѣтовъ, странная, безумная, можно подумать явившаяся плодомъ лихорадочнаго бреда, не переносящаго нехаотическаго идеала. Тѣсныя комнаты, низкіе своды, темные коридоры, мерцаніе лампъ въ темнотѣ, темное сверканіе охры и киновари на стѣнахъ; желѣзныя рѣшетки во всѣхъ окнахъ, вооруженные люди у всѣхъ дверей; всюду копошащіеся, биткомъ набитые солдаты и монахи. Дворецъ прилегаетъ къ церкви и монастырю, и съ трудомъ отличимъ отъ нихъ. Царь на своемъ тронѣ похожъ на сосѣднія мощи святого въ ракѣ. Съ одного конца до другого этого страннаго нагроможденія свѣтскихъ и духовныхъ построекъ, домовъ, соборовъ и монастырей, уменьшенныхъ, придавленныхъ толщиною стѣнъ, съ грубой штукатуркой Востока, съ тяжелымъ воздухомъ внутри ихъ, переливался шумъ, отвѣчавшій всему этому и сливавшійся въ одну неопредѣлённую гармонію: пѣснопѣнія священниковъ, находившихся въ церквахъ, пѣсни женщинъ, заключенныхъ въ теремахъ; иногда лишь крикъ выдается сильнѣе: это или эхо тайной оргіи въ какомъ-нибудь углу дворца, или крикъ болѣе пронзительный: вопли какого-нибудь заключеннаго, пытаемаго въ одномъ изъ казематовъ; но обычно здѣсь царитъ молчаніе, говорятъ тихимъ шопотомъ, ходятъ на цыпочкахъ, ощупью; каждый боится другого; это внутренность склепа, гарема, тюрьмы.

Такимъ образомъ Кремль является не только жилищемъ царя,—вся Россія здѣсь концентрируется и собирается; Россія странная, состарѣвшаяся уже около десяти вѣковъ, и въ то же время

молодая; съ нею, за нею длинное историческое прошлое, и передъ нею начало новой исторіи; Россія, отдѣлившаяся отъ народовъ Европы, презираемая ими и однако имѣющая въ своихъ жилахъ самую чистую европейскую кровь, въ своихъ лѣтописяхъ европейскія традиціи, союзы, родство и даже общія судьбы, какъ удачи и разочарованія, такъ побѣды и пораженія. Въ промежуткѣ отъ девятаго до десятаго вѣка, въ то время, когда первые короли Франціи Карлъ Великій и Людовикъ Святой съ трудомъ боролись за охрану своихъ сокровищъ отъ набѣговъ норманновъ, другіе *цари моря* стали ногою на берегъ Балтики. Тамъ норманнъ Грольфъ вырвалъ у Карла Простого побережье, названное именемъ его народа, здѣсь на необъятной равнинѣ, простирающейся отъ Балтійскаго до Чернаго моря среди рѣдкихъ финскихъ и славянскихъ племенъ, населяюшихъ эти пустыни, норманнъ Рюрикъ и его сотоварищи основываютъ имперію. Полтора вѣка спустя на трехъ концахъ Европы, три другіе вождя, три героя укрѣпляютъ владычество той же націи, одинаково побѣдоносно и славно: въ Италіи домъ Готвилей возвышается подъ предводительствомъ Роберта Гискара; Вильгельмъ высаживается въ Англіи и Ярославъ правитъ Россіей.

Эта Россія совсѣмъ не та, что въ Москвѣ. Москва еше не существуетъ. Столица Ярослава — въ Кіевѣ, совершенно отличающемся и совершенно иначе относящемся къ сосѣднему востоку. Въ Кіевѣ преемники Рюрика поддерживаютъ безпрерывныя отношенія съ Греціей, Италіей, Польшей, Германіей. Византія поставляетъ имъ монаховъ, ученыхъ и высшее духовенство; Италія и Германія—архитекторовъ, художниковъ, купцовъ и основы римскаго права. Около 1000 года Владиміръ, «Красное Солнышко» былинъ, издалъ законъ для своихъ вельможъ съ требованіемъ посылать ихъ дѣтей въ школы, учрежденныя имъ при церквахъ. Онъ соорудилъ дороги, положилъ въ церквахъ образцы мѣръ и вѣсовъ.

Его сынъ Ярославъ (1015 — 1054) создалъ монету, устроилъ дворцы, украсилъ площади столицы греческими и латинскими статуями, и издалъ сводъ законовъ. Пять таблицъ, сохранившихся въ Ватиканѣ подъ именемъ *Каппоніевской* коллекціи, представляютъ намъ достовѣрное доказательство и курьезный образецъ русскаго искусства такимъ, какъ оно процвѣтало въ Кіевѣ въ XII вѣкѣ. Напримѣръ, ученое сочиненіе нѣкоего Андрея Рико ди Кандіа, нисколько не уступающее лучшимъ произведеніямъ первѣйшихъ итальянцевъ. И эти первые опыты

культуры не единственные въ Кіевѣ; въ 1170 году въ Смоленскѣ *князь* Романъ Ростиславичъ занимается наукою, отдается библіотекѣ, основываетъ школы и семинаріи, гдѣ изучаютъ классическіе языки. Изъ конца въ конецъ огромной имперіи, которая намѣчается тамъ, между Дономъ и Карпатами, между Волгой и Двиной, процвѣтаетъ дѣятельная торговля съ западомъ, югомъ, и сѣверомъ Европы. Новгородъ владѣетъ Балтикой; въ Кіевѣ пестрая толпа нормандскихъ, славянскихъ, венгерскихъ, венеціанскихъ, генуэзскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ и еврейскихъ купцовъ наполняетъ улицы, ведетъ торговлю всевозможными продуктами. Въ 1028 году тамъ насчитывали двѣнадцать рынковъ.

И эти князья кіевскіе не были вынуждены искать женъ въ теремахъ своихъ подданныхъ. Ярославъ взялъ себѣ жену въ Швеціи, Ингегарду, дочь царя Олафа; онъ выдалъ свою сестру за польскаго короля Казиміра; одинъ изъ его сыновей Всеволодъ женился на дочери императора Византійскаго Константина Мономаха; другой Вячеславъ—на графинѣ Штадъ, третій Игорь—на графинѣ Орлашюндской, Кунегундѣ. Его старшая дочь, Елизавета, вышла замужъ за Гарольда, короля норвежскаго; третья, Анастасія—за Андрея I, короля венгерскаго. Въ 1048 году три епископа, Готье де Мо, Госселинъ де Шалиньякъ и Рожеръ де Шалокъ, явились въ Кіевъ просить руки его второй дочери, Анны, для Генриха I, короля французскаго.

Все это прекращается, все исчезаетъ безъ слѣда съ половины XIII вѣка. И дѣйствительно все это еще не достигло истинной имперіи, зданія, устроеннаго на прочныхъ основаніяхъ, обезпеченнаго отъ вѣроломныхъ покушеній. Князья кіевскіе, новгородскіе, смоленскіе, эти Рюриковичи, они сочли за благо, присоединить къ своимъ воинственнымъ инстинктамъ замѣчательныя свойства, которыя они носили въ самихъ себѣ, какъ признаки своего происхожденія—именно черты вѣроломства и безчинства, которыя на подобіе культурныхъ государствъ могло бы устранить и разсѣять только время, долгій смягчитель нравовъ въ просвѣщенныхъ государствахъ. Но время имъ измѣнило.

Ударъ произошелъ въ 1224 году, съ появленіемъ монгольскихъ ордъ Батыя. Въ это время послѣ попытки объединенія въ началѣ XII вѣка подъ властью Владиміра Мономаха ихъ было около шестидесяти между Волгою и Бугомъ, споривших за остатки власти, за крохи могущества. Батый и Мангу, внукъ Чингизъ-Хана, разсѣяли ихъ. Три вѣка усилій и цивилизатор-

скихъ стараній исчезли въ столбахъ пыли, поднятой копытами сотенъ тысячъ лошадей. Отъ этой древней Россіи, европеизировавшейся вслѣдствіе побѣды, но совершенно сохранившей національность, благодаря быстрой ассимиляціи Истманскаго элемента, слабаго по своей малочисленности сравнительно съ мѣстною средой, не осталось ничего. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, между 1319 и 1340 годами, Кіевъ и окружающія страны сдѣлались добычею князей литовскихъ, будущихъ королей польскихъ. Послѣ Гедимина Ягеллонъ объединилъ подъ своею державой, присоединивъ новое королевство польско-литовское, всѣ лоскутки отъ эфемерной монархіи Мономаха: Россію Красную, Россію Бѣлую, Россію Черную, Малую Россію,— *всѣ Россіи*, какъ гласитъ общепринятое потомъ выраженіе. Но онъ присоединилъ только пустыни. Съ этого момента можно было думать, что исторія Рюриковичей кончена.

Она возобновилась гораздо дальше отсюда, ближе къ востоку необозримой равнины, предназначенной судьбой для поселенія безчисленнаго народа и процвѣтанія его несравненной будущности. Въ верхнемъ бассейнѣ Волги, на берегахъ Москвы, среди мелкаго финскаго племени, маленькое селеніе, подъ сѣнью крѣпкаго замка сдѣлалось въ XII вѣкѣ жилищемъ и удѣломъ одного изъ потомковъ Рюрика. Нѣсколько разъ разрушенное вслѣдствіе безпрестанныхъ битвъ сосѣднихъ Рюриковичей, сметенное также при нашествіи монголовъ, оно начало подыматься, усиливаться, образовывать съ начала XIV вѣка зародышъ новаго союза изъ нормандскихъ, славянскихъ и финскихъ элементовъ. Принявши за законъ спокойное подчиненіе игу азіатскаго побѣдителя, оно сдѣлалось въ его рукахъ орудіемъ для организаціи внутренняго порядка и для внѣшняго расширенія. Оно принимало на себя съ покорностью, терпѣливо и ловко посредничество въ отношеніяхъ между побѣдителемъ и побѣжденными народами, охотно соглашаясь, потому что это съ одной стороны было полезно, съ другой по вынужденной необходимости; оно выступало въ роли сборщика податей въ казну общаго повелителя, въ роли полицейскаго, и даже, въ случаѣ необходимости, въ роли палача. Оно прокладывало себѣ такимъ образомъ дорогу, укрѣпляя шагъ за шагомъ пріобрѣтенную власть и старшинство, полученные такою цѣною, скрывая до давно желаннаго дня тщательныя приготовленія, когда бы оно могло почувствовать себя достаточно сильнымъ, чтобы нарушить безславный договоръ, и получить въ свои руки орудіе освобожденія.

Это продолжалось около двухъ столѣтій; два вѣка, въ теченіе которыхъ сосѣдніе князья переяславскіе, рязанскіе, владимірскіе, угличскіе, галичскіе, ростовскіе, ярославскіе, суздальскіе становились одинъ за другимъ, мало-по-малу, сначала вассалами, потомъ попросту первыми подданными, *боярами* неизмѣнно усиливавшагося князя Московскаго; въ теченіе этихъ вѣковъ и монгольское владычество, раздираемое само по себѣ и ослабленное внутренними неурядицами, шло на убыль. Наконецъ, около 1480 года времена испытаній прошли, и вдругъ удивленная Европа



Посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

увидѣла, что между нею и Азіей есть нѣчто новое, новое государство, глава котораго отвоевалъ себѣ независимость. Онъ отбросилъ Золотую Орду за предѣлы, свѣжеобозначенные, на огромную территорію, подчиненную его законамъ; онъ покорилъ Новгородъ и Тверь; онъ женился въ Римѣ на греческой княжнѣ, происходящей изъ Константинополя; онъ принялъ за гербъ двуглавый орелъ; его имя было Иванъ, а за всѣ эти дѣла онъ былъ названъ «Иванъ Великій».

Но эта новая имперія была совсѣмъ не то, что Кіевъ, а по происхожденію своего династическаго главы, казалось даже, что она не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, кто создалъ могущество и славу Ярослава и Владиміра. Этотъ *Великій князь* Московскій

почелъ за благо титуловаться въ свою очередь Самодержцемъ *Всея Руси*, хотя области, именемъ которыхъ онъ себя такъ величалъ и которыя называлъ своими, ему не принадлежали. Онѣ были въ то время польскими. То, что ему принадлежало, находилось на три четверти за предѣлами древняго нормандскаго завоеванія и въ его столицѣ, какъ и въ его государствѣ, все, или почти все, было также новаго происхожденія и очень различно по характеру. Европы тамъ не было, такъ сказать, ни на волосъ. Завоевательно-монгольская волна, отхлынувши, оставила въ этой арійско-славянской землѣ, какъ густую пѣну, то, что она заключала въ себѣ стойкаго: образъ управленія, нравы и обычаи; наоборотъ, никакого признака культуры.

Сообразно традиціямъ греко-русской Церкви, сохраняемымъ греческими священниками и монахами, государство и общество, которыя тѣсно срослись, чтобы основаться подъ вѣковой опекой преемниковъ Батыя, были по преимуществу азіатскія и, конечно, варварскія. Отдѣленныя столь долго отъ Европы, государство и общество оставались посторонними великой школѣ, гдѣ вырабатывалось умственное и нравственное объединеніе Запада: феодальному режиму, крестовымъ походамъ, рыцарству, изученію римскаго права,—великой борьбѣ между властью умственной и властью современной, откуда взялъ свое начало духъ свободы. Отвергнувъ союзъ съ Римомъ, проведенный на Флорентійскомъ соборѣ и принятый Кіевской метрополіей, Москва, лишь недавно такъ назвавшаяся (1325 или 1381), сама по себѣ и по собственному почину порвала съ Западнымъ міромъ. Осужденная папою, эта отдаленная и темная схизма Востока попала въ ссылку христіанства.

Сѣмена культуры однако появлялись и понемногу выступали, проникая сквозь слой тьмы азіатскаго болота. Они приходили оттуда, откуда они могли придти, всегда изъ Европы и сначала черезъ Польшу, при посредствѣ крупныхъ литовскихъ вельможъ, этихъ полонизированныхъ русскихъ.

Прежде чѣмъ бѣжать къ своимъ сосѣдямъ, возмущенный сотрудникъ Ивана Грознаго, Курбскій, переписывался съ Чарторижскими, остававшимися русскими съ головы до ногъ и православными. Возвращаясь изъ Польши послѣ счастливаго похода, Иванъ самъ вывезъ, какъ военную добычу и символическій трофей, первое печатное произведеніе, какое увидѣла Москва. Война съ Новгородомъ (1475 г.) поставила съ другой стороны новое московское государство въ соприкосновеніе съ *Ганзой*.

Въ 1553 году послѣдовало открытіе устья Двины англичанами тогда основался Архангельскъ и началась торговля Сѣвернаго моря. Но тутъ снова началось нашествіе, борьба за существованіе. По счастью, на этотъ разъ вторгшіеся пришли съ другой стороны. Это наводненіе было изъ Европы; оно происходило быстрѣе, и въ поступательномъ движеніи оставляло за собою нѣчто иное, чѣмъ грязную муть. Польскія арміи имѣли за собою въ аріергардѣ, въ своихъ повозкахъ, всѣ атрибуты папскаго Рима: іезуитовъ и сыновей св. Бернарда, католическую пропаганду и схоластическія науки, а за обучеными, краснорѣчивыми, тонкими іезуитами,—лжецарей, тоже польскаго происхожденія, изящныхъ и образованныхъ. Дворъ Димитрія и Марины Мнишекъ взялъ образцомъ дворъ Сигизмунда, который обучался у жены своей Боны Сфорца. Польскій оркестръ смѣшивалъ здѣсь свои легкомысленныя мелодіи съ обрядами православной религіи!

Даже въ день окончательной побѣды національнаго дѣла, польское и западное вліянія укрѣпляются «въ побѣдахъ и одолѣніяхъ» московскаго элемента надъ польскимъ и западнымъ.

Получивъ владычество надъ Кіевомъ, войска царя Алексѣя нашли тамъ, безъ сомнѣнія, не больше того, что нашло тамъ нашествіе монголовъ, никакого намека на древнее величіе; однако лучше, чѣмъ пустоту и ничтожество Москвы: школы еще польскаго основанія, типографію, чтобы замѣнить ею типографію Ивана, тотчасъ преданную тамъ проклятію и уже разрушенную; духовную греко-латинскую академію, хотя небольшую, легко усваиваемую основу просвѣщенія.

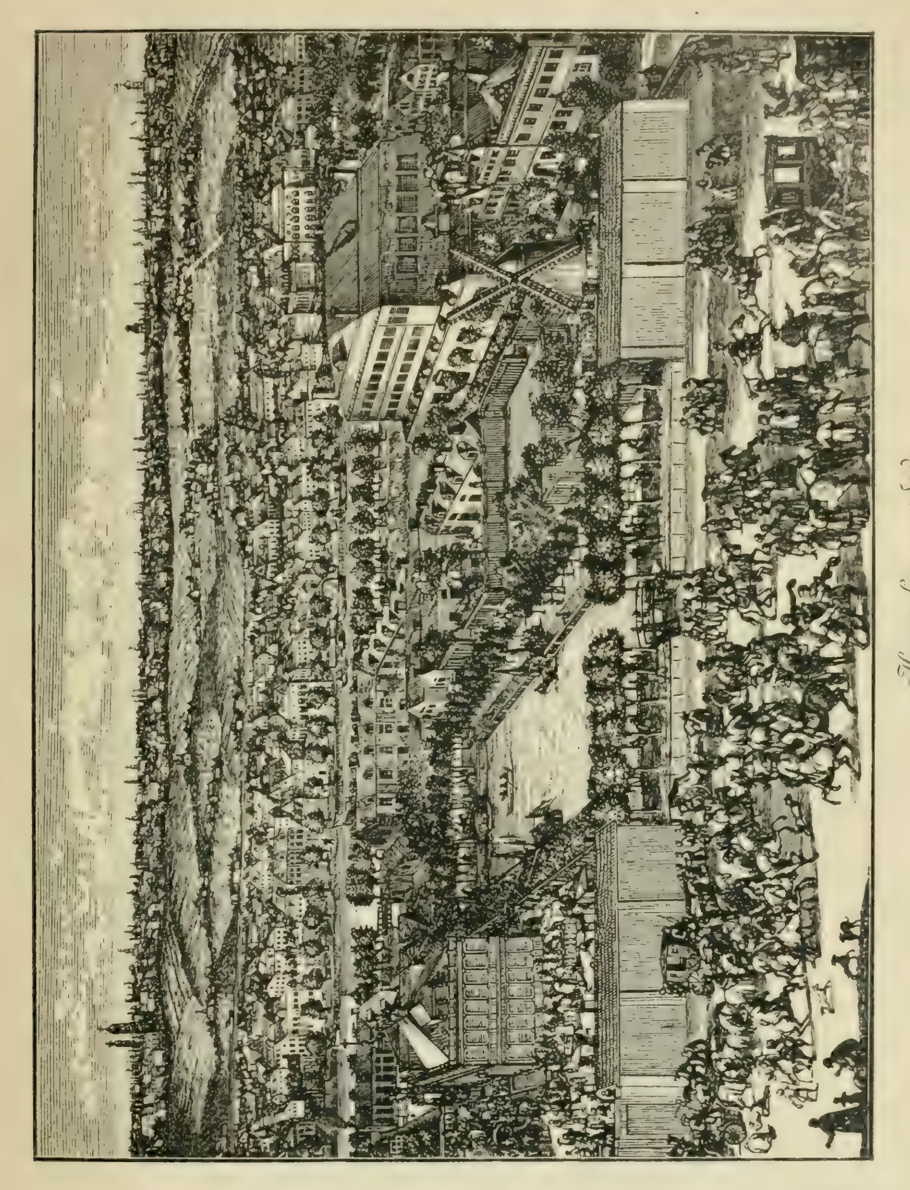
III.

Но съ этого времени Москва получила возможность выйти изъ Азіи и возвратиться въ Европу, не переходя границъ. Такъ Петръ, изгнанный изъ Кремля посредствомъ вражескихъ происковъ, выброшенный, такъ сказать, на улицу, не испытывалъ совершенно никакого желанія возвратиться въ отцовское жилище, въ особенности послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ въ сосѣдней деревнѣ другое болѣе привлекательное убѣжище. Иванъ, покоривши Новгородъ, городъ республиканскій и трудно подчиняющійся, придумалъ способъ выкурить буйный духъ, посредствомъ переселенія. Десять тысячъ семействъ было переселено. Въ Россіи видали способы административныхъ государственныхъ переворотовъ, способныхъ возмутить все человѣчество.

Новгородскіе изгнанники прибыли въ Москву, гдѣ имъ приготовили мѣсто, а въ Новгородъ было отправлено столько же вѣрныхъ и послушныхъ москвичей—наказанныхъ за свое послушаніе. Между новыми пришельцами находились ганзейскіе купцы и они-то образовали первое ядро иностранной колоніи на берегахъ Москвы. Но вскорѣ было замѣчено, что присутствіе этихъ иностранцевъ оскверняетъ городъ. Тогда уже считалось мѣстными патріотами, что Москва—городъ священный и даже все Московское государство, какъ и теперь, раздѣляло это преимущество.

Внѣ воротъ, запирающихъ столицу, въ сѣверо-восточной части теперешняго города или между улицами Басманной и Покровской, гдѣ еще и въ наши дни находится большинство протестантскихъ и католическихъ церквей, на грязномъ берегу Яузы, жалкаго притока Москвы, въ то время былъ родъ гетто, излюбленнаго *нѣмцами*,—людьми, не говорщими на языкѣ страны, вслѣдствіе этого *нѣмыми*; ихъ такъ и называли. Ганзейскіе купцы тамъ не нашли благополучія; но въ XVI вѣкѣ царь Василій набиралъ изъ нихъ свою гвардію, состоявшую изъ поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Преемники Василія не удовольствовались исканіемъ за границею солдатъ; они хотѣли набирать оттуда рабочихъ, артистовъ и даже школьныхъ учителей. Въ оригинальной книгѣ Аделунга одна картина показываетъ намъ первоначальный видъ слободы, куда были сгружены всѣ пришельцы, куда ихъ загнали безконечные приказы и гдѣ ихъ держали весьма сурово. Это была только деревня изъ деревянныхъ домовъ, наскоро выстроенная изъ деревьевъ покрытыхъ корой, съ обширными огородами, окружающими жилища. Этотъ видъ соотвѣтственно быстро мѣнялъ и качества живущихъ. Въ царствованіи Алексѣя *Нѣмецкая слобода* имѣла нѣмецкаго въ себѣ только одно названіе, такъ такъ кличка *нѣмецъ* осталась, благодаря первымъ германцамъ, занявшимъ слободу. Теперь въ ней первое мѣсто занимаютъ англичане и шотландцы, а благодаря проскрипціямъ кромвелевскаго протектората между ними есть люди по происхожденію Друммонды, Гамильтоны, Дальціели, Крауфорды, Грагамы, Лесли и позднѣе Гордоны. Въ эту эпоху еще ни одного француза. Ихъ боялись, какъ католиковъ, и еще болѣе, какъ янсенистовъ. Одни якобиты составляютъ исключеніе; будучи изгнанниками, они кажутся вѣрными. Позднѣе отмѣна Нантскаго эдикта оказала подданнымъ христіаннѣйшаго короля такое же довѣріе. Якобитское населеніе составляло отдѣльную группу; не будучи ни ра-

бочимъ, ни торговымъ, оно тѣмъ не менѣе сильно способствовало росту благополучія *слободы;* по своему воспитанію и положенію оно внушало уваженіе москвичамъ.



Нѣмецкая слобода,
Съ гравюры Генриха де-Витта, начало XVIII вѣка.

Нѣмецкіе рыцари перваго періода становились извѣстны имъ только по правамъ лагеря Валленштейна. Теперь въ классѣ ремесленниковъ, присоединившимся къ аристократіи, среди куп-

новъ, учителей, врачей, аптекарей, рабочихъ, артистовъ преобладаетъ голландскій элементъ. Элементъ германскій, примѣшивающійся къ нимъ, самъ по себѣ уже лучшаго качества. Тѣ и другіе вносятъ туда и заставляютъ цѣнить достоинства своей расы: духъ предпріимчивости и настойчивости, набожность и любовь къ семейной жизни, общее одушевленіе идеаломъ порядка, домашняго мира и производительнаго труда. Германцы имѣютъ двухъ лютеранскихъ пасторовъ, голландцы одного кальвинистскаго; но на взглядъ варваровъ религіозныя церемоніи кажутся скучными; свобода царствуетъ всюду въ *слободѣ,* кромѣ католиковъ, которымъ запрещено имѣть священника. Школы въ изобиліи.

Шотландецъ Патрикъ Гордонъ слѣдитъ за успѣхами *Лондонскаго Королевскаго Общества.* Англійскія дамы выписываютъ романы и стихотворенія національныхъ писателей тюками. Дѣятельная письменная корреспонденція со всей Европой. Умѣренныя и скромныя удовольствія. Въ германскихъ кружкахъ танецъ, извѣстный подъ названіемъ *Дѣдушкина танца,* проходитъ съ величайшимъ оживленіемъ. Есть одинъ театръ, который часто посѣщаетъ царь Алексѣй, гдѣ ему случается слышать *Орфея,* вызывающаго у него удивленіе изяществу рѣчи. Политика играетъ крупную роль въ колоніи; члены дипломатическаго корпуса, послы: англійскій, голландскій, датскій, шведскій, также составляющіе ея часть, представляютъ и поддерживаютъ здѣсь и интересы и стремленія протестантскихъ государствъ. Богатый, образованный, умный, ловкій голландскій посолъ Ванъ-Келлеръ, занимаетъ исключительное положеніе, передъ которымъ преклоняются сами москвичи.

Отправляя въ теченіе цѣлыхъ восьми дней курьера въ Гаагу, онъ получалъ съ Запада новости, заставлявшія *слободу* отзываться эхомъ на великія событія, которыя разыгрывались въ судьбахъ европейскаго политическаго міра. Германскій путешественникъ Таннеръ, посѣтившій пригородъ въ 1678 году, вынесъ оттуда одно изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, удостовѣренное рисункомъ, помѣченнымъ началомъ восемнадцатаго вѣка. Пригородъ кажется преобразившимся: дома изъ кирпича, красиваго вида; цвѣтники у подъѣздовъ; деревья, посаженныя правильными аллеями; фонтаны на площадяхъ. Контрастъ съ современными русскими городами, даже не исключая Москвы, былъ поразительный. Это не ускользнуло отъ Петра.

Вопреки польскому вліянію, даже тому сосѣдству, которое приближало, такъ сказать, Европу къ самымъ дверямъ, Москва

оставалась еще въ общемъ такою же, какою ее сдѣлали три вѣка монгольскаго ига. Нѣкоторые признаки уже ясно указывали на результатъ соприкосновенія съ научнымъ міромъ Запада. Люди являлись оттуда, освободившись физически, какъ и нравственно отъ стараго смѣшного византійско-татарскаго одѣянія; зарождались идеи, возникали мысли, откуда подготовлялись реформы, какъ когда-нибудь найдутъ, даже болѣе широкія, чѣмъ тѣ, проведеніемъ которыхъ занялся самъ Петръ. Заря новыхъ дней поднималась надъ горизонтомъ. Но эти зародыши просвѣщенія вызвали только еще усиленныя стѣсненія. Царь Алексѣй не выкалывалъ, правда, больше глазъ артистамъ, какъ это дѣлалъ Иванъ, подъ предлогомъ воспрепятствовать имъ повторить свои лучшія вещи въ другомъ мѣстѣ; но царь Михаилъ, рѣшившись пригласить на службу знаменитаго Элшегера (Олеарія), приказалъ бросить въ воду колдуна; при дворѣ были возмущены, а въ городѣ былъ бунтъ. Другой иностранецъ, давая обѣдъ знатнымъ вельможамъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ они подъ столами набивали себѣ карманы. Въ Кремлѣ послѣ изгнанія поляковъ и лжецарей все осталось попрежнему. До своего изгнанія оттуда Петръ никогда ничего не видѣлъ, кромѣ окружавшаго его въ близкомъ кругу. На пути въ церковь или баню его окружалъ двойной рядъ шутовъ, одѣтыхъ въ нарядъ изъ красной матеріи, какъ движущаяся темница. Ребенокъ въ ней задыхался; онъ ожилъ въ Преображенскомъ. Разъ вырвавшись на вольный воздухъ и получивши свободу передвиженія въ пространствѣ, онъ отправился на берега Яузы, а когда увидѣлъ *слободу*, то не хотѣлъ оттуда уходить. Туда же онъ повелъ всю Россію.

Но его еще ожидали мрачныя времена, послѣдніе остатки азіатскаго режима.

IV.

Ѳеодоръ, старшій сынъ и преемникъ Алексѣя, умеръ въ 1682 году, не оставивъ потомства. Кто же теперь будетъ наслѣдникъ? Со времени смерти послѣдняго потомка Рюрика (1598 г.), тронъ почти всегда занимался насильственно. Борисъ Годуновъ овладѣлъ имъ, благодаря цѣлому ряду убійствъ; Димитрій—при помощи польскаго оружія. Василій Шуйскій обязанъ имъ былъ избранію аристократіей; Михаилъ Романовъ—избранію народомъ. Подобіе династическихъ правъ болѣе всего проистекало изъ этого послѣдняго; тѣмъ не менѣе полагаютъ, что вступленіе Алексѣя

происходило по приглашенію путемъ избранія. Изъ двухъ братьевъ, слѣдовавшихъ за Θеодоромъ, Иванъ, сынъ Милославской, которому было пятнадцать лѣтъ, былъ слабъ, на три четверти слѣпъ и на половину идіотъ. Донесеніе, отправленное въ 1684 году министромъ Людовика XIV, упоминаетъ о «разрощеніи вѣкъ, которое дѣлаетъ то, что молодой принцъ ничего не могъ бы видѣть, если бы ему ихъ не поднимали». Высшіе придворные единогласно высказались въ пользу его младшаго сына, рожден-



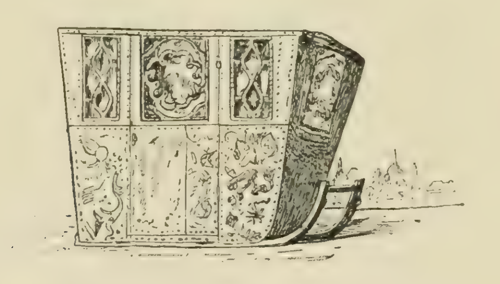
Московская улица XVII столѣтія.
Съ современной гравюры изъ путешествія Олеарія.

наго отъ Нарышкиной, пятилѣтняго Петра. Ихъ пугало то, что они могли, какъ говорили, превратиться въ сидѣлокъ при больномъ.

Безъ сомнѣнія, также возрастъ второго брата соблазнялъ ихъ надеждою на болѣе долгое регентство и возможность захвата власти въ свои руки. Они привлекли на свою сторону бояръ, находившихся все время при смертномъ одрѣ Θеодора, патріарха Іоакима, который завѣдывалъ похоронами. Здѣсь, какъ и въ Польшѣ, въ случаѣ перехода трона, главѣ Церкви принад-

лежало право временнаго управленія государственными дѣлами. Въ 1598 году патріархъ Іовъ такимъ образомъ обезпечилъ успѣхъ Бориса. Какъ тогда, такъ и теперь въ этомъ дѣлѣ ничего не было сдѣлано сообразно съ закономъ. Рѣчь архіерея къ собранію военныхъ и придворныхъ, случайно оказавшихся въ Кремлѣ; краткое воззваніе къ ихъ обязанностямъ съ послѣдующимъ провозглашеніемъ; потомъ появленіе неожиданныхъ избирателей снаружи, на Красномъ крыльцѣ, передъ народомъ, привлеченнымъ слухами о крупныхъ событіяхъ, повергшихъ въ смятеніе дворецъ; имя, брошенное въ эту толпу и—все кончено: въ Россіи есть царь и онъ зовется Петромъ.

Никакого упоминанія объ Иванѣ; никакого удовлетворенія за нарушеніе закона о престолонаслѣдіи. Въ сущности это лишь побѣда Нарышкиныхъ надъ Милославскими, конечно, захваченными врасплохъ, не подготовившимися къ защитѣ вслѣдствіе внезапности событій и быстроты развязки. Призрачное торжество, продлившееся съ трудомъ лишь мѣсяцъ. На другой день послѣ своего пораженія, побѣжденная партія вступила въ споръ, а за нею и неожиданная помощь въ лицѣ двухъ новыхъ политическихъ факторовъ выступила на арену борьбы—это царевна Софья и *стрѣльцы*.





Новодѣвичій монастырь въ XVII столѣтіи.
Со старинной гравюры.

Царевна Софья.

I.

Въ 1682 году у Алексѣя осталось семь дочерей. Одна только Софья получила имя въ исторіи. Она родилась, какъ и Иванъ, отъ Милославской, и была уже двадцати пяти лѣтъ. Я говорилъ о ея красотѣ, нѣкоторые писатели во главѣ съ Сумароковымъ, даже нѣкоторые иностранные— Штраленбергъ, Перри, воздаютъ ей большія похвалы. Но никто изъ нихъ не видѣлъ царевны. Свидѣтельство франко-польскаго дипломата, Ла-Невилля, который имѣетъ это преимущество, болѣе достовѣрно. Онъ испортилъ романъ, въ которомъ является замѣшаннымъ дѣтство Петра, но я не почерпнулъ изъ него ничего. «Безформенное туловище, невѣроятной толщины, съ головою—въ четверикъ, съ волосами на лицѣ и наростами на ногахъ»—таково его описаніе. Малорусскій историкъ, Костомаровъ, пытается согласить эти вещи: безобразная по понятіямъ иностранцевъ, Софья могла имѣть привлекательность для москвичей своего времени. Какъ на всемъ Востокѣ, тамъ даже до сего дня огромные размѣры роста далеко не неправятся. Но молчаніе монаха Медвѣдева, духовника принцессы, преданнаго ей до самой смерти, особенно выразительно, какъ и его стараніе

восхвалить нравственныя качества царевны. Въ этомъ отношеніи я вижу, что согласны всѣ, не исключая Ла-Невилля: «насколько широка, коротка и толста ея талія, настолько же ея умъ тонокъ, проницателенъ и политиченъ, и, не видя никогда Макіавелли, не беря у него уроковъ, она отъ природы имѣетъ всѣ его качества».

До 1682 года жизнь Софьи была, по крайней мѣрѣ съ виду, такова, какъ всѣхъ молодыхъ русскихъ дѣвушекъ ея времени, отягченная еще для дѣвицъ ея положенія усиленіемъ тюремныхъ строгостей. Кремлевскій теремъ превосходилъ въ этомъ смыслѣ всѣ другіе: уединенность, мелочное и сложное благочестіе, частые посты. Патріархъ и ближайшіе родственники были единственными посѣтителями извнѣ. Врачъ допускался только въ случаѣ самой тяжкой болѣзни. Когда онъ приходилъ, закрывались ставни, и онъ могъ браться за пульсъ больной только черезъ ткань. Скрытые коридоры вели царицу и царевенъ въ церковь, гдѣ неизбѣжныя красныя занавѣски исполняли свое дѣло, возбуждая любопытство другихъ вѣрныхъ. Въ 1674 году, поворачивая за уголъ одного изъ внутреннихъ дворцовыхъ дворовъ, двое изъ молодыхъ вельможъ, Бутурлинъ и Дашковъ, встрѣтили неожиданно карету, гдѣ находилась царица, отправлявшаяся на богомолье въ монастырь. Этотъ случай едва не стоилъ имъ жизни. Было наряжено строгое слѣдствіе, съ допросами и пытками. Для принцессъ не было назначено мѣста ни на какихъ торжествахъ, которыя для остальныхъ придворныхъ нарушали ужасное однообразіе дней, подчиненныхъ непреложному и строгому этикету; онѣ появлялись только на похоронахъ, слѣдуя тогда за гробомъ, но всегда въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Народъ зналъ о нихъ только ихъ имена, провозглашаемыя на каждомъ богослуженіи въ молитвахъ, которыя составляли часть оффиціальной литургіи; онѣ же ничего не знали о немъ, ничего, такъ сказать, изъ жизни человѣческой внѣ того тѣснаго круга, куда ихъ заключила судьба. Не будучи въ правѣ выйти замужъ ни за одного подданнаго изъ-за своего положенія, ни за одного иностраннаго принца изъ-за религіи, онѣ должны были не знать любви, замужества, материнства. Таковъ былъ законъ.

Вѣроятно, что ей оказались доступными въ эту эпоху по крайней мѣрѣ нѣкоторыя перемѣны. Безъ этого Софья была бы не въ состояніи такъ легко играть роль, въ которой она является передъ нами. Петръ былъ провозглашенъ царемъ 27 апрѣля; 23-го слѣдующаго мѣсяца бунтъ *стрѣльцовъ* свергъ его

единовластіе, присоединивъ къ нему брата Ивана, и всѣ свидѣтели указываютъ на Софью, какъ на непосредственную вдохновительницу, а скорѣе даже, какъ на главную зачинщицу этого переворота. Кремлевскій теремъ долженъ былъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійскихъ идей, понимая подъ этимъ историческую смѣсь аскетизма и интригъ, изъ которыхъ складывалась жизнь Восточной Имперіи. У изголовья своего больного, умирающаго брата, Софья и ея сестры, конечно, припомнили образъ Пульхеріи, дочери Аркадія, овладѣвшей властью на все время малолѣтства Өеодосія, потомъ послѣ его смерти, царствовавшей еще при содѣйствіи Маркіана, начальника императорской гвардіи. Битье крыльями о перекладины клѣтки, возмущенія духа и тѣла, мечты о свободѣ, власти, любви, здѣсь такъ же, какъ и тамъ, и даже въ томъ же духѣ; изъ всѣхъ этихъ тайныхъ волненій происходятъ дворцовые перевороты.



Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ.

Софья, конечно, видѣла въ Кремлѣ и другія мужскія лица кромѣ патріарха, или даже своихъ ближайшихъ родственниковъ, Милославскихъ, людей энергичныхъ, но ограниченныхъ. Надолго прикованный къ постели, Өеодоръ нуждался въ женскомъ уходѣ; нашелся одинъ изъ его придворныхъ, научившій его нарушить

теремныя правила, и найти себѣ тамъ сидѣлку, и предложившій ему выбрать Софью. Это былъ Василій Голицынъ.

Человѣкъ, достопримѣчательный не только по своему титулу, въ современной исторіи Россіи, даже при Петрѣ, онъ составлялъ эпоху. Болѣе чѣмъ Матвѣевъ, по болѣе выдающимся дѣламъ, онъ обозначаетъ собою эту медленную подготовку, эту умственную и нравственную перемѣну, размѣры которой можетъ быть могли преувеличивать, но которая несомнѣнно предшествовала появленію великаго реформатора и которая сдѣлала возможнымъ появленіе его твореній. Онъ олицетворяетъ ту плеяду, о которой я говорилъ, и изъ глубины которой люди, подобные Морозову, Ордынъ-Нащекину и даже самому патріарху Никону, уже въ предыдущія царствованія открывали собою новыя времена, революціонную эпоху. Принимая въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ значительное участіе въ управленіи страною, онъ не остался безучастнымъ при уничтоженіи *мѣстничества*, обычая совершенно азіатскаго происхожденія, согласно которому одинъ подданный царя не могъ занимать по сравненію съ другимъ подданнымъ мѣсто низшее того, какое его предки занимали хоть нѣсколько дней по отношенію къ предкамъ другого; непреодолимое препятствіе для разбора судебныхъ правъ, неисчерпаемый источникъ жалобъ, тормазившихъ дѣятельность правительства. Онъ намѣревался завести постоянную армію. Если вѣрить въ этомъ Ла-Невиллю, то онъ шелъ гораздо дальше еще въ своихъ планахъ на будущее, мечтая о томъ, чего Петръ едва осмѣлился коснуться: объ освобожденіи крестьянъ, превращеніи ихъ въ собственниковъ, о Сибири, просвѣщенной и покрытой почтовыми дорогами. Хотя и получившій запрещеніе отправиться въ Китай, во время всемогущества будущаго регента, задержанный въ Москвѣ, самъ Перъ Авриль отдаетъ дань удивленія его либеральному уму. Другіе бояре примкнули къ рѣшенію своего коллеги изъ ненависти къ католицизму.

Голицынъ бѣгло говорилъ и съ легкостью писалъ по-латыни; онъ часто посѣщалъ Нѣмецкую слободу и поддерживалъ тамъ дружественныя отношенія; онъ приглашалъ къ столу шотландца Гордона и лѣчился у германскаго врача Блюментроста; грекъ Спафари, котораго видятъ среди его приближенныхъ и который, благодаря ему, занимаетъ видное мѣсто въ управленіи иностранныхъ дѣлъ (посольскій приказъ), фигура вполнѣ современнаго дипломатическаго дѣльца и международнаго пройдохи, объѣхавшаго Европу и посѣтившаго Китай; онъ состa-

вилъ планъ судоходства по большимъ рѣкамъ Азіи и состоялъ въ перепискѣ съ бургомистромъ Амстердама, Витсеномъ. Голицынъ жилъ во дворцѣ, который какъ снаружи, такъ и внутри имѣлъ всѣ признаки европейскаго жилища съ высокими потолками, съ драгоцѣнной мебелью, гобеленовыми обоями, картинами и высокими окнами. У него была библіотека, гдѣ находились книги латинскія, польскія, нѣмецкія, гдѣ позднѣе сохранялась рукопись серба Крижанича, проповѣдника реформъ, которымъ, вѣроятно, вдохновлялся Петръ. Онъ выстроилъ въ Москвѣ три тысячи домовъ и даже одинъ каменный мостъ, первый, планъ котораго былъ составленъ однимъ польскимъ монахомъ. Онъ былъ страстнымъ приверженцемъ Франціи и привезъ своему сыну портретъ Людовика XIV. Его паденіе, послѣдовавшее со вступленіемъ на престолъ Петра, совершенно серьезно разсматривалось Ла-Невиллемъ, какъ катастрофа для цивилизаціи. Его считаютъ еще въ нѣкоторомъ отношеніи приверженцемъ того самаго строя, надъ разрушеніемъ котораго онъ старался. Онъ не былъ свободенъ отъ суевѣрія. Онъ подвергъ пыткамъ одного крестьянина, котораго онъ подозрѣвалъ въ желаніи напустить на него порчу. Впослѣдствіи его обвиняли въ томъ, что онъ старался пріобрѣсти расположеніе Софьи посредствомъ любовнаго напитка, и что онъ сжегъ человѣка, которому было поручено его приготовить. Но въ этомъ отношеніи самъ Петръ не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ душевныхъ слабостей. Въ общемъ этотъ завтрашній противникъ еще наканунѣ былъ его провозвѣстникомъ.

Родившись въ 1643 году, Василій Васильевичъ Голицынъ былъ тридцати девяти лѣтъ въ то время, когда болѣзнь Ѳеодора сблизила его съ Софьей. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ нимъ у изголовья умирающаго оказались также Симеонъ Полоцкій, малороссійскій священникъ, очень образованный для того времени, Сильвестръ Медвѣдевъ, образованный монахъ, библіографъ и придворный поэтъ, Хованскій, военный, любимецъ *стрѣльцовъ*. Такимъ образомъ сформировалась политическая группа, элементы которой можетъ быть были уже привлечены раньше и объединены втихомолку. Медвѣдевъ былъ ея душою, но со стороны Софьи Голицынъ занималъ тамъ первое мѣсто и ему предоставила его любовь. Царевнѣ было двадцать девять лѣтъ, а она казалась сорока на взглядъ Ла-Невилля. Обладая пылкой, страстной натурой, она еще не жила, и ея умъ, равно и сердце, пробудившись одновременно, заставили ее окунуться въ жизнь безбоязненно, до самозабвенія, всецѣло отдаться

охватившему ее стремительному порыву. Она сдѣлалась властолюбива, ставши влюбленной. Естественно, что она присоединила къ своимъ замысламъ человѣка, безъ котораго ея успѣхи не имѣли для нея никакой привлекательности. Она его толкала скорѣе, чѣмъ онъ ее, по лѣстницѣ къ вершинѣ счастья, чтобы раздѣлить его вмѣстѣ съ нимъ. Онъ лично кажется робкимъ, нерѣшительнымъ, колеблющимся, проявляющимъ признаки слабоволія и усталости. Онъ можетъ быть иногда и отступилъ бы передъ крайними мѣрами безъ Медвѣдева, безъ Хованскаго. Медвѣдевъ подбодряетъ компанію, внушаетъ ей свой пылъ, свою страсть къ борьбѣ; наконецъ, Хованскій предоставляетъ ей собственными руками страшное оружіе, въ которомъ она нуждается для выполненія своихъ замысловъ.



Стрѣльцы.

II.

Созданіе Ивана Грознаго и его военнаго сподвижника, Адашева, *стрѣльцы* въ 1682 году имѣли за собою только довольно короткое прошлое и уже дурную славу; но за то они успѣли пріобрѣсти себѣ средства, на которыя и жили очень широко. Свободные люди, солдаты, по наслѣдству, они образовали среди всеобщей униженности военное привилегированное сословіе, имѣвшее, благодаря своимъ привилегіямъ, въ своихъ рукахъ вліяніе, не соотвѣтствовавшее ихъ естественной роли и заслугамъ. Государство давало имъ квартиры, одѣвало ихъ и платило имъ жалованье даже въ мирное время, тогда какъ всѣ другіе свободные люди должны были служить безъ всякаго жалованья, на собственный счетъ, даже во время войны. Они имѣли особое управленіе и своего начальника, который всегда былъ изъ именитыхъ бояръ. Въ мирное время они составляли уличную полицію, несли службу въ патруляхъ, караулахъ и почетной стражѣ, и тушили пожары. Одинъ избранный, стремянный полкъ, сопровождалъ царя во всѣхъ его выѣздахъ за городъ. Во время войны, они образовывали авангардъ и ядро арміи. Двадцать московскихъ полковъ отъ восьмисотъ до тысячи человѣкъ въ каждомъ, различались цвѣтомъ формы: красные, синіе и зеленые кафтаны, съ широкими красными поясами, въ желтыхъ сапогахъ и бархатныхъ шапкахъ, украшенныхъ мѣхомъ; неопредѣленное число полковъ въ провинціи. Такъ какъ ихъ военная служба оставляла имъ много свободнаго времени, то они занимались также торговлей и ремеслами; такимъ образомъ они легко обогащались, не платя ни патентовъ, ни пошлинъ; случалось также часто, что богатые московскіе купцы домогались разрѣшенія быть внесенными въ ихъ списки. Но это были исключенія и они защищались отъ постороннихъ.

Имъ именно нѣкогда Борисъ Годуновъ обязанъ былъ побѣдою надъ *самозванцемъ* Дмитріемъ; они же взяли при воцареніи Михаила въ плѣнъ Марину Мнишекъ и Заруцкаго, ея послѣдняго приверженца, отбили Смоленскъ у поляковъ при Алексѣѣ, защитили Чигиринъ противъ турокъ при Өеодорѣ; въ продолженіе долгой смуты внутренней и внѣшней въ XVII вѣкѣ они постоянно держали сторону регулярной власти, побѣдили Разина, мятежнаго козака, и этимъ спасли монархію. Но это тревожное время оказало на нихъ вліяніе, внесло въ ихъ ряды зародыши разложенія. Праздная жизнь окончательно ихъ доконала. Будучи



Утро стрѣлецкой казни.

Картина художника В. И. Сурикова. Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Худож. фототипія К. А. Фишера.

естественными защитниками порядка, они вотъ уже нѣсколько времени входили въ сношенія съ мятежниками всѣхъ родовъ, подавая сигналы къ волненіямъ. Мятежи стали теперь въ порядкѣ дня у низшихъ классовъ. Подкупность, жадность чиновниковъ, злоупотребленія, вытекавшія отсюда, возмущали народную душу. Восшествіе на престолъ Петра тоже подготовилось тамъ, въ этомъ организующемся обществѣ на глазахъ разлагающагося государства. Имѣя меньше причинъ жаловаться, чѣмъ другіе, стрѣльцы не затруднялись поднимать свой голосъ за всѣхъ жалующихся. Отнынѣ болѣе чѣмъ посредственные солдаты, какъ покажетъ ближайшее будущее, они поднимаются, какъ страшные крикуны; одинъ бурный день превращаетъ ихъ въ самыхъ отчаянныхъ бандитовъ. Признаки безпокойства появились среди нихъ передъ кончиной Θеодора; стрѣльцы изъ полка Семена Грибоѣдова поднялись противъ своего полковника, обвиняя его во взяточничествѣ; онъ кралъ ихъ жалованье и заставлялъ ихъ работать по воскресеньямъ надъ постройкой своей дачи. Благодаря слабости правительства, зараза распространилась въ то время, когда царь уже умиралъ и оставались его младшіе наслѣдники. Достигши власти вмѣстѣ съ Петромъ, Нарышкины нашли шестнадцать полковъ подъ ружьемъ. Крайне смушенные, они вернули изъ ссылки Матвѣева, виновника ихъ благополучія, опытнаго государственнаго человѣка, а въ ожиданіи своего спасителя они выдали полковниковъ. Къ нимъ примѣнили процедуру *правежа,* на подобіе несостоятельныхъ должниковъ. Передъ собравшимися войсками обвиненные начальники были биты по ножнымъ икрамъ розгами до тѣхъ поръ, пока они отдавали все свое имущество, плодъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ хищеній. Наказаніе продолжалось нѣсколько часовъ Они отъ него не умерли, но умерла дисциплина и ужасный звѣрь, съ котораго сняли намордникъ, въ этомъ сборищѣ дикихъ преторіанцевъ уже ожидалъ себѣ добычу по зубамъ, чтобы наброситься на нее и вонзить свои когти.

Софья и ея совѣтники указали ему на Нарышкиныхъ.

Движеніе было готово, возмущеніе быстро организовано, били въ барабаны, совершенно открыто, почти у всѣхъ на глазахъ. Дядя царевны, Иванъ Милославскій, объявленный потомъ Петромъ въ качествѣ главнаго виновника постыднаго дѣла, преслѣдуемый до самой смерти дикою злобою, вѣроломно агитировалъ, распространяя ложные слухи, разжигая страсти. Прошелъ слухъ, что Нарышкины отравили царя Θеодора; что они

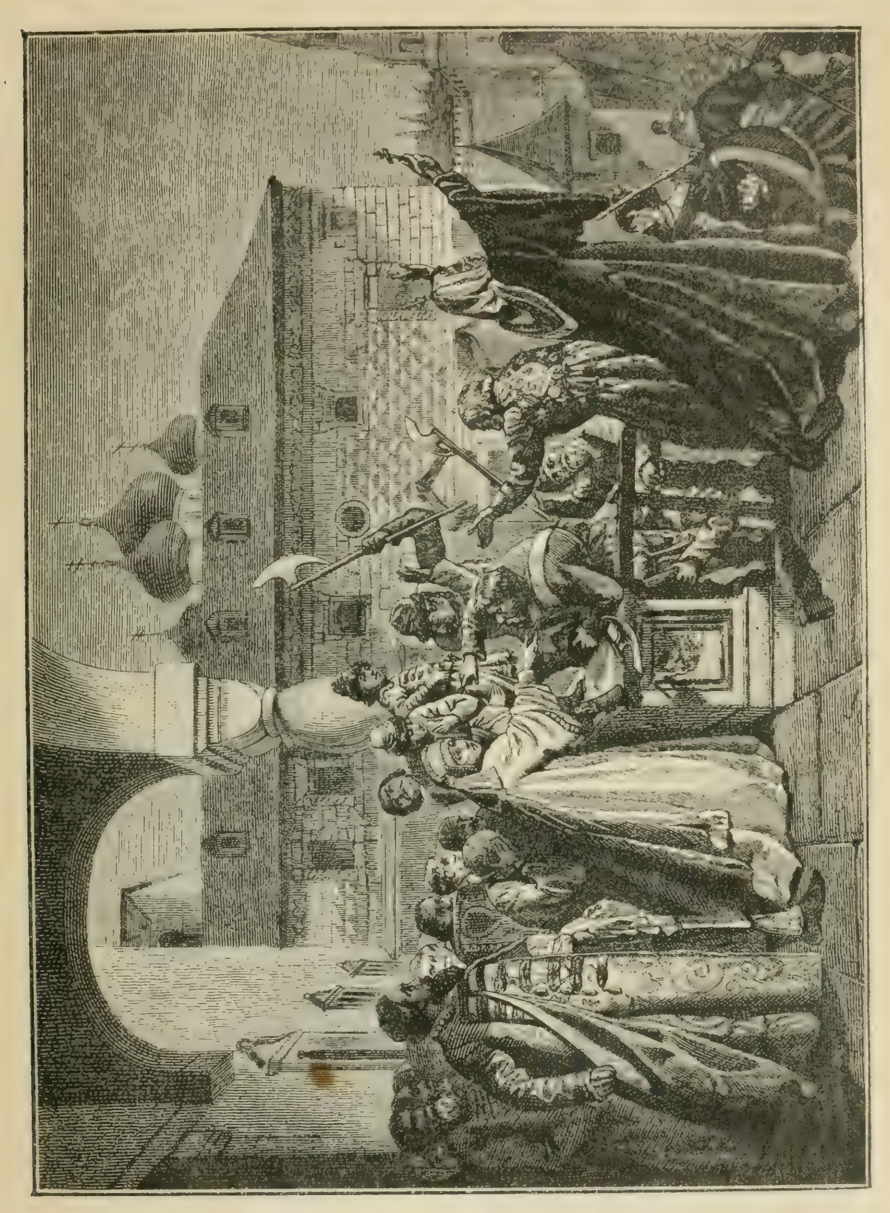
дурно обращаются съ старшимъ братомъ Петра, низложеннымъ царевичемъ, что одинъ изъ нихъ стремится захватить тронъ. Одинъ Нарышкинъ въ сопровожденіи вооруженной толпы былъ замѣченъ въ оскорбленіи жены одного *стрѣльца*,—то былъ переодѣтый агентъ Милославскихъ. Посланная Софьей, Өеодора Родимица, бѣгала по улицамъ, распространяя слухи въ военныхъ кварталахъ, сѣя ненавистническія рѣчи, деньги и обѣщанія. Ожидали прибытія Матвѣева; это былъ условный знакъ. Стрѣльцы, вымуштрованные, хорошо приняли стараго вождя и усыпили его бдительность; 6 мая 1682 года депутація, посланная отъ двадцати пяти полковъ, поднесла ему хлѣбъ-соль, «медъ на концѣ ножа», какъ говорилъ сынъ несчастнаго старика, уже осужденнаго, приговореннаго къ смерти. Четыре дня спустя, на разсвѣтѣ, ударили въ набатъ во всѣхъ кварталахъ, двадцать пять полковъ взялись за оружіе и Кремль былъ осажденъ. *Стрѣльцы* на этотъ разъ бросили разноцвѣтные кафтаны: они явились одѣтыми совершенно одинаково въ красныя рубахи, съ рукавами, засученными по-локоть, указывая этимъ на дѣло, за которымъ они поднялись такъ рано, уже не въ качествѣ солдатъ, а судей и палачей. Прежде чѣмъ отправиться въ дорогу они много пили, и пьяные сначала отъ водки, потомъ отъ крови, ужасно кричали и размахивали алебардами. Они повѣрили или притворились повѣрившими, что Иванъ и даже самъ Петръ убиты и требовали мщенія за ихъ смерть. Съ высоты Краснаго крыльца имъ показали царя и царевича цѣлыхъ и невредимыхъ; пытались ихъ успокоить; но они больше ничего не слышали, никого не узнавали. Они кричали еще сильнѣе: «смерть убійцамъ!»

Начальникъ ихъ *приказа*, старый Долгорукій поднялся на площадку, чтобы призвать ихъ къ порядку. Тотчасъ нѣсколько самыхъ смѣлыхъ буяновъ взобрались по лѣстницѣ, схватили старика и бросили его внизъ; другіе подставили свои копья: «любо! любо!» закричала толпа.

Избіеніе началось и продолжалось три дня.

Вызываемые одинъ за другимъ, потомъ преслѣдуемые внутри дворца, настигаемые въ сосѣднихъ домахъ, въ церквахъ, приближенные и родственники Наталіи, Матвѣевъ и Нарышкины раздѣлили участь Долгорукаго; нѣкоторые сначала были подвергнуты пыткамъ, ихъ волочили за волосы по площади, били кнутомъ, жгли каленымъ желѣзомъ и, наконецъ, приканчивали ударами алебардъ. Наталія отчаянно сопротивлялась, прежде чѣмъ выдать своего любимаго брата, Ивана. Наконецъ, онъ самъ

выдалъ себя, повинуясь мольбамъ старика князя Одоевскаго, отдавая свою голову за спасеніе тѣхъ изъ своихъ, кого согла-



Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году.

сились пощадить въ своей ярости *стрѣльцы*. Пріобщившись въ одной изъ Кремлевскихъ церквей, онъ вышелъ, держа въ ру-

кахъ изображеніе святого, какъ высшую защиту. У него вырвали *икону* и онъ исчезъ въ морѣ гнѣва и крови, продолжавшемъ биться о стѣны стараго дворца. Оно разлилось дальше, бушевало по городу, увлекая въ свой водоворотъ частныя жилища и общественныя зданія, сбиваясь съ пути въ розыскахъ предполагаемыхъ участниковъ воображаемаго преступленія, грабя и убивая всюду. Мятежники принялись даже за архивы, куда, впрочемъ, можно думать, ихъ вела политическая идея, желаніе придать ихъ безобразіямъ характеръ народнаго движенія. Полагаютъ, что они искали возможности уничтожить документы, относящіеся къ введенію крѣпостного права.

А Софья? Историки пытались снять съ нея отвѣтственность. Но это споръ противъ очевидности. Никогда еще не представлялось болѣе удобнаго случая подтвержденія истины: «тотъ сдѣлалъ, кому выгодно». Въ эти ужасные дни было много побѣжденныхъ, но единственнымъ побѣдителемъ является она. Она настолько прочно держитъ въ рукахъ движеніе, что останавливаетъ и пускаетъ его въ дѣйствіе, когда ей заблагоразсудится. Темная личность, Циклеръ, успѣвалъ нѣсколькими словами подѣйствовать на самыхъ ярыхъ; этотъ Циклеръ на другой день послѣ происшествія оказался въ кругу приближенныхъ къ царевнѣ. Въ то же время самые отвѣтственные посты достались ея вчерашнимъ друзьямъ, ея родственникамъ, Хованскому, Ивану Милославскому, Василію Голицыну. Это добыча. Она получила свое по праву. Хотя Петръ еще оставался номинально царемъ, но она захватила власть, будучи въ дѣйствительности, или лучше въ будущемъ, регентшей. Наконецъ, она заплатила тѣмъ, кто такъ хорошо послужилъ ей: *стрѣльцы* получили за трудъ по десяти рублей на душу, и, если имущество ихъ жертвъ не было раздѣлено между ними, какъ они желали, то было предложено дать имъ удовлетвореніе другимъ способомъ; это имущество было назначено въ продажу и за ними оставили преимущество при его покупкѣ. Имъ благоволили, потому что въ нихъ была еще нужда: 23 мая они опять появились подъ Кремлемъ и провозгласили участіе Ивана въ царствованіи. Раздѣленное такимъ образомъ его легче удержать въ опекѣ. Условились, что помогутъ патріархъ и нѣкоторые бояре; говорятъ о Фараонѣ и Іосифѣ, Аркадіи и Гоноріи, о Василіи и Константинѣ; забываютъ о Михаилѣ и Филаретѣ,—двоевластное управленіе которыхъ оставило такія тяжелыя воспоминанія; произвели подобіе избранія и былъ сооруженъ злосчастный тронъ на два сидѣнья.

Но этого мало; нужно еще, чтобы слабоумный идіотъ Иванъ получилъ первенствующій титулъ. Новое избраніе, новое подобіе избирательнаго собранія. На этотъ разъ Софья совершенно сбросила маску: когда Иванъ былъ провозглашенъ *первымъ царемъ*, выборщикамъ было устроено пиршество, и царевна чествовала ихъ. Ихъ руки были еще красны отъ крови, какъ ихъ рубахи, а она угощала ихъ виномъ. Они засвидѣтельствовали ей свою признательность, явившись снова 29 мая предложить ей титулъ *правительницы*.

III.

Итакъ, она на вершинѣ. Но она желала достигнуть ея цѣною столькихъ злодѣйствъ не иначе, какъ для того, чтобы наслаждаться радостями власти вмѣстѣ съ избранникомъ своего сердца и при его участіи. Всѣ ей послушны; но она желаетъ, чтобы онъ именно распоряжался. И истиннымъ властелиномъ Россіи въ теченіе семи лѣтъ, когда продолжалось ея регентство, былъ Василій Голицынъ.

Какъ и ея политическая честность, добродѣтели царевны тоже находили себѣ защитниковъ. Но влюбленная царевна сама позаботилась оставить намъ въ этомъ отношеніи документальныя данныя и довести дѣло до конца. Прошло пять лѣтъ; она царила въ Кремлѣ, а Голицынъ кончалъ въ Крыму злополучную войну, по поводу которой она была единственной думавшей, что онъ заслужилъ лавры. Онъ долженъ поскорѣе соединиться съ нею въ Москвѣ, и она ему пишетъ:

«*Батюшка*, моя надежда, мое все, да хранитъ тебя Господь на многія лѣта. Сегодняшній день безмѣрно для меня счастливъ, потому что Господь Богъ нашъ прославилъ черезъ тебя, мое все, имя свое и имя Богородицы. Никогда еще благодать Божія не проявлялась столь великолѣпно; никогда наши дѣды не получали такого великаго ея проявленія. Подобно тому, какъ Богъ помогъ Моисею вывести Израильтянъ изъ Египта, такъ онъ вывелъ насъ черезъ пустыню, помогая тебѣ. Слава ему, показавшему на тебѣ свое безконечное милосердіе. Что мнѣ сдѣлать, о, моя любовь, чтобы достойно вознаградить твои чрезвычайные труды, о, моя радость, о, счастье глазъ моихъ! Могу ли я хоть по крайней мѣрѣ думать, о, мое сердце, что я тебя скоро опять увижу, о, мой цѣлый свѣтъ! Для меня будетъ великій день, когда я опять увижу тебя возлѣ себя, о, моя душа! Если бы

было возможно, я желала бы, чтобы ты вернулся, какъ по волшебству, въ нѣсколько мгновеній. Благодаря Бога твои письма доходятъ благополучно; отчетъ о битвѣ при Перекопѣ пришелъ 11-го; въ этотъ день я отправилась на богомолье въ Воздвиженскій монастырь, совершая путь пѣшкомъ; когда я подходила къ Сергіевскому монастырю, меня догналъ твой гонецъ. Я не знаю даже уже, какъ я дошла до конца пути. Я читала въ дорогѣ. Какъ выразить благодареніе Богу, Пресвятой Богородицѣ, милосердію Святого Сергія чудотворца! Ты совѣтуешь мнѣ творить милостыню по монастырямъ: я все выполнила; во всѣ я ходила на богомолье, какъ и въ этотъ, пѣшкомъ. Медали еще не готовы; но не безпокойтесь; какъ только будутъ готовы, я вамъ ихъ пришлю. Ты совѣтуешь мнѣ молиться: я такъ и дѣлаю, а Господь, слышащій меня, также хорошо знаетъ, какъ долго я тебя не вижу, о, мой свѣтъ, о, моя душа! Я надѣюсь на его милосердіе; онъ поможетъ мнѣ скоро увидѣть тебя, о, вся моя надежда! Во всемъ, что касается арміи, ты можешь рѣшать по своему усмотрѣнію. Что же касается меня, то я здорова, твоими, конечно, молитвами. Мы всѣ совершенно здоровы. Когда Богъ сподобитъ меня увидѣть тебя, то я разскажу тебѣ все, о, мой свѣтъ; ты узнаешь о моемъ житьѣ, о дѣлахъ; но не медлите: выступайте; но тѣмъ не менѣе не утруждайтесь, вы можете утомиться. Какъ я могла бы васъ прежде всего вознаградить за все? Никто еще не сдѣлалъ того, что ты сдѣлалъ и ты могъ этого достичь только при такомъ стараніи». «Софья».

Хотя и не будучи составлено въ стилѣ героини m-lle Скюдери, письмо тѣмъ не менѣе довольно убѣдительно въ этомъ отношеніи. Если вѣрить въ этомъ Ла-Невиллю, Софья не затруднилась бы воздать своему герою награду, какой она считала его достойнымъ, если бы не одно препятствіе, которое портило всѣ планы награды. Это препятствіе называлось m-me Голицына. И, къ несчастью, герой отказывался сдѣлать все необходимое для его устраненія, исходя изъ чувства чести, кромѣ того, что онъ имѣлъ отъ нея большія средства и дѣтей, бывшихъ ему болѣе дорогими, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ имѣлъ отъ царевны, и которыхъ онъ любилъ, пока былъ счастливъ. «Тѣмъ не менѣе—продолжаетъ историкъ,—такъ какъ женщины изобрѣтательны, то она (Софья) такъ повела дѣло, что уговорила (Голицына) убѣдить свою жену сдѣлаться монахиней, расчитывая, что по православной религіи въ такомъ случаѣ мужъ по силѣ своего темперамента, не позволяющаго ему сохранять безбрачіе, получаетъ

разрѣшеніе вновь жениться. Когда эта добрая женщина развязала имъ руки, принцесса больше уже не колебалась въ исполненіи своихъ намѣреній».

Она не ожидала другого препятствія, которое вдругъ встало между нею и близкимъ осуществленіемъ ея завѣтныхъ желаній.

IV.

Среди ужасныхъ потрясеній, которыя въ нѣсколько пріемовъ начертали на его молодомъ челѣ тяжелую тайну Ивана Грознаго и наполнили его зрѣніе кровавыми видѣніями, сынъ Наталіи Нарышкиной игралъ, какъ это хорошо извѣстно, только роль безмолвной жертвы. Правда, что услужливыя басни представляютъ его удивляющимъ свѣтъ своимъ мужествомъ не по лѣтамъ, не боящимся убійцъ и заставляющимъ ихъ отступить подъ огнемъ и величіемъ своего взора. Въ то же время не менѣе раннее развитіе его генія оставляло далеко за собою подвиги Пика де-Мирандоль. Въ три года его представляютъ командующимъ полкомъ и представляющимъ рапорты отцу. Одиннадцати лѣтъ онъ подъ руководствомъ шотландца Мекезія прошелъ всѣ премудрости военнаго искусства и высказывалъ въ нѣкоторомъ отношеніи свои личные взгляды и новаторскія обобщенія. Я придаю большое значеніе разсказамъ, но не отказываюсь оспаривать ихъ въ силу исторической необходимости, когда они представляются мнѣ ошибочными. Здѣсь они ошибочны во всемъ рѣшительно. Физическій и умственный ростъ будущаго великаго человѣка представляется, наоборотъ, развивающимся довольно медленно. Этотъ колоссъ не безъ труда былъ поставленъ на ноги. Трехъ лѣтъ онъ былъ еще у кормилицы; одиннадцати лѣтъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Полководецъ на помочахъ и его полкъ *(Петровъ полкъ)*, о которомъ лучше настроенный историкъ обычно съ удовольствіемъ распространяется въ трудѣ, довольно впрочемъ любопытномъ,—лишь фикція и наивность. Болѣе того. Даже уже въ гораздо болѣе зрѣломъ возрастѣ Петръ никогда не представлялъ доказательствъ природной храбрости. Онъ былъ слишкомъ нервенъ для этого, слишкомъ легко возбудимъ. Его первые шаги въ свѣтѣ, которыми онъ поднялъ шумъ вокругъ своихъ дѣяній, не имѣли ничего геройскаго. Мужество, какъ и знаніе, явились у него поздно, и съ такимъ же усиліемъ воли, закаленной испытаніями. Эти страшныя испытанія, эти мученія, эти ужасы, которыми было напол-

нено его дѣтство, наложили съ другой стороны на его темпераментъ и его характеръ неизгладимую печать, выработавъ въ немъ силу воли при легкомъ напряженіи физическихъ и нравственныхъ силъ, подъ легкими ударами насилія, при свойственномъ всякому человѣку отступленіи передъ опасностью, особенно предоставленному самому себѣ. Конечно, воля взяла верхъ и естественно, что онъ предпочелъ покориться; но онъ все-таки остался самимъ собою. Понятно, что Петръ всю свою жизнь остался трусомъ; но поэтому же самому онъ остается вѣроломнымъ — но это вѣроломство не сознательное во всемъ и не расчитанное, какъ у Наполеона, а совершенно непосредственное, выходящее въ данный моментъ изъ повиновенія волѣ и разуму. Эта печать, впрочемъ, на которую я указалъ, этотъ признакъ вырожденія, онъ остается у него на всю жизнь, запечатлѣннымъ на тѣлѣ, муча болѣзненнымъ подергиваніемъ его повелительное и грубое лицо, придавая ему рѣзкое выраженіе. Говорили даже о попыткѣ отравленія, оставившей этотъ слѣдъ. Физическій ли ядъ или нравственный, но суть одна и та же. Тотъ, который влили въ жилы бѣднаго ребенка *стрѣльцы*, заставивъ его маленькими ногами скользить по крови его дядей, мнѣ кажется, болѣе сильнымъ.

Онъ былъ напуганъ, какъ былъ бы напуганъ всякій ребенокъ на его мѣстѣ; онъ, навѣрное, прятался въ юбки своей матери и онъ безъ сожалѣнія разъ на-всегда покинулъ мрачный дворецъ, населенный ужасными призраками. Ибо торжество Софьи осудило его еще на изгнаніе, его и всѣхъ его близкихъ, поставило его, если не внѣ закона, то по крайней мѣрѣ къ ихъ счастью внѣ обычнаго права. Ссылка для этого государя, который превратится въ столь необычайно безпокойнаго человѣка, это родъ убѣжища, какъ воздухъ для дыханія, оздоровляющій душу и тѣло: больше—это освобожденіе.

Онъ оказался въ выигрышѣ; онъ конечно являлся въ Кремль въ дни большихъ церемоній, чтобы возсѣдать на двойномъ тронѣ, экстренно заказанномъ въ Голландіи, который и теперь еще можно видѣть въ Московскомъ музеѣ; но это были лишь кратковременныя появленія; остальное время онъ былъ въ Преображенскомъ, свободный отъ какихъ бы то ни было заботъ, отъ всѣхъ требованій этикета власти—а большаго ему и не было нужно. Не нужно забывать, что онъ держался матерью въ относительно независимой средѣ. Съ самаго своего вступленія въ Кремль Наталія производила тамъ скандалы своими полу-англій-

скими выѣздами. Развѣ это не она рѣшалась поднять уголъ занавѣски, опущенной на стекла кареты! Петръ устранитъ вовсе эту занавѣску! Материнская наслѣдственность пріобщила его къ центру европейскаго просвѣщенія; а судьбѣ его было угодно, чтобы онъ держался въ сторонѣ отъ греко-латинско-польской школы, вліяніе которой было главенствующимъ до того въ Россіи. Представители этой школы съ Медвѣдевымъ во главѣ принадлежали къ партіи Софьи. Наставникъ Зотовъ, котораго ему дали и который съ нимъ занимался, долженъ былъ бѣжать и не былъ замѣщенъ. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ выбралъ себѣ другихъ по собственному усмотрѣнію, склоняясь безсознательно больше на сторону иностранцевъ. Онъ учился такимъ образомъ многому, не только вещамъ, относившимся къ военному дѣлу. Изъ него никогда не выйдетъ только солдатъ — вслѣдствіе слишкомъ практическаго ума, я бы охотно сказалъ слишкомъ буржуазнаго. Намъ представляютъ его отдавшимъ большую дань *Оружейной Палатѣ*, этому придворному складу оружія; но этотъ московскій арсеналъ XVII вѣка былъ военнымъ только по названію; это былъ родъ восточнаго базара; Петръ посылаетъ туда за часами, онъ забавляется разсматриваніемъ механизма, за садовыми инструментами, употребленіе которыхъ онъ проситъ ему показать.

Вѣдь такъ нравится преувеличивать значеніе дѣтской любознательности. Представимъ себѣ первое попавшееся дитя, хорошо одаренное, само собою разумѣется съ яснымъ умомъ; представимъ себѣ его совершенно лишеннаго систематическаго воспитанія и въ то же время совершенно свободнаго въ удовлетвореніи пытливости пробуждающагося ума, среди естественной работы его воображенія: ясно, что его инстинктивное стремленіе къ знанію обратится на массу предметовъ.

Петръ былъ *самоучка*, какъ писалъ однажды одинъ дипломатъ при его дворѣ въ примѣчаніи къ письму, адресованному къ Лейбницу. Отсюда не слѣдуетъ вовсе, что онъ былъ ученикъ съ раннимъ развитіемъ. Сохранились его тетради для занятій; въ шестнадцать лѣтъ его чистописаніе было слабо, его почеркъ дрожащій, и онъ научился только двумъ первымъ правиламъ ариѳметики. Его учитель, голландецъ Францъ Тиммерманъ, самъ едва могъ справиться съ умноженіемъ четырехзначныхъ чиселъ. Правда, что на подобныхъ урокахъ, ариѳметическія задачи чередовались съ задачами по начертательной геометріи.

Впрочемъ, еще одному случаю Петръ обязанъ тѣмъ, что довольно рано заинтересовался одною отраслью науки, мало предназначенною къ тому, чтобы занимать собою очень молодые умы. Въ 1686 году одинъ разговоръ случайно привлекъ его любопытство къ любопытному инструменту, вывезенному княземъ Яковомъ Долгорукимъ во время путешествія по иноземнымъ государствамъ. При помощи этого инструмента, говорили ему, можно измѣрять разстояніе, не сходя съ мѣста. Ничего подобнаго не было видано въ *Оружейной Палатѣ!* И называется *астролябіей*. Увы! Долгорукій вернулся съ пустыми руками: вещи этой не оказалось въ его домѣ; ее, безъ сомнѣнія, украли. По счастью, князь опять собирался отправиться въ страны, полныя диковинокъ; Софья и Голицынъ посылали его къ Людовику XIV съ порученіемъ просить помощи противъ турокъ. Христіанскій король оказалъ послу пріемъ, который можно было предвидѣть, но *астролябія* была куплена. Когда Петръ получилъ ее въ руки, то вначалѣ онъ былъ очень смущенъ: какъ ею пользоваться? Кто-то сказалъ о Тиммерманѣ, и голландецъ, строившій дома въ *Нѣмецкой слободѣ,* сдѣлался преподавателемъ математики въ Преображенскомъ. У Петра не было ни времени, ни желанія, ни средствъ при такомъ учителѣ подвинуться слишкомъ далеко въ этой отрасли знанія. Очевиднѣе и проще всего, что *астролябія* въ его рукахъ была лишь яснымъ доказательствомъ стремленія во все вникать, которое составляетъ основу всѣхъ дѣтскихъ натуръ. Безъ сомнѣнія, способъ, которымъ у него обнаружилось это общее стремленіе, выходилъ изъ ряда обычнаго на взглядъ большинства, указывая не только на характеръ, складывавшійся своеобразно и склонявшійся къ любознательности даже въ ребенкѣ, но также и на совершенно особенныя обстоятельства, подъ вліяніе которыхъ подпалъ его умъ. Его судьбѣ было угодно, чтобы въ средѣ, гдѣ онъ вращался, вещи, наиболѣе энергично привлекавшія его вниманіе въ поискахъ за своими свѣдѣніями, наиболѣе привлекательныя, наиболѣе *любопытныя*, были бы въ то же время наиболѣе научныя и полезныя; вещи изъ новаго міра, населеннаго чудесами, съ которымъ эта среда приходила въ соприкосновеніе.

Вопреки всѣмъ розсказнямъ, не вполнѣ достовѣрно, чтобы въ десять лѣтъ или даже въ шестнадцать, будущій реформаторъ могъ отдавать себѣ отчетъ, какую выгоду получитъ когда-нибудь Россія отъ управленія государемъ, изучившимъ на практикѣ *четырнадцать* ремеслъ. Цифра эта предвзята. Петръ ни-

когда не изучалъ четырнадцати ремеслъ; онъ дѣйствительно изучилъ на практикѣ нѣкоторыя, даже, напримѣръ, токарное или зубоврачебное, но безъ видимой пользы для кого или чего-либо. Разбрасываясь такимъ образомъ, онъ, какъ бы ни былъ великъ размахъ его безконечно разнообразныхъ способностей, подвергался риску остаться поверхностнымъ, и этого онъ не избѣжалъ. Позднѣе, научившись отъ равныхъ себѣ и обративши эти естественныя склонности къ обученію другихъ, онъ замѣтилъ, что говорить своимъ подданнымъ «дѣлайте то-то и то-то, проснитесь, научитесь»—ничего не стоитъ въ сравненіи съ могущественнымъ собственнымъ примѣромъ; тогда по принципу, но всегда также по влеченію, охотно, по вкусу и подъ давленіемъ... атмосферы, онъ продолжалъ самъ увлекаться, приниматься то за одно, то за другое, за все вмѣстѣ, случайное, за всѣ науки, за всѣ знанія, дѣлать всюду и вездѣ всякое дѣло своими руками. И это были все еще тѣ самые мотивы, которые толкнули его когда-то на единственную дорогу, на которой онъ могъ достичь совершенства, чтобы сдѣлаться хорошимъ практикомъ, если не мастеромъ, гдѣ въ то же время онъ находилъ себѣ неисчерпаемый источникъ удовольствій, не говоря уже о положительныхъ и постоянныхъ благодѣяніяхъ для себя и для своей страны.

Всѣмъ извѣстна исторія, прикрашенная и соотвѣтственно преувеличенная, о старомъ англійскомъ ботикѣ, найденномъ среди хлама въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ дядѣ молодого героя, Никитѣ Ивановичу Романову. Изобрѣтательная во всемъ легенда хочетъ, чтобы Петръ ребенкомъ долгое время чувствовалъ отвращеніе къ жидкой стихіи до того, что блѣднѣлъ и дрожалъ при видѣ ручейка. Можетъ быть это только символическое выраженіе естественной трудности для туземца, жителя обширнѣйшаго въ мірѣ материка, войти въ близость съ этою отдаленною стихіей, невиданной, неизвѣстной, почти недоступной. Петръ далъ Россіи флотъ раньше, чѣмъ далъ море; весь характеръ его дѣла со всею его стремительностью, ненормальностью и парадоксальностью, выясняется въ этомъ разсказѣ. Старая деревянная, наполовину сгнившая лодка, измайловскій ботикъ, привлекши вниманіе ребенка, будто бы побѣдила его страхи и рѣшила его морское призваніе.

Нѣтъ еще никакихъ данныхъ для объясненія присутствія этой лодки въ сосѣдней съ Москвою деревнѣ, на сушѣ среди ровныхъ полей.

Когда Петръ впослѣдствіи рѣшилъ устроить мастерскую для морскихъ построекъ въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ дальше, на Переяславскомъ озерѣ, то онъ шелъ тутъ только по намѣченнымъ слѣдамъ, обозначеннымъ еще до него; онъ создалъ эту удивительную вещь—флотъ безъ моря; но не онъ его придумалъ. Собственно говоря, какъ дальше будетъ видно, онъ ничего не придумалъ въ рядѣ своихъ многочисленныхъ преобразованій. Въ этомъ направленіи въ царствованіе царя Алексѣя уже дѣлались попытки; въ Дѣдиновѣ, на берегахъ рѣки Оки, была выстроена яхта *Орелъ*, при помощи приглашенныхъ для этого иностранныхъ плотниковъ. Штройсъ много распространяется объ этомъ въ своихъ *Путешествіяхъ*. Идея, еще смутная, носилась въ воздухѣ, но уже, несомнѣнно, все клонило къ ея осуществленію.

Какъ и *астролябія*, измайловскій ботикъ представился взорамъ Петра сначала, какъ какой-то таинственный предметъ.

Крестьяне иногда видѣли, что корабль плавалъ *противъ вѣтра*.

Еще чудо. Спустить его на воду на сосѣднемъ пруду было пустымъ дѣломъ. Но какъ же заставить его маневрировать? Тиммерманъ ничего не слыхивалъ объ этомъ. По счастью, плотники, тоже голландцы, работавшіе въ Дѣдиновѣ, не всѣ еще разошлись.

Нѣкоторые изъ нихъ жили въ *Слободѣ*. Такимъ образомъ у Петра явилось еще два учителя, два плотника Карштенъ-Брандтъ и Кортъ. Они посовѣтовали перенести ботикъ въ Переяславль. Тамъ была обширная водная поверхность. Петръ послѣдовалъ ихъ совѣту и съ жаромъ ухватился за ихъ науку.

Но въ сущности это была школа кустарная, которая годилась лишь на первое время. Онъ пріобрѣлъ тамъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній, но въ особенности привычки и наклонности, изъ которыхъ нѣкоторыя были плачевны.

Онъ пріобрѣлъ еще здоровье, силу; онъ упражнялъ мускулы, создалъ физическое здоровье исключительной крѣпости, помимо и несмотря на первые припадки—результатъ наслѣдственности; нравственный характеръ удивительно подвижной, благодаря тѣмъ же припадкамъ, сильный и предпріимчивый.

Онъ пріобрѣлъ себѣ также друзей, цѣлый небольшой народъ, собранный наудачу изъ многочисленной дворни, окружавшей его, при его постоянныхъ скитаніяхъ, изъ молодцовъ съ отцовской конюшни *(конюховъ)*, скакавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на неосѣдланныхъ мѣстныхъ лошадяхъ, и изъ уличныхъ ребятишекъ. Легко можно представить себѣ, что онъ игралъ съ ни-

ми въ солдаты; конечно, онъ ими предводительствовалъ. Такимъ образомъ онъ во главѣ полка, и изъ этой второй забавы родилась мысль о другомъ громадномъ созданіи—о русской арміи. Дѣйствительно, псевдо-морскія игры на Переяславскомъ озерѣ и псевдо-военныя игры на военномъ плацу Преображенскаго, эти двѣ отправныя точки привели къ двумъ конечнымъ пунктамъ: къ побѣдамъ на Балтикѣ и къ Полтавской битвѣ!

Но чтобы свести это къ дѣйствительности. чтобы объять такое огромное разстояніе, нужно было нѣчто иное, кромѣ одного промежутка между дѣтствомъ и зрѣлымъ возрастомъ, одного лица, даже самаго выдающагося, какого только можно себѣ представить; нѣчто другое, кромѣ развитія въ предѣлахъ человѣческой возможности единоличнаго генія; нужно было собраніе огромныхъ коллективныхъ силъ, соединившихся въ своемъ стремительномъ натискѣ, готовыхъ заранѣе, но остававшихся безъ движенія въ ожиданіи удобнаго часа, подходящаго человѣка, чтобы придти въ дѣйствіе, и, съ появленіемъ человѣка и наступленіемъ часа, подняться вдругъ, и сохранить при этомъ свои свойства постольку, поскольку онъ ими пользовался, продвигая въ свою очередь впередъ и его постольку, поскольку онъ ускорялъ ихъ дѣйствіе.

Человѣкъ былъ самъ лишь продуктъ этой скрытой энергіи, и потому онъ такъ и пришелся кстати, вышелъ изъ нихъ, воспитался съ ними и ими.

И не только армія и флотъ, но и новое общество подготовлялись тамъ, среди предпріятій и шумныхъ забавъ неудержимаго юноши. Скоро вся старая аристократія, вся старинная власть Москвы падетъ къ ногамъ этихъ дерзкихъ компаньоновъ, оторванныхъ отъ конюшенъ и кухонь, изъ которыхъ онъ надѣлаетъ графовъ и князей, министровъ и маршаловъ. Но и тутъ онъ лишь вновь завяжетъ порванную нить національныхъ традицій; онъ ничего не выдумаетъ новаго; онъ подражаетъ только предкамъ до-монгольскаго періода, начальникамъ *дружины* (шайка собутыльниковъ), работавшимъ наравнѣ съ своими *другами*, пившимъ съ ними, по окончаніи трудовъ, и отказывавшимися стать магометанами, ибо «Руси есть веселіе пити».

Петръ всегда будетъ хорошимъ товарищемъ и веселымъ собутыльникомъ; онъ надолго еще сохранитъ черты, на взглядъ нѣкоторыхъ непріятныя, этого компанейства, исходящаго изъ низшихъ слоевъ народа, и въ этомъ отношеніи онъ оставитъ кое что собственное, передѣланное имъ въ соціальномъ духѣ.

Народные обычаи эпохи, предшествовавшей его появленію, нашли уже своихъ страстныхъ поборниковъ. Восхваленіе должно было распространиться и на духовный обликъ великаго реформатора и это было бы рискованное предпріятіе. Непристойныя привычки, грубыя манеры, унизительные пороки, кабацкій духъ съ оттѣнкомъ цинизма, все, что тамъ было грубаго, все это Петръ усвоилъ на улицѣ, въ общественной жизни своей дореформенной страны. Онъ потерпѣлъ отъ того, что сохранилъ вкусъ съ нимъ, и еще болѣе отъ того, что желалъ, чтобы и народъ его сдѣлалъ то же.

V.

Царица Наталія, кажется, спохватилась слишкомъ поздно объ опасности, создавшейся для ея сына отъ такого рода знакомства. Она сама не имѣла другого, которое бы за неимѣніемъ лучшаго заняло его. Происхожденіе потѣшныхъ полковъ восходитъ по самымъ вѣрнымъ даннымъ къ 1682 году, чего вполнѣ достаточно, чтобы опровергнуть наконецъ утвержденіе, что они имѣли серьезный характеръ, какъ это думаютъ имъ придать: Петру было десять лѣтъ. Но въ 1687 году военныя игры юнаго царя начали принимать размѣры, обратившіе всеобщее вниманіе. Въ Преображенскомъ на берегахъ Яузы была выстроена крѣпостца, и на нее воздвигли пушку!

Спустя годъ, состоялось открытіе англійской шлюпки, и раздираемый съ этихъ поръ между водою и огнемъ, привлекаемый въ Переяславль, Петръ вышелъ изъ всякаго повиновенія. Разсказываютъ, что онъ рисковалъ жизнью въ этихъ упражненіяхъ, гдѣ несчастія бывали часты. Чтобы сразу положить этому конецъ, Наталія нашла средство, результатъ котораго казался ей вѣрнымъ. «Женится — перемѣнится» говоритъ русская пословица. Она нашла жену своему сыну. Онъ предоставилъ ей это дѣло.

Въ противоположность своему будущему противнику, суровому Карлу XII, онъ не чувствовалъ къ прекрасному полу ни равнодушія, ни ненависти. 28 января 1689 года онъ ввелъ во дворецъ Евдокію Лопухину, дочь одного знатнаго боярина.

Но онъ не оправдалъ пословицы. Спустя три мѣсяца, чета была уже разведена: онъ отправился на берегъ Переяславскаго озера, она начала первые шаги вдовства, которое должно было продолжаться всю ея жизнь. Плаваніе сдѣлалось для юнаго царя болѣе чѣмъ удовольствіемъ, — странною, исключительною страстью. Въ его душѣ проснулась неопредѣленная наслѣдствен-

ность, происходившая отъ отдаленныхъ варяговъ; онъ никогда не видѣлъ моря, и онъ только и бредилъ имъ; онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ его. И всюду онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ по традиціи: уже въ теченіе двухъ столѣтій всѣ войны, предпринятыя его предшественниками, имѣ-



Царица Евдокія.
Съ портрета гр. Воронцова-Дашкова.

ли въ виду эту цѣль: достичь моря, будь то на сѣверо-западѣ, отбросивъ Польшу или Швецію, будь то на югѣ, отодвинувъ Турцію.

Но онъ пуститъ для этого своихъ конюховъ; ему рисуются въ воображеніи уже стратегическіе планы, которые вовлекутъ въ битву и въ сраженіе морскія и сухопутныя силы, которыми онъ располагаетъ. А силы эти росли вмѣстѣ съ юношей, ростъ котораго становился уже гигантскимъ. Игрушка становилась уже почти оружіемъ.

Въ сентябрѣ 1688 года юный царь потребовалъ для своихъ военныхъ забавъ всѣхъ барабанщиковъ и всѣхъ дудочниковъ избраннаго *стрѣлецкаго* полка; въ ноябрѣ къ великому неудовольствію князя Василія Голицына онъ отобралъ у другого полка двѣ трети его состава и забралъ въ складѣ *конюшеннаго приказа* необходимыя принадлежности для своей потѣшной артиллеріи. Въ Преображенскомъ была учреждена настоящая канцелярія по набору и туда являлись записываться на эти должности не только конюхи и повара. Между новобранцами являлись представители самыхъ знатныхъ московскихъ фамилій—Бутурлинъ, Голицынъ.

Впрочемъ, присутствіе этихъ аристократовъ есть противорѣчіе, одна изъ тѣхъ неожиданныхъ ироній, которыми изобилуетъ исторія. Пока еще безсознательный работникъ великаго политическаго и общественнаго обновленія, не знающій самъ, куда онъ идетъ, если дѣло шло не объ удовольствіяхъ, Петръ сдѣлался, безъ сомнѣнія, орудіемъ партіи, которая преслѣдовала самыя различныя цѣли. Его труды немедленно примѣнялись въ пользу діаметрально противоположныхъ стремленій. Среди этихъ пришельцевъ, которые вдругъ подвинутъ будущаго реформатора къ требованію своихъ узурпированныхъ правъ, да именно въ ихъ рядахъ, соберется также когда-нибудь толпа наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ реформы. Но сейчасъ суть не въ реформѣ, дѣло шло совсѣмъ о другой вещи. Средства, которыми Милославскіе и Софья въ свою очередь пользовались, чтобы укрѣпить и завоевать свою власть, уничтоженіе мѣстничества, потомъ поднятіе народнаго возстанія, соединили въ себѣ ихъ цѣли съ цѣлями низшихъ классовъ. Пораженная въ своихъ правахъ, въ своихъ старинныхъ обычаяхъ, высшая знать, по крайней мѣрѣ та, которая наиболѣе упорствовала противъ идей прогресса, естественно также должна была группироваться сначала около Матвѣева и Наталіи, потомъ около Петра. Какъ бы то ни было—оружіе, съ которымъ Петру нравилось играть, въ намѣреніяхъ тѣхъ, кто теперь явился къ нему на помощь ковать желѣзо и оттачивать его, было предназначено для ускоренія торжества консервативныхъ противоевропейскихъ идей, противъ человѣка, наиболѣе близкаго къ Европѣ, котораго когда-либо знала Москва. «Долой Василія Голицына!»—вотъ ихъ воинственный кличъ. Преображенское попросту сдѣлалось естественнымъ центромъ собранія недовольныхъ всякаго происхожденія, между которыми реакціонеры, будучи самыми вліятельными, есте-

Петръ Великій на набережной.

КАРТИНА СѢРОВА. ПРІОБРѢТЕНА ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕЙ. ПЕЧАТАЕТСЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Худож. фототипія К. А. Ф

ственно заняли первое мѣсто. Пораженый самъ, обиженный и отстраненный переходнымъ режимомъ, конца котораго они съ нетерпѣніемъ ожидали, Петръ былъ предназначенъ быть ихъ главою, будущимъ, какъ они, по крайней мѣрѣ, надѣялись,— мстителемъ за общія обиды.

Но онъ объ этомъ не заботился. Онъ забавлялся. Онъ забавлялся на водахъ Переяславля тѣмъ, что заставлялъ плавать корабли, паруса которыхъ еще не надувалъ никакой реформаторскій вѣтеръ. Подъ прикрытіемъ его имени и при его содѣйствіи готовилась борьба между безмолвнымъ Кремлемъ и шумнымъ лагеремъ, гдѣ онъ проявлялъ юношескій пылъ; но въ этой партіи, гдѣ ставкою служила его судьба и судьба Россіи, единственная выгода, которую онъ получилъ бы и которой онъ добивался, состояла въ болѣе широкой аренѣ для примѣненія его ученическихъ фантазій. Пройдутъ еще годы, прежде чѣмъ онъ откроетъ свой истинный путь, беззаботный до самаго его нахожденія, и послушный своимъ случайнымъ проводникамъ. Въ день, назначенный ими, онъ отправится и приступомъ захватитъ власть, имъ же предоставитъ награды, достойныя побѣды.

Такимъ образомъ онъ вступаетъ въ исторію задомъ, повернувшись спиною къ своей судьбѣ и славѣ.

Поворотъ наступилъ въ іюнѣ 1689 года.

Троицкій монастырь.

I.

Оправдываемое, если не непосредственно мотивируемое молодымъ возрастомъ Петра, регентство Софьи въ 1689 могло продолжаться болѣе или менѣе законно еще лишь нѣсколько лѣтъ. Петру наступалъ только восемнадцатый годъ, а въ Россіи, подобно тому какъ во Франціи при Карлѣ V, не было закона, опредѣляющаго время наступленія совершеннолѣтія для государей. Нетерпѣніе и честолюбіе ускоряли шествіе времени. Но этого не было со стороны Петра. Нетерпѣніе и честолюбіе были ему такъ мало знакомы, что сами совершившіяся событія долгое время ничего не мѣняли въ его обычныхъ занятіяхъ. Начавшее собою женовластіе, какъ бы предназначенное не задолго до этого сдѣлать этотъ режимъ почти постояннымъ въ Россіи въ продолженіе почти цѣлаго вѣка,—отъ Екатерины I до Екатери-

ны II,—правленіе Софьи и ея соправителя, мнѣ кажется, не заслужило ни критики, ни восхваленій, одинаково исключительнымъ предметомъ которыхъ оно служило. Ни Вольтеръ съ Невиллемъ, дѣлающій изъ царевны чуть не Лукрецію Борджіа, ни Карамзинъ съ Левекомъ и Кономъ, провозглашающіе ее «чуть ли не одною изъ величайшихъ женщинъ, бывшихъ когда-нибудь на міровой сценѣ»,—на нашъ взглядъ несправедливы по отношенію къ ней. Мюллеръ въ своей критикѣ очерковъ Вольтера, и среди прежнихъ русскихъ историковъ Болдинъ въ своихъ *Замѣчаніяхъ* на исторію Леклерка и особенно Эминъ, а между современными Аристовъ, пытались, но не вполнѣ успѣшно, согласовать эти противорѣчивыя утвержденія. Мнѣ представляется, что это въ общемъ было управленіе еще вполнѣ византійскаго склада. Придворныя интриги, борьба партій, бунты преторіанцевъ, богословскіе споры изъ-за того, сколькими пальцами слѣдуетъ креститься на молитвѣ, сколько разъ слѣдуетъ произносить *аллилуіа*, и не должна ли Троица быть въ четырехъ лицахъ, съ отдѣльнымъ трономъ для Спасителя міра, — все это тамъ было. Однако, являлись примѣшанными туда и другіе элементы, которые поднимали уровень: продолженіе экономическаго обновленія, начатаго уже въ царствованіе Алексѣя, и начало умственнаго обновленія.

Голицынъ основывалъ дома въ Москвѣ, а Софья писала пьесы для театра; она заставляла ихъ играть въ Кремлѣ; нѣкоторые утверждаютъ, что она даже сама играла въ нихъ. Въ политикѣ регентства, какъ внутренней, такъ и внѣшней не было недостатка ни въ энеріи, ни въ искусствѣ.

Оно рѣшительно поразило зачинщиковъ религіозныхъ споровъ, послѣдовавшихъ за мятежными раскольниками, и явившимися во дворецъ, какъ явились туда *стрѣльцы*, чтобы отыскать патріарха и вступить съ нимъ въ споръ. Никита, начальникъ *раскольниковъ*, былъ наказанъ.

Оно энергично принялось за водвореніе порядка, а такъ какъ стрѣльцы присвоили себѣ привилегію его нарушать, то оно не побоялось преслѣловать даже вплоть до этихъ союзниковъ старины.

Оно обратилось къ народу противъ мятежнаго войска; угрожаемое въ Кремлѣ, оно перенесло оттуда тронъ и поставило его подъ покровительство святыни. Въ октябрѣ 1682 года Софья и Голицынъ искали убѣжища въ *Троицкомъ* монастырѣ.

Традиціонное убѣжище царствующаго дома въ дни несчастія, «Троица», въ 10 лье отъ Москвы, сохраняла въ эту эпоху

общій характеръ большихъ русскихъ *обителей*: маленькіе укрѣпленные города съ монашескимъ населеніемъ изъ послушниковъ и слугъ, которое считалось тысячами, съ церквами, считавшимися дюжинами, а также съ фабриками, мастерскими и разными службами. Здѣсь спасался Борисъ Годудновъ, и тамъ до сихъ поръ еще съ гордостью показываютъ слѣды польскихъ бомбъ, которые-де означаютъ ихъ безсиліе въ борьбѣ со святымъ мѣстомъ. Петръ въ свою очередь явился туда неожиданно просить помощи и покровительства.

Призывъ временнаго правительства былъ услышанъ и ему была дана армія. Завлеченный въ западню въ Воздвиженскомъ на полдорогѣ между Москвой и *Троицей*, Хованскій, теперь враждебный вождь *стрѣльцовъ*, сложилъ тамъ свою голову.

Его сына постигла та же участь. Обезглавленный вмѣстѣ съ ними мятежъ сложилъ оружіе.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Голицынъ показалъ себя, по крайней мѣрѣ въ области дипломатической, вѣрнымъ и счастливымъ представителемъ старинной политики территоріальнаго расширенія, которое постепенно все отодвигало къ югу и западу границы Московіи. Искусно воспользовавшись въ своихъ видахъ затрудненіями, въ которыя, несмотря на побѣды Собѣсскаго, поставила поляковъ продолжительная война съ Турціей, онъ отнялъ у нихъ Кіевъ. Въ іюнѣ 1685 года новый митрополитъ, назначенный въ древнюю столицу, согласился получить посвященія отъ московскаго патріарха: это былъ рѣшительный шагъ на пути, который долженъ былъ привести къ занятію малороссійскихъ земель и къ раздѣлу республики.

Эти успѣхи были къ несчастью испорчены злополучнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, самое происхожденіе которыхъ лежало въ могуществѣ, заключавшемся въ регентствѣ. Усмиряя сторонниковъ безпорядка и анархіи, Софья и Голицынъ обратились противъ ихъ виновниковъ. Среди ошибокъ, которыя они совершили съ своей стороны, и злобы, которую они вызвали съ другой, ихъ политика встрѣчала пустоту. Скоро она уже толковалась, какъ бѣдствіе. Со слѣдующаго года она уже нуждалась въ помощи. Оскорбленные и недовольные бояре, казалось, подняли голову; на Лубянской площади, обширнѣйшей въ столицѣ, собралась толпа. Здѣсь было поднято безымянное письмо; оно приглашало народъ идти толпою въ Казанскій Соборъ, гдѣ за иконой Богородицы спрятана другая бумага, которая укажетъ, что надо дѣлать. Отправились туда и нашли памфлетъ противъ

Софьи и призывъ къ народу убить бояръ, которые поддерживали царевну. Памфлетъ былъ комедіей и имѣлъ своимъ авторомъ Шакловитаго, новаго совѣтника, допущеннаго къ себѣ Софьей, представителя старой Московіи, въ наиболѣе чистомъ византійскомъ духѣ, жестокаго и скрытнаго интригана. Царевна представилась запуганной, а честной народъ приглашался для того, чтобы освободить ее отъ враговъ.

Наконецъ и во внѣшнихъ дѣлахъ удача отвернулась. Обѣщавши Польшѣ въ обмѣнъ за Кіевъ помощь московскимъ войскомъ противъ турокъ, регентъ два раза отправлялся въ Крымъ. Это тоже была проторенная дорожка. Крымскіе татары составляли преграду между Москвою и Константинополемъ, которую Россія стремилась опрокинуть уже въ теченіе цѣлаго вѣка. Но Голицынъ вовсе не былъ великимъ полководцемъ; при всякомъ походѣ онъ хоронилъ въ степяхъ армію, огромныя средства и то, что еще у него оставалось отъ славнаго имени. Отправляясь во второй походъ, онъ нашелъ передъ дверями своего дворца гробъ съ слѣдующей надписью: «постарайся быть счастливѣе». Когда онъ возвратился въ Москву въ іюнѣ 1689 года, его возвращеніе было встрѣчено ужасными криками, свистомъ и угрозами смерти.

Его обвиняли публично, что онъ далъ себя подкупить. Даже видѣли, какъ проносили въ его палатку боченки, наполненные французскими луидорами. Преображенскій лагерь день ото дня увеличивался притокомъ новыхъ силъ; Софья видѣла, что и вокругъ нея растутъ ряды его сторонниковъ. Она мужественно держала голову противъ бури. Ея честолюбіе и ея любовь были, повидимому, въ апогеѣ. Ей удалось по поводу заключенія мира съ Польшею заставить провозгласить себя *самодержицею* на ряду съ братьями.

Отнынѣ этотъ титулъ фигурировалъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ, а въ общественныхъ церемоніяхъ царевна занимала мѣсто рядомъ съ братьями, или скорѣе со старшимъ, ибо Петръ не показывался тамъ вовсе. Она приказала выгравировать въ Голландіи свой портретъ съ шапкой Мономаха на головѣ. Въ то время и именно благодаря тому, что, если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, она создала отсутствующему Голицыну тайнаго соперника въ лицѣ Шакловитаго, она съ возрастающимъ жаромъ преслѣдовала крайнюю цѣль своихъ первыхъ стремленій: свое замужество съ регентомъ и занятіе трона совмѣстно съ нимъ. Чтобы достичь этого, она выработала очень

сложный планъ, въ который долженъ былъ вмѣшаться самъ папа. Надо женить Ивана, а женѣ его дать любовника, чтобы у него были дѣти; такимъ образомъ Петръ былъ бы оттѣсненъ въ сторону; съ нимъ можно бы сговориться, чтобы онъ покончилъ съ собою; потомъ, употребивъ въ качествѣ приманки отвергнутое во всякомъ случаѣ предложенное сліяніе православной церкви съ Римомъ, можно было бы предложить папѣ провозгласить незаконность дѣтей Ивана, а разъ мѣсто очищено, Софьѣ и Голицыну ничего не оставалось бы, какъ занять его. Въ ожиданіи же царевна хотѣла наградить за смѣлость. Въ то время какъ Шакловитый, низведенный съ возвращеніемъ регента на роль подчиненнаго придворнаго и полицейскаго, преслѣдовалъ рѣдкихъ сторонниковъ Петра, осмѣливавшихся снять маску, и чинилъ имъ тайные допросы въ отдаленныхъ лѣсныхъ углахъ въ окрестностяхъ Москвы, она бросила вызовъ общественному мнѣнію, рѣшивши раздать награды военнымъ соратникамъ Голицына, котораго она рѣшила провозгласить побѣдителемъ. Настроенный окружающими, Петръ отказалъ въ своемъ согласіи. Она обошлась безъ него: это уже былъ открытый конфликтъ. Генералы и офицеры, одаренные почестями и пенсіями, отправились въ Преображенское, чтобы поблагодарить царя; онъ отказался ихъ принять: это уже былъ разрывъ.

II.

Наступила историческая ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года; свѣтлая лѣтняя ночь, которую, къ несчастью, омрачили противорѣчія исторіи и легенды. Вотъ что только кажется наиболѣе ясно. Петръ былъ внезапно разбуженъ бѣглецами, вырвавшимися изъ Кремля, которые явились предупредить его, что царевна собрала вооруженную силу, чтобы настичь его въ Преображенскомъ и умертвить. Нѣтъ ничего менѣе убѣдительнаго, чѣмъ осуществимость этой попытки, нѣтъ ничего менѣе вѣроятнаго. Документы, собранные наиболѣе освѣдомленнымъ изъ русскихъ историковъ, Устряловымъ—напротивъ ясно и очевидно доказываютъ, что Софья не думала и не могла думать въ этотъ моментъ о нападеніи на Преображенскій лагерь. Она знала, что онъ хорошо охраняется, держится на военную ногу, на-сторожѣ отъ всякихъ неожиданностей. Скорѣе она боялась или притворялась боящеюся наступательнаго движенія со стороны «*потѣшныхъ полковъ*», очень вымуштрованныхъ, очень пылкихъ, жаждавшихъ помѣряться съ кѣмъ-нибудь силою. Мы знаемъ,

что ея привычкою было представлять себѣ ужасы, чтобы поддерживать въ *стрѣльцахъ* и въ населеніи Москвы желаніе ее защитить. Она такъ мало была расположена дѣйствовать, что она до утра не знала о предупрежденіи, переданномъ ночью брату, и объ его послѣдствіяхъ. Уже давно Преображенское и Кремль были такимъ образомъ взаимно на-сторожѣ, опасаясь, подозрѣвая и обвиняя другъ друга въ воображаемыхъ покушеніяхъ. За мѣсяцъ передъ тѣмъ, посѣщая Петра въ его «лагерѣ», по случаю освященія водъ Яузы, Софья явилась въ сопровожденіи трехъ сотенъ *стрѣльцовъ;* нѣсколько дней спустя, когда Петръ явился въ Кремль, чтобы поздравить съ праздникомъ свою тетку Анну, Шакловитый поставилъ пятьсотъ вѣрныхъ человѣкъ у *Краснаго крыльца* на случай всякаго происшествія.

Въ эту роковую ночь въ Кремлѣ была собрана вооруженная сила. Съ какою цѣлью? Впослѣдствіи Софья утверждала, что для того, чтобы утромъ сопровождать ее на богомолье. Въ рядахъ этихъ солдатъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу царевны, нашлись *пять*, позволившихъ произнесть угрозы по адресу Петра и его матери. Двое другихъ, имена которыхъ сохранились потомству, Мельковъ и Ладогинъ, нашли удобный случай бѣжать, отправиться въ лагерь Преображенскаго и явиться тамъ спасителями, въ качествѣ предупредителей. Нѣкоторые историки видятъ въ нихъ провокаторовъ, дѣйствовавшихъ по приказу, исходившему отъ партіи, которая толкала Петра къ выступленію. Можетъ быть. Вернемся къ результату, который установленъ.

Петръ началъ съ бѣгства; не позаботившись провѣрить наличность опасности, которая ему угрожала, онъ вскочилъ съ постели, бросился прямо на конюшню въ рубашкѣ, на босу ногу, вскочилъ верхомъ на лошадь и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣкоторые *конюхи* скоро присоединились къ нему и привезли ему одежды. За ними послѣдовали еще въ небольшомъ количествѣ офицеры, солдаты. Теперь, когда онъ увидѣлъ себя окруженнымъ хотя бы достаточной охраной, онъ, не давши себѣ времени предупредить мать, жену, другихъ своихъ друзей, пришпорилъ лошадь и во всю прыть помчался по направленію къ *Троицѣ.* Онъ прибылъ туда въ шесть часовъ утра, разбитый тѣломъ и душей. Ему постлали постель; но онъ неспособенъ былъ заснуть; онъ залился слезами, громко рыдалъ, метался въ страхѣ, двадцать разъ принимаясь спрашивать архимандрита Винцента, можетъ ли онъ считать его своимъ покровителемъ. Этотъ мо-

нахъ уже давно былъ его преданнымъ сторонникомъ, и даже его заимодавцемъ въ критическіе моменты, когда мелочная разсчетливость Софьи вынуждала Петра обращаться къ нему. Его рѣшительныя и твердыя слова увѣрили, наконецъ, молодого царя. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ регента, Бутурлинъ и другіе крупные начальники изъ Преображенскаго постарались присоединиться къ бѣглецамъ въ *Троицѣ.*

Происходившее, а равно и все предыдущее, кажется, съ очевидностью доказываютъ, съ одной стороны, что окружающіе Петра приняли широкія мѣры противъ возгорѣвшейся теперь борьбы, и съ другой, что онъ самъ неспособенъ былъ фигурировать въ роли личнаго иниціатора и направителя. Онъ отдался на волю своихъ друзей и особенно заботился о своемъ Переяславскомъ озерѣ и о плававшихъ на немъ корабляхъ, которые онъ намѣренъ былъ перестроить на свой ладъ. Пока онъ оставилъ ихъ господами положенія, созданнаго ими же.

Къ концу дня монастырь наполнился; царицы Наталія и Евдокія, *Потѣшные,* стрѣльцы Сухаревскаго полка, уже давно бывшіе сторонниками молодого царя, являлись одни за другими. Чтобы такъ скоро найти свое мѣсто, всѣ должны были быть заранѣе предувѣдомлены, гдѣ искать его. Никакого слѣда неожиданности въ мѣропріятіяхъ, отвѣтственность за которыя тотчасъ принялъ Борисъ Голицынъ. Казалось, что все предпринималось и складывалось по намѣченному плану, и даже самое внезапное бѣгство царя является предусмотрѣннымъ событіемъ (можетъ быть даже послѣдовательно подготовленнымъ), какъ сигналъ передъ открытіемъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію въ непріятельскому лагерею. Что касается самого предмета вражды, то онъ подразумѣвался. Кажется безполезно объ этомъ говорить. Если нужно драться, то будутъ драться, чтобы рѣшить, кому быть хозяиномъ.

III.

Сначала вступили въ переговоры; Петръ написалъ Софьѣ, требуя у нея отвѣта о ночномъ вооруженіи въ Кремлѣ, а царевна послала уклончивый отвѣтъ. Съ той и другой стороны старались выиграть время; одинъ важный факторъ оставался въ сторонѣ отъ возгорѣвшейся борьбы: мѣстная и иностранная армія, большинство стрѣльцовъ и полки Гордона и Лефорта, которые еще не трогались. Дѣло шло о томъ, чтобы узнать, кому удастся привлечь ихъ на свою сторону. 16 августа

Петръ предпринялъ первые шаги: царская *грамота* сзывала на ближайшіе дни охотниковъ изъ всѣхъ этихъ войскъ, по десять человѣкъ отъ полка. Суровая отповѣдь Софьи; ея посланные, разставленные въ удобныхъ мѣстахъ, арестовываютъ гонцовъ царя, въ то время какъ другая грамота, подписанная правительницей, запрещаетъ солдатамъ и ихъ начальникамъ оставлять свои кварталы. Ослушникамъ—смертная казнь. Сначала мѣра казалась дѣйствительною: вызванные охотники не откликнулись на призывъ; прошелъ слухъ, что грамота Петра была подложная. Однако понемногу, незамѣтно, кварталы пустѣютъ, въ то же самое время въ *Троицѣ* увеличивается притокъ солдатъ и офицеровъ всякаго рода оружія; даже среди стоящихъ близко къ царицѣ показываются симптомы разложенія. Василій Голицынъ, самъ первый даетъ этому примѣръ. Полагаютъ, что онъ думалъ неожиданно отправиться въ Польшу, чтобы вернуться оттуда съ арміей изъ поляковъ, татаръ и казаковъ, и такимъ образомъ стать лицомъ къ лицу съ событіями. Софья отговорила его отъ этого проекта, разлучавшаго ее съ любовникомъ. Въ такомъ случаѣ онъ предоставляетъ ее своей судьбѣ, а себя—своей, удаляясь въ свой деревенскій домъ въ Медвѣдковѣ, въ трехъ лье отъ Москвы, предпочитая ни во что не вмѣшиваться. Иностраннымъ офицерамъ, являвшимся за полученіемъ его приказаній, онъ отвѣчалъ уклончиво. Это послужило сигналомъ непосредственнаго отпаденія.

Но сама правительница не давала еще брату выиграть дѣло. Она знала, чего ей надо ожидать отъ него. Уже вожаки поднявшихся *раскольниковъ*, наполнивши Кремль, кричали: «пора вамъ отправиться по дорожкѣ въ монастырь». Она предпочла бы лучше смерть! Она шлетъ въ *Троицу* гонцовъ съ предложеніемъ мира; она посылаетъ туда патріарха. Святой парламентеръ считаетъ за лучшее засвидѣтельствовать свои собственныя мирныя намѣренія и является о бокъ съ царемъ при торжественномъ пріемѣ перебѣжчиковъ изъ солдатъ и офицеровъ, число которыхъ ростетъ съ каждымъ днемъ. Она рѣшается рискнуть всѣмъ и отправляется сама. На полдорогѣ, въ селѣ Воздвиженскомъ, бывшемъ семь лѣтъ раньше убѣжищемъ, въ которомъ пала голова Хованскаго, ее арестовалъ Бутурлинъ. Ей запрещено идти дальше. А вооруженная сила, слѣдующая за бояриномъ, готовитъ свои мушкеты. Она забила отбой, но еще храбро держалась, обѣщая милости *стрѣльцамъ*, большое число которыхъ, сдерживаемое запутанностью происшествій, боязнью возмездія,

надеждою на новую поживу, оставалось еще вѣрными ей. Они давали слово умереть за нее, но, всегда колеблющіеся, недисциплинированные, явились 6 сентября передъ Кремлемъ, вызывая Шакловитаго, повѣреннаго, правую руку и временнаго любовника царевны, чтобы выдать его Петру. Они предполагали сдѣлать изъ него козла отпущенія, очистительную жертву, выдача которой утишитъ гнѣвъ царя и установитъ общій миръ. Послѣ прекраснаго сопротивленія, она кончила тѣмъ, что уступила, и съ этого момента ей стало ясно, что она не можетъ положиться ни на что и ни на кого.

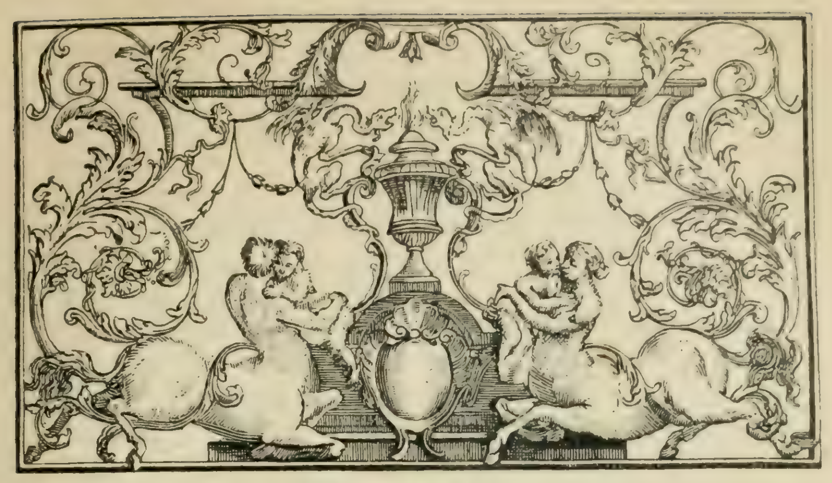
Шакловитый въ рукахъ Петра ужасное оружіе. Подвергнутый допросу, онъ подъ ударами кнута выложилъ всѣ свѣдѣнія, желаемыя слѣдствію, которое повели противъ Софьи и ея приверженцевъ сторонники Петра. Эхо этихъ открытій извлекло даже самого Василія Голицына изъ его убѣжища и привело его въ Троицу, покорнаго и раскаявшагося. Это уже былъ конецъ. Петръ отказался его видѣть; но, благодаря вмѣшательству Бориса, онъ согласился не быть черезчуръ строгимъ. Экс-регента сослали въ Каргополь, по дорогѣ въ Архангельскъ, потомъ въ Яренскъ, далѣе на сѣверъ; его село было отобрано, все его имущество конфисковано, а ему назначенъ одинъ рубль въ день на прожитіе съ семьей, состоящей изъ пяти лицъ. Его продержали тамъ до 1715 года. Но полумилосердіе царя такъ и остановилось на этомъ. Шакловитый и его сообщники, истинные или предполагаемые, осуждены на смерть. Заключенный сначала въ монастырь, послѣ жесточайшихъ пытокъ Медвѣдевъ кончилъ тою же участью. Эшафотъ уравниваетъ всѣхъ.

Для Софьи, какъ она и предвидѣла, назначенъ монастырь, съ нѣкоторыми мѣрами предосторожности, которыя увеличивали строгость заключенія. Петръ сначала обошелся правильно съ братомъ. Въ письмѣ, тщательно составленномъ, онъ объявляетъ ему о козняхъ ихъ сестры, но защищается противъ обвиненія въ желаніи отнять права своего старшаго брата при возстановленіи нарушенныхъ ею правъ. Напротивъ, онъ говорилъ, что намѣренъ уважать прерогативы его титула. Онъ будетъ его любить и уважать всегда, какъ отца. Однако, онъ отказался принять его мнѣніе въ томъ, что касалось обращенія съ узурпаторшей. Гонецъ, товарищъ первыхъ дней, Иванъ Троекуровъ, получилъ порученіе прямо предложить царевнѣ сдѣлать выборъ монастыря на жительство. Послѣ нѣкотораго колебанія, она подчинилась и назначила недавно основанный монастырь св. Дѣвы

(*Ново-Дѣвичій*) по близости Москвы. Новый режимъ былъ установленъ.

Но это еще переходный режимъ. Между Иваномъ, который молча принималъ совершившіеся факты, и продолжалъ считаться только принадлежностью церемоніаловъ, и Петромъ, который, тотчасъ по минованіи кризиса, скрылся за спинами тѣхъ, кто ему помогъ столь побѣдоносно справиться съ нимъ, и обратился опять къ своимъ развлеченіямъ, власть отошла къ истиннымъ хозяевамъ момента. Борисъ Голицынъ, московитъ стариннаго уклада, живая противоположность двоюродному брату Василію, сначала имѣлъ наибольшее вліяніе; потомъ, когда онъ былъ скомпрометированъ помощью, оказанною виновному родственнику, и вызвалъ гнѣвъ Нарышкиныхъ, остались сами Нарышкины и другіе родственники царицы-матери.

Часъ будущаго великаго человѣка еще не пробилъ. Серьезная борьба, въ которую онъ былъ вовлеченъ неожиданно, не вывела его еще изъ юношескаго состоянія съ его потѣшными войсками и игрушечными сраженіями. Тѣмъ не менѣе эта борьба не оставила даже внѣшняго непосредственнаго результата на дальнѣйшей судьбѣ Петра, ни значительнаго вліянія на развитіе его характера и привычекъ. Юный царь предоставилъ дѣла своимъ товарищамъ по возстанію, но онъ скоро нашелъ другихъ, еще новичковъ, которые заняли въ его сердцѣ мѣсто послѣднихъ и были призваны, если не дѣлать вмѣстѣ съ нимъ исторію великаго царствованія, то, по крайней мѣрѣ, указать ему дорогу, которая поведетъ его и направитъ его шаги.



Человѣкъ.

Физическій портретъ.—Черты характара.

I.

Тотъ, кого англійскій портретистъ, Готфридъ Кнеллеръ изобразилъ въ 1698 году въ Лондонѣ—былъ прекрасный молодой человѣкъ: пріятное лицо героя, тонкія, правильныя черты, благородное и гордое выраженіе, освѣщенное умомъ и добротою очень открытыхъ глазъ и сложенныхъ въ улыбку довольно рѣзкихъ губъ. Натуральная примѣта, скромно спрятавшаяся на правой щекѣ—бородавка, по описанію примѣтъ посланнаго въ Саардамъ—придаетъ вѣроятность творчеству художника. Однако это свидѣтельство очень противорѣчиво. Не говоря уже объ ужасной фигурѣ государя, которая безобразитъ галлерею Зимняго Дворца въ Петербургѣ, Леруа и Каравакъ гораздо менѣе польстили, какъ и Даннгауэръ и даже Карлъ де-Мооръ, которому Петръ самъ былъ хорошо извѣстенъ, пославши портретъ изъ Гааги въ Парижъ въ 1717 году, чтобы предоставить для воспроизведенія его на фабрикѣ гобеленовъ. Портреты, написанные на мѣстѣ, въ ту же эпоху, Наттье и Риго, меньше ему польстили. Немного игривые, они, конечно, не передали ничего изъ грубой силы оригинала, которую Мооръ помѣстилъ на первое мѣсто, но въ какихъ густыхъ краскахъ! Между Кнеллеромъ и Мооромъ, правда, прошло надъ этой фигурой двадцать лѣтъ жизни, и какой жизни! Но Ноокенъ видѣлъ великаго человѣка раньше Кнеллера, и въ его журналѣ я нахожу слѣдующій, очевидно, наскоро набросанный силуэтъ: «Большой и сильный, обычнаго сло-

женія, проворный, живой и ловкій во всѣхъ движеніяхъ, съ круглымъ лицомъ, немного жестокимъ выраженіемъ, чернобровый, а также съ короткими и стриженными волосами... Ходитъ длинными шагами, размахивая руками и держа въ рукѣ рукоятку новаго топора» [1]). Вотъ и исчезъ герой. Еще я прочелъ въ томъ же мѣстѣ: «Въ его фигурѣ, въ его выраженіи, даже въ его манерахъ нѣтъ ничего, что бы изображало или указывало въ немъ принца». И это вышло изъ-подъ руки кардинала Коллоница, примаса Венгріи, который находился въ Вѣнѣ при проѣздѣ царя въ 1698 году, и былъ скорѣе благожелательнымъ свидѣтелемъ. Извѣстенъ портретъ Сэнъ-Симона; я склонялъ придать ему существенное значеніе, ибо современные документы, которые я могъ собрать, согласны съ нимъ въ основныхъ пунктахъ. Вотъ двѣ версіи въ дѣлахъ Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ во время пребыванія царя въ Парижѣ. Подъ 1717 годомъ значится:

«Онъ имѣлъ довольно красивыя черты лица; онѣ казались даже пріятными и, глядя на него, совсѣмъ нельзя было подумать, что онъ не разъ въ состояніи былъ снимать головы тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыми онъ былъ недоволенъ. Это былъ очень интересный государь, когда онъ не былъ не въ духѣ; онъ ходилъ, сгорбившись, гораздо хуже голландскаго матроса, походкѣ котораго онъ, казалось, подражалъ. У него были большіе глаза, красиво поставленные ротъ и носъ, пріятный, хотя нѣсколько блѣдный, видъ, волосы каштановаго цвѣта и довольно короткіе. Онъ сильно гримасничалъ. Одно движеніе, которое было свойственно ему,—это взглядъ на свое плечо, стараясь при этомъ наклонить голову надъ плечомъ, и поднять и вытянуть назадъ одну ногу. Иногда онъ поворачивалъ голову, какъ будто онъ хотѣлъ взглянуть сверху посрединѣ своего плеча. Лица, бывшія около него, предполагаютъ, что онъ былъ поражаемъ такого рода судорогами, когда онъ усиленно думалъ о чемъ-нибудь».

И еще: «Царь очень высокаго роста, немного сутуловатый, съ головой обыкновенно наклоненной. Онъ брюнетъ и съ нѣсколько грубоватымъ лицомъ; кажется, что онъ остроуменъ и легко схва-

[1]) Смотри приложенную при этомъ выпускѣ картину художника Сѣрова, гдѣ Петръ шагаетъ по набережной, а за нимъ едва успѣваютъ спутники.

тываетъ вещи, съ своего рода величіемъ въ манерахъ, но не самоувѣренъ».

Разногласія по поводу цвѣта волосъ могутъ быть объяснены стараніями парикмахеровъ, такъ какъ Петръ старался и въ прическѣ подражать европейскому костюму того времени. Въ то же время полное единодушіе относительно гримасъ, нервныхъ подергиваній, постояннаго поворачиванія головой, сгорбленной спины,—замѣченной министрами императора въ 1698 году на двадцать четвертомъ году!—и жестокаго выраженія лица. Допущенный до цѣлованія руки Ивана и Петра, во времена двуумвирата обоихъ братьевъ, архіепископъ новгородскій, Яновскій, не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія, подойдя къ старшему изъ государей; но, встрѣтившись взглядомъ съ другимъ, онъ почувствовалъ, что у него ноги подкашиваются. Послѣ у него навсегда осталось предчувствіе, что онъ получитъ смерть отъ этой руки, которой онъ едва коснулся своими похолодѣвшими губами.

«Извѣстно,—говоритъ Штелинъ,—что этотъ монархъ еще съ молоду и до самой смерти былъ подверженъ частымъ и короткимъ приступамъ довольно сильныхъ мозговыхъ судорогъ. Это былъ родъ судорожныхъ припадковъ, которые повергали его на нѣкоторое время, часто даже на цѣлые часы, въ столь ужасное состояніе, что онъ не могъ никого выносить около себя, даже своихъ лучшихъ друзей. Этотъ приступъ начинался всегда съ сильнаго поворачиванія шеи въ лѣвую сторону и непроизвольнаго сокращенія мускуловъ лица».

Отсюда постоянное употребленіе лѣкарствъ, иногда странныхъ, какъ, напримѣръ, какой-то порошекъ, приготовленный изъ желудка и крыльевъ сороки. Отсюда также привычка спать, положивши обѣ руки на плечи дежурнаго офицера. Здѣсь желали видѣть источникъ злорѣчивыхъ предположеній, предметомъ которыхъ были интимные обычаи государя. Къ несчастью, нѣтъ достаточно точнаго изслѣдованія. Въ 1718 году, находясь за столомъ съ прусской королевой, Петръ сдѣлалъ рукой — въ которой держалъ ножъ, — столь рѣзкое движеніе, что Софія-Шарлотта испугалась и хотѣла вскочить. Чтобы успокоить ее, онъ схватилъ ее за руку, но сжалъ ее такъ сильно, что она вскрикнула. Онъ пожалъ плечами: «У Катерины менѣе нѣжныя кости». Это замѣчаніе было сдѣлано такъ громко, что всѣ слышали.

Эти явленія нервной болѣзни встрѣчаются у Ивана Грознаго, повидимому, отъ той же причины: отъ испытанныхъ въ дѣтствѣ слишкомъ сильныхъ потрясеній. Это наслѣдство, которое ста-

рая Русь, въ лицѣ *стрѣльцовъ*, уже обреченныхъ на погибель, оставила своему реформатору. Но, по счастью, вмѣстѣ съ ядомъ она дала ему одновременно и противоядіе: огромную работу для выполненія, гдѣ очистится его кровь и укрѣпятся его нервы. Иванъ не былъ столь счастливъ. Впрочемъ, физически Петръ былъ красивый мужчина, высокаго роста, двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ, брюнетъ. «Очень смуглый, какъ будто онъ родился въ Африкѣ», утверждаетъ одинъ современникъ, «очень сильный, съ величественнымъ видомъ, съ нѣкоторыми недостатками въ фигурѣ и мучительнымъ недугомъ, которые вмѣстѣ его безобразили». Онъ плохо и небрежно одѣвался, и часто мѣнялъ свои смѣшные военные или цивильные костюмы, выбирая иногда очень странные. У него не было никакого чувства мѣры. Въ Копенгагенѣ въ 1716 году онъ показывается датчанамъ въ зеленой шляпѣ, повязавъ шею чернымъ солдатскимъ галстукомъ, застегнувши воротникъ рубашки огромной серебряной запонкой, украшенной поддѣльными камнями, какъ носили его офицеры. Черный сюртукъ съ роговыми пуговицами, вязанный жилетъ, черныя очень узкія брюки, толстые шерстяные заштопанные чулки и очень грязные башмаки—дополняли его костюмъ. Онъ соглашался носить парикъ, но онъ хотѣлъ очень короткій, чтобы его можно было положить въ карманъ и изъ-подъ него выступали его волосы, которые онъ отказывался стричь. Они у него были очень длинные и густые; въ 1772 г., во время похода въ Персію, находя ихъ неудобными, онъ позволилъ ихъ остричь; но, чтобы ничего не терять, изъ экономіи, онъ приказалъ, ему сдѣлать изъ нихъ новый парикъ: тотъ самый, который фигурируетъ на манекенѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что онъ похожъ. Восковое лицо со стеклянными глазами сдѣлано было по маскѣ, снятой послѣ смерти, и давленіе гипса на обезображенныя черты дало неестественныя впадины и выпуклости. У него же были полныя и круглыя щеки. Онъ только однажды надѣвалъ платье изъ гродетура синяго цвѣта, вышитое серебромъ, въ которое его здѣсь нарядили, а равно такимъ же способомъ вышитый поясъ и чулки темно-краснаго цвѣта съ серебряными стрѣлками: это было въ Москвѣ, въ день коронованія Екатерины. Она собственноручно великолѣпно сработала костюмъ, и онъ согласился по этому случаю одѣться въ него. Но онъ сохранилъ свои прежніе башмаки, старые и заплатанные. Остатки его имущества подлиннаго и обычнаго находятся тутъ же въ двухъ шкафахъ, включая и тронъ —также

поддѣльный—на которомъ посадили манекенъ: платье изъ толстаго сукна, изношенное, шляпа безъ галуна, пробитая пулей подъ Полтавой, чулки изъ суровыхъ нитокъ, покрытые заплатами. Въ одномъ углу пресловутая *дубина*, изъ очень толстаго тростника съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, съ которой мы, къ несчастью, будемъ имѣть случай познакомиться.

Близкіе окружающіе государя видали его часто даже въ рубашкѣ. Ибо когда бывало слишкомъ жарко, то онъ не стѣснялся снимать платье, даже за столомъ. Онъ не стѣснялся никакими приличіями.

II.

Радость души была въ дѣйствіяхъ: величайшій поэтъ сѣвера разгадалъ героя великой эпохи, представленіе о которомъ я стараюсь дать, и охарактеризовалъ его въ нѣсколькихъ словахъ съ его темпераментомъ, его характеромъ, и почти всѣмъ его геніемъ. *Въ потребности дѣятельности была вся его сила*,—сказалъ также Поссельтъ. Да, его сила, его величіе, его успѣхъ закончились въ этой неизмѣнной энергіи, которая сдѣлала изъ него, физически и нравственно, человѣка самаго подвижного, самаго стойкаго противъ усталости, самаго чувствительнаго къ «радости дѣйствованія», какого когда-либо видѣлъ свѣтъ. Нѣтъ ничего болѣе естественнаго, что легенда постаралась сдѣлать изъ него подставное дитя, сына иностранныхъ родителей: онъ является настолько и въ столькихъ пунктахъ въ противорѣчіи со средой, въ которой онъ родился! Онъ не имѣлъ предразсудковъ, а его Московиты полны ими; они религіозные фанатики, онъ почти свободомыслящій; они гонители всѣхъ новшествъ, онъ—ненасытимъ нововведеніями; они — фаталисты, онъ — человѣкъ иниціативы; они—сторонники формы и обрядности, онъ—доводитъ презрѣніе къ нимъ до цинизма; наконецъ, и это въ особенности—они безпечные, лѣнивые, неподвижные, какъ будто замерзшіе зимой, или заснувшіе вѣчнымъ сномъ, онъ—охваченъ лихорадочною жаждой движенія и работы, о которой извѣстно, и выводитъ ихъ изъ этого оцѣпенѣнія и бездѣятельности, то ударами палки, то топора. Было бы любопытно установить, хотя бы за нѣсколько мѣсяцевъ, графическую кривую всѣхъ его безпрерывныхъ походовъ.

Когда бросишь взглядъ только на столъ его корреспонденціи съ Екатериной, всего 223 письма, опубликованные министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1861 году, гдѣ видишь ихъ

помѣченными и Лембергомъ въ Галиціи, Маріенвердеромъ въ Пруссіи, Царицыномъ на Волгѣ, на югѣ имперіи, Вологдой на сѣверѣ, Берлиномъ, Парижемъ, Копенгагеномъ, — то прямо голова кружится.

Онъ то въ глубинѣ Финляндіи посѣщаетъ лѣса, то на Уралѣ осматриваетъ копи; то онъ въ Помераніи, гдѣ участвуетъ въ съѣздѣ; то на Украйнѣ, гдѣ занимается разведеніемъ барановъ; то при блестящемъ дворѣ одного германскаго князя, гдѣ онъ представляетъ своего собственнаго посла; и вдругъ, въ горахъ Богеміи, гдѣ онъ является простымъ путешественникомъ. 6-го іюля 1715 года я нахожу его въ Петербургѣ, плавающимъ по морю со своимъ флотомъ, 9-го, по возвращеніи въ столицу, посылающимъ письмо черногорцамъ съ утѣшеніемъ по поводу безчинствъ, совершаемыхъ надъ ними со стороны турокъ, подписывающимъ договоръ съ Прусскимъ министромъ и дающимъ наказъ Меншикову о сохраненіи строевого лѣса въ окрестностяхъ города; 12-го онъ въ Ревелѣ; 20-го онъ присоединяется къ флоту въ Кронштадтѣ и снова маневрируетъ съ нимъ. И такимъ образомъ всегда, отъ начала года до конца, съ одного конца жизни до другого. Онъ всегда спѣшилъ. Въ каретѣ онъ ѣхалъ галопомъ; пѣшкомъ онъ не ходилъ, а бѣгалъ.

Когда, въ какое время онъ отдыхалъ? Трудно себѣ это представить. Со стаканомъ въ рукѣ ему случалось очень долго засиживаться на вечеринкахъ, но и тогда онъ еще споритъ, говоритъ, онъ удивляетъ своихъ неизмѣнныхъ собутыльниковъ рѣзкостью переходовъ отъ веселости къ гнѣву, своими остротами, своими грубыми шутками, своими гнѣвными вспышками; наконецъ, онъ даетъ ауденціи въ четыре часа утра! Въ 1721 г., послѣ заключенія мира со шведами, онъ пригласилъ въ этотъ часъ къ себѣ двухъ пословъ, Остермана и Бутурлина, передъ тѣмъ, какъ отправить ихъ въ Стокгольмъ. Онъ принялъ ихъ въ короткомъ домашнемъ костюмѣ, оставлявшемъ открытыми его голыя ноги, въ огромномъ ночномъ колпакѣ, обшитомъ внутри полотномъ (такъ какъ онъ очень потѣлъ), съ чулками, спадавшими на туфли. Отдавая приказанія своимъ адъютантамъ, онъ долгое время ходилъ въ такомъ костюмѣ, выслушивая ихъ доклады, а потомъ вдругъ подхватывалъ ихъ, забрасывалъ ихъ вопросами, вертѣлъ ихъ туда и сюда, чтобы убѣдиться, хорошо ли они поняли, въ чемъ дѣло, потомъ отпустилъ ихъ, проворно одѣлся, осушилъ стаканъ водки и побѣжалъ на корабельную стройку.



Царевна Софья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Съ картины Рѣпина.

Даже празднества, которыя онъ давалъ, пиры, иллюминаціи маскарады служили ему подспорьемъ въ работѣ: здѣсь онъ больше трудится, чѣмъ отдыхаетъ; самъ устраиваетъ фейерверки, руководитъ процессіями, играетъ на барабанѣ, ибо онъ въ то же время и тамбуръ-мажоръ, предводительствуетъ танцами, такъ какъ онъ въ то же время изучалъ и хореографію. Въ 1772 г., въ Москвѣ, во время свадьбы графа Головина съ дочерью князя Ромодановскаго онъ исполнялъ обязанности метръ-д'отеля, и, когда многіе почувствовали себя дурно отъ жары, онъ приказалъ принести себѣ слесарные инструменты и въ полчаса выставилъ окно; онъ важно расхаживалъ взадъ и впередъ, держа въ рукахъ жезлъ, знакъ своей должности, дѣлая пируэты передъ молодой, стоялъ во время ужина, слѣдя за прислугой, и ѣлъ только послѣ всѣхъ. Негритенокъ, служившій ему пажемъ, держалъ единственный бокалъ, онъ старательно осушалъ его, подавая тому знаки.

Впрочемъ, его любимое развлеченіе въ часы отдыха была опять-таки работа. Поэтому онъ былъ граверомъ на мѣди и токаремъ. Въ маѣ 1711 года французскій посолъ, Балюзъ, получивши разрѣшеніе на аудіенцію у него въ Яворовѣ, въ Польшѣ, нашелъ его въ прелестномъ обществѣ: онъ ухаживалъ за одной прелестной полькой, пани Сенявской, занимаясь съ ней постройкой лодки, собственноручно пиля и строгая. Для того, чтобы онъ пересталъ или, по крайней мѣрѣ, согласился ограничить себя въ этомъ расходованіи самого себя, нужно было, чтобы онъ заболѣлъ до невозможности двигаться. И какимъ печальнымъ и безутѣшнымъ онъ тогда былъ, и какъ жаловался своимъ сотрудникамъ! «Пусть они не думаютъ, что это лѣность съ его стороны, онъ право же не можетъ, больше силъ нѣтъ!» И даже, когда онъ жалуется или сердится на свое вынужденное бездѣйствіе, какъ, напримѣръ, въ 1708 г. во время жестокаго приступа скорбутической лихорадки, мы видимъ его лично руководящимъ подавленіемъ возстанія донскихъ казаковъ, снабженіемъ арміи провіантомъ, освященіемъ построекъ въ столицѣ и массою мелочей.

Ни одна подробность не ускользаетъ отъ него. Въ Архангельскѣ, на Двинѣ, онъ тщательно обходитъ одну за другой барки, на которыхъ привозятъ на рынокъ глиняную посуду, сработанную въ сосѣднихъ деревняхъ, при чемъ онъ. такъ суетится, что, спускаясь въ трюмъ, разбиваетъ вдребезги весь грузъ одного утлаго суденышка. Въ январѣ 1722 года, въ Москвѣ,

послѣ одной рождественской ночи, которую онъ провелъ, переходя съ толпой изъ дома въ домъ съ пѣніемъ гимновъ, и по обычаю страны собирая мелочь, подкрѣпляясь виномъ, пивомъ, водкой, онъ узналъ утромъ, что въ отдаленномъ кварталѣ вспыхнулъ пожаръ, онъ спѣшитъ туда и, въ продолженіе двухъ часовъ, исполняетъ обязанности пожарнаго, послѣ чего его опять видятъ въ саняхъ летящимъ такъ, какъ будто онъ хочетъ загнать лошадей. Нужно замѣтить, что въ то же время онъ былъ занятъ крупными перемѣнами въ высшей администраціи имперіи, онъ готовился уничтожить свой «Ревизіонный совѣтъ», права котораго должны были перейти къ Сенату, а потомъ онъ тотчасъ отправился на похороны одного полкового командира!

Въ 1721 году, предпринявши изданіе «Морского Регламента», онъ предписалъ себѣ образъ жизни, которому онъ слѣдовалъ съ величайшею аккуратностью; согласно его запискамъ, письменнымъ работамъ тамъ было отведено четыре дня въ недѣлю по четырнадцати часовъ въ день: съ пяти часовъ утра до полудня и съ четырехъ часовъ до одиннадцати. И это продолжалось съ января до декабря 1721 года. Рукопись «Регламента» вся собственноручная, покрыта помарками, и хранится въ Московскомъ Архивѣ. Тамъ же находятся его собственноручные черновики, доказывающіе, что самая главная часть огромнаго количества документовъ, относящихся къ Сѣверной войнѣ и имѣющихъ помѣтку канцлера Головина, вышла подъ его непосредственнымъ указаніемъ и изъ-подъ его пера. И нужно то же самое сказать, какъ про большинство записокъ и важныхъ депешъ, подписанныхъ обычно его политическими сотрудниками, Головинымъ, Шереметевымъ, генераломъ Вейде, такъ и про всю законодательную и административную части его царствованія: созданіе флота и арміи, расширеніе торговли и промышленности, основаніе фабрикъ и заводовъ, устройство суда, уничтоженіе подкупа среди чиновниковъ, учрежденіе государственнаго казначейства. Онъ писалъ черновые наброски, принимаясь за нихъ нѣсколько разъ, составляя проекты иногда въ нѣсколькихъ редакціяхъ, и, тѣмъ не менѣе, это не мѣшало ему заниматься даже мелочами по управленію дворцомъ, слѣдить даже за дворцомъ своихъ родныхъ, напримѣръ, опредѣлять качество и количество водки, которая должна быть доставлена его своячениці, царицѣ Прасковіи.

Итакъ, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ и именно вслѣдствіе этого всего онъ являлся благомъ для своей страны и для своей націи, и я охотно оправдалъ бы его появленіе на свѣтъ. Онъ соотвѣт-

ствовалъ той формѣ народной жизни, которая, сообразно своимъ широтамъ, сама находится подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій физической природы. Послѣ длинной и жестокой зимы, позднія и быстрыя волны, мгновенно покрывающія землю оживающей зеленью при сильномъ напорѣ водъ. Душевное настроеніе населенія тоже имѣетъ весеннее обновленіе и такіе же приливы энергіи. Хотя его обвиняютъ въ инертности, но продолжительность и суровость зимъ дѣлаютъ его лѣнивыми, не размягчая однако, какъ въ жаркихъ странахъ Востока, а, наоборотъ, закаляя духъ и тѣло въ вынужденной борьбѣ съ суровой и негостепріимной природой.

Съ поворотомъ солнца надо спѣшить выполнить всѣ главныя работы, позаботиться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль о нуждахъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отсюда нравственныя и физическія привычки, а также способности; Петръ былъ только могущественнымъ частнымъ выраженіемъ этого, и все, что было въ этомъ отношеніи въ немъ исключительнаго, все это лишь пережитокъ дикихъ, зачаточныхъ силъ, которыя являются въ эпическихъ герояхъ русскихъ былинъ, богатыряхъ, носящихъ, какъ тяжелую ношу, избытокъ силъ, которымъ они не могутъ найти примѣненія, и погибающихъ отъ этого! Исчезнетъ Петръ, но останутся еще раскольники, которые для облегченія себя отъ такой тяжести будутъ бѣгать на босу-ногу, въ однѣхъ рубашкахъ въ холодныя январскія ночи и кататься въ снѣгу.

III.

Обладалъ ли онъ храбростью при такой силѣ энергіи и при такомъ предпріимчивомъ и даже отважномъ духѣ? Онъ не искалъ опасности, какъ его шведскій противникъ, онъ не находилъ въ ней удовольствія. Вначалѣ онъ даже выказалъ всѣ черты настоящаго труса. Памятна исторія его внезапнаго бѣгства въ ночь на 8-е августа 1689 года и его совершенно не геройское появленіе въ *Троицѣ*. То же повторилось въ 1700 году подъ стѣнами Нарвы. Вопреки розсказнямъ и самымъ хвалебнымъ выдумкамъ, голый фактъ таковъ: по полученіи извѣстія о неожиданномъ приближеніи шведскаго короля, онъ бросилъ армію, предоставивъ командованіе еще совершенно неопытному начальнику, назначенному недавно, снабдивъ его инструкціей, которая, по словамъ всѣхъ компетентныхъ судей, показываетъ съ одной стороны его растерянность, съ другой—его невѣжество. «Это не солдатъ», прямо сказалъ саксонскій генералъ Галляръ, увидѣвшій

его въ этотъ моментъ въ палаткѣ новаго начальника, принца де-Круа, «въ отчаянии и какъ сумошедшій», причитаетъ и пьетъ стаканъ за стаканомъ водку, чтобы подбодриться, забываетъ дать приказанія и приложить къ нимъ печать своей канцеляріи. Въ своемъ дневникѣ Петръ даетъ понять, что онъ не зналъ о быстромъ наступленіи Карла XII, и эта явная неправда стоитъ признанія.

Однако, при Полтавѣ онъ храбро исполнилъ свой долгъ, не щадя себя въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ битвы. Онъ приготовился къ ней заранѣе, какъ къ страшному и трудному испытанію, безъ воодушевленія, но и безъ слабости, хладнокровно, почти печально. Въ немъ не было ничего рыцарскаго, никакого слѣда рыцарскаго духа, и въ этомъ тоже онъ былъ чисто русскимъ. Заболѣвши и слегши въ постель въ началѣ года, онъ грустно просилъ Меншикова предупредить его, когда наступитъ вѣроятность неизбѣжной встрѣчи, «эта штука не должна пройти мимо него». Разъ онъ взялся за дѣло, то личный рискъ впасть въ опасность представлялся ему общимъ съ другими, тогда онъ оцѣнивалъ его совершенно хладнокровно и принималъ его, если приходилось, съ тѣмъ же величіемъ души.

Въ 1713 году вице-адмиралъ Крюи хотѣлъ, чтобы онъ не пускался въ опасное крейсерство, онъ напоминалъ о свѣжихъ случаяхъ, приводя въ примѣръ одного шведскаго адмирала, взорвавшагося съ своимъ кораблемъ. Петръ написалъ на поляхъ донесенія: «Окольничій Засѣкинъ задохся отъ свиного уха... я не совѣтую и никому не приказываю лѣзть въ опасность, но получать деньги и не служить—стыдно». Это была всегдашняя идея долга службы, долга, который его ведетъ, какъ цвѣтной значекъ, водруженный передъ глазами, и помогаетъ ему взобраться по крутому склону мужскихъ доблестей и героическихъ жертвъ, но ему всегда нужно было время, чтобы подняться до вершины, и этотъ человѣкъ, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ, безстрашныхъ и упрямыхъ на протяженіи времени; въ то же время одинъ изъ наиболѣе быстро обезкураживающихся въ данный моментъ и изъ наиболѣе трусливыхъ въ трудную минуту. Наполеонъ—другой великій невропатъ, тоже подвергался этимъ внезапнымъ и неожиданнымъ припадкамъ подъ вліяніемъ пораженій, и такимъ же перемѣнамъ настроенія, хотя они все-таки давали ему возможность владѣть самому собою и своими способностями съ удесятеренною силою; этими явленіями Петръ обладалъ въ еще большихъ размѣрахъ.

Узнавши о пораженіи своей арміи подъ стѣнами Нарвы, онъ переодѣлся крестьяниномъ, безъ сомнѣнія, чтобы легче избѣжать преслѣдованія непріятелемъ, который, по его мнѣнію, гнался за нимъ по пятамъ; онъ проливалъ потоки слезъ и впалъ въ такое состояніе прострацiи, что никто не рѣшался уже обращаться къ нему съ дѣлами. Онъ готовъ былъ принять самыя унизительныя условія мира. Два года спустя онъ былъ подъ стѣнами Нотебурга, маленькаго укрѣпленнаго городишки, осаду котораго онъ предпринялъ со всею своею арміей. Приступъ, на который онъ повелъ войско лично, сначала не имѣлъ того успѣха, котораго отъ него ожидали, тогда онъ быстро отдалъ приказъ отступать. «Скажите царю, что съ этого часа я принадлежу уже не Петру, а Богу», отвѣтилъ одинъ лейтенантъ-полковникъ, Михаилъ Голицынъ, командиръ Семеновскаго полка. По другимъ свидѣтельствамъ, приказаніе, отданное царемъ, не достигло по назначенію, но по приказу или вопреки ему, и, даже, можетъ быть, безъ произнесенія геройскихъ словъ, приписанныхъ легендой, Михаилъ Голицынъ продолжалъ атаку и взялъ мѣстечко. Гораздо позже, уже послѣ Полтавы, Петръ оставался въ этомъ же отношеніи все такимъ же; доказательствомъ этому служитъ Прутскій походъ, къ которому я еще вернусь. Въ немъ была почти парадоксальная смѣсь силы и слабости, чѣмъ отчасти объясняется столкновеніе враждебныхъ противорѣчивыхъ элементовъ. Столь крѣпко придерживаясь крупнаго жизненнаго пути и дѣла, единство и послѣдовательность котораго составляютъ предметъ удивленія въ исторіи, Петръ былъ въ мелочахъ олицетворенное непостоянство и противорѣчіе. Его мнѣнія и рѣшенія мѣнялись съ его настроеніемъ, какъ вѣтеръ. Это была сама ртуть.

Во время его путешествія во Францію, въ 1717 году, раздавался цѣлый рядъ жалобъ со стороны окружающихъ его на постоянную перемѣну его плановъ. Никогда нельзя было знать, что онъ собирается дѣлать завтра, черезъ часъ, куда и какъ онъ собирается отправиться. Ни одного мѣста, продолжительность пребыванія въ которомъ была бы заранѣе опредѣлена, ни одного дня, программа котораго осталась бы заранѣе установленной, черта, особенно свойственная славянскому характеру, сложный продуктъ различныхъ и крайнихъ началъ, культуръ и вліяній азіатскихъ и европейскихъ. Нація можетъ быть отчасти обязана его упорству, необычайной глубинѣ, доказательство которой заключается въ большихъ преобразованіяхъ. Но эта смѣсь

подвижности и неповоротливости можетъ быть также и индивидуальной: она встрѣчается и у нѣкоторыхъ историческихъ противниковъ великаго реформатора, предназначенныхъ судьбою, какъ можно думать, сберегать свои силы. Петръ служилъ самъ себѣ даже въ области самыхъ важныхъ дѣлъ. Этому, конечно, содѣйствовала легкость, съ какою онъ мѣнялъ фронтъ, отворачиваясь отъ Турціи, чтобы повернуться лицомъ къ Швеціи, бросая свои проекты на Азовскомъ морѣ, чтобы переброситься на Балтику, но всюду и всегда принимаясь за дѣло основательно, никогда не соря свои силы.

Точно также мнѣніе совершенно ошибочно о его чрезвычайной понятливости, въ особенности въ подробностяхъ. Въ 1722 году, отмѣняя указъ, которымъ онъ ввелъ въ Сенатѣ въ законодательномъ учрежденіи, президентовъ административныхъ коллегій, онъ безъ смущенія призналъ это «неважной мѣрой». Это не мѣшало ему въ другихъ случаяхъ признавать что-нибудь за благо вопреки всѣмъ мнѣніямъ, всѣмъ вліяніямъ, противъ вѣтра и теченія. Ни одинъ человѣкъ не умѣлъ лучше желать и лучше заставить повиноваться. Надпись: «я считаю за фактъ все, что бы я ни приказалъ», которую читатель Овидія помѣстилъ на одной изъ медалей въ память крупныхъ событій своего царствованія, могла бы быть среди прочихъ выбрана имъ, какъ девизъ.

Замѣчательно, что какъ въ его ошибкахъ, такъ и въ областяхъ всегда причиной является только умъ; и никогда не участвуетъ тамъ сердце. Петръ не былъ сентименталенъ ни въ малѣйшей степени. Его слабости, наиболѣе непріятныя для Меншикова и для другихъ фаворитовъ, являются просто, можетъ быть, результатомъ плохого разсчета. Онъ ставилъ слишкомъ высоко уровень умственнаго развитія того или другого изъ своихъ сотрудниковъ и слишкомъ низко нравственный уровень ихъ всѣхъ. Меншиковъ былъ конечно мошенникомъ въ его глазахъ, но умнымъ мошенникомъ. Съ другими хотя бы это были изъ числа самыхъ близкихъ ему друзей, но кто не имѣлъ достаточно ума, чтобы прятать свои грѣшки, онъ могъ быть рѣзкимъ, даже жестокимъ. Спокойно онъ объявилъ одному изъ нихъ, Андрею Виніусу, что онъ увольняетъ его отъ управленія почтой, потому что убѣдился, что онъ не годится въ администраторы и приноситъ государству вреда больше, чѣмъ это допустимо. И это не означало перемѣну благоволенія. «У меня нѣтъ любимцевъ, чтобы водить меня за носъ», прибавилъ онъ по этому случаю.

Съ этой точки зрѣнія я не видѣлъ другого столь рѣшительнаго примѣра безчувственности. Во время процесса своего сына Алексѣя, различныя перипетіи котораго заключали въ себѣ достаточно волнующаго элемента, онъ берегъ свои силы, досуги и желанія, чтобы отдаться иногда другимъ дѣламъ, требующимъ присутствія духа, и своимъ привычнымъ удовольствіямъ. Большое число указовъ, относящихся къ огражденію лѣсовъ, финансовому управленію, устройству разныхъ промышленныхъ заведеній, таможенъ, касающихся раскола, сельскаго хозяйства, помѣчены датами, совпадающими съ самыми мрачными событіями судебной драмы. Въ то же время ни одна изъ годовщинъ, которыя царь имѣлъ привычку справлять торжественно и пышно, не была ни забыта, ни пропущена. Пиры, маскарады и фейерверки шли своимъ чередомъ.

Онъ заключалъ въ себѣ неисчерпаемый запасъ веселости, а также широкой общественности. Въ нѣкоторыхъ чертахъ своего характера и темперамента онъ оставался ребенкомъ до самаго зрѣлаго возраста, съ наивной веселостью, со стремленіемъ къ изліяніямъ, и дѣтской простотой. Онъ не могъ удержаться, чтобы, по поводу всякаго счастливаго событія, случившагося съ нимъ, не подѣлиться тотчасъ радостью со всѣми, кого, по его предположенію, это должно было интересовать. Онъ написалъ, напримѣръ, заразъ около пятидесяти писемъ по поводу одного военнаго дѣла посредственнаго значенія — взятія въ 1713 году Штеттина.

При его всегдашней страсти къ удовольствіямъ его видятъ въ 1711 году въ Дрезденѣ катающимся на карусели съ криками: «скорѣй, скорѣй» и хохочущимъ до слезъ, когда отъ быстроты движенія нѣкоторые изъ его спутниковъ были выброшены изъ сѣдла. Въ 1720 году среди народнаго ликованія, послѣдовавшаго за заключеніемъ Нейштадтскаго мира, онъ имѣлъ видъ школьника, отпущеннаго на каникулы; онъ прыгалъ и паясничалъ среди толпы, онъ вскакивалъ на столы и пѣлъ во все горло. До самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, онъ, какъ уличный мальчишка, увлекается величайшими глупостями, близкими къ шутовству. Въ 1723 году онъ однажды ночью началъ бить въ набатъ, поднявши на ноги обитателей всего Петербурга—пожары были тамъ часты и ужасны—и былъ внѣ себя отъ радости, когда примчавшись, какъ очумѣлые на мѣсто предполагаемаго несчастія, они находили на площади солдатъ, которые разжигали костеръ и со смѣхомъ объявляли имъ: «Первое ап-

рѣля». Однажды, усѣвшись за столъ съ герцогомъ Голштинскимъ, онъ восхвалялъ цѣлебныя качества Олонецкихъ водъ, которыми онъ пользовался уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Бассевицъ, герцогскій министръ, выразилъ намѣреніе тоже попользоваться ими. Ударъ кулакомъ по громадной круглой спинѣ дипломата прервалъ его: «Пожалуй, примутъ за бочку для воды».

Какимъ же образомъ при такомъ нравѣ онъ скорѣе внушалъ страхъ. чѣмъ уваженіе? Какимъ образомъ его смерть была освобожденіемъ для его окружающихъ, концомъ тяжелаго гнета, режима страха и неволи? Это лежитъ прежде всего въ его манерѣ обращенія, соотвѣтствовавшей средѣ, въ которой онъ жилъ съ дѣтства, и его занятіямъ, которымъ онъ предавался съ особеннымъ увлеченіемъ. Къ жестокости русскаго *барина* онъ присоединилъ грубость голландскаго матроса. Но кромѣ того онъ рѣзокъ и часто заносчивъ, и однако ему случается быть трусливымъ. А это все по той же причинѣ, вслѣдствіе того же главнаго порока нравственнаго: неспособность владѣть собою. Его сила воли часто уступала влеченію его темперамента; будучи главою, она часто подчинялась внѣшнимъ обстоятельствамъ, и получилось то, что она не имѣла достаточной власти въ общей массѣ его инстинктовъ и страстей. Слишкомъ рабское поведеніе его окружающихъ способствовало еще болѣе развитію въ немъ этого внутренняго противорѣчія.

«Его качества никогда не были изъ числа красивыхъ», замѣчаетъ саксонскій министръ Лефортъ въ своемъ дневникѣ, въ маѣ 1721 года, «но онъ становится день-ото-дня невыносимѣе, и большой счастливецъ тотъ, кто не долженъ находиться постоянно возлѣ него». Развивалось это постепенно. Въ сентябрѣ 1698 года, среди обѣда, даннаго Имперскимъ посломъ Гваріеномъ, царь поспорилъ съ генералиссимусомъ Шеинымъ по поводу нѣкоторыхъ выраженій объ арміи, которыя онъ считалъ несправедливыми; обнаживъ шпагу, онъ стучалъ ею по столу съ крикомъ: «Я изрублю въ котлеты весь твой полкъ, а съ тебя самого сдеру кожу, начиная съ ушей»; Ромодановскій и Зотовъ бросились между ними, пытаясь ихъ разнять, онъ бросился на нихъ: у одного оказались наполовину отрубленными пальцы руки, другой получилъ нѣсколько ранъ на головѣ. Одному Лефорту—Меншикову по другимъ свидѣтельствамъ—удалось его успокоить.

Но, немного времени спустя, на ужинѣ у полковника Чемберсъ, онъ повалилъ того же Лефорта и билъ его ногами, а,

замѣтивши на одномъ балу, что Меншиковъ осмѣлился танцовать со шпагой на боку, онъ далъ ему такую оплеуху, что у любимца пошла кровь изъ носа. Въ 1703 г. онъ нашелъ дерзкими слова, обращенныя къ нему публично голландскимъ посломъ, и тотчасъ выразилъ свое негодованіе ударомъ кулака и нѣсколькими ударами шпагой плашмя. Дѣло не имѣло послѣдствій, но спустя долгое время дипломатическій корпусъ получилъ удовлетвореніе въ царской столицѣ. Въ домѣ барона Рабе, въ Эстоніи, хранится палка, которою Петръ, не найдя лошадей на сосѣдней съ замкомъ почтовой станціи, выместилъ свой гнѣвъ на спинѣ кастеляна. Доказавши свою невинность, кастелянъ получилъ право хранить на память палку вмѣсто вознагражденія.

Лучше того: Иванъ Саввичъ Брыкинъ, предокъ знаменитаго археолога Снегирева, разсказывалъ, что въ его присутствіи царь убилъ ударомъ палки слугу, виновнаго въ томъ, что онъ слишкомъ медленно снялъ передъ нимъ шляпу. Даже съ перомъ въ рукѣ случалось, что государь забывался и терялъ всякое чувство мѣры, задѣвая, напримѣръ несчастнаго соперника Августа II, короля Лещинскаго, и называя его «воровскимъ сыномъ» въ письмѣ, имѣвшемъ всѣ данныя, чтобы не остаться секретомъ.

IV.

Излишества въ напиткахъ, которымъ онъ охотно предавался, были въ значительной степени причиной этихъ выходокъ. «Не проходитъ дня, чтобы онъ не напился», утверждаетъ баронъ Пелльницъ, разсказывая о пребываніи государя въ Берлинѣ, въ 1717 г. Утромъ 11 іюля 1705 г., при посѣщеніи монастыря базиліанцевъ въ Полоцкѣ, Петръ остановился передъ статуей извѣстнаго мученика ордена, блаженнаго Іосафата. Онъ изображенъ тамъ съ черепомъ, раскроеннымъ топоромъ. Онъ потребовалъ объясненія. — «Кто умертвилъ этого святого?» — «Схизматики». Одного этого слова было достаточно, чтобы вывести изъ себя. Онъ ударилъ шпагой настоятеля Коциковскаго и убилъ его, офицеры его свиты бросаются на другихъ монаховъ, трое на мѣстѣ были уложены на смерть, два другихъ, тяжело раненые, скончались спустя нѣсколько дней, монастырь былъ отданъ на разграбленіе, церковь, послѣ опустошенія служила складомъ для царскихъ войскъ. Донесеніе, посланное объ этомъ происшествіи въ Римъ и обнародованное въ уніатскихъ церквахъ, приводитъ другія ужасныя и отвратительныя подробности: тамъ говорится, что

царь позвалъ свою англійскую собаку и при ея помощи задушилъ первую жертву, будто бы онъ приказалъ отрѣзать груди женщинамъ, которыя не совершили никакого другого преступленія, какъ только присутствовали при этой рѣзнѣ и казались изумленными. Въ этомъ было нѣкоторое преувеличеніе. Но факты, которые я привелъ выше, считаются доказанными.

Дневникъ Шведской войны содержалъ въ себѣ въ первоначальной редакціи, веденной секретаремъ государя, Макаровымъ, слѣдующую лаконическую запись: «30 іюня (11 іюля) вошелъ въ церковь Полоцкихъ уніатовъ и убилъ пять уніатовъ за то, что назвали нашихъ генераловъ еретиками». Петръ подтвердилъ это свидѣтельство, вычеркнувъ его собственноручно. Но всѣ сообщенія объ инцидентѣ сходятся въ одномъ пунктѣ: отправляясь къ базиліанцамъ, Петръ былъ пьянъ, онъ только что вышелъ съ ночной оргіи.

Онъ, впрочемъ, не отказался однажды на-утро исправить дурной поступокъ и искалъ случая извиниться. Въ этомъ отношеніи у него являлось раскаяніе столь же быстро, какъ и гнѣвъ. Въ маѣ 1703 года я нахожу въ его запискѣ, адресованной къ Федору Апраксину, слѣдующія знаменательныя слова: «Какъ я васъ покинулъ, я не могу сказать, ибо я былъ слишкомъ полонъ отъ возліянія Бахусу. Прошу васъ всѣхъ также простить меня, если я кому-нибудь изъ васъ причинилъ непріятности... и забыть происшедшее».

Онъ часто пилъ чрезмѣрно и хотѣлъ, чтобы то же дѣлали и другіе, имѣвшіе честь быть приглашенными къ его столу. Въ обществѣ царя даже женщины и тѣ не были изъяты изъ общаго правила, а, чтобы не дать имъ заранѣе отказаться отъ предложеннаго стакана, Петръ приводилъ доводы безъ возраженій. Дочь вице-канцлера Шафирова, крестившагося еврея, отказалась отъ *чарки* водки, онъ ей крикнулъ: «злая жидовская порода, я тебя научу слушаться!» И подкрѣпилъ восклицаніе двумя сильными пощечинами.

Онъ всегда давалъ примѣръ: но сила его натуры была такова, что, даже разрушая его здоровье въ будущемъ, эти излишества оставляли пока, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя его силы въ порядкѣ, въ то время, какъ у другихъ ноги подкашивались и разумъ мутился.

По этому поводу существуетъ еще басня, что будто бы въ этомъ постоянномъ и какъ бы систематическомъ разгулѣ, великій человѣкъ искалъ только лишь средства къ управленію, спо-

соба получить доступъ къ наиболѣе сокровеннымъ мыслямъ своихъ собутыльниковъ. Средство грязное, если признать его существованіе! Во всякой другой странѣ государь рисковалъ бы при этомъ престижемъ своей власти. И даже въ Россіи политическая выгода, извлекаемая изъ него, не окупала нравственнаго ущерба: порчи цѣлаго общества! Мѣстные нравы до сихъ поръ носятъ его слѣды. Извѣстна исторія съ тостомъ «За тебя, о Франція!» произнесеннымъ передъ Людовикомъ XV однимъ изъ собесѣдниковъ, увлекшимся слишкомъ вольнымъ духомъ пирушки. «Господа, здѣсь король!» возразилъ монархъ, задѣтый въ чувствѣ собственнаго достоинства. И ему не пришлось больше напоминать.

Петръ позволялъ себя «тыкать» въ подобныхъ случаяхъ, повторявшихся ежедневно. Если же дѣло заходило слишкомъ далеко и приходилось вмѣшаться, то у него оставалось средство усмиренія, которое онъ любилъ примѣнять—это былъ огромный стаканъ водки, который виновный долженъ былъ осушить тотчасъ послѣ неудачнаго выраженія. Послѣ этого можно было быть увѣреннымъ въ быстромъ прекращеніи выходокъ, ибо тотъ непремѣнно скатывался подъ столъ.

Мнѣ было бы слишкомъ трудно согласиться, чтобы здѣсь былъ какой-нибудь намекъ на глубокую мысль или обдуманное намѣреніе. Я не нахожу ничего, что могло бы меня въ этомъ убѣдить. Напротивъ, я вижу, что, въ особенности къ концу царствованія, все болѣе и болѣе частое возвращеніе къ продолжительнымъ и разнузданнымъ оргіямъ, въ которыхъ находилъ удовольствіе царь, не замедлило принести значительный вредъ дѣламъ. «Царь не выходитъ изъ комнаты уже шесть дней», помѣчаетъ саксонскій министръ Лефортъ подъ 22-мъ августа 1724 г., «будучи нездоровъ послѣ кутежей, происходившихъ на *Царской Мызѣ* (нынѣ Царское Село) по причинѣ освященія церкви съ помощью трехъ тысячъ бутылокъ вина».

Въ январѣ 1725 года переговоры, веденные по поводу заключенія перваго франко-русскаго союза, вдругъ прервались; французскій посолъ, Кампердонъ, безпокоился, понуждалъ канцлера Остермана и кончилъ тѣмъ, что услышалъ отъ него слѣдующее выразительное признаніе: «Нѣтъ никакой возможности въ настоящее время привлечь царя къ серьезнымъ вещамъ, онъ весь въ своихъ удовольствіяхъ, которыя происходятъ всѣ дни въ главныхъ домахъ города въ сопровожденіи двухъ сотъ лицъ, музыкантовъ и другихъ, поющихъ на всевозможные лады и за-

бавляющихся питьемъ и ѣдой насчетъ лицъ, которыхъ они посѣщаютъ».

Даже въ предшествовавшее время, въ наиболѣе активный и героическій періодъ своей жизни, Петръ предавался порокамъ своего первоначальнаго воспитанія, дѣлая подобные внезапные перерывы.

Въ декабрѣ 1707 года, въ тотъ моментъ, когда Карлъ XII готовилъ рѣшительный походъ, который долженъ былъ ввести его въ сердце Россіи, защита страны была парализована, потому что царь былъ въ Москвѣ и забавлялся. Меншиковъ слалъ къ нему курьера за курьеромъ, чтобы заставить его присоединиться къ арміи, онъ оставлялъ пакеты нераспечатанными и продолжалъ праздновать. Правда, онъ потомъ принимался за дѣло быстрѣе и умѣлъ наверстать потерянное время. Но, конечно, не изъ вѣжливости онъ забылъ такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль объявить войну своему страшному противнику.

V.

Грубые вкусы идутъ естественно на-ряду съ кабацкими нравами. Въ обществѣ женщинъ, которымъ онъ не переставалъ нравиться, Петръ, казалось, особенно любилъ грубый разгулъ и въ особенности любилъ видѣть пьяными подругъ, которымъ онъ себя отдавалъ. Сама Екатерина, «пьяница первой руки», по свидѣтельству Бассевица и въ значительной степени обязана этому качеству своимъ успѣхомъ. Въ торжественные дни обыкновенно полы раздѣлялись, при чемъ Петръ сохранялъ за собою привилегію проникать въ дамскій залъ, гдѣ царица предсѣдательствовала на пиру и гдѣ не было ничего забыто, чтобы доставить хозяину забавное зрѣлище. Но во время болѣе тѣсныхъ собраній ставили общій столъ и тогда пиры кончались чисто по-сарданапаловски. Духовенство тоже занимало замѣтное мѣсто на пирахъ и не было отъ нихъ отстранено. Напротивъ, Петръ любилъ сидѣть тамъ рядомъ съ высшими духовными особами, перемѣшивая съ обильными возліяніями самые неожиданные богословскіе споры, и стараясь за научныя ошибки, которыя онъ находилъ, налагать принятый штрафъ—осушить стаканъ водки; послѣ чего споръ грозилъ окончиться потасовкой къ его великому удовольствію. Его излюбленные собутыльники корабельные капитаны и голландскіе купцы, были еще не изъ самаго низкаго разряда среди тѣхъ, съ которыми онъ обыкновенно запросто садился за столъ. Въ Дрезденѣ, въ 1711 году въ

гостиницѣ *Золотого Кольца* его любимое пребываніе было въ комнатѣ лакеевъ, онъ завтракалъ съ ними на дворѣ.

Въ немъ не было ничего мягкаго, ничего тонкаго. Въ Амстердамѣ, во время своего перваго путешествія онъ съ энтузіазмомъ увлекался знаменитымъ клоуномъ Тесте-Руэномъ, который давалъ представленія на открытомъ воздухѣ и плоскія шутки котораго такъ нравились подонкамъ населенія. Онъ желалъ пригласить его въ Россію.

Это—мужикъ. По нѣкоторымъ взглядамъ онъ ничего не потерялъ изъ своей врожденной дикости. Жестокій ли это дикарь? Говорятъ, что да. Ничего нѣтъ прочнѣе установленнаго, чѣмъ репутація его жестокости. Но это только повидимому. Онъ часто присутствовалъ въ комнатахъ пытокъ, на слѣдствіяхъ, гдѣ дыба и кнутъ дѣлали свое дѣло, какъ равно и на публичныхъ площадяхъ при казняхъ, гдѣ дѣйствовалъ во-всю рядъ самыхъ возмутительныхъ казней. Полагаютъ даже, что онъ не всегда являлся только простымъ свидѣтелемъ. Я буду имѣть случай вернуться къ этому вопросу по поводу ужасныхъ сценъ, которыми ознаменовался конецъ *стрѣльцовъ*. Но споры, поднятые по этому вопросу, мнѣ кажутся безплодными. Что онъ исполнялъ при случаѣ обязанности палача, да почему бы нѣтъ? Вѣдь исполнялъ же онъ съ успѣхомъ обязанности матроса, или столяра, а онъ не замѣчалъ и не могъ замѣтить разницы. Онъ былъ человѣкомъ, соединявшимъ въ себѣ наибольшое количество дѣлъ въ странѣ, гдѣ такое соединеніе дѣлъ есть общественный долгъ и ея петербургскій палачъ числился въ спискѣ придворныхъ шутовъ! Можетъ быть Петръ рубилъ даже головы? И это возможно. Находилъ ли онъ удовольствіе въ подобныхъ дѣлахъ? Вѣроятно, какъ и въ какой угодно работѣ: удовольствіе отъ дѣйствія. Но вотъ и все. Я не вѣрю ни одному слову въ анекдотѣ, разсказанному Фридрихомъ Великимъ Вольтеру объ одномъ ужинѣ, на которомъ, въ присутствіи барона Принцена, посланника короля прусскаго, царь будто бы забавлялся сниманіемъ головъ 20 *стрѣльцамъ*, осушивъ при этомъ столько же стакановъ водки, приглашая будто бы къ тому же и пруссака послѣдовать своему примѣру. Такимъ образомъ вокругъ каждой черты этого характера, и каждой главы этой исторіи создался цѣлый рядъ басенъ, которыя можно устранить заранѣе изъ-за одной только ихъ нелѣпости. Другимъ импонируетъ выборъ. Я уже указывалъ мое руководящее правило: согласованность данныхъ, даже различающихся въ пол-

робностяхъ, но представляющихъ неоспоримость въ одномъ и именно главномъ основании. Поэтому я не нахожу ничего, что бы позволяло примѣнить къ Петру признаки настоящаго дикаря: тонкое удовольствіе отъ исполненія казни и кровожадность. Въ немъ не было ни малѣйшаго признака садизма и даже обычныхъ признаковъ увлеченія кровопролитіемъ. Онъ былъ грубъ, жестокъ и безчувственъ. Состраданіе было въ его глазахъ лишь явленіемъ, какъ болѣзнь или здоровье, и трогало его не больше того.

Поэтому я охотно представляю его себѣ по легендѣ, преслѣдующимъ своихъ осужденныхъ вплоть до эшафота съ бранью и упреками, радующимся ихъ агоніи и смерти. Но если онъ былъ недоступенъ состраданію, когда онъ считалъ себя въ своемъ правѣ, то онъ въ высшей степени, до мелочей, сострадателенъ, когда онъ рѣшаетъ, что здѣсь не задѣты интересы государства.

Знаменитая истина уголовнаго права, изъ-за которой воздается столько почести Екатеринѣ II: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго», вовсе не представляетъ историческаго наслѣдства великой государыни. Петръ собственноручно начерталъ его даже въ военномъ регламентѣ!

Правда, современникамъ извѣстенъ цѣлый рядъ поступковъ, которые ничѣмъ невозможно объяснить иначе, какъ удовольствіемъ, которое онъ находилъ въ причиненіи другимъ неудовольствій, или по-просту въ причиненіи имъ зла. Приводятъ примѣръ адмирала Головина, даже любимца, отказавшагося ѣсть салатъ, такъ какъ уксусъ внушалъ ему отвращеніе и ужасъ. Петръ тотчасъ влилъ ему большой флаконъ въ ротъ, рискуя, что онъ задохнется. Я не оспариваю истинности разсказа, потому что мнѣ разсказывали цѣлый рядъ подобныхъ. Нѣжныя молодыя дѣвицы, принуждаемыя выпить гренадерскую порцію водки, дряхлые старики, вынужденные прыгать по улицамъ въ костюмахъ скомороховъ,—подобныя исторіи происходили почти ежедневно въ его царствованіе. Но фактъ здѣсь вызываетъ сомнѣніе съ другой точки зрѣнія. Петръ усвоилъ манеру одѣваться, питаться и развлекаться, какую онъ считалъ наиболѣе подходящей, которая уже тѣмъ самымъ, что была подходяща ему, должна быть подходяща всѣмъ. Это былъ его способъ толкованія, его самодержавная власть и его роль реформатора. Онъ этого и держался.

Уксусъ составлялъ для него часть государственныхъ законовъ, и тотъ, кто, какъ Головинъ, отказывался отъ этой при-

правы, или, какъ другіе, отъ сыра, устрицъ, прованскаго масла, того Петръ никогда не пропускалъ случая напичкать этимъ, разъ онъ только подозрѣвалъ въ стремленіи уклониться отъ гастрономическихъ новшествъ. Наконецъ, помѣстивши свою столицу на болотѣ, онъ назвалъ ее раемъ и желалъ, чтобы всѣ строили тамъ дома, восхищались и радовались, какъ восхищался онъ.

Очевидно, онъ не былъ очень нѣженъ. Въ январѣ 1694 года, видя свою мать тяжко больной и уже при смерти, онъ выражаетъ недовольство задержкой въ Москвѣ, не можетъ больше тамъ оставаться и назначаетъ отъѣздъ. У нея началась агонія въ часъ, который онъ назначилъ къ отъѣзду, и потому онъ поторопился съ похоронами. Я совсѣмъ не забылъ также кровавый призракъ Алексѣя и печальную тѣнь Евдокіи. Нужно ли еще перечислять обстоятельства, связывающія тѣло съ точки зрѣнія моральной, съ личностью и другими чертами его физіономіи, я хочу сказать о неотдѣлимыхъ судьбахъ революціоннаго періода, объ инстинктахъ этого человѣка, возстававшаго противъ противорѣчія, не забывая непосредственности его политики, наиболѣе личной и своенравной, какая когда-либо существовала.

Онъ обожалъ своего второго сына, и его переписка съ Екатериной, столь нѣжная въ мѣстахъ, касающихся сюда, полна выраженій, свидѣтельствующихъ о безпрерывной заботѣ его о здоровьѣ и благополучіи его двухъ дочерей, Анны и Елизаветы, которыхъ онъ въ шутку называетъ «воровками», потому что онѣ отнимали у него время, которыхъ онъ называлъ также «утробой». Онъ всякій день приходилъ къ нимъ въ комнату во время занятій и присутствовалъ на ихъ урокахъ.

Онъ не побоялся войти въ камеру заключеннаго, который еще наканунѣ былъ его любимцемъ, чтобы объявить ему, что, къ своему сожалѣнію, онъ завтра долженъ снять ему голову. Этотъ случай былъ съ Монсомъ въ 1724 году. Но поскольку его друзья казались ему достойными его дружбы, я нахожу его не только внимательнымъ къ нимъ, но и нѣжнымъ и ласковымъ, даже уже слишкомъ. Въ августѣ 1723 года на праздновaніи годовщины созданія флота въ присутствіи «дѣдушки» флота,—англійскаго ботика, найденнаго въ 1688 году въ сараѣ,—онъ, правда подвыпивши, началъ цѣловать герцога Голштинскаго въ шею, въ лобъ, въ голову,—поднявши даже парикъ,—и наконецъ, какъ сообщаетъ Берхгольцъ, «между зубами и губами».

Всѣ эти черты не позволяютъ намъ видѣть въ немъ, даже съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, простое подражаніе азіатскому деспоту. Будь то какъ государь, будь то какъ частное лицо, онъ заслуживаетъ большаго, во всякомъ случаѣ онъ нѣчто *другое*, внѣ всего человѣчества, выше или ниже, смотря по убѣжденію, но не безчеловѣченъ ни по инстинкту, ни по разуму. Рядъ указовъ, за его подписью, показываетъ въ немъ умъ, если не сердце, доступный идеямъ, если не чувствамъ человѣколюбія. Въ одномъ изъ нихъ онъ требуетъ титула покровителя вдовъ, сиротъ и беззащитныхъ людей.

Точно также въ области мозговой дѣятельности надо искать центра нравственной тяжести этого великаго безсознательнаго идеалиста, который былъ въ то же время великимъ сластолюбцемъ—случай не единственный,—но который, при всей пылкости своего темперамента, умѣлъ въ общемъ и чаще даже подчинять свои чувства общему закону, первымъ слугой котораго онъ провозгласилъ себя, надѣясь такимъ путемъ пріобрѣсти право подчинить ему неумолимо и безразлично всѣ воли, всѣ умы, всѣ страсти.

ГЛАВА II.

Черты ума.—Нравственный обликъ.

Конечно, этотъ мозгъ былъ особеннаго устройства. Свойства и широта его объема поневолѣ теперь вызываютъ на сравненіе съ Наполеономъ I. То же безпрерывное напряженіе безъ видимаго утомленія. Та же мощная гибкость и изворотливость. Та же способность заниматься заразъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ, самыхъ несхожихъ между собою, наиболѣе неравныхъ по значенію, безъ какой-либо замѣтной растраты умственныхъ способностей, безъ какого-либо ослабленія способности охватить каждый предметъ въ отдѣльности. Въ 1698 году въ Штокерау, въ окрестностяхъ Вѣны, въ то время, когда его послы спорили съ имперскими властями, обсуждая подробности торжественнаго въѣзда въ столицу, *Петръ Михайловъ*, всецѣло участвуя въ этихъ спорахъ, раздражавшихъ его, занимался въ письмѣ къ Виніусу обсужденіемъ постройки русской церкви въ Пекинѣ! Въ одномъ изъ писемъ, къ адмиралу Апраксину, помѣченныхъ сентябремъ 1706 года, я нахожу приказанія относительно веденія кампаніи, поставленія о переводѣ части латин-



Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ.

Картина художника Н. Н. Ге. Музей Императора Александра III.

скихъ книгъ, совѣты по поводу дрессировки охотничьихъ собакъ, съ подробнымъ изложеніемъ того, чему онѣ должны научиться: «1-е, поноскѣ; 2-е, снимать шляпу; 3-е, брать на караулъ; 4-е, прыгать черезъ палку; 5-е, сидѣть и просить ѣсть». 15 ноября 1720 года въ письмѣ къ Ягужинскому, посланному съ порученіемъ въ Вѣну, онъ интересуется обратной уступкой Шлезвига герцогу Голштинскому; портретомъ одной дѣвицы съ *свинымъ рыломъ*, который Петръ Алексѣевичъ Толстой вывезъ изъ своего путешествія: гдѣ эта дѣвица и нельзя ли ее видѣть? по поводу двухъ или трехъ дюжинъ хорошаго токайскаго, которое онъ желалъ бы пріобрѣсти, но онъ хочетъ сначала узнать цѣну и расходы по пересылкѣ.

Это былъ умственный центръ, доступный всякому пониманію, въ высшемъ своемъ развитіи, съ исключительно славянскою способностью, которую Герценъ обозначилъ словомъ *воспріимчивость*.

Можетъ быть онъ никогда не слышалъ до своего прибытія въ Лондонъ даже имени квакеровъ и ужъ, конечно, не зналъ ихъ ученія; случаю угодно было, чтобы онъ помѣстился на квартирѣ въ домѣ, гдѣ жилъ знаменитый Вилльямъ Пенкъ въ критическій моментъ своей бурной жизни, когда его преслѣдовали, какъ измѣнника и заговорщика; этого было довольно, чтобы царя уже видѣли въ дружественныхъ почти отношеніяхъ и съ этимъ Пенкомъ и со всѣми другими его сообщниками: Томасомъ Стори, Жильбертомъ Моллесономъ, позволяющимъ приносить ему ихъ изданія, благоговѣйно слушающимъ ихъ проповѣди. Девятнадцатью годами позже, по прибытіи въ Фридрихштадтъ, въ Голштиніи, съ отрядомъ войскъ, который долженъ былъ доставить помощь датчанамъ противъ шведовъ, его первымъ дѣломъ было спросить, есть ли въ городѣ квакеры. Ему было показано мѣсто ихъ собраній и онъ отправился туда.

Онъ не придавалъ крупнаго значенія системѣ Лея, ни даже финансамъ вообще; но самъ авторъ, его ученіе и судьба не преминули, тотчасъ послѣ знакомства, внушить ему живѣйшій интересъ. Онъ переписывается съ предпріимчивымъ банкиромъ; онъ слѣдитъ за нимъ съ большимъ интересомъ, сначала съ удивленіемъ, потомъ снисходительно и всегда расположенно, даже во времена тяжкой опалы.

Всюду, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы видѣть или знать что-нибудь, его оживленіе и душевное безпокойство были таковы, что только одинъ Наполеонъ, можетъ выдержать сравненіе.

Прибывши вечеромъ въ Дрезденъ послѣ цѣлаго дня пути, который утомилъ до изнеможенія всю его свиту, онъ не сталъ ужинать раньше, чѣмъ отправиться въ *Кунскамеру*, мѣстный музей; онъ явился туда въ часъ ночи и провелъ тамъ всю ночь, удовлетворяя свое любопытство при свѣтѣ факеловъ. Впрочемъ, эта любознательность, какъ уже раньше было видно, настолько всеобща и неутомима, что не знала ни времени, ни мѣры. Когда въ 1715 году умерла на пятьдесятъ первомъ году жизни царица Мароа Апраксина, вдова Өеодора, онъ пожелалъ убѣдиться, основательно ли распространяемое въ публикѣ мнѣніе по поводу болѣзни умершей и строгой нравственности ея; для этого онъ самъ рѣшилъ сдѣлать вскрытіе трупа и кажется вывелъ изъ него удовлетворительное заключеніе относительно добродѣтельности своей невѣстки.

Такимъ образомъ, несмотря на безпрестанное увеличеніе запаса его знаній и свѣдѣній, несмотря на удивительное разнообразіе, онъ сохранялъ кое-что въ нетронутомъ и зачаточномъ видѣ. Онъ говорилъ хорошо только по-русски, а по-голландски умѣлъ говорить только съ моряками и о морскихъ дѣлахъ.

Въ ноябрѣ 1721 года, принимая тайно французскаго посла, Кампредона, который жилъ въ Голландіи и свободно владѣлъ языкомъ страны, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ переводчику и къ несчастію сдѣлалъ плохой выборъ. Правда, что онъ былъ мало знакомъ съ торжественными пріемами западной дипломатіи; въ маѣ 1719 года французскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Ля-Ви, замѣтилъ, что онъ позволилъ начать переговоры объ Аландскихъ островахъ безъ соблюденія «прелиминарныхъ пунктовъ», благодаря чему шведы получили возможность обмануть его, ведя очень сомнительные переговоры. Онъ пускалъ въ ходъ въ иностранной политикѣ пріемы своего изобрѣтенія или своей страны, пріемы славянскаго остроумія, удвоенные азіатскою хитростью; онъ выбивалъ изъ позиціи своихъ иностранныхъ партнеровъ, вольностями, рѣзкостями и неожиданными нѣжностями, обрывавшими ихъ на полусловѣ поцѣлуемъ въ лобъ, или громко споря въ ихъ присутствіи; при этомъ никто изъ нихъ ничего не понималъ въ происходившемъ, а являлись лишь зрителями. Онъ являлся и еще является и теперь въ глазахъ нѣкоторыхъ военныхъ историковъ великимъ полководцемъ. Ему приписывались новыя и счастливыя идеи о роли резервовъ, о значеніи кавалеріи, о принципѣ молчаливой под-

держки, которую должны оказывать нѣкоторыя отдѣльныя части о простотѣ строя, о пользованіи редутами. Утверждаютъ, что Полтавская битва представила единственный, и при томъ заслуживш й удивленія со стороны Морица Саксонскаго, примѣръ примѣненія редутовъ для наступленія.

Эти редуты были его изобрѣтенія. Онъ лично велъ большинство осадныхъ операцій, очень многочисленныхъ во время Сѣверной войны и всегда его непосредственное вмѣшательство обезпечивало успѣхъ. Я не обладаю нужнымъ запасомъ свѣдѣній чтобы вступать въ споры по этому поводу, и потому ограничиваюсь ссылкою на свидѣтельство Морица Саксонскаго. Меня удерживаетъ противорѣчивое свидѣтельство. *Дневникъ Сѣверной войны*, о которомъ я уже упоминалъ. Петръ, самъ редактировавшій его, не кажется мнѣ ни выдающимся историкомъ, ни полководцемъ. Описаніе битвъ, которыя я тамъ нахожу, а болѣе я тамъ не нахожу ничего, въ общемъ или плачевно ничтожны, какъ въ случаѣ при Нарвѣ, или, когда они вдаются въ подробности, явно неточны. Я не могу сказать, изобрѣлъ ли великій человѣкъ редуты, которымъ придаютъ такое большое значеніе при Полтавѣ; но всѣмъ извѣстно, что онъ удовольствовался самъ выступленіемъ во главѣ одного полка, предоставивъ, какъ всегда, командованіе своимъ генераламъ.

Онъ старательно изучалъ успѣхи военнаго генія и постарался обезпечить и защитить новыя пріобрѣтенія на берегахъ Балтики; но Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ съ трудомъ могла бы сойти за образецъ; изъ другихъ же созданій подобнаго рода, предпринятыхъ подъ его руководствомъ, даже по признанію его величайшихъ почитателей, ни одно не можетъ быть названо совершеннымъ. Что же касается осадъ, успѣхъ которыхъ можетъ быть отнесенъ на его активъ, то я вижу ихъ неизмѣнно оканчивающимися приступомъ, гдѣ проявлялись единственныя качества: это блестящія качества новой русской арміи, ея храбрость и дисциплина. Эти качества мнѣ представляются также единственнымъ неоспоримымъ пунктомъ, который могъ бы съ своей стороны увеличить славу великаго преобразователя. Онъ ввелъ почти во всѣхъ отрасляхъ, какъ я это покажу въ другомъ мѣстѣ, усовершенствованія, которыя упрочили могущество и значеніе его страны; онъ былъ организаторъ, не имѣвшій равнаго себѣ, и я даже скорѣе сказалъ бы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его апологетами, что онъ опередилъ свое время, напримѣръ, учрежденіемъ набора, въ примѣненіи нѣкоторыхъ прин-

циповъ, появившихся и прославленныхъ теоретически на Западѣ гораздо ранѣе его, но по господствовавшей рутинѣ далекихъ отъ практическаго приложенія.

Для пріобрѣтенія настоящаго искусства въ какой-нибудь отрасли знаній, у него не только не хватало чувства мѣры, но также еще и чего-то другого, за отсутствіемъ чего я вижу его въ продолженіе всей его жизни забавляющимся въ серьезныхъ вещахъ и серьезно увлекающимся дѣтскими забавами. Укажу хотябы только, напримѣръ, на его занятія и стремленія къ хирургическому и зубоврачебному искусству. Со времени возвращенія изъ Голландіи, онъ постоянно носилъ при себѣ ящикъ съ инструментами и никогда не пропускалъ случая примѣнить ихъ. Служащимъ въ госпиталяхъ С.-Петербурга было вмѣнено въ обязанность извѣщать его о всѣхъ случаяхъ, когда предстояла интересная операція больному; онъ почти всегда присутствовалъ при операціи и часто самъ брался за ножъ.

Онъ выпустилъ однажды 20 фунтовъ жидкости у женщины съ водянкой,—которая умерла нѣсколько дней спустя. Несчастная защищалась, какъ только могла, если не отъ самой операціи, то отъ оператора. Онъ шелъ за ея гробомъ. Въ Музеѣ искусствъ въ Петербургѣ хранится полный мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ августѣйшимъ ученикомъ бродячаго практика изъ Амстердама. Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ понравиться государю было обратиться къ его услугамъ по вырыванію зуба. Случалось, что онъ выдергивалъ совершено здоровые. Его комнатный слуга, Полубояровъ, жаловался ему на свою жену, которая подъ предлогомъ зубной боли уже давно отказывалась отъ исполненія супружескихъ обязанностей. Онъ приказалъ позвать бунтовщицу, тутъ же произвелъ ей операцію, не взирая на ея слезы и крики, и предупредилъ, что въ случаѣ повторенія такая же участь постигнетъ обѣ челюсти. Надо, однако, признать правду, что ему обязана Москва въ 1706 году своимъ первымъ военнымъ госпиталемъ, за которымъ послѣдовала школа хирургіи, анатомическій кабинетъ и ботаническій садъ, гдѣ онъ самъ посадилъ нѣкоторое количество древесныхъ породъ. Въ томъ же году, благодаря его стараніямъ, были учреждены аптеки въ Петербургѣ, Казани, Глуховѣ, Ригѣ и Ревелѣ.

Впрочемъ, сценическія и артистическія занятія и дѣла были для него не только простымъ дѣломъ удовольствія или естественной склонности.

Онъ явно не имѣлъ никакого художественнаго чувства, никакого вкуса ни въ живописи, ни въ архитектурѣ. Его деревянный домикъ, въ Преображенскомъ, столь низенькій, что можно было достать рукою крышу, имѣлъ въ себѣ все, чтобы вполнѣ удовлетворить его личныя склонности. Долгое время онъ не соглашался имѣть другого даже въ Петербургѣ. Однако, онъ считалъ необходимымъ строить тамъ дворцы, которые бы служили жилищами его сотрудниковъ. Но постройки шли вяло; онъ видѣлъ необходимость показать примѣръ разъ навсегда и кончилъ тѣмъ, что сдѣлалъ себѣ Зимній и Лѣтній дворцы. Онъ выстроилъ довольно неуклюжее подражаніе западнымъ образцамъ, ибо стремился быть и своимъ собственнымъ архитекторомъ. Корпусъ зданія не сходился съ крыльями и образовались безобразные выступы, а въ комнатахъ, отведенныхъ для него, надо было сдѣлать двойные потолки, чтобы сохранить представленіе о томъ, что онъ живетъ еще въ деревянной хижинѣ. Но начало было положено, и со временемъ, французскій архитекторъ Леблонъ, приглашенный за огромное вознагражденіе въ сорокъ тысячъ ливровъ годовыхъ, постарался исправить ошибки прошлаго, придавши новой столицѣ подходящій для нея основательный и красивый видъ.

Петръ точно также позаботился объ увеличеніи небольшихъ коллекцій музея искусствъ, пріобрѣтеннаго имъ въ первое путешествіе въ Голландію. Когда онъ появился въ Амстердамѣ въ 1717 году, то рѣшилъ принять видъ просвѣщеннаго любителя; онъ случайно пріобрѣлъ картины Рубенса, Ванъ-Дика, Рембрандта, Жана Штейна, Ванъ-деръ-Верфа, Лингельбаха, Бергхейма, Мириса, Вувермена, Брэхгеля, Остада, Ванъ-Гиссена. У него былъ большой выборъ картинъ въ Лѣтнемъ Дворцѣ, цѣлая галлерея въ Петергофскомъ замкѣ. Рисовальщикъ и монетный рѣзчикъ Пикаръ и хранитель швейцарецъ Гжелль, бывшій старьевщикъ въ Голландіи, были приглашены на службу при этихъ коллекціяхъ,—первые, которыхъ знаетъ Россія.

И все это безъ малѣйшаго признака личнаго интереса. Позволительно сомнѣваться, чтобы онъ много проявилъ его въ корреспонденціи съ аббатомъ Биньонъ, королевскимъ библіотекаремъ и членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ которой онъ былъ со времени своего пребыванія въ Парижѣ, въ 1717 году. Въ 1720 году онъ послалъ къ аббату своего библіотекаря,—ибо онъ создалъ себѣ также и библіотеку,—нѣмца Шумахера, поручивъ ему рукопись золотыми буквами на пергаментѣ, най-

денную въ Семипалатинскѣ въ Сибири, подъ сводами одной разрушенной церкви. Дѣло шло не о томъ, чтобы разобрать документъ, а сначала узнать, на какомъ языкѣ онъ написанъ; Петръ казался восхищеннымъ, когда, принявшись за нее съ помощью присяжнаго королевскаго переводчика Фурмона, аббатъ объявилъ ему, что эта таинственная загадка принадлежитъ Тангутамъ—древнему Калмыцкому племени. Только послѣ его смерти двое русскихъ, которыхъ онъ послалъ въ Пекинъ изучать китайскій языкъ, и которые пробыли тамъ 16 лѣтъ, занялись пересмотромъ этого ученаго изслѣдованія и сдѣлали открытіе, компрометирующее заслуги парижскихъ оріэнталистовъ: рукопись была манджурская и ея текстъ совершенно отличался отъ того, который привелъ Фурмонъ. Но Петръ умеръ съ убѣжденіемъ, что пролитъ свѣтъ на важный пунктъ отечественной палеографіи и этнографіи и что онъ добросовѣстно исполнилъ свой долгъ государя. Между курьёзами, собранными имъ въ своемъ музеѣ искусствъ и естественной исторіи, современники упоминаютъ о нѣкоторыхъ живыхъ субъектахъ человѣческаго рода: объ одномъ человѣкѣ, пораженномъ ужаснымъ, отталкивающимъ недугомъ, и о недоразвитыхъ дѣтяхъ. Великій человѣкъ думалъ такимъ образомъ послужить наукѣ этими выставками.

II.

Это былъ умъ ясный, точный, опредѣленный, прямо идущій къ цѣли, безъ колебаній и уклоненій, машина, управляемая вѣрною рукой.

Его корреспонденція характерна въ этомъ отношеніи. Онъ не писалъ длинныхъ писемъ, какъ дѣлала его преемница, Екатерина II. Онъ не имѣлъ времени. Ни фразъ, ни разсужденій, ни тѣмъ болѣе каллиграфіи и ороографіи. Его обыкновенное письмо почти также неудобочитаемо, какъ наполеоновское. Въ большинствѣ словъ не хватаетъ буквъ. Онъ слѣдующимъ образомъ начинаетъ записку, адрессованную Меншикову: «Meiu hez brude in Kamamara, когда хочетъ сказать: Mein Her Bruder und Kamarad» (Мой милый братъ и товарищъ). Даже въ своей подписи «Пеѣъ» онъ вводитъ фантастическое сокращеніе, принятое въ славянскомъ алфавитѣ. Но онъ говоритъ быстро и хорошо то, что онъ хочетъ сказать, сразу и безъ усилій подыскивая правильное выраженіе, слово, которое опредѣляетъ и выражаетъ его мысль. Однако, онъ любитъ во всемъ шутку и, возможно, что Екатерина Великая, просто подражала ему въ этомъ

тношеніи. Онъ писалъ, напримѣръ, Меншикову на имя любимаго дога. Очень часто у него бывали шутки, остроты и вольности, какъ по мысли, такъ и внѣшней формѣ, но еще чаще онъ бывалъ рѣзокъ и ѣдокъ. Вице-адмиралъ Крюй прислалъ ему донесеніе, въ которомъ онъ жалуется на своихъ офицеровъ, прибавляя нѣсколько комплиментовъ по адресу царя: «человѣкъ, любящій море, какъ Петръ, лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ, насколько дисциплина важна въ морскомъ дѣлѣ». Онъ отвѣтилъ: «вице-адмиралъ самъ дѣлаетъ выборъ своихъ подчиненныхъ, ему самому и надлежитъ приняться за ихъ недостатки. Въ послѣднемъ случаѣ онъ кажется менѣе убѣжденнымъ въ качествахъ, которыя онъ дѣйствительно приписываетъ государю. Его критика, какъ и его похвалы должно быть дѣлались послѣ выпивки: онъ на ногахъ не стоялъ. Или нужно меня вычеркнуть изъ числа понимающихъ моряковъ, или не говорить мнѣ бѣлое, когда я говорю черное».

Восточный оттѣнокъ проявляется въ естественныхъ и пластическихъ оборотахъ его рѣчи. По поводу своего союза съ Даніей и неудовольствій, которыя онъ ему причинялъ, я нахожу слѣдующее выраженіе, вырвавшееся изъ-подъ его пера: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не могутъ ужиться»; и еще: «нашъ союзъ, какъ пара молодыхъ лошадей, впряженныхъ въ телѣгу». Или если дѣло шло о Польшѣ, гдѣ умы были въ постоянномъ броженіи: «дѣла идутъ тамъ, какъ молодая брага». Человѣкъ, который принимаетъ неосновательныя рѣшенія сравнивается съ «медвѣдемъ, который говоритъ, что можетъ перегнать кобылу». Даже въ качествѣ законодателя онъ иногда выражается такимъ языкомъ. Создавая постъ генералъ-прокурора въ Сенатѣ онъ сказалъ, что «хочетъ воспрепятствовать, чтобы законами играли, какъ картами, подбирая ихъ по мастямъ». Прокуроръ будетъ его «окомъ».

Не будучи историкомъ, онъ не былъ лишенъ историческаго чутья. Онъ только описываетъ событія, но короче понимаетъ ихъ смыслъ и значеніе. Онъ правильно ихъ объясняетъ, даже въ своихъ письменныхъ бесѣдахъ съ Екатериною. Очевидно, что онъ ведетъ точный учетъ всему, что творится и происходитъ вокругъ него.

Его воображеніе естественно склонно къ большому и даже къ огромному. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ возобновить колоссъ Родосскій между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ, въ видѣ огромной башни—коня надъ проливомъ, подъ которой

и проходили самые большие корабли, а на вершинѣ которой была бы небольшая крѣпость и маякъ. Уже была начата ея постройка въ 1724 году.

Въ нѣкоторыхъ его порывахъ я нахожу шекспировскія черты. Въ 1697 году, въ то время когда его отъѣздъ въ первое путешествіе по Европѣ былъ задержанъ раскрытіемъ заговора Циклера, онъ, замѣтивъ общую преступную связь между настоящимъ и прошлымъ, приказалъ вырыть трупъ Ивана Милославскаго, опущеннаго въ могилу уже 12 лѣтъ тому назадъ, и уже съѣденнаго червями. Его останки отвезли въ Преображенское на саняхъ, запряженныхъ двѣнадцатью свиньями и помѣстили ихъ въ открытомъ гробѣ *подъ эшафотомъ*, на которомъ должны медленно умереть Циклеръ и его сообщникъ Соковнинъ, разрубленные и разсѣченные на мелкіе куски. Съ каждымъ ударомъ ножа, кровь казнимыхъ будетъ падать мстительными каплями на того, кто остается ненавистнымъ врагомъ, оторваннымъ отъ покоя смерти, чтобы подвергнуться страшному наказанію отъ своего побѣдителя.

Въ 1723 году Преображенское было свидѣтелемъ другого зрѣлища, менѣе безобразнаго, но все-таки страшнаго. Петръ приказалъ сжечь тамъ свой деревянный домъ, который возстановили по его приказанію на его прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ былъ перенесенъ. Обыватели въ то время предпринимали переселеніе въ странѣ, тогда близкой еще къ жизни кочевниковъ. Памятный и символическій пожаръ. Въ этомъ именно домѣ—признавался онъ герцогу Голштинскому—Петръ составилъ проектъ своей ужасной борьбы со шведомъ, теперь уже окончившейся, и на радостяхъ, по случаю заключенія мира, онъ хочетъ уничтожить всѣ слѣды тяжелыхъ пережитковъ до этого памятника включительно. Но чтобы придать больше торжественности мирной демонстраціи, онъ рѣшилъ придать ей большое великолѣпіе при помощи фейерверка; онъ поджегъ наполовину сгнившіе столбы своей хижины римскими свѣчами и когда крыша освѣщалась снопами разноцвѣтныхъ огней, онъ самъ билъ въ барабанъ въ продолженіе всего пожара.

Временами, даже въ сферѣ пониманій и ощущеній гораздо болѣе тонкихъ, онъ, кажется, безъ усилій возвышался и парилъ въ облакахъ съ душами великихъ историческихъ избранниковъ, какъ по высотѣ полета, такъ и по широтѣ размаха. Въ 1712 г., Стефанъ Яворскій, малороссійскій монахъ, котораго онъ перевелъ изъ Кіева въ Москву, чтобы назначить архіереемъ, пуб-

лично напалъ на него въ своей рѣчи, разразившись ею противъ мужей, бросающихъ своихъ женъ, и людей, не соблюдающихъ постовъ.

Возникло дѣло объ оскорбленіи Величества, и государю было представлено донесеніе въ этомъ духѣ. Петръ ограничился подписью на поляхъ: «Сперва одинъ на одинъ, потомъ при свидѣтеляхъ». А такъ какъ Яворскій говорилъ, что онъ удалится въ монастырь, то онъ этому воспротивился, но добился присылки отъ Константинопольскаго патріарха разрѣшенія, которое оправдывало его отступленія отъ православныхъ постовъ.

Одинъ фанатикъ пытался убить его, произведя одинъ за другимъ два выстрѣла изъ пистолета, когда онъ спалъ. Оружіе каждый разъ давало осѣчку, и человѣка этого охватилъ ужасъ и онъ разбудилъ царя, чтобы сообщить ему о случившемся. Богъ послалъ его для того, чтобы дать монарху удивительное доказательство своего благоволенія. «Теперь убей меня», прибавилъ онъ. «Посланниковъ не убиваютъ», отвѣтилъ спокойно Петръ, и позволилъ злоумышленнику удалиться. Можетъ быть разсказъ не очень достовѣренъ, и я не думаю, чтобы Петръ согласился такъ легко выпустить изъ рукъ столь удобный случай для слѣдствія, розыска сообщниковъ и засѣданій въ комнатѣ пытокъ. Фокусъ съ Яворскимъ, очевидно, единственный въ своемъ родѣ. Но, вѣроятно, выдуманное во всѣхъ мелочахъ, или по крайней мѣрѣ преувеличенное, происшествіе это соотвѣтствуетъ манерѣ, которая была свойственна царю, въ особенности въ послѣднемъ случаѣ.

Я нахожу, что онъ часто при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ представлялъ доказательства высшаго пониманія, самой высокой философской широты взгляда по отношенію къ себѣ лично.

Явившись въ Варшаву послѣ злосчастнаго Прутскаго похода и получая поздравленія по случаю благополучнаго прибытія, онъ возражалъ: «Мое счастье заключается въ томъ, что вмѣсто ста ударовъ палками, я получилъ только пятьдесятъ». Потомъ, какъ бы говоря самъ себѣ: «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ»... и самъ же возражалъ: «не столь! не столь!»

Одинъ изъ его любимыхъ учениковъ, Неплюевъ, явился съ опозданіемъ на утреннюю аудіенцію, которая ему была назначена въ судостроительной мастерской. Царь былъ уже тамъ. Неплюевъ извинялся: онъ засидѣлся ночью съ друзьями. «Это хорошо; я тебя прощаю, потому что ты сказалъ правду, да къ

тому жъ»,—тутъ Петръ будто бы сдѣлалъ указаніе на себя, примѣнивъ къ этому случаю мѣстную пословицу,—«кто бабѣ не внукъ».

Были ли эти пріемы мысли, слова и дѣла у него самостоятельны, естественны? Соотвѣтствовали ли они дѣйствительно внутреннимъ чертамъ ума и характера? Не являются ли они скорѣе результатомъ рисовки, которую ему приходилось мѣнять по оплошности, по капризу, или за ненадобностью? Сомнѣніе допустимое, ибо онъ столь часто мѣнялъ ихъ и противорѣчилъ имъ.

При въѣздѣ въ Дербентъ въ 1723 году онъ будто бы сказалъ: «Александръ выстроилъ этотъ городъ, а Петръ его взялъ». На одной изъ тріумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ въ лѣсу подъ Москвой, еще задолго до Полтавы, онъ приказалъ при возвращеніи изъ персидскаго похода слѣдующимъ образомъ упомянуть объ этой легкой побѣдѣ:

Struxerat fortis, sed fortior hanc cepit urbem [1]).

Очевидно въ этотъ день онъ забылъ свою скромность. При взятіи Нарвы, въ 1704 году, онъ забылъ благородство, давши пощечину коменданту Горну, виновному единственно лишь въ томъ, что слишкомъ хорошо защищался, приказавши бросить въ воду трупъ его жены, убитой во время приступа. При взятіи Выборга, въ 1710 году, онъ обѣщалъ осажденнымъ военныя почести, потомъ же, при капитуляціи, онъ задержалъ гарнизонъ въ плѣну. Тотъ же фактъ повторился и при Дерптѣ и подъ Ригой.

Это тотъ же человѣкъ, который послѣ сраженія подъ Тваэрмюнде (іюля 1714 г.) обнялъ командира фрегата, Эренскьельда, и заявилъ, что гордится сраженіемъ съ такимъ противникомъ. Онъ точно выполнилъ въ 1721 году мирныя условія, подписанныя съ Швеціей, но способъ, которымъ онъ открылъ военныя дѣйствія, былъ образомъ вѣроломства.

Въ маѣ 1700 года, возвратившись изъ Воронежа въ Москву, онъ дружески упрекалъ шведскаго резидента Книперкрона за безпокойство, которое проявляла, живя на дачѣ въ Воронежѣ, его дочь, опасаясь столкновеній между обѣими странами. Онъ старался ее успокоить: «Глупое дитя, говорилъ онъ ей, какъ могла ты подумать, что я соглашусь начать неправую войну и

---

[1]) Храбрый выстроилъ, храбрѣйшій взялъ этотъ городъ.

нарушить миръ, который я поклялся вѣчно хранить». Онъ обнималъ Книперкрона при свидѣтеляхъ и расточалъ передъ нимъ вѣрнѣйшія обѣщанія: «Если польскій король возьметъ Ригу, онъ, Петръ, отниметъ городъ, чтобы возвратить его шведамъ». Въ это же время онъ уже заключилъ союзъ съ Августомъ противъ Швеціи, составивъ планъ нападенія общими силами и дѣлежа предстоящей добычи. Въ слѣдующемъ августѣ 8-го числа, получивши отъ своего посла въ Константинополѣ, Украинцева, новость о подписаніи мира съ Портой, котораго онъ ожидалъ, чтобы снять маску, онъ двинулъ свои войска въ походъ противъ Нарвы; а въ то же время его другой посолъ, князь Хилковъ, получивъ аудіенцію у Карла XII, продолжалъ увѣрять его въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ своего повелителя.

Преимущественно практическое направленіе его ума дѣлало его иногда ограниченнымъ и узкимъ. Когда Лейбницъ предложилъ ему устроить по всему пространству его обширной имперіи магнитныя обсерваторіи, онъ едва не утратилъ уваженіе къ великому ученому. Это не помѣшало ему увлечься открытіемъ Берингова пролива, онъ имѣлъ въ виду его, какъ коммерческій путь и видимую отъ него пользу.

Онъ былъ экономенъ до скупости. Онъ пользовался математическими инструментами, которые постоянно носилъ съ собою, для измѣренія убыли сыру, который ему подавался, а чтобы вознаградить за недостаточность жалованья, которое онъ платилъ своему главному повару Вельтену, онъ разрѣшилъ брать по дукату съ головы за ужины, на которые онъ созывалъ своихъ друзей. Онъ охотно соглашался крестить, такъ какъ любилъ вмѣшиваться во все и у всѣхъ; но подарокъ, который онъ дѣлалъ роженицѣ, иногда не превышалъ дуката, положеннаго подъ подушку, если это была жена офицера, или рубля, если это была простая солдатка. Въ награду Тимофею Антипову, спасшему его жизнь въ 1694 году въ бурю на Бѣломъ морѣ, онъ далъ тридцать рублей, и это было съ его стороны огромнымъ шагомъ благородства.

Итакъ, я нахожу его всегда и во всемъ вполнѣ вѣрнымъ самому себѣ и вполнѣ естественнымъ въ своихъ противорѣчіяхъ. Конечно, онъ разнообразенъ въ томъ смыслѣ, о которомъ я еще скажу, и его нравственные устои, какъ и воспитаніе, очень отличаются отъ обычныхъ. Не будемъ забывать страну, въ которой онъ родился, націю, къ которой онъ принадлежалъ, традиціи, которыя онъ унаслѣдовалъ. Рюрикъ, Олегъ, св. Владиміръ, Свя-

тополкъ и Мономахъ, эти герои русской исторіи и сказки, конечно, крупныя фигуры, но нужно остерегаться разсматривать ихъ въ историческомъ и сказочномъ свѣтѣ древняго европейскаго міра.

Очевидно, тѣ же самыя противорѣчія встрѣчаются у Петра и въ отношеніи къ морали и религіи. Былъ ли онъ вѣрующимъ? Въ этомъ можно еще сомнѣваться, ибо временами онъ такъ же безцеремонно относился къ обрядамъ и служителямъ церкви, какъ и въ другихъ случаяхъ сильныхъ увлеченій. Я нахожу его у постели его сестры Маріи во время ея агоніи, выгоняющимъ монаховъ, пришедшихъ для того, чтобы совершить надъ нею по обычаю священный обрядъ; они принесли умирающей разныя яства и питія и спрашивали у нея сладкимъ голосомъ, «не желаетъ ли она, разставаясь съ жизнью, не быть лишенной хоть пищи». Къ чорту всѣ обманы! Пусть такъ, онъ самъ держится простой вѣры и преслѣдуетъ притворство.

Но я вижу, что онъ имѣетъ привычку помнить праздники, которые самъ устанавливаетъ, и англійскій посолъ Витвортъ, въ своей депешѣ отъ 25 марта 1712 года, говоритъ объ одной блестящей, одержанной во снѣ, побѣдѣ надъ тигромъ, которая укрѣпила царя въ его воинственныхъ замыслахъ. Въ то же время приличія, добрые или дурные нравы, вѣжливость и скромность,— все это казалось для него мертвою буквой. Въ 1723 году, Ягужинскій, одинъ изъ выскочекъ, которыми онъ былъ окруженъ, чтобы жениться на дочери канцлера Головкина, рѣшилъ развестись съ своей женой, которую онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть и отъ которой онъ имѣлъ взрослыхъ дѣтей. Такъ какъ Ягужинская съ одной стороны и Головкинъ съ другой—возстали противъ этого проекта, то Петръ, которому онъ пришелся по душѣ тѣмъ, что могъ унизить этимъ старую аристократію передъ новой, не постѣснился вмѣшаться: жена была заключена въ монастырь, а отецъ былъ принужденъ дать согласіе; Петръ объявилъ первый бракъ расторгнутымъ и принялъ на себя расходы по второму. Вотъ примѣръ, какъ онъ поступалъ въ частныхъ дѣлахъ; по этому можно судить объ остальномъ.

Въ Берлинѣ, въ 1718 году, посѣщая кабинетъ медалей и античныхъ статуй, онъ обратилъ вниманіе на статуэтку съ непристойной позой бога, которымъ римляне любили украшать свои брачныя комнаты. Онъ зоветъ императрицу и приказываетъ ей поцѣловать фигурку; такъ какъ та попробовала было защищаться, то онъ грубо крикнулъ на нее: «Голову долой!», давая понять ей, чѣмъ она рискуетъ въ случаѣ неповиновенія.

Послѣ этого онъ просилъ у короля, владѣльца ея, уступить ему эту рѣдкую вещь, а также еще нѣсколько другихъ штукъ, и кромѣ того кабинетъ для куренія, стоившій огромныхъ денегъ, по словамъ маркграфини Байрейтской.

Въ Копенгагенѣ точно также, увидѣвши мумію въ естественно историческомъ музеѣ, онъ выразилъ намѣреніе пріобрѣсти ее. Королевскій смотритель донесъ объ этомъ своему господину, который отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ: мумія исключительной красоты и величины, другой подобной нѣтъ въ Германіи. Петръ вернулся въ музей, схватилъ мумію, откололъ ей носъ, всячески изуродовалъ ее и ушелъ со словами: «теперь можете ее хранить». Въ 1711 году, въ Дрезденѣ, покидая гостиницу *Золотого Кольца*, онъ снялъ собственноручно и хотѣлъ уложить въ свой багажъ, несмотря на сопротивленіе слугъ, цѣнныя занавѣси, которыя саксонскій дворъ прислалъ для украшенія его покоевъ. Въ Данцигѣ въ 1716 году будучи въ церкви, гдѣ ему причинялъ неудобство холодный сквозной вѣтеръ, онъ, не говоря ни слова, протянулъ руку, снялъ съ бургомистра, стоявшаго рядомъ съ нимъ, парикъ и надѣлъ его на себя.

Я не вѣрю совершенно тому, что баронъ Прикценъ долженъ былъ однажды взобраться на вершину мачты, чтобы представить свои ввѣрительныя грамоты московскому государю, въ то время какъ тотъ былъ занятъ прикрѣпленіемъ веревокъ и не соглашался прервать свое занятіе.

Это отсутствіе мелочности, эта ненависть къ обычнымъ правиламъ поведенія, это презрѣніе къ благопристойности уживались, однако, въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ глубокимъ чувствомъ полнаго уваженія къ долгу, закону и порядку. Почему и какъ? Безъ сомнѣнія потому, что онъ считалъ, что здѣсь должно быть нѣчто другое, чѣмъ безсознательное отрицаніе основъ какого-либо общественнаго строя. Помимо нѣкоторой доли каприза и фантазіи, которыми объясняется большая часть его непослѣдовательныхъ поступковъ, здѣсь надо искать и болѣе серьезныя причины. Петръ предпринялъ перемѣны въ жизни народа, для котораго на добрую половину имѣли значеніе мелочи и предразсудки, какъ въ области религіи, такъ и нравственности. Обладая въ достаточной долѣ наблюдательностью, онъ видѣлъ въ нихъ главное препятствіе на пути къ прогрессу, а имѣя здравый смыслъ, онъ не пропускалъ ни одного случая къ ихъ исправленію.

Въ 1699 г., ведя по Дону свою флотилію кораблей, онъ увидѣлъ какъ голландскій матросъ наслаждался жаркимъ изъ черепахъ, вы-

ловленныхъ въ рѣкѣ. Онъ указалъ это своимъ сотоварищамъ, закричавшимъ отъ ужаса: подобная пища составляла въ ихъ глазахъ предметъ отвращенія и ужаса. Онъ тотчасъ приказалъ своему повару подъ видомъ курицы подать къ столу предосудительное блюдо. Шеинъ и Салтыковъ почувствовали себя дурно, когда имъ по приказу царя показали перья дичи, которую они по ихъ предположенію ѣли.

Петръ чувствовалъ въ себѣ призваніе освободить народное сознаніе отъ наслоеній, которыя на него наложили вѣка варварскаго невѣжества. Но, совершая это, онъ внесъ слишкомъ много стремительности, слишкомъ много личной грубости, и въ особенности, слишкомъ много пристрастія. Онъ билъ направо и налѣво. И поэтому, исправляя все, онъ портилъ; являясь великимъ воспитателемъ, онъ былъ въ то же время величайшимъ развратителемъ рода человѣческаго. Вмѣстѣ со всѣмъ своимъ величіемъ современная Россія обязана ему большинствомъ своихъ пороковъ [1]).

III.

Характерны и въ своемъ родѣ единственны въ этой физіономіи, которая при взглядѣ на нее съ нѣкоторыхъ сторонъ кажется почти безобразной вслѣдствіе своихъ контрастовъ,—это черты безпрерывнаго и непомѣрнаго шутовства. Они скрываютъ царственную голову подъ колпакомъ арлекина, придаютъ балаганные гримасы суровой маскѣ и особенно при всѣхъ превратностяхъ жизни, полной крупныхъ событій и великихъ дѣяній, перемѣшиваютъ пустое съ серьезнымъ, фарсъ съ драмой.

Это началось очень рано, съ самаго начала царствованія, съ прозвищъ, которыя молодой царь давалъ себѣ и надѣлялъ своихъ друзей и сотрудниковъ первыхъ дней. Уже въ 1695 году князь Өедоръ Ромодановскій получилъ титулъ генералиссимуса *короля Пресбургскаго*, и въ письмахъ къ нему съ порученіемъ самыхъ важныхъ дѣлъ Петръ не переставалъ величать его *Min Her Kenich*. При этомъ онъ подписывался: «Вашего Величества нижайшій рабъ, *Knech Piter Komondor*», или «Jr Daheleix Kneh», что̀ имѣло смыслъ, понятный только ему одному. Онъ по каждому поводу увѣрялъ въ своемъ рѣшеніи проливать кровь до послѣд-

[1]) Смотри любопытную статью историка кн. Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»—Изданіе «Русской Были» № 9. М. 1908 г.

ней капли на службѣ этого воображаемаго государя. Въ то же время Зотовъ, его старый наставникъ, былъ назначенъ Пресбургскимъ архіереемъ, патріархомъ береговъ Яузы и всего *Кукуя* (прозвище неизвѣстнаго происхожденія, данное кварталу нѣмецкой слободы); Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ сдѣлался Папой; ему писали: «святѣйшій отецъ» и «Ваше Святѣйшество» и требовали, чтобы отвѣты были въ томъ же духѣ, хотя бы они имѣли характеръ дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ донесеній.

Нужна была вся необыкновенная скромность національнаго характера, покоренная всевозможными формами деспотизма, для того, чтобы благодаря такимъ испытаніямъ не пошатнулась въ конецъ самая идея государственности; въ особенности тогда, когда самыя непредвидѣнныя переодѣванія, наименѣе подходящія для государя, унижали даже его человѣческое достоинство. Въ 1698 году по возвращеніи изъ своего перваго путешествія за границу я вижу его въ шествіи, гдѣ лже-патріархъ Зотовъ, одѣтый въ митру, на которой былъ изображенъ въ непристойномъ видѣ Бахусъ, шелъ во главѣ толпы обнаженныхъ вакханокъ, несшихъ на головѣ вмѣсто виноградныхъ вѣтвей пучки курительнаго табаку. Я ясно вижу въ этомъ осмѣяніе монополіи, которую только что изобрѣлъ маркизъ Гаермартенъ, и слѣдовательно политическое намѣреніе; но способъ избранный для его изображенія покажется конечно страннымъ. Въ томъ же году на другой день послѣ казни, когда полтораста *стрѣльцовъ* умерли отъ жестокихъ мученій, Петръ былъ все-таки веселъ; онъ оставилъ обѣдать Бранденбургскаго посла, получившаго прощальную аудіенцію, и, за дессертомъ, угостилъ его шутовской сценой, въ которой лже-патріархъ, преподавъ благословеніе присутствующимъ двумя сложенными крестообразно чубуками, подалъ сигналъ къ танцамъ. Царевичъ Алексѣй и его сестра Наталія присутствовали при этомъ развлеченіи за занавѣской, которую пріоткрыли для того, чтобы дать имъ возможность видѣть зрѣлище.

Двадцать лѣтъ спустя остались все тѣ же забавы. Во время масляницы 1724 года толпа въ 60—70 человѣкъ молодежи, офицеровъ и духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ духовникъ царя Надажинскій, мѣщане и простонародье, среди которыхъ одинъ матросъ, шедшій головою внизъ, съ гримасами и шутовскими кривляньями, сопровождала царя по улицамъ. Эти люди, набранные среди величайшихъ пьяницъ, и самыхъ безобразныхъ по-

донковъ страны, образовали правильное братство, собираясь въ опредѣленные дни, подъ именемъ «безпечальнаго собора», и предавались оргіямъ, продолжавшимся иногда въ теченіе сутокъ. Иногда на эти собранія приглашались женщины и самые важные сановники, министры, генералы. Люди съ вѣсомъ и въ лѣтахъ часто бывали вынуждены принимать участіе въ удовольствіяхъ, которымъ тамъ предавались.

Въ январѣ 1725 года восьмидесятилѣтній старикъ изъ извѣстной фамиліи, Матвѣй Головинъ, долженъ былъ согласно приказу участвовать въ шествіи, одѣтый чертомъ. Такъ какъ онъ отказался, то его по приказанію Петра схватили, совершенно раздѣли, надѣли ему на голову картонный колпакъ съ рожками, и въ продолженіе часа заставили сидѣть на льду на Невѣ. Онъ схватилъ горячку и умеръ.

Сами по себѣ эти пріемы развлеченія, кажущіеся такими грубыми, въ особенности теперь, могли бы ускользнуть отъ критики; они были естественнымъ и такъ сказать необходимымъ противоядіемъ въ томъ существованіи труженика, которое безъ этого превосходило предѣлы человѣческихъ силъ даже для столь исключительно крѣпкой натуры, какъ у Петра. Великій человѣкъ инстинктивно искалъ въ этомъ отдыха для напряженныхъ нервовъ, и будучи крайнимъ во всемъ, не сумѣлъ избѣгнуть худшихъ крайностей и тутъ. Можно думать даже, что онъ искупалъ непріятную, циническую и безчеловѣчную сторону этого безграничнымъ весельемъ и широкимъ добродушіемъ, которыя онъ обыкновенно вносилъ съ собою.

Съ другой стороны поистинѣ скандальный характеръ его удовольствій и забавъ заключается въ завѣдомомъ смѣшеніи, которое Петръ устраивалъ между глупостью и дѣломъ, маскарадомъ и серьезною жизнью. Потѣшные графы и патріархи, шуты и арлекины перепутывали и безъ стѣсненія смѣшивали свои маскарадныя достоинства и принадлежности съ другими титулами и другими обязанностями, которые исполняли или должны были исполнять очень почтенныя особы.

Нѣтъ ни оправданія, ни извиненія этимъ безобразіямъ; они являются конечно слабымъ мѣстомъ въ крупномъ умѣ, слишкомъ выбитомъ изъ обычной колеи, слишкомъ лишенномъ противовѣса, который обыкновенно создаютъ въ натурахъ независимыхъ воспитаніе, традиціи, общественная среда, чтобы сохранить равновѣсіе въ пространствѣ, гдѣ ему приходилось двигаться и гдѣ пролегала его дорога.

IV.

Можно ли считать, что общественное и оффиціальное учрежденіе лже-патріархата, о которомъ я уже упоминалъ, имѣло цѣлью подготовку уничтоженія истиннаго патріархата? Я бы охотно съ этимъ согласился, но насколько опасенъ подобный извращенный путь! Не рисковалъ ли Петръ этимъ способомъ унизить достоинство всего духовенства и даже самую идею религіи? Могутъ сказать, что дѣло шло лишь о пародіи папства. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Я вижу Зотова подписывающимся отдѣльно то именемъ *князь-папа*, то *патріархъ*. А сопоставляя рядомъ съ нимъ лже-кесаря Ромодановскаго, спрашивается, какой титулъ, какой санъ, какую должность старался осмѣять и унизить Петръ? Я скорѣе склоненъ думать, что онъ въ особенности стремился къ забавѣ ума, предрасположеннаго къ фантазіямъ и эксцентричности въ виду нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ чертъ восточнаго деспотизма, нѣкоторыхъ конституціональныхъ пороковъ и нѣкоторыхъ пробѣловъ первоначальнаго воспитанія.

Предположимъ, что сюда иногда примѣшивались серьезныя намѣренія, что онѣ даже служили отправнымъ пунктомъ для безудержнаго и безобразнаго разврата воображенія, — я совершенно не думаю этого оспаривать,—но онѣ быстро испарялись и исчезали, смытыя его рѣзкимъ и грубымъ натискомъ.

Впрочемъ, вернемся къ фактамъ.

Происхожденіе кощунственной обстановки, въ которой выступали попъ или патріархъ Зотовъ и его преемники, восходитъ, какъ я уже сказалъ, къ первымъ годамъ царствованія, но добавленія присоединялись впослѣдствіи. Послѣ учрежденія понтифекса, Петръ рѣшилъ прибавить къ нему кардиналовъ, конклавъ. Это былъ Всешутшѣйшій или Всепьянѣйшій Соборъ, учрежденіе, установленное почти оффиціально. Онъ пополнялъ изъ года въ годъ это учрежденіе, придумывая и собственноручно редактируя статуты и правила, работая надъ этимъ даже наканунѣ Полтавской битвы! Членами были самые грязные изъ его собутыльниковъ, къ которымъ онъ прибавилъ нѣсколько человѣкъ серьезной мысли и строгаго нрава, частью изъ-за грубаго каприза деспота, частью для того, чтобы посредствомъ униженія легче держать ихъ въ рукахъ. Избранные должны были сначала отправиться въ домъ князя-папы, названный Ватиканомъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и благодарность. Четыре заики, предводительствуемые камердинеромъ царя, слу-

жили имъ переводчиками при этой церемоніи, во время которой ихъ одѣвали въ красное платье, которое они должны были отнынѣ носить постоянно.

Переодѣтые такимъ образомъ они входили въ залу, называемую *Консисторіей*, вся меблировка которой состояла изъ креселъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ. Въ глубинѣ ея на возвышеніи изъ эмблематическихъ предметовъ, бочекъ, стакановъ и бутылокъ—тронъ князя-папы. Одинъ за другимъ проходили передъ нимъ кардиналы, получали по стакану водки и слышали слѣдующую формулу: *Reverendissime*, открой ротъ, осуши «то, что тебѣ даютъ, и ты заговоришь намъ о дивныхъ «дѣлахъ». Послѣ этого, когда всѣ занимали мѣста на креслахъ, сеансъ открывался и продолжался долгіе часы въ смѣси распутства и разнузданности. Конклавъ помѣщался въ сосѣднемъ домѣ, куда отправлялись процессіи съ княземъ-папою во главѣ на лошади въ саняхъ, которыя везли четыре быка. Его окружали лже-монахи якобинцы, кордельеры. Костюмъ отца Калльо, одного французскаго кордельера, поселившагося въ Москвѣ, послужилъ образцомъ для ихъ наряда.

Петръ даже хотѣлъ имѣть въ процессіи самого этого монаха, и уступилъ только передъ энергичнымъ протестомъ французскаго министра. Одѣтый въ голландскій костюмъ онъ обыкновенно дирижировалъ шествіемъ. Обширная галлерея, уставленная узкими диванчиками, ожидала членовъ конклава. Въ коридорахъ были еще кресла съ вырѣзными серединами, предназначенныя частью для запасовъ провизіи, частью для отправленія естественныхъ надобностей. Мнимымъ кардиналамъ было запрещено покидать ихъ диванчики раньше окончанія конклава. Конклавистамъ, приставленнымъ къ каждому изъ нихъ, было вмѣнено въ обязанность заставлять ихъ пить, подзадоривать ихъ на самыя необыкновенныя выходки, самыя разнузданныя шутки, а также, говорятъ, вызывать ихъ на откровенности. Царь присутствовалъ при этомъ, слушалъ, и дѣлалъ замѣтки въ книжечку. Конклавъ продолжался три дня и три ночи. Когда тамъ не были заняты избраніемъ новаго папы, то время было посвящено спорамъ относительно, напримѣръ, качества вина, объявленнаго нехорошимъ однимъ изъ кардиналовъ.

Въ 1714 году, чтобы разнообразить монотонность этой программы, Петръ рѣшилъ женить князя-папу Зотова, восьмидесятичетырехлѣтняго старика, имѣвшаго сына, служившаго съ достоинствомъ въ арміи. Тщетно одинъ изъ нихъ обращался

къ милосердію царя, чтобы отъ подобнаго позора была хоть избавлена старость отца. Невѣстою была знатная дама, Анна Пашкова, около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Были сдѣланы необходимыя приготовленія къ празднованію такой небывалой свадьбы. Не будемъ забывать, что въ это же самое время свирѣпствовала Сѣверная война со всѣми ужасами ежедневныхъ битвъ и жертвами, опустошавшими средства страны. И вотъ еще за четыре мѣсяца былъ посланъ приказъ всѣмъ придворнымъ кавалерамъ и дамамъ приготовиться къ исполненію роли въ предполагаемой церемоніи и прислать канцлеру, графу Головкину, подробное описаніе желаемыхъ костюмовъ, съ тѣмъ, чтобы не было болѣе трехъ одинаковыхъ. Исполнители въ костюмахъ два раза, 12 декабря 1714 и 15 января 1715 года подверглись личному смотру Петра. Онъ собственноручно написалъ всѣ правила распредѣленія церемоніальнаго обряда, предполагаемаго по этому поводу.

Въ назначенный день по сигналу, данному въ Петербургской крѣпости, мужчины и женщины, долженствовавшіе принять участіе въ маскарадѣ, должны были собраться, первые въ домѣ канцлера, вторые въ домѣ *княгини-игуменіи*. Ибо въ это время уже была и *княгиня-игуменія*, г-жа Ржевская, «бойкая и ловкая, но всегда пьяная бабёнка», какъ ее называетъ одинъ современникъ.

Шествіе выстраивалось передъ царскимъ дворцомъ и, перейдя Неву по льду, отправлялось на другой берегъ въ церковь Св. Петра и Павла, гдѣ девяностолѣтній священникъ, котораго нарочно выискали въ Москвѣ, ожидалъ новобрачныхъ передъ алтаремъ. Во главѣ шелъ Ромодановскій, лже-кесарь, на подобіе Давида неся гусли, покрытые медвѣжьей шкурой. Четыре медвѣдя были впряжены въ его сани и пятый держался позади въ видѣ лакея. Животныя, которыхъ били изо всей силы всю дорогу, издавали дикій ревъ. Молодые, слѣдовавшіе на очень высокихъ саняхъ, окруженные купидонами, имѣли впереди себя, на козлахъ вмѣсто кучера, оленя, украшеннаго огромными рогами, а сзади козла̀. Лже-патріархъ былъ одѣтъ въ костюмъ верховнаго жреца.

Все, что было въ столицѣ знатнаго: министры, аристократія, дипломатическій корпусъ, князь Меншиковъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ Брюсъ, графъ Витцтумъ, посолъ Августа II, въ качествѣ бургомистра Гамбурга, игравшій на рыля̀хъ, канцлеръ, князья Яковъ и Григорій Долгорукіе, князья Петръ и

Дмитрій Голицыны, игравшіе въ видѣ китайцевъ на свирѣли; имперскій посолъ Плейеръ, министръ Ганновера Веберъ, резидентъ Голландіи де-Ви, въ видѣ германскихъ пасторовъ игравшіе на волынкахъ, тоже находились тамъ, смущенные и стѣснявшіеся, но Петръ ни о чемъ не заботился.

Нѣкоторые вельможи, какъ Михаилъ Глѣбовъ, Петръ и Никита Хитровъ были освобождены отъ обязанности являться съ музыкальнымъ инструментомъ, «такъ какъ ихъ слишкомъ преклонный возрастъ дѣлалъ ихъ неспособными управлять руками». Но они должны были присутствовать. Царевичъ, въ видѣ охотника, игралъ въ рогъ. Екатерина, въ видѣ финляндки со свитою изъ восьми дамъ; старая царица Мароа, вдова царя Θеодора, въ видѣ польки; принцесса Остъ-Фрисландская въ древне-германскомъ костюмѣ — всѣ играли на свирѣляхъ. Петръ, по обыкновенію въ качествѣ матроса, билъ въ барабанъ. Венеціанцы, извлекали пронзительные звуки изъ своихъ свистковъ, дикари изъ Гондураса размахивали копьями, поляки пилили на скрипкахъ, калмыки бренчали на балалайкахъ, норвежскіе крестьяне, литовскіе пасторы, католическіе монахи, епископы, украшенные оленьими рогами, *раскольники*, китоловы, армяне, японцы, лапландцы, тунгузы окружали его пестрой и нарядной толпой.

Звонъ инструментовъ, ревъ медвѣдей, звонъ колоколовъ, на всѣхъ церквахъ, крики тысячъ зрителей — смѣшивались въ адскую какофонію. Зрители кричали: «патріархъ женится! да здравствуетъ патріархъ и его супруга!» Банкетъ, какъ и слѣдовало ожидать, превратился въ оргію, закончившую торжество, гдѣ восьмидесятилѣтніе старики, едва державшіеся на ногахъ, исполняли обязанности виночерпіевъ. Празднество продолжалось и на другой день и тянулось до самаго февраля.

Не можетъ быть двухъ способовъ оцѣнки этихъ гнусностей и безобразій. Можно только расходиться въ способахъ ихъ объясненія. Я держусь того, который изложилъ уже выше. Петръ представитель общества на пути къ обновленію, въ которое историческія предпосылки и его личная иниціатива ввели и удерживали различныя и часто противоположныя «бродила», въ которыхъ не было ничего стойкаго, священнаго и слѣдовательно ничего святого. Со временъ Ивана Грознаго всѣ замѣчательные люди были своеобразны, самодуры (по яркому выраженію на языкѣ этой страны)—черта, указывающая на отсутствіе общаго запаса національной культуры. Таковъ же и Петръ; человѣкъ-

мастодонтъ, онъ и въ нравственномъ смыслѣ представлялъ колоссальные и чудовищные размѣры додилювіальной флоры и фауны. Въ немъ высказались элементарныя силы и инстинкты. Онъ примитивный человѣкъ, развѣсистый, какъ дѣвственный лѣсъ, изобилующій сокомъ и разнообразный до безконечности; человѣкъ не обособившійся еще посредствомъ долгой работы и не выразившійся въ отдѣльный типъ человѣческаго рода; не похожій ни на кого и вызывающій на самыя несхожія сравненія; и могучій и капризный, трагикъ и шутъ, родственникъ Людовика XI и кузенъ Фальстафа. Кромѣ того, я уже говорилъ это, слишкомъ омужиченный, слишкомъ близкій къ подонкамъ, откуда медленно выростала вокругъ него избранная среда, выбиравшій сотрудниковъ и друзей изъ мелкоты, занимающійся своимъ домомъ, какъ лавочникъ, бьющій свою жену, какъ мужикъ, и ищущій удовольствій тамъ, гдѣ ихъ привыкла находить чернь.

Прибавимъ, что въ умственной области у него было постоянное столкновеніе идей и стремленій, часто противоположныхъ, но вообще клонившихъ къ опредѣленному плану всеобщей перетасовки и уравненія; въ области воли сознаніе наиболѣе абсолютной власти надъ людьми и вещами, какою когда-либо обладалъ человѣкъ; наконецъ, его стремленіе, о которомъ я уже сказалъ, къ насильственнымъ выпадамъ за предѣлы реальнаго— дѣлало дѣйствительность невыносимою даже для такого человѣка, какъ онъ, — и я полагаю, что эта сторона его нравственнаго облика теперь достаточно освѣщена.

Женщины.

I.

Король.—А! милый другъ, я узналъ, что и вы тоже имѣете любовницу.

Царь.—Другъ мой, мои и... стоятъ мнѣ не очень дорого; но ваша стоитъ вамъ милліонъ экю, которые вы могли бы употребить лучше.

Сцена происходила въ 1716 году, въ Копенгагенѣ, гдѣ Петръ посѣтилъ своего добраго союзника, короля Датскаго; она передана намъ въ серьезномъ дипломатическомъ документѣ; на первый взглядъ она даетъ вѣрное представленіе о положеніи, которое

женскій вопросъ занималъ въ жизни великаго преобразователя. Онъ слишкомъ занятъ, слишкомъ даже грубъ, чтобы сдѣлать любовницу достойной своего имени, или даже подходящею женой. Онъ устанавливаетъ цѣну на ласки, расточаемыя петербургскими прелестницами солдатамъ, по *1 копѣйкѣ за три поцѣлуя*, онъ платитъ Екатеринѣ, будущей императрицѣ, послѣ перваго свиданія одинъ дукатъ. Не можетъ быть, чтобы онъ былъ совершенно неспособенъ понимать чары прекраснаго пола. Не будемъ забывать, что *женское общество* въ Россіи тоже одно изъ его созданій. Присутствіе *дамъ* на собраніяхъ въ *Слободѣ* составляло для него главную и могущественнѣйшую приманку.

Въ 1693 году, на одномъ торжественномъ вечерѣ у Лефорта, двѣ приглашенныя прелестницы желали тайкомъ покинуть празднество, но онъ приказалъ вернуть ихъ съ помощью своихъ солдатъ. Въ 1701 году на смотръ вновь созданному флоту въ Воронежъ явились многіе изъ этихъ дамъ и Петръ устроилъ имъ самый любезный пріемъ. Нѣкоторыя изъ дамъ не были расположены возвращаться, и царь галантно отложилъ свое возвращеніе въ Москву. Если бы для приданія историческаго интереса этой главѣ были только однѣ воспоминанія подобнаго рода, то и тогда я не осмѣлился бы вычеркнуть ее изъ уваженія къ женщинѣ и къ исторіи. Но есть еще и другое. Въ фигурѣ, подобной Петру, съ столь крупнымъ нравственнымъ складомъ, каждый уголокъ становится полнымъ неожиданностей. Внѣшняя обстановка, въ которой онъ выступаетъ съ этой стороны, если не считать общительность, представляетъ лишь грубость и развратный цинизмъ. Въ любви для него нѣтъ ни удовлетворенія достоинствами женщины, ни своими собственными, и ему слишкомъ недостаетъ выдержки, чтобы удовлетвориться благопристойностью.

Взгляните, напримѣръ, на слѣдующій разсказъ, переданный барономъ Пёлльницемъ относительно пребыванія государя въ Магдебургѣ, въ 1717 году: «Такъ какъ король (прусскій) приказалъ, чтобы ему (Петру) оказывались всевозможныя почести, то различныя государственныя учрежденія въ полномъ составѣ явились засвидѣтельствовать ему уваженіе, а предсѣдатели ихъ обращались къ нему съ рѣчами. Г. де-Коччеджи, братъ великаго канцлера, явившись поздравить Петра во главѣ депутаціи отъ Регентства, нашелъ его въ объятіи двухъ русскихъ дамъ, обнимавшаго ихъ руками, что онъ и продолжалъ дѣлать пока къ нему обращались съ рѣчью». Или другой разсказъ, описы-

вающій его встрѣчу въ Берлинѣ съ герцогиней Мекленбургской, его племянницей: «царь подбѣжалъ прямо къ принцессѣ, нѣжно ее обнялъ, и повелъ ее въ отдѣльную комнату, гдѣ, не заперевъ дверь и не обращая вниманія на оставшихся въ передней, даже на герцога Мекленбургскаго, онъ велъ себя такъ, какъ бы желалъ показать, что ничто не можетъ утѣшить его страсть». Пёлльницъ, говоря, что получилъ эти свѣдѣнія отъ двухъ очевидцевъ и даже отъ самого короля, прибавляетъ не менѣе замѣчательныя подробности: «княгиня Голицына служила у него за *дуру* или сумасшедшую. Поэтому онъ ее мучилъ. Такъ какъ она часто ѣла вмѣстѣ съ царемъ, то часто выливалъ ей на голову остатки съ своей тарелки. Онъ приказывалъ поднять ее, чтобы дать ей щелчокъ». Если вѣрить въ этомъ другимъ свидѣтелямъ, то княгиня до нѣкоторой степени заслужила позорное обращеніе съ собой своимъ безстыднымъ поведеніемъ.

Донесеніе прусскаго посла Мардефельда любопытно намекаетъ по этому случаю на французскихъ героинь и ихъ пажей, которымъ онѣ дарили свое расположеніе, поздравляя ихъ, что онѣ будутъ довольны. Княгиня не имѣла своего пажа; я бы не осмѣлился повторить со словъ Мардефельда, кѣмъ она его замѣщала.

По Нартову, вообще довольно вѣрному свидѣтелю нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ интимной жизни царя, Петръ былъ большой любитель танцевъ, но никогда не дольше половины перваго часа. Насилія надъ женщинами не были въ его привычкахъ, при томъ же, останавливая свой выборъ на простыхъ служанкахъ, онъ встрѣчалъ мало препятствій. Нартовъ, между прочимъ, упоминаетъ объ одной прачкѣ. Брюсъ выводитъ на сцену уже болѣе драматическія отношенія къ дочери одного иностраннаго купца въ Москвѣ, вынужденной во избѣжаніе любовныхъ домогательствъ государя бѣжать изъ родительскаго дома и прятаться въ лѣсу. Одинъ изъ документовъ, опубликованныхъ княземъ Голицынымъ, доказываетъ, что царь подрался въ Голландіи съ однимъ садовникомъ, пустившимъ въ ходъ грабли, чтобы прогнать Петра, который мѣшалъ работать поденщицѣ. Эти грубыя похожденія, однако, положили въ немъ начало болѣзни, которая не будучи правильно лѣчима, ускорила его смерть. Но г-жа Чернихова тоже замѣшана въ это дѣло, и депеша Кампредона ясно обнаруживаетъ ея отвѣтственность, говоря о болѣзни, полученной самой Екатериной въ 1725 году послѣ того, какъ она раздѣлила ложе своего супруга. Другія подробности, упоминаніе о

которыхъ мнѣ извинять,—хотя я думаю, что здѣсь можно все говорить,—сюда не будутъ уже введены.

«Должно быть Его Величество имѣетъ въ себѣ легіонъ сладострастныхъ бѣсовъ»,—сказалъ о государѣ одинъ изъ врачей, лѣчившихъ его во время его послѣдней болѣзни.

II.

Начало любовной карьеры банально: раннее супружество, нѣсколько лѣтъ довольно хорошей жизни, потомъ постепенное охлажденіе супружескаго гнѣзда. Его видѣли рѣдко, развѣ что во время медоваго мѣсяца; царь былъ постоянно въ разъѣздахъ; онъ писалъ письма даже довольно нѣжныя, гдѣ не было недостатка въ милыхъ глупостяхъ, привычныхъ для любовниковъ. *Лапушка*—вотъ что Петръ получалъ и давалъ отъ чистаго сердца. Но онъ не послѣдній будетъ носить его. Явились также два ребенка, Александръ, умершій въ раннемъ дѣтствѣ, потомъ другой, родившійся подъ несчастной звѣздой,—Алексѣй. Въ 1694 году послѣ смерти Наталіи дѣла измѣнились. Съ того времени, женатый уже въ теченіе пяти лѣтъ, Петръ не обходился безъ нѣсколькихъ внѣбрачныхъ связей въ Нѣмецкой слободѣ или въ другомъ мѣстѣ, но онъ проявилъ и нѣкоторую сдержанность. Будучи почтительнымъ сыномъ, онъ имѣлъ въ Наталіи строгую мать.

Это вліяніе теперь замѣнилось вліяніемъ Лефорта, и одновременно изъ группы красавицъ выдѣляются двѣ женскія фигуры, и та и другая немного дикія, встрѣчавшіяся ему на собраніяхъ въ *Слободѣ* и восходятъ, какъ звѣзды, на горизонтѣ новаго царствованія: двѣ мѣщаночки,—дочь золотыхъ дѣлъ мастера Беттизера, и дочь виннаго торговца Монса. Несогласія политическаго свойства тоже склоняли къ нарушенію добрыхъ отношеній между двумя супругами: Евдокія принадлежала къ семейству непримиримыхъ консерваторовъ; склонные къ оказанію оппозиціи новому режиму, который уже начиналъ обозначаться, ея родители, Лопухины, впали въ немилость, лишились должностей, подверглись всевозможнаго рода гоненіямъ. Одинъ изъ нихъ, родной братъ царицы, осмѣлившійся оскорбить любимца, былъ публично избитъ царемъ; другой былъ подвергнутъ пыткамъ, и передаютъ ужасающія подробности относительно казни, которой онъ подвергся: говорятъ что Петръ погрузилъ его въ спиртъ, а потомъ приказалъ поджечь въ своемъ присутствіи. Онъ умеръ въ темницѣ,—это вѣрно.

Когда царь отправлялся въ свое первое путешествіе по Европѣ, то отецъ Евдокіи и два ея брата были посланы въ качествѣ губернаторовъ въ отдаленныя губерніи, которыя послужили имъ въ видѣ ссылки. Во время путешествія Петръ пересталъ писать женѣ; и вдругъ изъ Лондона онъ поручилъ двумъ своимъ повѣреннымъ, Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, дѣло, которое объяснило его молчаніе. Евдокія должна быть уговорена ими принять монашество. Это обычный пріемъ въ несчастныхъ бракахъ того времени и Петръ кажется вполнѣ опредѣленно остановилъ на этомъ свое рѣшеніе. Соприкосновеніе съ Западомъ рѣшило судьбу бѣдной покинутой женщины. Она принадлежитъ къ другому міру, обреченному на вымираніе.



авдотья

Однако, она была не лишена пріятности. Конечно мало красивая; но объ этомъ трудно судить. (Мы скорѣе склонны считать Екатерину, ея будущую соперницу, за безобразное чудовище, если вѣрить извѣстнымъ ея портретамъ, конечно прикрашеннымъ, которые очевидно производили на Петра совсѣмъ другое впечатлѣніе). Она была не глупа. Когда она опять появилась при дворѣ послѣ смерти своего грознаго супруга, она производила впечатлѣніе пріятной вдовы, основательно знающей вещи, могущія ее интересовать, не чуждой даже государственнымъ дѣламъ. Ея переписка съ Глѣбовымъ, нѣсколько строкъ

изъ которой можно прочесть дальше, обнаруживаетъ душу нѣжную, страстную, умѣющую любить. Умственно она не отличалась отъ большинства московскихъ женщинъ того времени, выросшихъ въ *теремѣ:* невѣжественная, съ простымъ умомъ, и суевѣрная. Вотъ тутъ-то и заключалось препятствіе, о которое должна была разбиться ея судьба.

По возвращеніи изъ большого путешествія, прибывши въ Москву 26 августа 1698 года въ 6 часовъ вечера, Петръ тотчасъ нашелъ нѣсколькихъ друзей, между прочими Гордона, потомъ сдѣлалъ визитъ семьѣ Монса. Онъ не видѣлъ своей жены. Только спустя нѣсколько дней онъ согласился встрѣтиться съ нею въ нейтральномъ мѣстѣ, въ домѣ начальника почты Винніуса; но это было для него лишь способомъ подкрѣпить свое рѣшеніе, которое онъ поручилъ уже Нарышкину и Стрѣшневу. Отвѣтъ Евдокіи былъ, какъ и слѣдовало ожидать: совершенный отказъ. Что она сдѣлала, чтобы заслужить подобное наказаніе? Въ чемъ ее обвиняютъ? Дѣйствительно, она даже не представляетъ себѣ, чтобы ее можно было заподозрить въ участіи въ какихъ-нибудь политическихъ интригахъ, въ которыхъ царевна Софья и другія сестры царя были несомнѣнно замѣшаны. Бунтъ *стрѣльцовъ*, который Петръ предполагалъ потопить въ морѣ крови, возгорѣлся, а она не принимала въ немъ никакого участія, даже нравственнаго. Но у него было уже готовое рѣшеніе. Ему недоставало только предлога, но и его онъ найдетъ. Онъ отвергъ съ негодованіемъ вмѣшательство патріарха въ пользу законной супруги, и разрубилъ узелъ: карета запряженная *двумя лошадьми* (хроника на-

стаиваетъ на этой подробности, такъ какъ тутъ особенно являются подчеркнутыми жестокость и несправедливость происходившаго, ибо въ этой странѣ даже незначительный вельможа, отправляясь куда-нибудь, приводилъ въ движеніе всю свою конницу),—подхватила бѣдную Евдокію и отвезла ее въ Суздаль, гдѣ за нею закрылись ворота Покровскаго Дѣвичьяго монастыря.

Будучи невинна, она содержалась гораздо болѣе жестоко, чѣмъ тѣ, кто этого заслужилъ. Ея сестрамъ,—сношеніе которыхъ съ мятежниками было если не доказано, то подозрѣваемо,—Петръ, по заключеніи ихъ также въ монастырь, оставилъ пенсію и нѣкоторыя домашнія вещи. Женѣ своей — ничего. Она болѣе не жена его, она болѣе не царица, она потеряла даже имя. Она монахиня Елена; она имѣла около себя только одну служанку, а, чтобы не умереть съ голоду, она вынуждена была обращаться къ щедрости своихъ родителей. Она писала своему брату, Авраму: «мнѣ не надо ничего особеннаго, но вѣдь надо же ѣсть; я не пью ни вина, ни водки, но я хотѣла бы быть въ состояніи угостить». Она продолжаетъ: «здѣсь нѣтъ ничего; все испорченное; я чувствую, что я васъ затрудняю, но что же дѣлать? Пока я еще жива, изъ милости покормите меня, напоите меня, дайте одежонку нищенкѣ». Ей было 20 лѣтъ, и въ продолженіе еще 20 лѣтъ стѣны затворницкой кельи, гробницы полной жизни и страсти, будутъ сдерживать ея скорбь и тревогу, а когда она выйдетъ оттуда, то послѣ увяданія молодости съ потухшимъ сердцемъ, она перейдетъ къ еще худшей участи.

Черезъ 28 лѣтъ, въ 1718 году, процессъ царевича обострилъ инквизиторскій геній Петра. Среди вліяній, которыя могли толкать его сына по пути сопротивленія, ему кажется несомнѣннымъ вліяніе Евдокіи. Отправленіе въ монастырь и допросъ.

Высшая полиція произвела съ своей стороны пустяковое слѣдствіе съ этой стороны, но его недостаточность была покрыта другимъ: всегда невинная политически, Евдокія подозрѣвалась, потомъ созналась, въ преступной любовной связи съ маіоромъ Глѣбовымъ. Да, она поддалась, въ изгнаніи, въ нищетѣ, она искала утѣшенія. Посланный въ Суздаль для рекрутскаго набора, маіоръ Глѣбовъ понравился несчастной. Она мерзла отъ холода въ своей кельѣ: онъ послалъ ей мѣхъ, это вызвало съ ея стороны письмо съ выраженіемъ удивленія и благодарности, вызвавшее въ свою очередь опасную близость. Онъ пришелъ, чтобы лично выслушать благодарность, зашелъ еще разъ, и вотъ они полюбили другъ друга, она пылкой страстью, увлекшей и охва-

тившей все ея существо, онъ болѣе сдержанно, не безъ оттѣнка заднихъ мыслей. Вѣроятно этотъ молодой человѣкъ былъ очень честолюбивъ; можетъ быть учитывалъ въ дальнѣйшемъ какой-нибудь счастливый оборотъ, стремился къ перемѣнѣ карьеры и потому вмѣшался въ политику. Въ то же время ему приходилось бороться съ денежными затрудненіями. Наконецъ, онъ былъ въ свою очередь тоже женатъ и стѣснялся жены. Она бѣдная, любя его, хотѣла бы дать ему возможность бросить службу, чтобы онъ могъ быть поближе къ ней и только для нея, стараясь объ улучшеніи ихъ положенія и нужды, которую ей приходится переносить, а потому она всегда готова предоставить въ его распоряженіе небольшія средства, которыя она получила въ приданое отъ своихъ бѣдныхъ родителей. Кто могъ бы отказать ему въ помощи?

Но, удерживаемый своими военными и супружескими обязанностями, можетъ быть даже уже наскучивши, «батько» прекратилъ визиты. Тогда начались крики отчаянія, растерянные призывы: какъ? Она уже забыта? Такъ скоро? Развѣ она не угодила ему чѣмъ? Развѣ она чего не сдѣлала, недостаточно выплакала слезъ и смочила ими его рукъ и всѣхъ членовъ его тѣла и всѣ суставчики ногъ и рукъ? Языкъ ея можетъ быть былъ полонъ чрезмѣрнаго лиризма, гдѣ передавались иногда случайныя и непосредственныя чувства, но во всякомъ случаѣ всегда искреннія, гдѣ Востокъ смѣшивалъ свои яркія краски съ грубыми тонами московской земли:

«Мой свѣтъ, мой *батюшка,* моя душа, моя радость! Неужели уже правда насталъ часъ разставанья? Лучше бы моя душа разсталась съ тѣломъ! Свѣтъ мой, какъ мнѣ быть на свѣтѣ въ разлукѣ съ тобой? Какъ же я жива останусь? Вотъ уже сколько времени сердце мое проклинаетъ этотъ часъ! Вотъ ужъ сколько времени я непрерывно плачу. И день настанетъ, а я страдаю, и одинъ только Богъ знаетъ, какъ ты мнѣ дорогъ! Почему я люблю тебя такъ, обожаемый мой, что жизнь мнѣ становится не мила безъ тебя? Почему ты, душа моя, гнѣваешься на меня, да гнѣваешься столь сильно, что не пишешь даже? Носи по крайней мѣрѣ, сердце мое, колечко, которое я тебѣ подарила, и люби меня хоть немного. Я приказала себѣ сдѣлать такое же. Вѣдь это ты пожелалъ удалиться отъ меня. Ахъ! вотъ уже сколько времени какъ я вижу любовь твоя измѣнилась: почему о мой *батько*? Почему ты не приходишь больше ко мнѣ? Ужъ не случилось ли съ тобой чего? Ужъ не наговорили ли тебѣ на меня

Другъ мой, свѣтъ мой, моя *любонька,* пожалѣй меня! Пожалѣй и приди, господинъ мой, повидаться завтра! О мой цѣлый свѣтъ, моя *лапушка* (это названіе, помнится, было дано когда-то другому), отвѣть мнѣ. Не давай мнѣ умереть съ горя. Я тебѣ послала шарфъ, носи его, душа моя: ты не носишь ничего изъ моихъ подарковъ! Или это значитъ, что я тебѣ не мила? Но забыть твою любовь? Я не смогу! Я не смогу жить на свѣтѣ безъ тебя!»

Батько оставался безчувственнымъ, и она жаловалась все болѣе и болѣе горько; можно было подумать, что такъ жалуется постоянно и однообразно раненая сука:

«Кто мнѣ причинилъ такое горе, мнѣ бѣдной? Кто у меня похитилъ мое сокровище? Кто отнялъ у меня свѣтъ очей моихъ? На кого ты меня промѣнялъ? На кого ты меня покинулъ? Какъ же тебѣ не жаль меня? Возможное ли дѣло, что ты не долженъ ко мнѣ вернуться? Кто меня бѣдную разлучилъ съ тобой? Что я сдѣлала твоей женѣ? Какую бѣду я ей причинила? Въ чемъ же ты обиженъ мною? Какъ же такъ, дорогая душа моя, не сказать мнѣ чѣмъ я могла не понравиться твоей женѣ, и почему ты ее слушаешь? Зачѣмъ же покидать меня? Вѣдь я бы конечно не оторвала тебя отъ жены! А ты ее слушаешь! О мой свѣтъ, какъ же я буду жить безъ тебя? Какъ же я останусь на этомъ свѣтѣ? Какъ могъ ты повергнуть меня въ такое горе? Развѣ я была въ чемъ повинна, я сама не знаю, въ чемъ? Почему ты мнѣ не откроешь моей вины? Лучше бы ты меня побилъ, лучшее бы наказалъ меня, я не знаю какъ за эту вину; которой я не знаю! Ради Бога не покидай меня! Пріѣзжай сюда! Я умираю безъ тебя!»

А черезъ нѣсколько дней:

«Какъ же я не умерла! Какъ же ты не зароешь меня скорѣе своими руками въ могилу!... Прощай, прощай, моя душа... не мѣшай мнѣ умереть! Я убью себя. Пришли мнѣ, о мое сердце, камзолъ, который ты любишь носить. Почему ты меня покинулъ? Пришли мнѣ кусочекъ хлѣба, отъ котораго ты откусишь? Почему ты меня покинулъ? Чѣмъ я могла тебя такъ обидѣть, что ты такъ бросаешь меня сироту, несчастную...»

Девять такихъ писемъ фигурируютъ въ слѣдственномъ дѣлѣ. Онѣ писаны не рукою Евдокіи. Бывшая царица диктовала ихъ монахинѣ Капитолинѣ, своей наперсницѣ, которая съ своей стороны отсылала ихъ, стараясь разжалобить измѣнника страданіями *матушки.* Но на каждомъ листкѣ неосторожный Глѣбовъ прилагалъ собственноручно помѣтку: «письмо царицы Евдокіи».

Два одинаковыхъ кольца тоже были найдены у обвиняемыхъ. Показанія монахинь и слугъ монастырскихъ, опрошенныхъ въ большомъ числѣ, были совершенно согласны: Глѣбовъ бывалъ у Евдокіи безпрестанно, днемъ и ночью; они цѣловались при всѣхъ, потомъ, удаливъ свидѣтелей, оставались одни въ теченіе долгихъ часовъ. Наконецъ, Евдокія призналась во всемъ...

А Глѣбовъ? Легенда приписываетъ ему геройскія свойства: среди жесточайшихъ пытокъ, охотно принимая обвиненіе во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, доходя даже до сознанія въ несовершенныхъ проступкахъ, двадцать разъ подставляя голову подъ топоръ, онъ отказался до конца вмѣшать въ дѣло честь своей сообщницы. Увы! словесные допросы судебнаго слѣдствія, сохраненные въ московскихъ архивахъ, говорятъ о совершенно обратномъ: безмолвный при всѣхъ другихъ главныхъ обвиненіяхъ, Глѣбовъ рѣшительно признался только въ этомъ, въ этой любовной связи, тянувшейся уже восемь лѣтъ. Евдокіи тогда было 38 лѣтъ.

Спѣшу оговориться: признанія и показанія не имѣли здѣсь никакого значенія. Особенный слѣдственный судья, посланный Петромъ въ Суздаль, Скорняковъ-Писаревъ, высѣкъ тамъ пятьдесятъ монахинь, изъ которыхъ нѣсколько умерло во время экзекуціи. Онѣ сказали все, что ему было угодно. Евдокія и Глѣбовъ тоже равно были допрошены подъ пыткой; пытки, примѣненныя къ несчастному офицеру, были столь ужасны, что его смертная казнь послѣдовала 16/17 марта 1718 года послѣ заключенія врачей, рѣшившихъ, что онъ не можетъ *дотянуть* больше сутокъ. Между прочимъ, упоминается о тюрьмѣ, вымощенной очень крѣпкими деревянными гвоздями, по которымъ несчастный долженъ былъ ходить босыми ногами. Для окончательной казни Петръ выбралъ сажаніе на колъ. Такъ какъ былъ тридцатиградусный морозъ, то несчастнаго одѣли въ шубу, надѣли на него мѣховые сапоги, а на голову очень теплую шапку, чтобы продлить мученія. Начавшись въ три часа пополудни, казнь кончилась только на другой день въ 7½ часовъ вечера. Разсказъ о томъ, что Петръ приблизился къ казненному, уже сидѣвшему нѣсколько часовъ на колѣ, и будто попытался еще спросить его о чемъ-то, и получилъ только плевокъ въ лицо не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Евдокіи была дарована жизнь, но теперь для нея выбрали болѣе уединенный монастырь, на берегахъ Ладожскаго озера, гдѣ ее окружили еще болѣе строгимъ надзоромъ. По одному

свидѣтельству, прежде чѣмъ ее заключить туда, она была подвергнута наказанію кнутомъ согласно рѣшенію, принятому соборомъ епископовъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ и приведенному въ исполненіе при полномъ собраніи двумя монахами.

Какими чувствами руководился Петръ, начиная этотъ процессъ и въ особенности придавая ему такой жестокій характеръ? Нельзя представить себѣ ревности по отношенію къ этой отверженной супругѣ, забытой и старѣвшейся подъ монашеской рясой, да къ тому же извѣстна его снисходительность къ проступкамъ подобнаго рода. Такимъ образомъ, этотъ процессъ является въ этомъ отношеніи совершеннымъ исключеніемъ.

Переписка Евдокіи съ ея любовникомъ могла лишь удостовѣрить ихъ полную невинность въ политическомъ смыслѣ: тамъ нѣтъ другихъ вопросовъ, кромѣ любви. Бывшая царица очень легко поддалась попыткѣ получить обратно свое мірское платье, поддалась мечтаніямъ, поддерживавшимся среди ея окружающихъ, о возвратѣ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ былого блеска; но и съ той и съ другой стороны не шли дальше надеждъ. Не была ли Евдокія въ этомъ обстоятельствѣ жертвой другой ревности и другого гнѣва? Пропустимъ еще семь лѣтъ: Петръ умеръ, и это событіе, которое можно бы счесть счастливымъ для заключенной, послужило сигналомъ къ новому отягченію ее участи: ее извлекли изъ монастыря, отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, и помѣстили въ подземную тюрьму, населенную крысами. Больная, она имѣла для своихъ услугъ только одну дряхлую служанку, которая сама нуждалась въ помощи и уходѣ. Ее держали тамъ два года. Кто сдѣлалъ это? Тотъ, кто теперь царствовалъ: Екатерина *Первая*. И вотъ тутъ и есть, можетъ быть, отвѣтъ на вопросъ, поставленный мною выше. Въ концѣ этого времени новая перемѣна: внезапно, какъ въ сказкѣ, открылась дверь тюрьмы, на порогѣ появились особы въ великолѣпныхъ костюмахъ, и, кланяясь въ поясъ, приглашали узницу слѣдовать за ними.

Что же случилось? Екатерина *Первая* въ свою очередь умерла, а наслѣдовавшій ей царь подъ именемъ Петра II былъ сынъ Алексѣя, внукъ Евдокіи. Она отправилась въ Москву, бѣдная бабушка, волосы которой посѣдѣли въ темницахъ, присутствовать на коронаціи новаго государя, тамъ являлась на ряду съ другими принцессами, окруженная пышностью, окруженная почестями. Слишкомъ поздно! Ея жизнь разбита, и она сама по

себѣ удалится въ монастырь: она кончила свои дни въ 1731 году въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, убѣжищѣ великихъ изгнанницъ, гдѣ жила Софья послѣ крушенія своихъ замысловъ.

Меншиковъ, занявшій теперь мѣсто Лефорта въ его близости, сразу сообразилъ, чему женевецъ былъ обязанъ своими успѣхами. У него былъ свой женскій персоналъ, какъ у того свой: сначала двѣ сестры Марія и Анна, помѣщенныя его стараніями возлѣ любимой сестры Петра, Наталіи; потомъ двѣ дѣвицы Арсеньевы, Дарія и Варвара, принадлежавшія тоже ко двору царевны, двору, сильно напоминавшему собою гаремъ. Дѣвица Толстая дополняла эту группу; съ 1703 года въ нее вошла шестая избранница, которая должна была занять въ жизни государя особое мѣсто и дать столь обыкновенной исторіи благодаря своей юношеской любви неожиданный оборотъ. Имя этой дѣвочки окружено неизвѣстностью, какъ и ея происхожденіе. Первые достовѣрные документы, упоминающіе объ ней, называютъ ее то Екатериной Трубачевой, то Екатериной Васильевской, то Екатериной Михайловой. Сначала Меншиковъ имѣлъ ее въ качествѣ любовницы, продолжая все еще интригу съ Дарьей Арсеньевой, въ то время, когда Петръ остановилъ свой выборъ на другой сестрѣ Варварѣ, которую фаворитъ хотѣлъ сдѣлать царицей, чтобы самому стать царскимъ шуриномъ. Съ этой цѣлью онъ занимался образованіемъ новой любовницы: «ради Бога, писалъ онъ Даріи, предложи своей сестрѣ безпрерывно заниматься русскимъ и нѣмецкимъ, она не должна терять времени!» Вильбуа дѣлаетъ изъ этой Варвары урода, но очень умнаго и злого.

Онъ такъ разсказываетъ о первыхъ шагахъ ея фавора: обѣдая съ нею и ея подругами, Петръ сказалъ ей: «я не думаю, чтобы у кого-нибудь когда-нибудь явилось желаніе обладать тобою, такъ ты мало красива, бѣдная Варвара; но такъ какъ я люблю необыкновенныя штуки, то я не хочу, чтобы ты умерла, не испытавши любовной лихорадки». И при всѣхъ, нисколько не смущаясь зрителями, онъ привелъ свои слова въ исполненіе.

Что касается Екатерины, то она въ 1705 году пишетъ: «съ двумя другими», что объясняется слѣдующимъ случаемъ въ общемъ письмѣ: «Петръ и Павелъ вамъ кланяются и просятъ вашего благословенія». Петръ и Павелъ — дѣти, которыхъ она уже имѣла отъ царя.

Въ 1706 году царь собралъ всю компанію въ Нарвѣ, гдѣ вмѣстѣ проводили праздники Пасхи, потомъ приказалъ слѣдо-

вать за собою въ Петербургъ, откуда писалъ Меншикову, что онъ какъ «въ раю» съ этими дамами.

Въ императорскихъ дворцахъ не видно было больше *теремовъ*, оставался *гаремъ*, какъ наслѣдіе восточнаго прошлаго. Снисходительные мужья замѣнили угодливыхъ отцовъ. Въ день смерти Петра г-жа Румянцева была еще беременна сыномъ, сдѣлавшимся потомъ героемъ будущаго великаго царствованія, въ которомъ всѣ узнавали кровь великаго царя.

Незаконные потомки Петра равнялись по числу потомкамъ Людовика XIV. Можетъ быть преданіе допустило здѣсь нѣкоторое преувеличеніе. Незаконнорожденность трехъ сыновей г-жи Строгановой, не говоря уже о другихъ, не имѣетъ исторической достовѣрности. Мать ихъ, рожденная Новосильцева, была лишь компаньонкой въ попойкахъ, веселаго нрава и пьяницей.

Перейдемъ къ обыкновенной исторіи Маріи Гамильтонъ, еще одной придворной дѣвицы. Нужно ли говорить, что этотъ романъ съ сантиментальнымъ оборотомъ, гдѣ воображеніе нѣкоторыхъ писателей сбилось съ пути, былъ только романъ. Она была, повидимому, существомъ довольно обыкновеннымъ, и Петръ не мѣнялъ своихъ привычекъ, говоря ей о любви по своему.

Внучка Артамона Матвѣева, пріемнаго отца Наталіи Нарышкиной, Марія Гамильтонъ появилась при дворѣ, подобно другимъ, и, будучи довольно красивой, раздѣлила ихъ участь. Но она внушила Петру только лишь мимолетную страсть. Лишенная невинности, она утѣшалась съ денщиками царя, была нѣсколько разъ беременной, а дѣтей уничтожала. Для привлеченія къ себѣ одного изъ этихъ непостоянныхъ любовниковъ, молодого Орлова, очень непріятнаго субъекта, который мучилъ и обиралъ ее, она крала у Императрицы деньги и драгоцѣнности. Случай открылъ всѣ ея большія и малыя провинности. Изъ кабинета царя пропалъ документъ большой важности, подозрѣніе упало на Орлова, который зналъ объ немъ и провелъ ночь внѣ дома.

Приведенный къ царю и спрошенный, онъ смѣшался, подумалъ, что у него хотятъ узнать о связи съ Гамильтонъ, упалъ на колѣни съ крикомъ: «виноватъ!» и сознался во всемъ, и въ воровствахъ, которыя дѣлались для него и въ убійствѣ дѣтей, о которомъ ему было извѣстно. Слѣдствіе и допросъ. Несчастная Марія созналась во всемъ, даже въ томъ, что она имѣла злой умыселъ насчетъ государыни, насмѣхаясь надъ слишкомъ цвѣтущимъ видомъ ея лица.

Уголовное преступленіе! Хотя, говорятъ, Екатерина на этотъ разъ дала доказательство довольно добраго нрава. Она вступилась за виновную и даже заставила хлопотать за нее царицу Прасковью, вліяніе которой было очень важно и вмѣшательство могло имѣть тѣмъ болѣе вѣса, что она была извѣстна за мало расположенную къ снисходительности.

Послѣ того, какъ она была подвергнута нѣсколько разъ допросу въ присутствіи царя, и отказывалась до самаго конца выдать имя своего сообщника, тогда какъ послѣдній заботился только о своемъ спасеніи, приписывая ей все,—не блестящъ былъ этотъ предокъ будущаго любовника Екатерины Великой!—Марія Гамильтонъ взошла на эшафотъ, 14 марта 1719 года, «въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ черными лентами», какъ сообщаетъ Штэлинъ.

Большой любитель театральныхъ постановокъ, Петръ конечно не могъ остаться равнодушнымъ къ этому послѣднему пріему погребальнаго кокетства. Онъ имѣлъ дерзость присутствовать при казни, а такъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться безучастнымъ, то онъ и тутъ игралъ роль.

Онъ обнялъ осужденную у подножья эшафота, увѣщевалъ ее помолиться, поддержалъ ее своими руками, въ то время какъ она склонилась, упавши въ обморокъ, потомъ удалился: это было сигналомъ. Когда она подняла голову, палачъ замѣтилъ царя. Шереръ прибавляетъ ужасныя подробности: царь снова появился, когда топоръ сдѣлалъ свое дѣло; онъ поднялъ окровавленную голову, которая покатилась на край, и спокойно началъ курсъ анатоміи, показывая присутствовавшимъ число и свойства органовъ, отдѣленныхъ желѣзомъ, настаивая на разсѣченіи позвоночнаго столба. Окончивъ это, онъ приблизился губами къ поблѣднѣвшимъ губамъ, которыя когда-то получали отъ него иные поцѣлуи, бросилъ голову, перекрестился и удалился.

Однако, коронованная ливонка черезъ короткое время имѣла гораздо болѣе серьезный поводъ опасаться. Я читаю въ депешѣ Кампредона отъ 8-го іюня 1722 года: «царица понимаетъ, что если принцесса разрѣшится сыномъ, то царь въ угоду Валахскому князю не оттолкнетъ свою жену, чтобы жениться на любовницѣ». Дѣло шло о Маріи Кантемірѣ.

Вступивъ въ союзъ съ Петромъ во время несчастнаго похода 1711 года противъ Турокъ, князь Дмитрій Кантеміръ лишился своихъ владѣній по Прутскому договору. Поселившись изъ милости въ Петербургѣ, онъ терялъ время въ ожиданіи компен-

саціи, которую ему обѣщали. Черезъ нѣкоторое время дочь, кажется, тоже обѣщала ему одну таковую. Ко времени отъѣзда Петра въ Персидскій походъ, въ 1722 году, эта новая любовная интрига продолжалась уже нѣсколько лѣтъ и была близка къ роковому концу для Екатерины. Двѣ женщины сопровождали царя. Но Марія вынуждена была остаться въ Астрахани: она была беременна. Довѣріе къ ея сторонникамъ было только что укрѣплено.

Послѣ смерти маленькаго Петра Петровича (1719 г.), у Екатерины не было больше сына, котораго Петръ могъ бы сдѣлать наслѣдникомъ; если бы по возвращеніи изъ похода, Кантеміръ дала ему его, то считалось вообще, что онъ не постѣснился бы отдѣлаться отъ второй жены, какъ сдѣлалъ это съ первой. Если вѣрить Шереру, друзья Екатерины взялись за устраненіе этой опасности: Петръ по возвращеніи нашелъ свою любовницу въ постели вслѣдствіе трудныхъ родовъ, подвергшихъ ея жизнь опасности.

Екатерина торжествовала, и романъ, долженствовавшій, казалось, перевернуть всю ея судьбу, отнынѣ обреченъ раздѣлить участь другихъ съ такимъ же обыкновеннымъ концомъ.

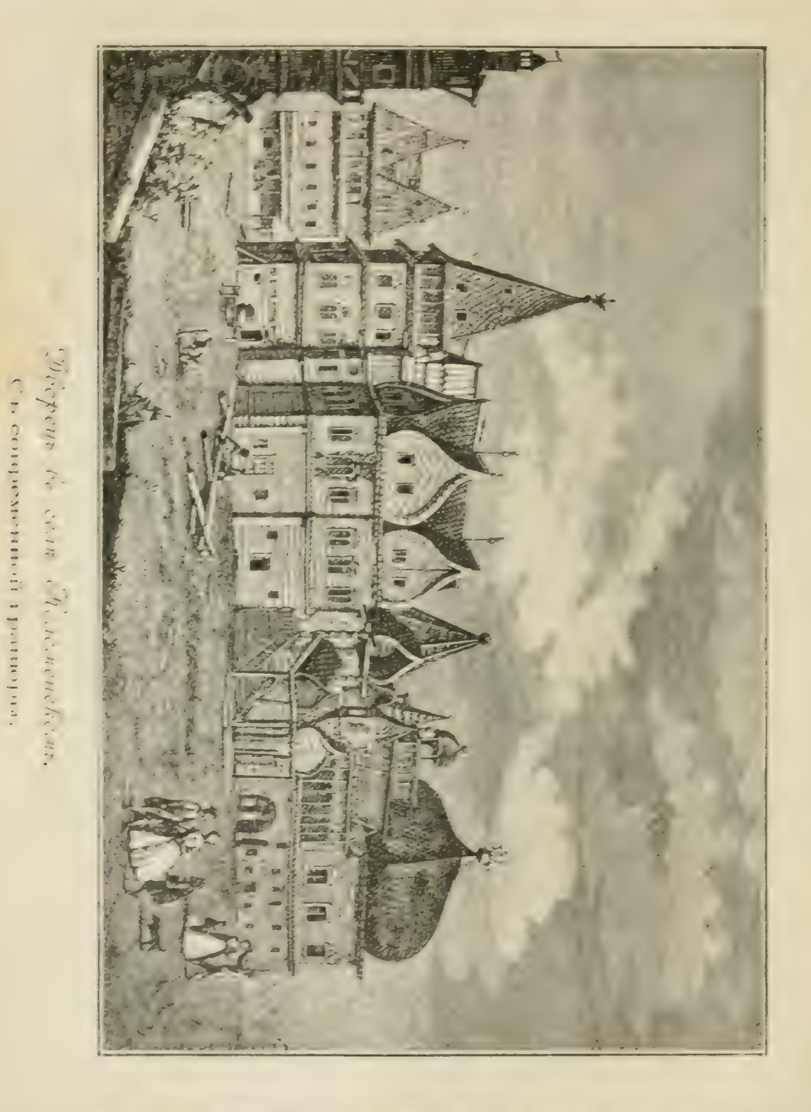
Счастье ливонки вышло побѣдоносно изъ всѣхъ испытаній; торжественное коронованіе поставило ее выше всякихъ подозрѣній. Будучи любовницей, узаконенной посредствомъ женитьбы, сдѣлавшись женой, бережно и тщательно охраняющей семейный очагъ, государыней, прикосновенной по всѣмъ почестямъ высочайшаго положенія, она безконечно усиливала свое значеніе и держалась въ сторонѣ отъ этой толпы женщинъ, гдѣ трактирныя служанки сталкивались съ дочерьми англійскихъ лордовъ и молдаво-валахскими княжнами.

V.

Роль, которую женщины играли въ жизни Петра, была значительна и разнообразна; но точно также значительна съ точки зрѣнія исторіи роль, которую онъ самъ игралъ въ судьбѣ русской женщины вообще. А для того, чтобы сдѣлать справедливую оцѣнку великаго человѣка, необходимо напомнить это здѣсь въ общемъ.

Однажды царь Алексѣй принималъ въ своемъ дворцѣ, въ Коломенскомъ, въ окрестностяхъ Москвы, въ аудіенціи большое торжественное посольство одной иностранной державы. Внима-

ніе дипломата привлекла пріоткрытая дверь, за которой слышался шопотъ нѣжныхъ голосовъ и шуршанье шелковыхъ платьевъ. Торжество имѣло невидимыхъ зрительницъ, обитательницъ таинственнаго терема, которыхъ любопытство довело до полу-



Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.
Съ современной гравюры.

нарушенія запрета. Вдругъ дверь уступила натиску и прекрасная брюнетка, въ сопровожденіи маленькаго мальчика, прятавшагося въ ея юбкахъ, явилась и тотчасъ скрылась, сконфуженная и покраснѣвшая, среди общаго смущенія притворныхъ.

Прекрасная брюнетка была царица Наталія, а маленькій мальчикъ 3-лѣтъ, своими бурными движеніями выбившій полуоткрытую дверь долженъ былъ впослѣдствіи сокрушить даже самыя стѣны теремовъ. Впослѣдствіи въ этой забавной сценѣ видѣли предзнаменованіе.

Русскій умъ XVII столѣтія былъ склоненъ къ недовѣрію и почти къ ненависти къ женщинамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ народныя пословицы: «бабій волосъ дологъ, а умъ коротокъ... Бабій умъ, что домъ безъ крыши... Нужно спасаться отъ женской красоты, какъ Ной отъ потопа... Лошадь надо вести на мундштукѣ, женщину на кулакѣ... Женщина показанная—мѣдная, не показанная—золотая...» Современные русскіе историки склонны видѣть въ этой чертѣ вліяніе иностраннаго происхожденія, противное естественному стремленію народнаго духа. Послѣдній стремился скорѣе къ провозглашенію равенства половъ.

Идеи, господствовавшія до вступленія на царство Петра, а также и соотвѣтствующія учрежденія и обычаи, включая сюда и теремъ, были подъ византійскимъ вліяніемъ, происходя изъ крупнаго источника религіознаго и монашескаго аскетизма, оставившаго столь глубокій отпечатокъ на умственномъ и нравственномъ развитіи страны. *Теремъ* не есть *гаремъ*. Помѣщеніе женщины въ эту тюрьму происходило изъ-за различныхъ побужденій, подсказанныхъ не ревностью, но боязнью грѣха и скандала, благодаря религіозному пониманію жизни, ставящей идеаломъ удаленіе въ монастырь, какъ способъ жить наиболѣе угодно Богу. Если *теремъ* не перешелъ изъ Византіи непосредственно, какъ форма, то онъ конечно, появился оттуда, какъ *идея*. Таково основное положеніе. Какъ бы ни считать, но тюрьма есть тюрьма да еще строго охраняемая. Женщина и особенно молодая дѣвушка были въ ней настоящими плѣнницами. Онѣ росли, лишенныя свѣта и воздуха въ комнатахъ, обстановкой напоминавшихъ клѣтку и тюрьму, маленькія окна которыя были съ плотными занавѣсками, а двери съ замками. Ни одного непосредственнаго выхода: чтобы выйти, надо пройти черезъ комнату отца или мужа, которые прятали ключи въ карманъ или подъ подушку. Въ дни большихъ пріемовъ, когда за столами появлялись гости, а на столахъ круглые пироги, жена хозяина дома позволяла себѣ появиться на нѣсколько минутъ на порогѣ гинекея. Мужчины тогда вставали и шли ее цѣловать. Она же тотчасъ удалялась. Что касается незамужнихъ дѣвушекъ, то ни одинъ мужской

взглядъ не долженъ былъ проникать къ нимъ до замужества, исключенія не дѣлалось даже для жениховъ. Женились не видя и не будучи видимы. Свадьбы были похожи на игру въ жмурки. Здѣсь главное лицо была *смотрительница*. Обыкновенно это была родственница жениха. Она испытывала невѣсту и сообщала свое впечатлѣніе. Но она старалась лишь объ интересахъ жениха. Знать же, каковъ этотъ женихъ, было въ числѣ вещей, запрещенныхъ для невѣсты. Узнавши, что ее явились сватать, ея отецъ показывалъ ей плетку, знакъ власти, которую установитъ надъ нею мужъ.

Вотъ все, что она узнаетъ до того, какъ ее введутъ въ чужой домъ. Было обыкновеніе, что глава семьи съ этого момента игралъ послѣднюю, а невѣста первую роль. Молодая шла въ церковь, молча, покрытая густою вуалью. Ни одного слова, ни одного жеста, кромѣ отвѣтовъ священнику. Тогда только въ первый разъ молодой слышалъ звукъ ея голоса. На пиру, слѣдовавшемъ за церемоніей, занавѣсъ раздѣлялъ еще пару. Только послѣ перваго блюда должна была начаться супружеская жизнь для новобрачной. Подруги вели ее тогда въ брачную комнату, раздѣвали ее и укладывали въ постель. Потомъ дожидались, когда новобрачный будетъ совершенно пьянъ. Когда онъ былъ готовъ, то дружки вели его тою же дорогой, неся факелы, которые они разставляли вокругъ постели въ горшкахъ, наполненныхъ пшеницей, ячменемъ и овсомъ. Постель была постлана на снопахъ ржи. Это былъ торжественный моментъ.

Наконецъ, новобрачная показывалась съ открытымъ лицомъ. Чтобы выразить благорасположеніе къ своему новому господину, она поднималась, закрывалась балахономъ, подшитымъ куньимъ мѣхомъ, дѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу ему, почтительно склонялась, потомъ давала упасть покрывалу... Могло случиться, что она была рябая, болѣзненная или безобразная, тогда какъ тотъ, кто ее выбралъ, думалъ, что женится на красавицѣ. Даже если предположить, что смотрительница дѣлала свое дѣло добросовѣстно, она всегда могла быть введена въ обманъ, такъ какъ ей могла быть показана другая дѣвица. Случай не рѣдкій. Обманутый мужъ не имѣлъ другого способа въ такомъ случаѣ, какъ тутъ же предложить не подходящей спутницѣ оставить его, собравши свое покрывало.

Но будучи самъ не въ надлежащемъ видѣ отъ вина, онъ едва ли могъ бы разобраться въ окружающемъ, и потому его особенно старательно и напаивали. Онъ разберется въ своемъ

злоключеніи послѣ, но тогда уже замужество будетъ съ его стороны признано и принято, какъ фактъ совершившійся. Можно себѣ представить, что это будетъ за супружество. Скандальная и уголовная хроника того времени изобилуетъ доказательствами этого: мужья, бросающіе домашній очагъ и ищущіе для себя убѣжища въ мирныхъ обителяхъ; жены, доведенныя до отчаянія дурнымъ обращеніемъ и вооружающіяся желѣзомъ или ядомъ, для избавленія отъ невыносимаго ига. Наказаніе, предусмотрѣнное въ этомъ случаѣ уголовными законами, какъ ни было ужасно, повидимому, не достигало уменьшенія частоты преступленій, настолько часто встрѣчается оно на картинахъ того времени. Это было закапываніе въ землю до половины туловища, пока наступала смерть, такъ что осужденные должны были, иногда мучимые голодомъ и жаждой, уже съѣдаемые червями, дожидаться по 10 дней конца своихъ мученій.

Если не произошло ни обмана, ни подлога, если мужъ остался доволенъ, то онъ на другой день отсылаетъ родителямъ новобрачной свадебную рубашку. Ее выставляли для осмотра родственникамъ и друзьямъ дома. Въ простонародьѣ зрѣлище было даже публичнымъ и *сваха* разстилала подъ ногами бѣлье новобрачныхъ, чтобы исполнить танецъ съ пѣніемъ веселыхъ пѣсенъ. Если же рубашка оказывалась не въ ожидаемомъ видѣ, то молодежь отправлялась мазать дегтемъ ворота супружеской четы, потомъ вытаскивали пару наружу и, запрягши телѣгу, провозили ихъ по всему городу съ насмѣшками и издѣвательствомъ.

Все это составляло часть того общественнаго права, которое попъ Сильвестръ, довѣренный Іоанна Грознаго въ послѣдніе годы его жизни, если не написалъ, то по крайней мѣрѣ свелъ окончательно въ уставъ; все это содержится въ *Домостроѣ*, или оттуда проистекаетъ. Все это происхожденія татарскаго, византійскаго или мѣстнаго, носитъ одну опредѣленную общую печать: варварство. Женщина является тутъ жертвою, а мужчина униженнымъ.

Для развлеченій въ своемъ заключеніи, женщины высокаго круга увѣшивали себя драгоцѣнностями, раскрашивались, какъ куклы, накладывая румянъ и бѣлилъ до самыхъ глазъ, и пьянствовали. Когда въ 1630 году въ Копенгагенъ явилось посольство для устройства свадьбы княжны Ирины, дочери царя Михаила Ѳеодоровича, съ принцемъ Датскимъ, то послы сочли нужнымъ отмѣтить, какъ особенность царевны, что *она не пьетъ водки*. За отсутствіемъ нарядовъ простонародныя женщины тоже

пили. И эти женщины были тоже матери! Вотъ это все Петръ собирался уничтожить. Если бы ему удалось только это, то и того было бы достаточно для прославленія его.

Правда, что уже и до него въ обычаяхъ была пробита брешь, которую онъ только расширилъ. Второй бракъ Алексѣя, нѣсколько романическій, указалъ дорогу новымъ идеямъ и понятіямъ. Возлѣ своего супруга, котораго она лично покорила своею красотой и граціей, Наталія уже не была прежней царицей, застывшей въ священной позѣ, удаленной въ скучное великолѣпіе. Она до нѣкоторой степени принимаетъ участіе во внѣшней жизни своего мужа; она сопровождаетъ его иногда на охоту; она присутствуетъ на спектакляхъ, даваемыхъ иностранными актерами, приглашенными Матвѣевымъ, въ изумленныхъ стѣнахъ стараго Кремля. Случалось ей даже выѣзжать съ царемъ въ открытой каретѣ, и это уже была почти что революція! Въ царствованіе слабаго и болѣзненнаго преемника Алексѣя освободительное движеніе только усилилось. Царевны, сестры Ѳеодора, не преминули обратить въ свою пользу слабость управителя, и въ результатѣ получился полный безпорядокъ. Наконецъ, появилась у власти Софья и открыла эпоху женскаго владычества въ этой странѣ женскаго рабства.

Петръ сдѣлалъ больше и лучше. По крайней мѣрѣ, пытался. Своими указами о бракахъ онъ принялся снизу, въ народѣ, за злоупотребленія власти и за невыносимые недостатки домашняго устройства. Свадьбы при заключеніи браковъ сопровождаютъ обыкновенно до сихъ поръ помолвками съ промежутками въ нѣсколько дней, иногда даже въ нѣсколько часовъ; онъ отдѣлилъ эти оба акта промежуткомъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько недѣль, чтобы дать будущимъ супругамъ время узнать другъ друга. Конечно, средство не имѣло рѣшительнаго и непосредственнаго воздѣйствія; еще нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, романъ Мельникова, „*Въ лѣсахъ*“, обнаружилъ продолжающіе оставаться обломки старыхъ обычаевъ, держащіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ непоколебимымъ упорствомъ. Однако, появился и огромный прогрессъ. Въ до-петровскомъ законодательствѣ право суда,—положимъ, низшей степени,—было формально признано за мужчиной, отцомъ или мужемъ, надъ женщиной, дочерью или женой. Чтобы избавиться отъ этихъ преслѣдованій, одна важная дама, княгиня Салтыкова, рожденная Долгорукая, невѣстка царицы Прасковьи, была принуждена, послѣ долгихъ мученій, избитая, измученная голодомъ и жаждой, скрыться въ

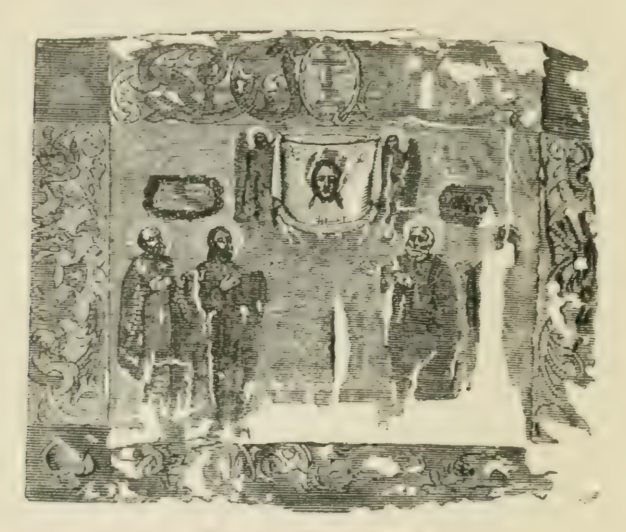
домъ своего отца. Слѣдствіе удостовѣрило, что она явилась тула полумертвая, все тѣло было покрыто синяками.

И тѣмъ не менѣе, ея мужъ, ея палачъ, оказался побѣдителемъ: все, чего она могла достичь, послѣ долгаго процесса, — это получить разрѣшеніе помѣститься на остатокъ своей жизни въ монастырь. Можно представить, какъ происходили такія вещи въ низшихъ классахъ. И въ этомъ именно отношеніи упорство стараго режима обнаружилось особенно сильно. Самовластная, деспотическая традиція настолько глубоко въѣлась въ нравы страны, что даже самъ Петръ не осмѣлился обратить на нихъ непосредственное воздѣйствіе; ему даже пришлось санкціонировать ихъ нѣкоторыми изъ своихъ распоряженій (законы марта—октября 1716 г.), хотя новый духъ, который онъ внесъ съ собою и распространялъ вокругъ себя, былъ настолько противенъ ему, что мало-по-малу несправедливый законъ забылся за давностью, сдѣлался устарѣлымъ, а потомъ исчезъ совершенно изъ писаннаго законодательства. *Сводъ Законовъ* уже не упоминалъ о немъ больше, и недавно кассаціонный департаментъ по какому-то отмѣненному рѣшенію объявилъ его отмѣненнымъ навсегда.

Наверху, въ глубинѣ высшихъ классовъ общества, Петръ такъ сказать взялъ женщину за руку, ввелъ ее въ общій жизненный кругъ, мірской и общественный, и указалъ тамъ ей мѣсто. Онъ желалъ, чтобы отнынѣ она участвовала въ собраніяхъ, выказывая тамъ свое очарованіе, бесѣдуя, танцуя, играя на инструментахъ. Такъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1704 года Москва увидѣла слѣдующее неожиданное и необыкновенное зрѣлище: молодыя дѣвицы участвовали въ шествіи, которое проходило по улицамъ по случаю одного общественнаго праздника. Онѣ бросали цвѣты и распѣвали гимны.

Преобразователь стремился сдѣлать для дочерей этихъ бояръ то же, что онъ сдѣлалъ для ихъ сыновей: посылку ихъ за границу для полученія образованія. Но онъ долженъ былъ уступить передъ слишкомъ рѣзкимъ въ этомъ отношеніи сопротивленіемъ родителей. По крайней мѣрѣ, онъ старался убѣдить ихъ въ благодѣтельности хоть какого-нибудь образованія, и здѣсь тоже показывалъ примѣръ: его дочери Анна и Елизавета имѣли учительницу француженку; онъ присутствовалъ иногда на ихъ урокахъ; онъ заботился о томъ, чтобы онѣ тоже приняли европейскій видъ даже въ ихъ платьяхъ и прическахъ, снятыхъ съ парижскихъ образцовъ. Такъ какъ его невѣстка Прасковья критиковала эти новшества, то онъ называлъ ея домъ „убѣжищемъ

дураковъ и слабоумныхъ" и кончилъ тѣмъ, что добился того, что и онъ послѣдовалъ за нимъ. Эта вдова царя Ивана явилась въ исторіи русской женщины олицетвореніемъ переходнаго типа, прямого слѣдствія реформы. Она пригласила французовъ учителей къ своимъ дочерямъ, сама занималась съ преподавателемъ нѣмцемъ, но на ряду съ русскимъ костюмомъ сохранила дикіе инстинкты. Она била своихъ фрейлинъ, и чтобы вынудить признаніе въ какомъ-то проступкѣ у своего слуги, она обливала ему голову водкой, которую имѣла всегда въ своей каретѣ, поджигала ее, а потомъ била несчастнаго палкой по ужаснымъ ожогамъ.

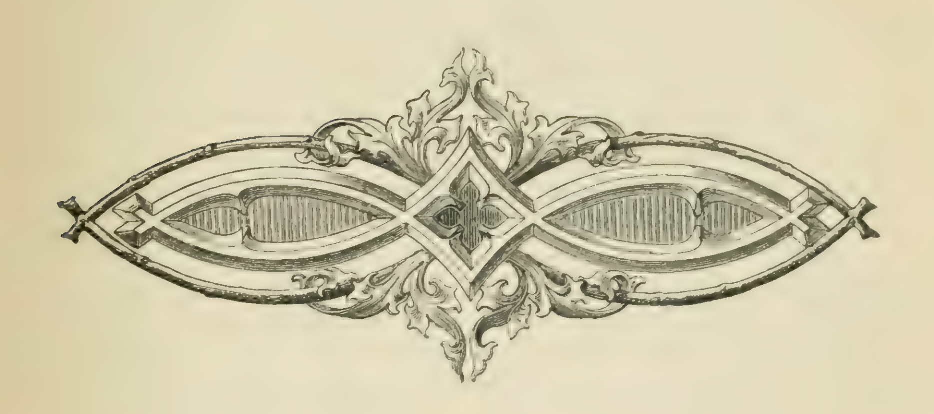


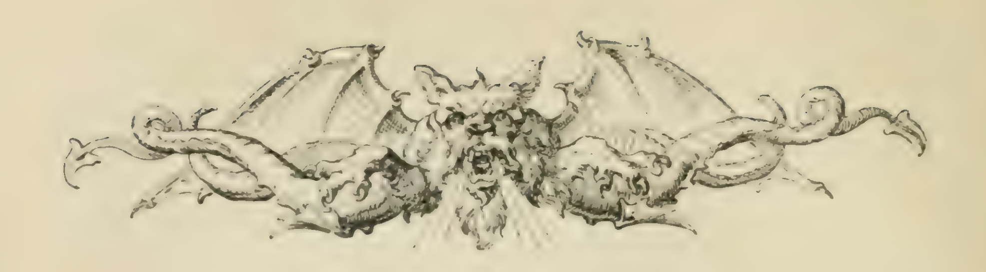
Знамя стрѣльцевъ.

Петръ имѣлъ передъ собою слишкомъ достаточно дорогъ на пути для достиженія самому той цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ. Точнѣе говоря, онъ благодаря своей природной грубости и развращенности, не былъ совершенно годенъ въ вожди, какимъ онъ долженъ быть. Онъ терялся въ дорогѣ, терялъ изъ виду направленіе пути, а эти уклоненія были здѣсь печальны.

Создавши собранія и открывши ихъ двери для узницъ теремовъ, онъ слишкомъ часто предлагалъ ихъ вниманію привычки казармъ. Нравственный обликъ русской женщины надолго еще сохранитъ слѣды этого начала общественной жизни, которыми она обязана своему инціатору.

Но дѣло великаго человѣка цѣликомъ отвѣтственно также и въ упрекахъ, какъ оно конечно доставило ему заслуги и славу. Возмущаясь болѣе или менѣе законно даже еще и теперь какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Россіи, противъ несправедливостей и жестокостей, такъ или иначе связанныхъ съ его судьбой, женскій міръ не менѣе можетъ считать его въ числѣ своихъ энергичныхъ избавителей, чѣмъ цивилизація вообще въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ своихъ работниковъ. Этотъ циникъ и развратникъ видѣлъ въ женщинѣ не только одно тѣло для удовольствія. Онъ имѣлъ достаточно ясное пониманіе своей роли въ семьѣ и обществѣ, чтобы избѣжать упрековъ съ точки зрѣнія современнаго идеала.





Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

I.

Дѣло Великаго реформатора и трудности, съ которыми ему приходилось бороться, чтобы закончить его, дурно оцѣнены даже равными ему. «Онъ работалъ надъ своимъ народомъ, какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ», сказалъ Фридрихъ Великій, можетъ быть не безъ оттѣнка зависти. Сравненіе не вполнѣ вѣрное. Отдавшись подъ вліяніемъ рѣзкаго и внезапнаго напора своимъ привычкамъ, стремленіямъ и чувствамъ, скорѣе подъ ударами молота и топора, чѣмъ подъ медленнымъ разъѣданіемъ,— русскій народъ оказался не вполнѣ пассивнымъ. Въ самыхъ ужасныхъ увлеченіяхъ своего гнѣва и мести Петръ часто только возставалъ съ насиліемъ противъ насилія. Доказательство этого даютъ процессы Преображенскаго Приказа. «Какой это царь? писалъ въ 1698 году одинъ заключенный на допросѣ, Ванька Бореліу. Это турокъ! Ѣстъ говядину въ среду и пятницу, и заставляетъ готовить себѣ лягушекъ! Прогналъ жену и живетъ съ чужеземкой! Какой это царь!» Смѣсь удивленія съ ненавистью, этотъ крикъ чаще всего передаетъ возмущеніе пораженнаго ума. И слѣдуетъ доказательство: «Не можетъ быть, чтобы этотъ человѣкъ, для котораго ничего нѣтъ священнаго въ томъ, что въ продолженіе стольких вѣковъ составляло вѣру и жизнь святой Руси,—чтобы онъ родился отъ русскихъ мужа и жены. Онъ долженъ быть сыномъ нѣмца. Это сынъ Лефорта и одной

нѣмки, подмѣненный въ люлькѣ сыномъ Алексѣя и Наталіи. Настоящій Петръ Алексѣевичъ оставленъ за границею въ 1697 г. Нѣмцы его спрятали у себя, подставили на его мѣсто другого. Наконецъ, это можетъ быть Антихристъ». Въ 1701 году одинъ писатель, по имени Талицкій, былъ осужденъ на смерть, за предоставленіе своего имени и пера для доказательства этой теоріи, а позднѣе Стефанъ Яворскій составилъ книгу для доказательства ложности ея съ цитатами изъ Апокалипсиса. Въ 1718 году одинъ иностранецъ, проѣзжая черезъ деревню по дорогѣ въ Петербургъ, увидѣлъ собраніе 300—400 человѣкъ. Одинъ священникъ, котораго тотъ спросилъ, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ: «Наши отцы и братья безъ бородъ; наши жилища безъ слугъ; наши священнѣйшіе законы нарушены, а мы стонемъ подъ владычествомъ иностранцевъ!» Это готовилось возстаніе.

Примѣръ, случившійся со стрѣльцами, правда, охладилъ массовыя попытки къ возстанію; но отдѣльные случаи возмущенія и даже возстанія еще были часты. Иногда они происходили въ наивной и трогательной формѣ. Но чаще всего, пораженный въ томъ, что у него было самаго дорогого, фанатическій приверженецъ Домостроя, поднималъ руку и пытался нанести ударъ за ударъ. Покушенія на особу царя возобновлялись изъ года въ годъ. Въ 1718 году Ла-Вю упоминаетъ объ одномъ, которое было 29-мъ съ начала царствованія. «Безспорно, пишетъ Кампредонъ въ 1721 году, умри Царь и это государство вернется къ своей прежней формѣ управленія, по которой всѣ его подданные тайно вздыхаютъ».

Противодѣйствіе было, конечно, не столь общее; все болѣе и болѣе робкое и ослабѣвающее, въ то время какъ новый режимъ укрѣплялъ свои позиціи и силы,—оно прозябало, не будучи въ состояніи серьезно и открыто выступить; но въ то же время не падало совершенно. Элементы, составлявшіе его, двигатели, которые его воодушевляли, средства воздѣйствія, которыя были ему свойственны, его духъ и характеръ проявились и сгруппировались въ темномъ предпріятіи, героемъ котораго былъ старшій сынъ Петра.

Въ этомъ вопросѣ я нахожу свою задачу облегченной и вмѣстѣ съ тѣмъ осложненной множествомъ произведеній, которыя появились до меня. Всевозможная литература, исторія, романъ, драма, поэзія — все было испробовано, во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ, чтобы представить трагическій образъ

печальнаго цесаревича. Я хотѣлъ избѣжать повтореній. Мнѣ кажется, однако, что физіономія происшествій и лицъ не сошла еще до сихъ поръ со сцены, иногда плѣнительной и обаятельной, со всею желательной чистотой и возможной правдивостью.

II.

Алексѣй родился 19 февраля 1690 года. На имѣющихся у насъ его портретахъ онъ является человѣкомъ, подходящимъ къ своей исторіи и трагической судьбѣ: ни красивъ, ни дуренъ, съ выпуклымъ лбомъ, съ круглыми и безпокойными глазами, съ жалкимъ и упрямымъ видомъ. Ни физически, ни умственно онъ не былъ похожъ на отца; но также и ничего ничтожнаго, какъ его часто представляютъ. Я вижу въ немъ не очень крѣпкое здоровье, разрушенное, правда, эксцессами всякаго рода, но безъ признаковъ хилости; конечно открытый умъ; вкусъ къ чтенію; легкость, свойственная славянамъ, къ изученію иностранныхъ языковъ и стремленіе къ наукѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ наукамъ. У него была склонность, какъ и у его дяди Ѳеодора, къ богословскимъ книгамъ. Тамъ отражался духъ старой Москвы. Въ судебномъ дѣлѣ, которое Петръ началъ противъ своего сына, фигурируютъ выдержки изъ Бароніуса, поставленныя въ вину обвиняемому. Тамъ же можно найти мѣста въ другомъ родѣ, чѣмъ ихъ отыскала отцовская жестокость, указывающія на благородную и нѣжную душу. Алексѣю нравилось, что Теодоза и Валентгеньенъ имѣли обыкновеніе освобождать заключенныхъ по случаю праздника Пасхи; что они запретили смертныя казни въ продолженіе Великаго поста и запретили отбирать у бѣдныхъ людей ихъ топливо и постель. Ему также нравилось, правда, что одинъ изъ государей строго соблюдалъ посты и что другой былъ убитъ за посягательство на право Церкви. Я нахожу въ этомъ сынѣ и внукѣ полуазіатскихъ деспотовъ нѣкоторыя стороны, которыя мы назвали бы теперь либеральными и другія, которыя свойственны чистому фанатику. Но онъ не былъ невѣжественненъ или ограниченъ. Ему случалось проявлять способности. На одномъ допросѣ у него спросили, какъ онъ осмѣлился предсказывать, что когда-нибудь Петербургъ будетъ потерянъ, но онъ отвѣтилъ: «потеряли же Азовъ!» Если онъ вѣроломенъ, рѣзокъ и грубъ, то это прежде всего потому, что его научили постоянно пить лишнее и онъ былъ часто пьянъ. И если ему случалось также оттаскать за

волосы своего второго преподавателя, Вяземскаго, или даже схватить за бороду своего духовника, протопопа Игнатьева, то эти выходки покажутся невинными, если сравнить ихъ съ выходками его отца, который первый ежедневно подавалъ ему примѣръ.

Я не нахожу въ немъ даже прочно установившейся и полной ненависти къ реформаторскому движенію. Я нахожу его интересующимся успѣхами, которые оказывалъ за-границей сынъ одного изъ его слугъ и знаніями, которыя онъ тамъ получалъ, настаивая, чтобы этого мальчика учили по-латыни, по-нѣмецки и даже по-французски. Что его пугали и отталкивали въ переворотѣ, которымъ Петръ хотѣлъ ускорить это движеніе, такъ это слишкомъ большое напряженіе, слишкомъ рѣзкое потрясеніе, слишкомъ быстрая перемѣна, и на этой почвѣ противодѣйствія онъ былъ не одинъ. Разногласія, которыя поставили его въ непріязненныя отношенія съ отцомъ, раздѣлялись доброй половиной Россіи.

До девятилѣтняго возраста онъ оставался около своей матери. Эта послѣдняя не могла лично по себѣ похвалить первые шаги реформы и ребенокъ вѣроятно кое-что объ этомъ зналъ. Въ 1699 году бѣдная Евдокія была заключена въ Суздальскій монастырь; это, конечно, было огорченіемъ для сына и причиною затаенной злобы. Мать была замѣнена наставниками. Отсутствующій, занятый заботами о войнѣ, отецъ слишкомъ поздно сталъ вмѣшиваться въ воспитаніе наслѣдника. И тогда произошла первая ссора. Прежде всего, побѣжденный при Нарвѣ, будущій побѣдитель при Полтавѣ, рѣшилъ, что онъ долженъ сдѣлать своего наслѣдника солдатомъ. Алексѣй не имѣлъ воинственнаго характера. Но ученику не хватало послушанія, а учителю терпѣнія. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ со стороны одного внушить другому вкусъ къ жестокому ремеслу, предмету ихъ спора, Алексѣй былъ предоставленъ самому себѣ, отпущенъ въ Москву, какъ безполезная вещь. Его домъ тамъ сталъ естественно центромъ собранія всѣхъ недовольныхъ, довольно многочисленныхъ по сосѣдству съ Кремлемъ, всѣхъ, кого новый режимъ тѣснилъ и раздражалъ своими безпрерывными перемѣнами, своею постоянно лихорадочною дѣятельностью, своею ужасною тратою силъ. Молодой человѣкъ и старый городъ молчаливо сошлись. Онъ любилъ городъ и тотъ его въ свою очередь. Онъ любитъ его особенно за то, что тотъ имѣетъ самаго пріятнаго, конечно, и самаго привлекательнаго въ своихъ

безчисленныхъ святыняхъ, соборахъ и украшенныхъ золотомъ, драгоцѣнными камнями и таинственными разсказами часовняхъ, полныхъ таинственности и наивной поэзіи.

И вотъ переворотъ уже заноситъ свою нечестивую руку на величіе и святость этихъ благочестивыхъ мѣстъ! Онъ лишаетъ столицу ея Патріарха; онъ обираетъ монастыри! Алексѣй бесѣдуетъ объ этомъ со своимъ духовникомъ. Онъ говоритъ ему о негодованіи церкви, обремененіи народа, и о надеждахъ, которые въ глубинѣ сердецъ возлагаются на благодѣтельную и обновительную перемѣну царствованія. Онъ взываетъ даже къ памяти его матери, этой первой и столь трогательной жертвѣ ошибокъ и эксцессовъ, отъ которыхъ всѣмъ приходится страдать.

Перемѣна царствованія? Такимъ образомъ даже сама Церковь отнынѣ находитъ только этотъ путь высшаго спасенія! Сначала изумленный, умъ юноши мало-по-малу привыкъ къ этой мысли. Послѣ рѣчей суроваго священника, рѣчи членовъ московской аристократіи старались сдѣлать ему уже ее привычной.

Перемѣна царствованія? Надо лишить трона отца! Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ освободить мать и возстановить ее изъ немилости и опалы! Этотъ отецъ,—но впрочемъ Алексѣй видѣлъ его въ рѣдкихъ случаяхъ, и всегда въ образѣ суроваго и раздраженного наставника. Какъ онъ проводилъ время? Чему онъ научился? Никогда ни одного сердечнаго слова; упреки, угрозы, иногда побои. И такъ мало оправдываемые въ нѣкоторыхъ случаяхъ!

Въ 1708 году, Петръ былъ вдругъ охваченъ желаніемъ пристроить своего наслѣдника къ дѣлу, «заставить его служить», какъ онъ говорилъ. Онъ посылалъ его въ Смоленскъ, въ качествѣ продовольственнаго коммиссара, потомъ въ Москву съ порученіемъ укрѣпить городъ противъ предполагаемой аттаки Шведовъ. Попытка окончилась неудачей. Отецъ разгнѣвался; сынъ шлетъ письма къ вліятельнымъ лицамъ изъ свиты отца, чтобы выпросить у нихъ вмѣшательство и помощь; между прочимъ, также къ новой любовницѣ, которая потомъ стала мачехой, и которую пока будущій пасынокъ зоветъ по-просту Екатерина Алексѣевна. Въ слѣдующемъ году, сопровождая подкрѣпленіе для войскъ, вызванное царемъ, царевичъ простудился, и не могъ участвовать въ Полтавской битвѣ. Онъ былъ окончательно слабъ, чтобы научиться воевать. Чтобы сдѣлать изъ него сноснаго наслѣдника, слѣдовало попробовать другое средство. Петръ рѣшилъ отправить своего сына въ Германію. Тамъ



Петръ Великій.

Съ гравюры, сдѣланной съ портрета, находящагося въ Лондонѣ.

онъ пополнитъ свои познанія. Можетъ быть случайно онъ пріобрѣтетъ вкусъ къ просвѣщенію, основы котораго оставались слишкомъ далекими отъ него. Наконецъ, тамъ онъ сдѣлаетъ выборъ жены, вліяніе которой заставитъ измѣнить образъ мыслей.

Алексѣй былъ въ восторгѣ отъ этого рѣшенія, первымъ слѣдствіемъ котораго было то, что между нимъ и отцомъ ляжетъ большое разстояніе. Онъ позволилъ направить себя въ Дрезденъ и занимался тамъ или дѣлалъ видъ, что занимается геометріей и искусствомъ постройки крѣпостей, не переставая поддерживать дѣятельную переписку съ Игнатьевымъ, который послалъ съ нимъ замѣняющаго духовника подъ видомъ слуги, и съ другими друзьями изъ Москвы, которые поддерживали его своими жалобами и обычными обнадеживаніями. Но Петръ окружилъ своего сына цѣлымъ штатомъ тайныхъ агентовъ, которымъ было поручено, если не слѣдить за его нравственностью, то по крайней мѣрѣ женить его какъ можно скорѣе. Вскорѣ молодой принцъ, уступая ихъ настояніямъ, остановилъ свой выборъ на принцессѣ Шарлоттѣ.

Петръ возымѣлъ счастливую идею, увы, испорченную, какъ это случается слишкомъ часто, пріемами слишкомъ поспѣшнаго выполненія. Мало красивая, рябая, съ длинной и плоской таліей, Шарлотта была милая женщина, несмотря на эти физическіе недостатки; во всякомъ случаѣ, она не была подругой, которую желалъ отецъ для Алексѣя. Бѣдное изящное и слабое созданіе, которое жалко было видѣть, какъ оно попалось, точно птичка въ западню, окунутое въ готовящуюся темную драму, не способное ни защититься, ни даже понять, что его ожидаетъ. Оно можетъ только страдать и умереть.

Начало супружества казалось счастливымъ. Казалось, что Алексѣй нашелъ супругу по своему вкусу. Ее очень безпокоилъ походъ на островъ Рюгенъ, въ которомъ Царевичъ долженъ былъ принять участіе. Она писала, что «она будетъ несказанно несчастна, если ей суждено будетъ потерять дорогого супруга».

Мысль о слѣдованіи за нимъ въ Петербургъ сначала устрашила ее; но она тотчасъ сказала себѣ, что она «готова идти хоть на край свѣта, лишь бы быть возлѣ него». Но Петръ уже началъ портить дѣло. Его охватила мысль заставить наслѣдника «служить». Въ 1711 до 1713 года Алексѣй почти постоянно былъ въ дорогѣ между Торномъ, гдѣ онъ еще запасалъ провіантъ, Помераніей, куда онъ отправился курьеромъ съ секретными предписаніями Меншикову и берегами Ладожскаго озера,

гдѣ онъ занимался кораблестроенiемъ. Въ то же время покинутая семья должна была очень страдать отъ полнаго безденежья, плохо обезпеченная; въ 1713 году, опасаясь умереть съ голоду, она спасается къ своимъ родителямъ.

Супружеское счастье не могло противостоять такимъ испытанiямъ. Письма Шарлотты къ своимъ скоро показываютъ, что



Charlotte

ея умъ смущенъ, душа потрясена. Птичка бьется крыльями въ своей клѣткѣ. Въ ноябрѣ 1712 года она въ отчаянiи; ея положенiе «ужасно»; она видитъ, что вышла замужъ за человѣка, «который никогда ее не любилъ». Потомъ лучъ солнца: казалось, все перемѣнилось; царевичъ «любитъ ее страстно», а она «любитъ его ужасно». Но это не больше, какъ мимолетное про-

свѣтлѣніе. Ближайшее письмо представляетъ ее такою, что «болѣе несчастную нельзя себѣ вообразить»; до сихъ поръ она полагала, что характеръ ея мужа скрытъ отъ нея, но «теперь маска спала».

Никакое прочное сближеніе, никакая дѣйствительная близость не могли серьезно зародиться между этими двумя молодыми людьми, такъ мало созданными одинъ для другого. Къ факту почти постояннаго физическаго разобщенія прибавились болѣе тяжелыя препятствія нравственнаго порядка. Шарлотта осталась лютеранкой; вмѣстѣ съ нею московскія церкви потеряли свое краснорѣчіе. Она привезла съ собою также маленькій нѣмецкій дворъ, въ которомъ она находила привычное общество. Самъ же Алексѣй остался православнымъ фанатикомъ и казалось все больше и больше погружался въ узкую московскую обособленность. При всей своей взыскательности и рѣзкости Петръ успѣлъ только сдѣлать его болѣе полно и болѣе упорно непослушнымъ духу новаго режима. Отнынѣ борьба велась открыто между отцомъ и сыномъ, подчеркнувшими здѣсь свои естественныя свойства: крайне энергичную иниціативу съ одной стороны и упорно безразличное противодѣйстіе съ другой; постоянное властное понужденіе въ духѣ новшествъ и постоянное нѣмое сопротивленіе. Въ 1713 году, чтобы избавиться отъ экзамена, который долженъ былъ подвергнуть испытанію его рисовальныя способности, Алексѣй выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ правую руку.

Онъ тѣмъ болѣе укрѣпляется въ своемъ положеніи, что вокругъ него начала группироваться уже болѣе общая оппозиція. Безъ особаго старанія и даже безъ принятія какихъ-нибудь мѣръ онъ сдѣлался главою партіи. Среди духовенства самъ Стефанъ Яворскій поддерживаетъ симпатіи къ его особѣ, которыя выразились въ знаменитой рѣчи 12 марта 1712 года, а представители старыхъ владѣтельныхъ домовъ, Долгорукій и Голицынъ, обращаютъ на него взоры съ надеждой. Такимъ образомъ, все, что приближаетъ ихъ къ нему, не только удаляетъ его отъ отца, но также и отъ жены. Она еретичка, иностранка, ей нѣтъ мѣста въ мечтахъ о будущемъ, которыя они строятъ для себя и для него. Она тоже созданіе ненавистнаго режима! Въ 1714 году, получивъ разрѣшеніе отправиться для лѣченія въ Карлсбадъ, онъ бросаетъ ее безъ сожалѣнія, хотя она была беременна на 9-мъ мѣсяцѣ, и она видѣла, какъ онъ весело отправился. Теперь она страдала отъ его естественной грубости.

Онъ посѣщаетъ дѣвицъ и неумѣренно пьетъ. «Онъ почти всегда пьянъ» пишетъ принцесса. Она начинаетъ, наконецъ, безпокоиться за его невоздержность на языкъ. «Когда случится то, что должно случиться, друзья его отца и его мачехи познакомятся съ сидѣньемъ на колѣ... Флотъ будетъ сожженъ, а Петербургъ погрузится въ свои болота»...—говаривалъ онъ пьяный!

По возвращеніи изъ Карлсбада онъ наноситъ ей самое тяжкое оскорбленіе. Знаменитая Евфросинія, которая сыграла въ его судьбѣ злосчастную роль, представлялась во всѣхъ смыслахъ полноправной хозяйкой. Когда его жена умерла во время родовъ 22 октября 1715 года съ удивительною покорностью судьбѣ въ послѣдніе моменты своей жизни, онъ три раза падалъ въ обморокъ передъ ея кроватью. Скорбь или угрызенія совѣсти? Можетъ быть это было только сознаніе того, что это событіе прибавляло къ тяжести его положенія. Позднѣе онъ признавался, что въ тотъ часъ онъ чувствовалъ новую опасность создающуюся для него.

Дѣйствительно, шестью днями позже письмо отъ отца, завѣдомо помѣченное, какъ будто оно было написано 11 октября, принесло ему подтвержденіе его безпокойства. Элементы драмы, въ которой онъ будетъ главнымъ героемъ и жертвой, уже наготовѣ и занавѣсъ поднимается.

Это письмо заключало требованіе, «послѣднее требованіе», писалъ государь. «Ты не хочешь ничего дѣлать и ничему учиться, но разъ есть возможность, ты долженъ кормиться самъ какъ птица: Я не щажу ни своей жизни, ни жизни своихъ подданныхъ, и я не собираюсь дѣлать исключенія для тебя.

Ты исправишься и сдѣлаешься полезнымъ государству, если же нѣтъ, то ты будешь лишенъ наслѣдства».

Великое слово было произнесено, а на другой день по полученіи письма другое событіе точнѣе опредѣлило смыслъ загадки, которую оно содержало: Екатерина въ свою очередь родила сына.

Какимъ чувствомъ руководился Петръ въ этотъ моментъ? Съ точки зрѣнія отвѣтственности передъ исторіей—это главная загадка въ этомъ печальномъ дѣлѣ. Апологеты великаго человѣка говорятъ, что этого требовали интересы государства. Петръ былъ занятъ и долженъ былъ заниматься спасеніемъ будущности своего дѣла, огражденіемъ своего наслѣдства отъ покушеній со стороны неспособнаго и недостойнаго наслѣдника. Я не могу согласиться съ такимъ взглядомъ. Царь вложилъ слишкомъ мно-

го энергіи и старанія въ преслѣдованіи и выполненіи своей отцовской власти, а позднѣе слишкомъ много мягкости и непослѣдовательности въ упорядоченіи династическаго вопроса, для того, чтобы эти два дѣла могли казаться тѣсно связанными въ его умѣ. Я думаю, въ концѣ концовъ, что въ первомъ случаѣ онъ былъ особенно деспотиченъ. Можетъ быть, это было естественнымъ послѣдствіемъ его второй женитьбы. Независимо даже отъ непосредственнаго давленія со стороны Екатерины, ребенокъ, родившійся отъ любимой жены, долженъ былъ быть ему дороже, чѣмъ сынъ, отвергнутый. Алексѣй былъ живымъ укоромъ передъ его глазами; а извѣстно, какъ онъ обыкновенно относился къ вещамъ и людямъ, стѣснявшимъ его. Я возвращусь еще къ этому вопросу.

По совѣту своихъ ближайшихъ друзей: Вяземскаго, Кикина, Игнатьева, Алексѣй нанесъ прямой ударъ, который былъ подсказанъ ему отважною дерзостью: признавая себя неспособнымъ на тяжкое бремя царствованія, чувствуя себя больнымъ, слабымъ тѣломъ и духомъ, видя, наконецъ брата, который можетъ его замѣстить, онъ добровольно предоставляетъ ему обладаніе своими правами. Онъ ищетъ только убѣжища въ деревнѣ и средствъ для мирной жизни. Петръ не ожидалъ, что будетъ такъ пойманъ на словѣ, и эта поспѣшность отказа показалась ему подозрительной. Онъ далъ себѣ время на размышленіе до 19 января 1716 года, потомъ перешелъ въ наступленіе. Удаленіе въ деревню для царевича вещь конечно неподходящая и ложная. Наслѣдникъ, который не царствуетъ, а остается принцемъ,—ни рыба, ни мясо. Слѣдуетъ выбирать между трономъ и болѣе вѣрнымъ убѣжищемъ; или выказать себя способнымъ царствовать, или сдѣлаться монахомъ: такова альтернатива. Его дѣло выбирать; если же нѣтъ, то онъ будетъ принятъ за злодѣя. Алексѣя охватила дрожь и тоска. Онъ бросился опять къ своимъ друзьямъ. «Ба! отвѣтилъ Кикинъ, это все равно; клобукъ вѣдь не прибитъ къ головѣ гвоздемъ». Въ трехъ словахъ былъ готовъ отвѣтъ сына: онъ будетъ монахомъ. Но, отправляя такой отвѣтъ, написалъ въ другихъ письмахъ: «Я иду въ монастырь, принужденный къ тому силою».

Петръ былъ еще разъ захваченъ врасплохъ. Отправляясь вскорѣ за границу онъ оставилъ дѣло невыясненнымъ. Очевидно, онъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ думалъ попугать сына и довести его до повиновенія. Къ несчастію Алексѣя, его друзья начали давать ему другіе, уже менѣе мудрые совѣ-

ты. Всегда послушный ихъ внушенію, онъ въ свою очередь началъ забѣгать впередъ, терять всю выгоду пріобрѣтеннаго положенія, возвращать своему отцу всѣ преимущества, полученныя надъ нимъ, и устремился къ погибели.

II.

28 августа 1716 года, послѣ шестимѣсячнаго молчанія, Петръ послалъ своему сыну новое требованіе: «Если онъ желаетъ остаться въ міру, онъ долженъ поступить по-царски, присоединившись къ отцу, чтобы сопутствовать ему, если же онъ предпочитаетъ сдѣлаться монахомъ, то наступило время послѣдовать объявленнымъ имъ намѣреніямъ, сдѣлать выборъ монастыря и указать день, въ который все это должно осуществиться». Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельскимъ указаніямъ, Царь предупредилъ рѣшеніе царевича, опредѣливъ ему монастырь въ Твери и приказавъ приготовить келію, размѣры которой во всѣхъ отношеніяхъ напоминали тюрьму. Царевичъ объявилъ Меншикову, что онъ отправляется къ отцу, просилъ тысячу дукатовъ на свое путешествіе и разрѣшенія увезти Евфросинію, выпросилъ еще двѣ тысячи рублей у сената и отправился въ путь на Ригу 26 сентября 1716 года. Но его слуга Афанасьевъ, котораго онъ оставилъ въ Петербургѣ, былъ въ послѣдней моментъ надѣленъ имъ тайными инструкціями: онъ де не собирается присоединиться къ Царю, онъ отправляется въ Вѣну, чтобы отдаться подъ покровительство Императора. Кикинъ отправился туда вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы подготовить почву, и прислалъ успокоительныя вѣсти: Императоръ не выдастъ своего свояка и дастъ ему три тысячи флориновъ въ мѣсяцъ на жизнь. Въ Либавѣ бѣглецъ встрѣтилъ свою тетку, Марію Алексѣевну, и посвятилъ ее также въ свои проекты. Она была въ ужасѣ: «Куда ты думаешь скрыться? Онъ тебя всюду найдетъ». Алексѣй старается ее увѣрить, увѣряетъ самого себя въ надеждахъ, данныхъ ему Кикинымъ, и продолжаетъ свой путь.

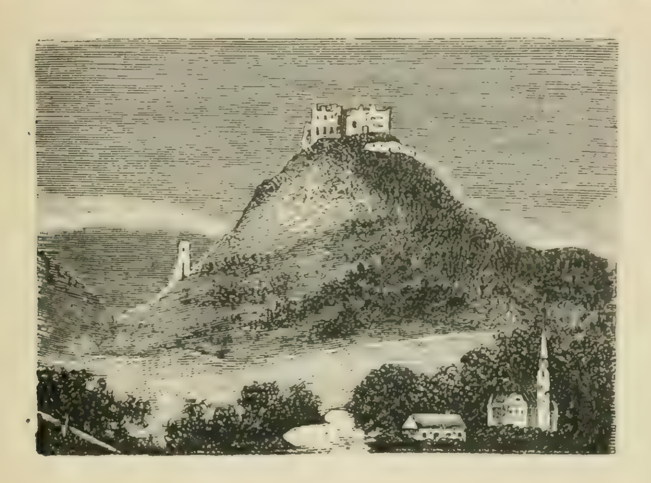
Петръ довольно долго былъ въ невѣдѣніи о своемъ сынѣ. При первомъ же извѣстіи объ исчезновеніи, онъ посылаетъ на поиски своихъ лучшихъ сыщиковъ: Веселовскаго, посла въ Вѣнѣ, и Румянцева; потомъ Толстого. Началась настоящая травля. «Мы идемъ по слѣду; остается только схватить звѣря»,—термины, которыми пользовались преслѣдователи.

Вечеромъ 10 ноября 1716 года Царевичъ внезапно появился въ Вѣнѣ передъ вице-канцлеромъ графомъ Шенборнъ и «съ сильной жестикуляціей, бросая направо и налѣво испуганные взгляды, бѣгая изъ одного конца комнаты въ другой», онъ просилъ императора о спасеніи своей жизни; онъ обвинялъ Меншикова, что онъ разстроилъ его здоровье, вовлекая въ пьянство,— отца своего, что онъ хотѣлъ его погубить, надорвавши его силы, и кончилъ наконецъ тѣмъ, что попросилъ пива. Крайне смущенные, императоръ и его совѣтники рѣшили искать примиренія между отцомъ и сыномъ, а пока спрятать Алексѣя. Старая башня замка Эренбергъ въ доменѣ Леха, казалась имъ надежнымъ укрытіемъ и царевичъ поселился тамъ подъ строжайшимъ инкогнито, какъ государственный плѣнникъ.

Онъ былъ выслѣженъ тамъ только въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ Румянцевъ отправился бродить въ окрестностяхъ маленькой крѣпостцы. Узнали, что погоня имѣетъ приказъ захватить бѣглеца, во что̀ бы то ни стало. Тогда рѣшили отправить Алексѣя въ Неаполь. Его уговорили удалить московскихъ слугъ, пьянство которыхъ угрожало раскрытіемъ тайны. Онъ настоялъ лишь на сохраненіи одного пажа, что ему было позволено изъ соображеній, о которыхъ графъ Шёнборнъ такъ пишетъ: «Нашъ маленькій пажъ... наконецъ онъ сознался, что онъ женщина, по незамужняя, хотя вѣроятно также и не невинная, выдаваемая за любовницу, необходимую для здоровья». Этимъ пажемъ была Евфросинія. Финская крестьянка, служанка Вяземскаго, или плѣнница побѣдоноснаго генерала, какъ Екатерина: свидѣтели разногласятъ въ этомъ отношеніи. Большая, сильная, съ толстыми губами, рыжая—по словамъ Румянцева; маленькаго роста—по сообщенію Веселовскаго; во всякомъ случаѣ, простолюдинка и довольно обыкновенная. Какъ могло случиться, что она получила надъ сердцемъ Алексѣя ту безграничную власть, которая составляетъ сущность человѣческой трагедіи? Это вѣчная тайна. Не была ли это черта, унаслѣдованная отъ отца, о которой мы уже говорили.

Румянцевъ сначала послѣдовалъ за царевичемъ, а возвратившись въ Вѣну, онъ вмѣстѣ съ Толстымъ потребовалъ отъ императора выдачи бѣглеца. Дѣло осложнялось. Казалось, что Царь рѣшился на крайнія мѣры; имѣя армію въ Польшѣ Петръ, казалось, легко могъ превратить въ дѣйствительность угрозы, которыми были пропитаны заносчивыя

рѣчи его пословъ. Карлъ VI старался еще выиграть время. Онъ написалъ королю Георгу Англійскому съ цѣлью вовлечь его въ дѣло преслѣдуемаго сына, и желалъ, чтобы походъ не былъ благопріятнымъ для Царя. Въ ожиданіи онъ убѣдилъ пословъ вести дѣло непосредственно, въ Неаполѣ. Можетъ быть Царевичъ согласится по доброй волѣ отдаться въ ихъ руки. Они отправились туда и началась борьба, въ которой вице-король, графъ Даунъ, игралъ некрасивую роль. Изъ Вѣны ему былъ посланъ приказъ облегчить агентамъ московскаго царя возможность свиданія съ молодымъ принцемъ, и даже заставить послѣдняго принять ихъ. Онъ открылъ имъ настежь всѣ двери замка Св. Эльма, гдѣ былъ запертъ бѣглецъ. Онъ понялъ, что его повелитель усиленно ста-



Развалины замка Эренбергъ.

рается освободиться отъ такого опекаемаго и не ошибся въ этомъ. Толстому и Румянцеву оставалось только использовать уже самыя крайнія послѣдствія этого предположенія.

Алексѣю пришлось выдержать правильную осаду. Сначала ему показали письмо его отца, угрожающее и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющее; царь обѣщалъ прощеніе всѣхъ проступковъ взамѣнъ полнаго подчиненія. Если же нѣтъ, то онъ объявитъ войну императору и возьметъ сына силой. Къ тому же секретарь, Вейнгардъ, подкупленный за нѣсколько дукатовъ, сообщилъ ему якобы секретное извѣстіе: императоръ рѣшилъ его выдать. Затѣмъ Толстой въ разговорѣ сказалъ, что въ Италію скоро пріѣдетъ самъ Петръ. И безъ того напуганный Алексѣй задрожалъ. Наконецъ, выйдя изъ предѣловъ своихъ полномочій, Даунъ явил-

ся съ угрозой, еще болѣе дѣйствительной: если Царевичъ желаетъ оставаться въ Сентъ-Эльмѣ, онъ долженъ разстаться съ Евфросиньей. И въ заключеніе, на сцену выступаетъ служанка, въ свою очередь подкупленная подарками и обѣщаніями, и поддерживаетъ аттаку слезами и просьбами. Алексѣй былъ доведенъ до сдачи.

Онъ поставилъ лишь два условія возврата: ему позволятъ спокойно жить въ своихъ имѣніяхъ и не разлучать съ любовницей. Толстой и Румянцевъ согласились, предлагая даже хлопотать о согласіи царя на женитьбу царевича на этой дѣвицѣ. Онъ написалъ отцу униженное письмо, съ раскаяніемъ о прошломъ и съ просьбой принять всѣ его обѣщанія, которыя онъ



Городъ Эльма.

обязуется выполнить; затѣмъ послѣ поѣздки въ Бари, гдѣ онъ совершилъ поклоненіе мощамъ св. Николая, онъ позволилъ себя увезти. Онъ былъ доволенъ и веселъ, и обрадовался еще болѣе, когда получилъ отвѣтъ Петра, который даровалъ ему прощеніе: онъ можетъ жениться на Евфросиніи. Царь требовалъ только, чтобы свадебный обрядъ былъ совершенъ въ Россіи, въ какой-нибудь уединенной мѣстности, «чтобы избѣжать еще большаго позора». Такъ какъ финка была беременна, то пришлось оставить ее въ Италіи; но она пріѣдетъ къ нему послѣ родовъ, а онъ поручилъ ея брату охрану этого сокровища; онъ писалъ этому человѣку: «Иванъ Федоровичъ! Здравствуй! умоляю тебя беречь свою сестру, а мою жену (хотя еще не признанную, но я уже имѣю разрѣшеніе), чтобы она ни въ чемъ не тер-

нѣла нужды, ибо нѣтъ никакого препятствія для ея признанія, кромѣ ея беременности, которая съ Божьею помощью окончится благополучно». Письмо содержитъ приписку. «Александръ Михайловичъ! Собака, (sic) утѣшай Евфросинію какъ только можешь, чтобы она не имѣла ни въ чемъ огорченій, ибо все идетъ отлично и только изъ-за ея брюхатости нельзя скоро признать ее женой». Оказалось, что Евфросинью легко было утѣшить; на всемъ пути, который велъ къ пыткамъ и смерти человѣка, преданнаго ей, она заботилась только о развлеченіи. Въ Венеціи она купила 30 аршинъ золотистаго сукна за 157 дукатовъ, крестъ, серьги, рубиновое кольцо; она ходила слушать концертъ, и жалѣла, что не нашла ни оперы, ни комедіи. Думала ли она о будущемъ, о безмятежномъ праздникѣ любви, о тихомъ счастьѣ въ уединеніи, раздѣляемомъ съ *Афросиньюшкой*, о которомъ говорили ей всѣ письма Алексѣя? Ея банальные отвѣты, диктованные секретарю, ничего объ этомъ не говорятъ. Въ письмахъ она прибавляла только нѣсколько строкъ своею рукой, огромными безобразными буквами, чтобы попросить присылки какого-нибудь національнаго блюда,—икры или каши.

Одно средство спастись оставалось еще у несчастнаго Алексѣя. То, что произошло въ Неаполѣ, не могло не повергнуть Императора (австрійскаго) въ изумленіе и въ нѣкоторое смущеніе передъ своею совѣстью. Не обошлись ли грубо съ царевичемъ? Онъ желалъ увидѣть своего свояка и спросить его. Вдругъ онъ узнаетъ, что Толстой и Румянцевъ провезли принца черезъ Вѣну ночью. Они спѣшили съ добычей. Благородный Карлъ VI исполнилъ свой долгъ. Губернаторъ провинціи, графъ Коллорадо, получилъ приказъ задержать путешественниковъ, повидаться съ царевичемъ *безъ свидѣтелей*, спросить у него *по своей ли доброй волѣ* онъ возвращается въ Россію, и въ случаѣ противнаго отвѣта, оставить его въ Австріи, принявъ всѣ необходимыя для безопасности мѣры. Увы, приказъ не былъ выполненъ! Въ центрѣ имперской страны царскіе агенты загородили дорогу представителю императора. Если понадобится, они обнажатъ оружіе для прегражденія доступа къ царевичу. Участь Алексѣя была рѣшена: 31 января 1718 года Петръ былъ мрачно обрадованъ, узнавъ о возвращеніи своего сына въ Москву.

IV.

Въ Европѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что ожидало тамъ несчастнаго. Въ Россіи было также полное смятеніе. Въ продол-

женіе долгаго отсутствія царевича ходили самые противорѣчивые слухи: то думали, что онъ помолвленъ съ германскою принцессою, то заключенъ въ монастырь, то умерщвленъ по приказу своего отца, то отданъ въ ряды государевой арміи подъ видомъ новобранца. Узнанная, наконецъ, истина произвела страшное замѣшательство среди его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ. Болѣе чѣмъ вѣрно, что Петръ не удовольствуется разысканіемъ сына. Предстояло еще слѣдствіе, розыскъ сообщниковъ и засѣданія въ палатахъ пытокъ въ Преображенскомъ. Сообщникъ, замѣшанный наиболѣе серьезно, Кикинъ, попробовалъ было даже уговорить Аѳанасьева, комнатнаго слугу, заранѣе предупредить своего господина. Никто изъ заинтересованныхъ ни на минуту не вѣрилъ прощенію. И Петръ, конечно, не замедлилъ оправдать въ этомъ смыслѣ общее мнѣніе.



Пѣшій жилецъ.

3 февраля 1718 года въ Кремлѣ былъ собранъ соборъ изъ высшаго духовенства и почетныхъ мірянъ. Алексѣй явился передъ нимъ въ качествѣ обвиняемаго, безъ оружія. Увидѣвъ его, Петръ вспылилъ, началъ осыпать его бранью и упреками. Царевичъ упалъ на колѣни, залился слезами, невнятно бормоча извиненія, снова умоляя о прощеніи. Онъ получитъ прощеніе; но разъ онъ ставилъ свои условія, царь желаетъ поставить свои. Виновный и недостойный принцъ долженъ торжественно отказаться отъ престола и объявить сообщниковъ своихъ проступковъ, всѣхъ его совѣтниковъ или помощниковъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ былъ призванъ возложить на себя когда-нибудь корону, Алексѣй передъ Евангеліемъ отказался отъ правъ на тронъ, признавши наслѣдникомъ своего младшаго брата Петра, сына Екатерины, а въ низенькой кремлевской палатѣ, гдѣ отецъ заперся съ нимъ съ глазу на глазъ, онъ выдалъ имена всѣхъ, кого могъ припомнить, всѣхъ, кто обращался къ нему съ утѣшеніемъ, съ выраженіемъ симпатіи, простымъ участливымъ словомъ, перепутавъ всѣхъ вслѣдствіе нравственныхъ потрясеній.

Его предупредили: одинъ какой-нибудь пропускъ, одно умолчаніе заставятъ его потерять всѣ выгоды его признаній.

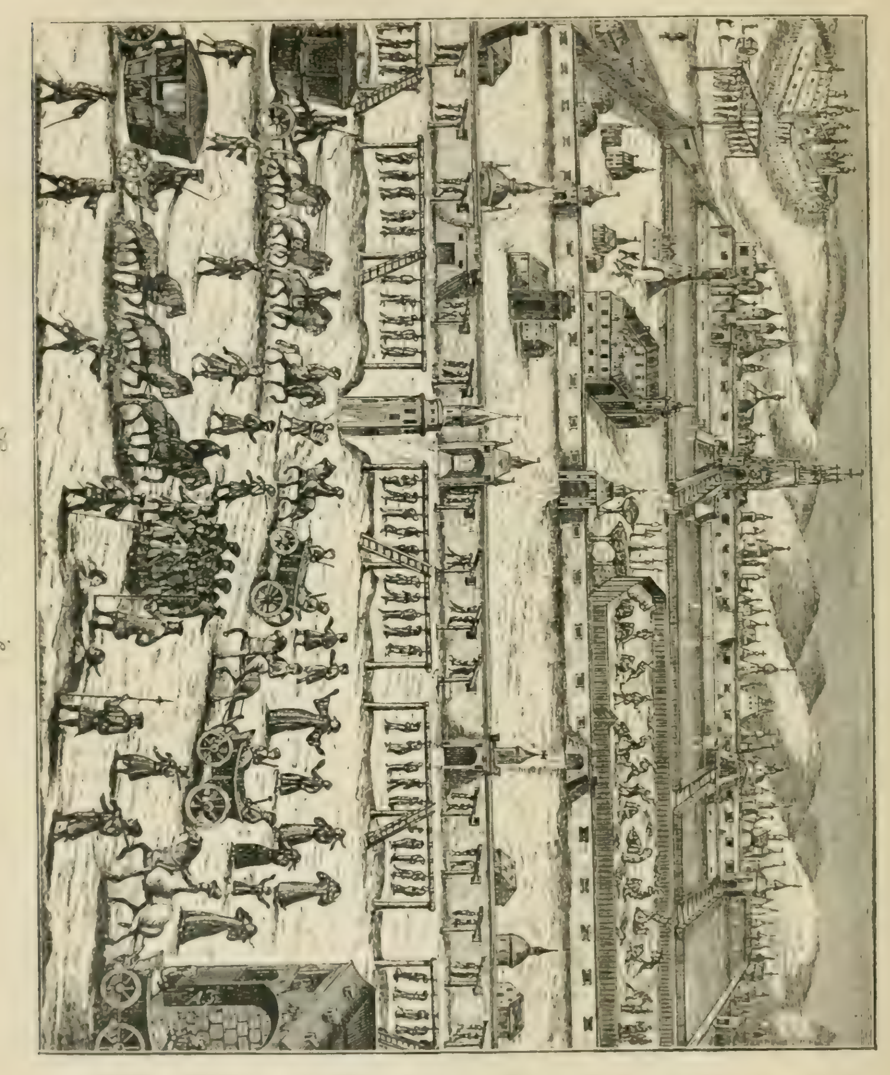
Кикинъ былъ указанъ первымъ, потомъ Вяземскій, Василій Долгорукій, Аѳанасьевъ, и еще другіе во множествѣ; даже сама царевна Марія по поводу той встрѣчи въ Либавѣ, хотя она была столь тайной. Петръ краснѣлъ отъ гнѣва при каждомъ имени. Кикинъ считался до 1714 года среди самыхъ близкихъ изъ окружающихъ его. Веберъ не одинъ разъ видалъ, что царь держалъ его въ объятіяхъ *болѣе четверти часа*. Долгорукій, единственный членъ старой аристократіи, котораго государь почтилъ большимъ довѣріемъ. Оба были привезены въ Москву съ желѣзною цѣпью на шеѣ и слѣдствіе началось.

Прежде всего оно установило съ очевидностью фактъ, что между Алексѣемъ и его друзьями никогда не было никакого замысла съ опредѣленной цѣлью, и даже ни тѣни заговора въ собственномъ смыслѣ слова.

Въ Вѣнѣ, гдѣ Кикинъ провелъ нѣсколько недѣль, онъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми эмигрантами, остатками старыхъ политическихъ партій, нѣсколькими старыми *стрѣльцами*, спасшимися чудомъ отъ казней 1698 года. Съ другой стороны, онъ сохранилъ связи со свитою царя, связь съ Поклановскимъ, любимымъ денщикомъ повелителя, однимъ изъ тѣхъ, на рукахъ которыхъ Петръ обыкновенно засыпалъ. Во время бѣгства Алексѣй имѣлъ свиданіе съ Авраамомъ Лопухинымъ, братомъ Евдокіи, который передалъ ему новости о затворницѣ. Бѣдный царевичъ такъ мало злоумышлялъ съ нею, что даже не зналъ, жива ли она! Узнавши, что она находится въ большой нуждѣ, онъ поручилъ Лопухину передать ей пятьсотъ рублей. Вотъ все, что получило слѣдствіе въ подтвержденіе фактовъ главнаго обвиненія, а также еще нѣсколько злорѣчивыхъ словъ, вырвавшихся у молодого принца въ моменты его гнѣва или опьяненія. Говоря о своей женитьбѣ на Шарлоттѣ, онъ жаловался на рѣшеніе своего отца, «который навязалъ ему чертовку» и поклялся отомстить ему. Думая о нихъ, онъ говорилъ: «Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь! Когда будетъ время, безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, они попамъ, а эти своимъ прихожанамъ, тогда они и не-хотя меня свидѣтелемъ учинятъ».

Все это не было ни слишкомъ зло, ни слишкомъ серьезно, и даже болѣе: покидая Россію, Алексѣй имѣлъ самое искреннее рѣшеніе, держаться добровольнаго отреченія, которое ему было

подсказано послѣдними покушеніями отца на его самостоятельность. Его планъ, который слабость воспрепятствовала довести до конца, состоялъ въ томъ, чтобы дождаться за границей смерти отца, а потомъ принять на себя регентство за малолѣтіемъ брата.



Казни стрѣльцовъ.
Съ современной гравюры.

Чего же хотѣлъ царь со своей судебной машиной, которую онъ пустилъ въ ходъ? Вѣроятно, онъ и самъ этого хорошо не зналъ. Замыслы, заранѣе рѣшенные, которые предполагались съ его стороны, чтобы завлечь несчастнаго Алексѣя въ рядъ

сцѣпленій, въ концѣ которыхъ—отъ промаха къ промаху, отъ ошибки къ ошибкѣ—онъ бы выдалъ себя головой, не подтверждаются никакимъ опредѣленнымъ фактомъ, и находятся въ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Петра. Онъ не былъ человѣкомъ способнымъ на такія ухищренія. Скорѣе всего онъ просто далъ увлечь себя событіямъ, сопровождая ихъ особенностями своего характера. Впрочемъ, на время онъ удовольствовался жертвами, которыя отдали въ его руки признанія



Казни стрѣльцовъ у Новодѣвичьяго монастыря.

сына и слѣдствіе, распространившееся вплоть до Суздальскаго монастыря. Кикинъ былъ колесованъ послѣ ста ударовъ кнута въ четыре пріема. Несчастному Аѳанасьеву, виновному только въ томъ, что онъ заслужилъ довѣріе господина, отрубили голову. Судьба Евдокіи и Глѣбова извѣстна. Очень замѣшанные Алексѣемъ, Долгорукій и Вяземскій, вѣроятно были обязаны заступничеству царевича избавленіемъ отъ конфискаціи имущества, лишенія должностей и ссылки.

Выданный Глѣбовымъ, какъ воодушевитель надеждъ Евдокіи, подвергнутый пыткѣ, епископъ Ростовскій, Досиоей, признался, что онъ предсказывалъ бывшей царицѣ скорую смерть Петра и воцареніе Алексѣя; но на требованіе отвѣта со стороны архіерейскаго собора, назначеннаго для его разжалованія, онъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: «Посмотрите каждый внутрь себя, что онъ носитъ въ сердцѣ своемъ; *прислушайтесь къ словамъ среди народа* и повторите то, что вы тамъ услышите». Онъ тоже вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ священниковъ былъ казненъ посредствомъ колесованія. Головы казненныхъ были надѣты на палки, внутренности ихъ сожжены. Поклановскому отрѣзали языкъ, уши и носъ. Одна княжна Троекурова, двѣ монахини, большое число дворянъ, среди которыхъ одинъ Лопухинъ, недавно вернувшійся изъ Англіи, были наказаны *кнутомъ*. Княгиня Анастасія Голицына, веселая болтунья, изобличенная настоятельницей Суздаля въ поддержаніи отношеній Евдокіи съ Глѣбовымъ, сохраняя ихъ тайну, была избавлена отъ *кнута*, но бита *батогами*. Петръ заставилъ сына присутствовать при наказаніи, которое длилось три часа, потомъ повезъ его въ Петербургъ.

Алексѣй считалъ себя теперь не причастнымъ къ дѣлу и казался очень довольнымъ своею судьбой. Злой рокъ сдѣлалъ его нечувствительнымъ. Онъ питалъ нѣжность только къ своей Евфросиніи. Онъ писалъ ей и объявлялъ, что отецъ теперь очень хорошъ съ нимъ и приглашаетъ его къ своему столу. Онъ говорилъ, что очень доволенъ тѣмъ, что лишенъ титула наслѣдника: «Мы никогда вѣдь, ты знаешь это, не хотѣли ничего другого, какъ спокойно жить на Рождественкѣ. Быть съ тобою и въ мирѣ до самой смерти мое единственное желаніе». Можетъ быть его письмо было предназначено для читателей чернаго кабинета; но очень вѣроятно, что онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь думалъ о женитьбѣ на финкѣ. Прежде, чѣмъ покинуть Москву, онъ на колѣняхъ просилъ Екатерину, отнестись благосклонно къ этому браку.

V.

Евфросинья прибыла въ Петербургъ 15 апрѣля 1718 года и вызвала общее любопытство, смѣнившееся тотчасъ изумленіемъ. Какъ, это та, въ которую столь сильно влюбленъ царевичъ! Ее заключили въ крѣпость, гдѣ она была подвергнута нѣсколько разъ допросу, и вдругъ распространилась новость, что царевичъ

арестованъ. До сихъ поръ онъ пользовался свободой, жилъ въ одномъ домѣ по сосѣдству съ дворцомъ, получая пенсію въ сорокъ тысячъ рублей. Не пролили ли новый свѣтъ на дѣло доносы этой дѣвки? Будучи въ Эренбергѣ, царевичъ писалъ своимъ друзьямъ въ Россію, въ Сенатъ, архіереямъ, взывая къ ихъ памяти, а также къ императору, чтобы вымолить его покровительство. Онъ говорилъ о возмущеніи въ русской арміи, стоявшей въ Мекленбургѣ, въ войскахъ въ окрестностяхъ Москвы, и радовался этимъ новостямъ, прочитаннымъ въ газетахъ. Въ Неаполѣ онъ продолжалъ переписку и злословіе. Онъ высказывалъ намѣреніе покинуть Петербургъ, когда будетъ у власти, чтобы жить въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ, что не будетъ болѣе заводить кораблей, а оставитъ лишь нѣкоторое количество войска только для защиты страны. Узнавши о болѣзни маленькаго Петра Петровича, онъ говорилъ своей любовницѣ: «Вотъ видишь, мой отецъ дѣлаетъ, что хочетъ, и Богъ дѣлаетъ, что хочетъ». Наконецъ, увидѣвъ себя покинутымъ императоромъ, онъ рѣшился отдаться подъ покровительство папы. Таковы были доносы. И Петръ съ самаго начала самъ былъ такъ ясно убѣжденъ въ этомъ, что арестъ Алексѣя состоялся только къ концу двухъ мѣсяцевъ. Въ промежуткѣ, принцъ былъ конечно, допрашиваемъ по поводу отдѣльныхъ обстоятельствъ, сообщенныхъ его любовницей, можетъ быть даже съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ способовъ понужденія, до которыхъ былъ, такой охотникъ его отецъ. Въ маѣ онъ сопровождалъ царя въ Петергофъ, но, вѣроятно, это не была увеселительная прогулка. Позднѣе одинъ крестьянинъ графа Мусина-Пушкина былъ приговоренъ къ каторгѣ за разсказъ о томъ, что, когда царевичъ былъ съ государемъ въ деревнѣ, онъ былъ отведенъ въ отдаленный каретный сарай, и что были слышны крики и вопли, выходившие изъ этой постройки. Но до 14 іюня Алексѣй оставался на свободѣ.

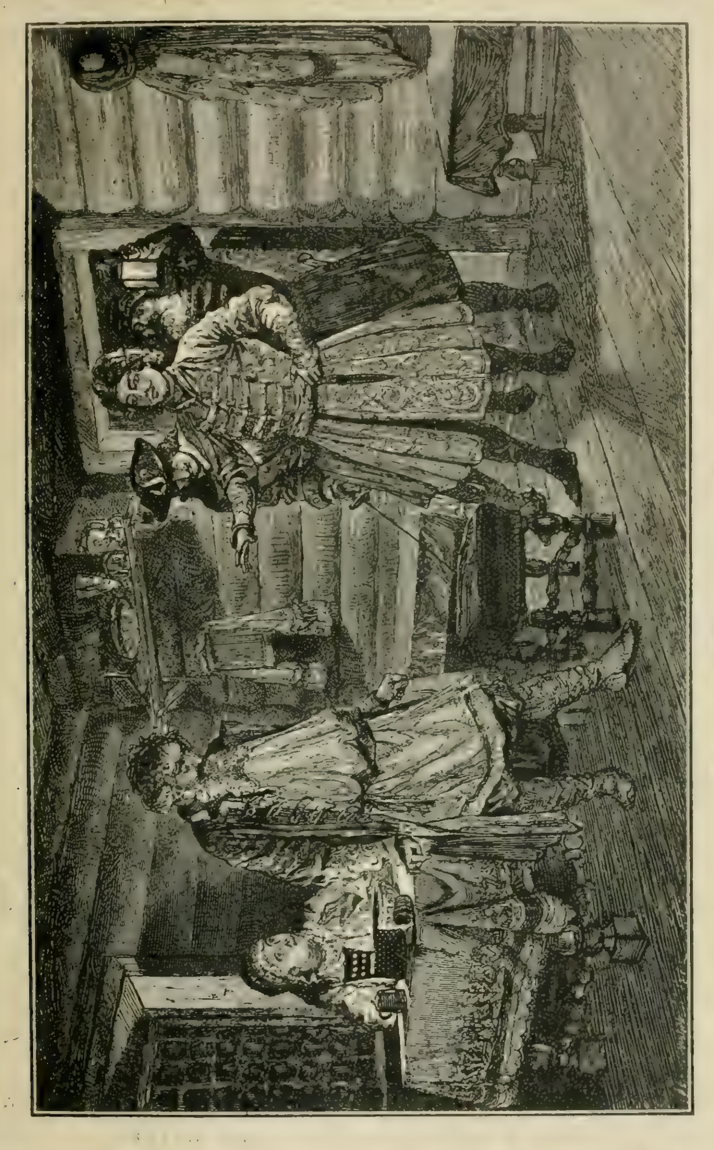
Наканунѣ этого дня Петръ созвалъ новое собраніе духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и обратился къ нимъ съ посланіемъ, въ которомъ, взывая къ ихъ справедливости, требовалъ отъ нихъ высказаться о дѣлѣ между нимъ и сыномъ, который, скрывъ часть истины, нарушилъ помилованіе. Очевидно, государь пересталъ ожидать въ доносахъ Евфросиніи предлога для пересмотра дѣла, законченнаго въ Москвѣ. Но для чего онъ искалъ этого предлога? Можетъ быть, онъ убѣдился въ опасности, созданной новымъ положеніемъ бывшаго наслѣдника.

Такое положеніе онъ и прежде считалъ неудобнымъ. Можетъ быть также онъ уступилъ влеченію, ужасному стремленію къ кровавымъ процедурамъ, которыя ему нравилось приводить въ движеніе. Я охотно бы сказалъ, что онъ именно былъ захваченъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Его инстинкты инквизитора, деспота, неумолимаго судьи ожесточились. Онъ уже видѣлъ кровь.

На собраніи, къ которому онъ обратился, духовенство было въ большомъ затрудненіи по поводу постановки приговора, оно устранилось изъ дѣла черезъ пять дней, указавъ съ своей стороны на Ветхій и Новый завѣтъ: первый представляетъ примѣры того, что отцу разрѣшается наказывать своего сына; второй представляетъ другіе—болѣе милостивые, напр., въ приключеніяхъ блуднаго сына и блудницы. Сенатъ объявилъ дополненіе къ законамъ. Это было, конечно, желаніемъ Петра, и здѣсь была непосредственная причина гибели Алексѣя. Ужасный призракъ страданій и смерти уже не выпуститъ больше своей жертвы.

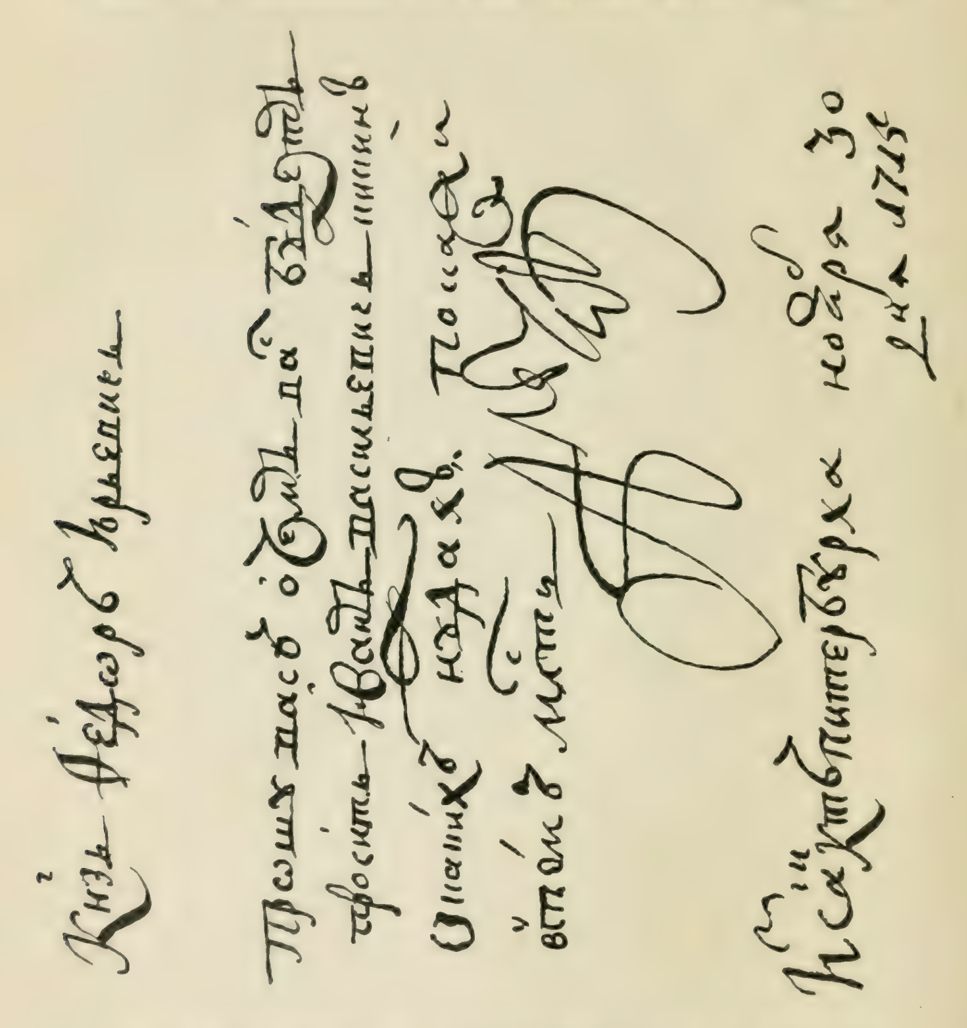
Послѣ новой явки передъ высокимъ собраніемъ, не давшей никакого результата, кромѣ подтвержденія прежнихъ признаній: всегдашняя однообразная исторія съ указаніемъ на связи, поддерживаемыя съ сторонниками стараго режима, на надежды, питаемыя вообще, 19-го іюня царевичъ былъ впервые подвергнутъ пыткѣ. Двадцать пять ударовъ кнутомъ и новое признаніе: Алексѣй желалъ смерти своего отца. Онъ обвинялъ себя въ этомъ передъ своимъ слѣдователемъ и получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Богъ тебя проститъ, мы всѣ этого желаемъ». Спрошенный въ свою очередь, Игнатьевъ подтвердилъ это признаніе. Но въ сущности оно было только въ преступныхъ мысляхъ. Но этого мало. Три дня спустя царевичу было предъявлено три вопросныхъ пункта: «Почему онъ не повиновался отцу? Какъ онъ не боялся наказанія, какое его ожидало? Почему онъ разсчитывалъ получить отцовское наслѣдіе неправильными путями?» Съ этого момента Алексѣй потерялъ почву подъ ногами надъ пропастью, куда его влекло. Ему оставалось одно утѣшеніе: покрыть Евфросинію. Полагали, что если ему будетъ дана очная ставка съ нею, то услышатъ, что онъ будетъ упрекать ее за свою любовь, обвинять. Ничуть не бывало; онъ ее любитъ и будетъ любить до самой смерти. Онъ готовъ обвинить всѣхъ и даже самого себя, стараясь только устранить ее изъ дѣла. Она ничего не знала, ничего не дѣлала, она только давала ему добрые совѣты, которымъ онъ имѣлъ несчастіе не слѣдовать. Составленные подъ вліяніемъ этой предвзятой мысли, всѣ его от-

вѣты на допросахъ указываютъ на жалкую агонію его духа. «Я былъ воспитанъ женщинами, научившими меня только лжи, къ которой я имѣлъ впрочемъ естественную склонность. Я не былъ


Заговоръ Цыклера и Соковнина.

прилеженъ къ работѣ, какъ этого требовалъ отъ меня отецъ. Вяземскій и Нарышкинъ съ своей стороны научили меня только бражничать и пьянствовать съ попами и монахами. Одинъ только Меншиковъ училъ меня добру. Такимъ образомъ, малу-по-малу

не только окружающіе моего отца, но даже и особа его самого, сдѣлались мнѣ ненавистны, а мое пребываніе заграницей, куда отецъ отправилъ меня за хорошимъ дѣломъ, не было достаточно для моего исправленія. Я не боялся болѣе его справедливаго гнѣва,—это происходило отъ моей дурной натуры. Съ самаго



дѣтства я былъ далекъ отъ правильной дороги и, не желая слѣдовать своему отцу, я старался найти другіе пути».

Толстой, исполнявшій обязанности судебнаго слѣдователя, не удовольствовался этими самобичеваніями. Онъ искалъ чего-нибудь болѣе опредѣленнаго, факта, за который могло бы ухватиться обвиненіе. Въ силу необходимости онъ кончилъ тѣмъ,

что вырвалъ у несчастнаго признаніе такого рода, что «онъ *принялъ бы* помощь императора, для захвата власти силою оружія». Но могла ли быть ему предложена подобная помощь? Нѣтъ. И слѣдствіе снова вернулось къ началу. Опять вредоносныя намѣренія, преступныя мысли; ни одного дѣйствія! Надо постараться сдвинуть его съ мѣста. 24 іюня новый сеансъ въ комнатѣ пытокъ. Пятнадцать ударовъ. Результатъ: ничего. Обвиняемый имѣлъ надежду на Стефана Яворскаго, мятежнаго архіерея, но никогда съ нимъ даже не разговаривалъ. Другіе указывали ему на него, какъ на симпатизирующаго его дѣлу. На этомъ окончили. Ни кнутъ, ни дыба не дадутъ больше ничего. Нужно было подводить итоги. Каковы-то они будутъ? На этотъ счетъ можно не сомнѣваться. Недопустимо, чтобы работа оказалась въ пустую. Недопустимо, чтобы царевичъ освободился изъ рукъ палача и вышелъ невиннымъ изъ дѣла и изъ тюрьмы и вынесъ наружу на своей спинѣ, исполосованной кровавыми рубцами, жестокое доказательство отцовской несправедливости. Но рѣшился ли Петръ?

Герой былины X вѣка, Василій Буслаевичъ, въ борьбѣ съ новгородцами поднялъ оружіе на своего собственнаго отца. Чтобы удержать его, мать схватила его сзади за полы его одежды, а герой сказалъ ей: «А и хитры вы, старушка! Знали вы, гдѣ схватиться, чтобы умѣрить силу мою великую. Если бы вы схватили меня спереди, то не

пощадилъ бы я васъ, сударыня матушка; убилъ бы я васъ, какъ мужика новгородскаго!» Петръ былъ того же племени, онъ былъ послѣднимъ представителемъ эпическаго цикла ужасныхъ воителей и не было никого позади его, чтобы его остановить. Благодаря ряду хоть и слабыхъ доказательствъ, собранныхъ противъ него, Алексѣй былъ уличенъ-таки въ глазахъ реформатора, какъ враждебная сторона, противъ которой онъ боролся уже въ продолженіе двадцати лѣтъ. Это уже болѣе не сынъ, это противникъ, крамольникъ, мужикъ новгородскій, съ которымъ онъ сошелся лицомъ къ лицу. А потомъ между Москвой и Петербургомъ, вокругъ главнаго обвиняемаго слѣдствіе пролило уже цѣлое море крови. Двадцать шесть женщинъ и столько еще мужчинъ стонали подъ ударами кнутомъ, показывали свои трепещущія тѣла надъ горячими жаровнями. Несчастные слуги, сопровождавшіе Алексѣя за границу, не сомнѣваясь, что они исполняли не что̀ иное, какъ свой долгъ, были биты кнутомъ, подняты на дыбу, сосланы въ Сибирь, «ибо невозможно было бы, гласилъ приговоръ, оставить ихъ жить въ Петербургѣ». Столица въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ была подчинена режиму крайняго террора. Этотъ городъ, писалъ современникъ, кажется доведеннымъ до гибели изъ-за столькихъ обвиненій; здѣсь живутъ какъ среди общей заразы; здѣсь только и есть или обвинитель или обвиняемые». Петръ поддался тоже заразѣ. Кровь, пролитая имъ, доходила ему по-уши.

Верховный судъ, составленный изъ членовъ Сената, министровъ, главныхъ придворныхъ чиновъ, высшихъ начальниковъ гвардіи (духовенство, какъ устранившееся, было оставлено внѣ этого дѣла) былъ созванъ для произнесенія приговора. Сто двадцать семь судей. Всѣ знали, какого вердикта ждутъ отъ нихъ, и ни у одного не хватило духу отказаться отъ подписи подъ рѣшеніемъ, продиктованнымъ властелиномъ. Только одинъ, лейтенантъ гвардіи, отказался подписаться: онъ не умѣлъ писать. Итакъ, процессъ пришелъ къ своему роковому концу. 24 іюня былъ постановленъ приговоръ:—смерть.

Однако, драма не кончилась. Она осложнилась еще однимъ происшествіемъ, самымъ мрачнымъ изъ всѣхъ, одною изъ самыхъ темныхъ загадокъ, которыя когда-либо были въ исторіи. Приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Алексѣй умеръ прежде чѣмъ его отецъ рѣшилъ, дать ли правосудію совершить сіе до конца, или помиловать. Какъ же онъ умеръ?

VII.

Вотъ оффиціальная версія: «Слушая чтеніе приговора, царевичъ былъ пораженъ апоплексіей; придя въ себя, онъ пожелалъ видѣть отца, еще разъ въ его присутствіи сознался въ своихъ проступкахъ, получилъ прощеніе и черезъ нѣсколько минутъ испустилъ послѣдній вздохъ». Петръ, какъ утверждаютъ документы, исходящіе изъ того же источника, склонялся къ помилованію, но «при этой неизвѣстности и досадномъ безпокойствѣ, всемогущему Богу, котораго святыя рѣшенія всегда справедливы, было угодно по своей всебожественной благости освободить особу государя и все государство отъ всякаго зла и напасти». Впрочемъ, тѣло принца было выставлено въ продолженіе восьми дней «съ дозволеніемъ всѣмъ видѣть его, чтобы каждый могъ судить, что онъ умеръ естественной смертью». Все же естественная смерть принца составляетъ предметъ сомнѣнія. И не только сомнѣніе, но даже категорическое утвержденіе о противоположной развязкѣ, является во всѣхъ другихъ современныхъ версіяхъ по поводу событія. Разногласія существуютъ только относительно характера насильственной смерти. Имперскій посолъ, Плейеръ, хочетъ, чтобы царевичу отрубили голову въ тюрьмѣ, а Шереръ даже доходитъ до указанія палача—это генералъ Вейде. Дѣвица Крамеръ, дочь одного жителя Нарвы, вошла въ легенду, что она будто бы была приглашена для пришиванія головы казненнаго къ туловищу, чтобы уничтожить слѣды убійства, что̀ не помѣшало ей впослѣдствіи сдѣлаться гофмейстериной двора великой княжны Наталіи, дочери убитаго! Штелинъ знаетъ только, что ей было поручено одѣть тѣло принца, какъ будто онъ не можетъ иначе объяснить ея участіе. Но Генрихъ Брюсъ разсказываетъ исторію съ питьемъ, которое генералъ Вейде отправился требовать у дрогиста Беръ, поблѣднѣвшаго при чтеніи рецепта. Въ собраніи анекдотовъ, опубликованныхъ въ Англіи, находятъ также предположеніе о ядѣ, которымъ была пропитана бумага, посланная царевичу съ извѣщеніемъ о приговорѣ. Убѣдительно письмо Алексѣя Румянцева, рукописныя копіи съ котораго циркулировали въ большомъ числѣ. Авторъ разсказываетъ тамъ одному изъ своихъ друзей, Дмитрію Титову, что царевичъ погибъ по приказу царя, задушенный подушками, исполнителями царской воли были Бутурлинъ, Толстой, Ушаковъ и онъ самъ. Но достовѣрность документа была опровергнута (между прочимъ Устряловымъ) и дѣйствительно

спорна. Де-Би и Вильбуа держатся удара ножемъ, который открылъ вены принца; но они ничего не прибавили къ тому, что говорилось. Самыя точныя свѣдѣнія принадлежатъ Лефорту, впослѣдствіи совѣтнику саксонскаго посольства, принятому тогда на службу царемъ, и графу Рабутину, который потомъ замѣнилъ Плейера въ качествѣ посла. Они отличаются другъ отъ друга только второстепенными подробностями. «Въ день смерти принца, разсказываетъ Лефортъ, царь въ 4 часа утра въ сопровожденіи Толстого отправился въ крѣпость въ казематъ, гдѣ была висѣлица и другіе приборы для наказанія кнутомъ. Туда же привели несчастнаго, которому, послѣ того, какъ его подняли, дали нѣсколько ударовъ крутомъ и, чему я не вѣрю, хотя меня увѣряли въ этомъ, отецъ будто нанесъ первые удары. Въ 10 часовъ утра произвели ту же операцію, а около 4-хъ часовъ онъ почувствовалъ себя столь дурно, что умеръ подъ ударами». Рабутинъ болѣе опредѣленъ, и онъ вводитъ въ дѣло даже Екатерину. Петръ билъ, а «такъ какъ онъ не умѣлъ хорошо обращаться (съ кнутомъ), то онъ нанесъ такой ударъ, что несчастный вдругъ упалъ безъ сознанія, а министры рѣшили, что онъ умеръ». Но Алексѣй былъ только въ обморокѣ, и, увидя, что онъ пришелъ въ себя, Петръ, отходя, сказалъ съ усмѣшкой: «его еще самъ чортъ не возьметъ». Очевидно, онъ думалъ начать снова. Екатерина избавила его отъ этого труда. Узнавши, что принцу лучше, по совѣту Толстого, она послала къ заключенному придворнаго хирурга Гобби, который вскрылъ ему вены. Петръ, увѣдомленный объ этомъ, пошелъ посмотрѣть на трупъ, покачалъ головою, какъ будто онъ сомнѣвался, такъ ли это, но ничего не сказалъ.

Эти указанія имѣютъ достоинство въ ужасномъ совпаденіи съ документомъ безспорной вѣрности: дневникомъ петербургскаго гарнизона, веденнымъ день за днемъ въ крѣпости, гдѣ происходила драма. Тамъ мы читаемъ слѣдующія подробности: «14 іюня была выстроена спеціальная комната пытокъ въ Трубецкомъ бастіонѣ, въ казематѣ сосѣднемъ съ камерой, гдѣ въ этотъ самый день былъ запертъ царевичъ. 19-го въ этой комнатѣ было два сеанса, съ полудня до часу и съ 6-ти часовъ до 9-ти часовъ вечера; на другой день третій сеансъ съ 8-ми часовъ до 11-ти часовъ; 24-го—два сеанса, одинъ съ 10-ти часовъ утра до полудня, другой съ 6-ти часовъ до 10-ти вечера; 26-го еще одинъ сеансъ. въ присутствіи царя, съ 8-ми часовъ утра до 11-ти часовъ, и въ этотъ же день, въ 6 часовъ вечера царевичъ умеръ».

Такимъ образомъ, достовѣрно слѣдующее: даже послѣ осужденія, Алексѣй подвергался пыткамъ изъ-за того, впрочемъ, лишь, что его палачи могли слѣдовать лишь обычнымъ ошибкамъ уголовнаго процесса того времени. Но все-таки, съ одной стороны, допуская это, непонятно, почему Петръ или Екатерина прибѣгали къ другимъ способамъ, чтобы ускорить конецъ своей жертвы: достаточно было кнута; съ другой стороны предположеніе о внезапной смерти отъ неумѣреннаго примѣненія пытокъ пріобрѣтаетъ наибольшую степень вѣроятности. Аналогичные случаи считаются тысячами въ судебныхъ лѣтописяхъ того времени, а извѣстно, что Алексѣй не отличался очень крѣпкимъ сложеніемъ. Уже въ 1714 г., по свидѣтельству Де-Ви, у него былъ родъ апоплексическаго инсульта на правой сторонѣ. Наконецъ, *внезапный* характеръ развязки, съ вѣроятнымъ вмѣшательствомъ какого-либо *насилія*, въ видѣ желѣза, яда, или усиленной пытки, кажется оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія крайне знаменательный случай. Донесеніе, по поводу происшествія Де-Би, перехваченное, какъ и Плейера, стоило его автору громадныхъ непріятностей и даже вызвало довольно враждебное нарушеніе права неприкосновенности его жилища, какъ дипломата. Приведенныя имъ свѣдѣнія составили предметъ спеціальнаго слѣдствія, которое сосредоточилось главнымъ образомъ вокругъ слѣдующаго факта: одинъ плотникъ, по имени де-Болессъ, зять акушерки голландки, Маріи ванъ-Гуссе, работалъ въ крѣпости во время заключенія царевича. Кушанья, подаваемыя царевичу, готовились въ его домѣ. На другой день послѣ смерти Алексѣя, жена плотника разсказала своей матери, которая повторила это женѣ посла, что наканунѣ въ полдень столъ царевича былъ еще накрытъ, какъ обыкновенно. Она видѣла блюда, которыя возвращались нетронутыми. Она не придавала никакого значенія этой подробности; слѣдствіе придало ему большое и существенное значеніе. Но допрошенныя, вѣроятно съ примѣненіемъ пытокъ, обѣ бѣдныя женщины могли только подтвердить свои слова при нѣкоторомъ замѣшательствѣ, а такъ какъ онѣ въ концѣ концовъ получили свободу, то достовѣрность этого должна быть поставлена внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, если за нѣсколько часовъ передъ смертью Алексѣй былъ въ состояніи ѣсть, то, слѣдовательно, его смерть была насильственной.

Я перехожу къ многочисленнымъ легендамъ, которыя тоже сказали свое слово въ этой ужасной драмѣ. Между крестьянами

долгое время сохранялась увѣренность, что царевичъ живъ, чудеснымъ образомъ спасшись изъ рукъ палачей.

Даже въ 1723 году въ Псковѣ былъ лже-Алексѣй, а другой въ 1738 году въ Ярославцѣ. Но въ сущности я былъ бы склоненъ съ точки зрѣнія исторіи придавать небольшое значеніе реальной основѣ фактовъ, сопровождавшихъ смерть несчастнаго принца. Нравственно Петръ во всякомъ случаѣ остается отвѣтственнымъ за это. Въ этомъ процессѣ, гдѣ одни только намѣренія были поставлены въ вину, его желаніе несомнѣнно: онъ хотѣлъ во что бы то ни стало устранить сына, а эта несчастная черта отмѣчаетъ его обликъ передъ потомствомъ. Его поведеніе послѣ происшествія было таково, что отбиваетъ всякую охоту къ восхваленію. Въ дневникѣ петербургскаго гарнизона, въ частномъ дневникѣ Меншикова, я нахожу въ программѣ, которую онъ выполнялъ въ первые дни, слѣдовавшіе за печальной развязкой, обстоятельства, бросающія въ ознобъ:

«27 іюня (на другой день послѣ смерти царевича): обѣдня и молебенъ по случаю годовщины битвы подъ Полтавой; пушечная пальба въ присутствіи Его Величества... Въ девять часовъ вечера тѣло царевича перенесено изъ Трубецкого бастіона въ губернаторскій домъ.

28 іюня. Въ 10 ч. утра перенесеніе тѣла царевича въ церковь Троицы, гдѣ оно было выставлено.

29 іюня. Именины Его Величества. Спускъ въ Адмиралтействѣ вновь устроеннаго корабля, *Лиска*, построеннаго по плану Его Величества. Его Величество присутствовали на церемоніи со всѣми министрами. *Были тамъ очень веселы*».

Въ своихъ депешахъ отъ 4 и 8 іюля Плейеръ также говоритъ объ одномъ обѣдѣ, въ Лѣтнемъ Дворцѣ, данномъ по тому же случаю, о ночномъ празднествѣ и объ артиллерійскомъ ученьѣ. Спрошенный членами дипломатическаго корпуса по поводу ношенія траура, канцлеръ далъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ принцъ умеръ преступникомъ. А имперскій посолъ утверждаетъ, что если еще Екатерина и показывала какую-нибудь печаль во время этихъ кощунственныхъ празднествъ, то Петръ казался всегда очень веселымъ. Эта высшая несправедливость не пощадила даже печальную судьбу сына Евдокіи, жертвы несчастія, а потому понятно, что искусство и поэзія получили неисчерпаемый источникъ для печальнаго вдохновенія. Очень интересный этюдъ Костомарова сопровождался воспроизведеніемъ картины одного русскаго художника, француза по

происхожденію (Ге): *Петръ бросаетъ въ глаза сыну признанія Евфросиніи.*

Что сталось съ нею? Она получила, какъ говорятъ, плату за выдачу. Она присутствовала при описи имущества царевича и получила изъ него значительную часть. По донесенію Плейера, царь и царица оказывали ей большое благоволеніе, и, какъ полагаютъ другіе современники, она вышла замужъ за офицера петербургскаго гарнизона, съ которымъ она еще прожила тридцать лѣтъ въ счастіи и довольствѣ.

А Петръ сохранилъ свое хорошее настроеніе. Мѣсяцъ спустя послѣ катастрофы, 1-го августа 1718 года, въ письмѣ къ женѣ изъ Ревеля, наряду съ веселымъ тономъ и видимымъ удовольствіемъ, которое у него является при воспоминаніи, онъ высказываетъ неудовольствіе по поводу открытія къ винѣ того, кого уже болѣе нѣтъ въ живыхъ, фактовъ еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ все, что было раньше обнаружено. Алексѣй искалъ сношеній съ Карломъ XII. Въ концѣ года по приказу государя была выбита медаль, гдѣ была изображена царская корона, поднятая на небеса и освѣщенная лучами солнца, пронизывающими облака. Внизу слѣдующая надпись: «*Горизонтъ прояснился*».

Да, Петръ прояснилъ свой горизонтъ при помощи молніеносныхъ ударовъ; онъ обезглавилъ гидру оппозиціи; онъ согнулъ духъ своихъ подданныхъ при помощи террора, еще болѣе жестокаго, чѣмъ въ дѣлѣ *стрѣльцовъ*, и свободно опять взялъ свой курсъ. Хотя печальный процессъ не отвлекалъ его даже отъ привычныхъ занятій, и даже отъ удовольствій, однако, въ этомъ отношеніи произошелъ небольшой перерывъ: съ 21 апрѣля по 21 іюня было опубликовано только 21 указъ и ни одного съ 9 по 25 мая, тогда какъ обыкновенно это опубликованіе было почти ежедневное. Теперь онъ удвоилъ дозу. Можно заняться изданіемъ законовъ: есть вѣроятность, что имъ будутъ лучше повиноваться, чѣмъ раньше!

Но онъ возмутилъ общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ внѣ своей страны; и ему не удалось ввести его въ заблужденіе, вопреки необычайной пышности офиціальныхъ восхваленій: манифестовъ, «вѣрныхъ и точныхъ донесеній» и статей щедро подкупленныхъ газетъ. Сорокъ лѣтъ спустя, онъ еще повергалъ въ смущеніе совѣсть по крайней мѣрѣ добросовѣстныхъ европейскихъ публицистовъ. Вольтеръ пишетъ конфиденціально Даламберу: «Меня смущаетъ царь Петръ, я не знаю, какъ мнѣ быть съ его сыномъ, я вовсе не нахожу, что

какой-нибудь принцъ достоинъ смерти за то, что онъ путешествовалъ въ то время, когда его отецъ тоже разъѣзжалъ, и что онъ любилъ дѣвку, когда его отецъ получилъ гоноррею». Менѣе ясный съ графомъ Шуваловымъ, онъ взялся опровергать Ламберти при помощи нѣкоторыхъ благопріятныхъ документовъ, замѣнивъ ихъ другими, менѣе благопріятными; однако, онъ заявилъ, что не можетъ принять сторону противъ Алексѣя, изъ опасенія прослыть историкомъ «трусливо-партійнымъ», и въ пылу полемики, онъ написалъ сильную защитительную рѣчь:

«Черезъ четыре мѣсяца судебнаго слѣдствія несчастнаго принца принуждаютъ написать, что если бы были мятежныя силы, которыя могли бы подняться и позвать его, онъ бы рѣшился на нихъ положиться. Кто же, когда смотрѣлъ на подобное заявленіе, какъ на нѣчто дѣйствительное, какъ на вещь, достойную процесса? Кто же когда судилъ за мысли, предположенія, за воображеніе себѣ случая, котораго не было на самомъ дѣлѣ? Гдѣ же эти мятежники? Кто же поднялъ оружіе? Кто же предлагалъ этому принцу когда-нибудь положиться на мятежниковъ? Кому онъ объ этомъ говорилъ? Съ кѣмъ онъ сговаривался насчетъ такого важнаго дѣла?.. Не будемъ дѣлать иллюзій! Я предлагаю отдать эту исторію на судъ Европы. Будьте увѣрены, милостивый государь, что въ Европѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы думалъ, что царевичъ умеръ естественною смертью. Когда слышатъ, что говорятъ, какъ принцъ 23-хъ лѣтъ отъ роду умеръ отъ апоплексіи при чтеніи приговора, который, какъ онъ долженъ былъ надѣяться, не будетъ приведенъ въ исполненіе, то пожимаютъ плечами. Потому-то такъ тщательно позаботились о томъ, чтобы изъ Петербурга не дошло до меня ни одной записки объ этомъ роковомъ событіи».

Несчастный Алексѣй послѣ своей смерти нашелъ себѣ самаго краснорѣчиваго адвоката, а Петръ грознаго обвинителя. Чтеніе *Исторіи Россіи* къ несчастью доказываетъ, что графъ Шуваловъ въ концѣ концовъ открылъ въ другомъ мѣстѣ, конечно, что въ архивахъ С.-Петербурга есть доказательства, способныя поколебать убѣжденія защитника и заставить его перемѣнить взглядъ. Но рѣчь защитника и обвинительный актъ остаются; они будутъ вѣчнымъ, лицомъ къ лицу съ процессомъ, выраженіемъ общественной совѣсти, а Петръ вѣчно будетъ нести ихъ тяжесть.

Я охотно соглашаюсь, что она ему по плечу и онъ не согнется подъ ношей.

Онъ убилъ своего сына. Въ этомъ не можетъ быть никакого оправданія. Я уже отвергъ и отвергаю еще разъ доводы политической необходимости, приводимые защитой. На это есть одинъ отвѣтъ: не желая видѣть этого сына своимъ наслѣдникомъ, кому же Петръ оставилъ свое наслѣдство? Неизвѣстному. Екатерина нашла его среди придворныхъ интригъ. Въ продолженіе полувѣка Россія будетъ предоставлена приключеніямъ и ихъ героямъ. Вотъ ради какого результата великій человѣкъ работалъ съ своими палачами. Но онъ былъ великъ и сдѣлалъ Россію очень великой. Въ этомъ его единственное извиненіе.





Стран.

От редакціи 5
Кремль и нѣмецкая слобода 7
Царевна Софья 26
Троицкій монастырь 49
Человѣкъ 59
Женщины 101
Царевичъ Алексѣй Петровичъ 124



МОСКВА.— 1908.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

Исторія Россіи — профессора Шимана.

Александръ Первый.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Первое русское изданіе съ 2 портретами и многими рисунками и картинами

Изданіе Московскаго К-скаго Т-ва

„Образованіе".





Мы не можемъ сказать, чтобы внѣ Петербурга русскій народъ раздѣлялъ тѣ бурныя ликованія, какими русское дворянство привѣтствовало убійство Павла. За то всеобщими были надежды, съ которыми встрѣченъ былъ молодой, еще не достигшій 24 лѣтъ новый государь. Императрицу-мать Марію Θеодоровну [1]), которая хотѣла было, подобно Екатеринѣ, взять правленіе въ свои руки, мало знали и еще меньше того любили. Въ ея натурѣ не было того, что могло бы сдѣлать ее главой партіи и ее

---

[1]) Записки Чарторижскаго. „Въ первыя минутыона казалась готовой на все, чтобы захватить въ свои руки бразды правленія и отомстить за убійство супруга. Но въ императрицѣ Маріи не было вовсе того, что могло бы увлечь, вызвать воодушевленіе и добровольное самопожертвованіе... быть можетъ, этому способствовалъ и ея иностранный нѣмецкій выговоръ, который она сохранила въ русской рѣчи". Этотъ фактъ удостовѣренъ множествомъ лицъ и можетъ считаться исторически установленнымъ.

безъ труда отстранила вылощенная любезность Александра. Молодой императоръ предоставилъ ей по внѣшности блестящее, но въ политическомъ смыслѣ безразличное положеніе и сумѣлъ удержать ее въ этомъ положеніи нѣжной внимательностью и проявленіями сыновней почтительности; онъ согласился также удалить изъ Петербурга наиболѣе ненавистныхъ ей лицъ, которыя прямо или косвенно участвовали въ убійствѣ Павла,—правда, не тотчасъ же, а лишь тогда, когда онъ убѣдился, что для него самого отъ этого не явится опасности, и только тѣхъ, кто нарушилъ его личные планы, какъ Паленъ и Панинъ. Вообще же убійцы не были наказаны, да это, пожалуй, и не было возможно. Даже Яшвиль, извѣстный всѣмъ, какъ фактическій убійца Павла, былъ только сосланъ въ Восточную Россію, а Николай Зубовъ даже сидѣлъ рядомъ съ Александромъ на коронаціонномъ обѣдѣ въ Москвѣ. Но своей матери Александръ никогда не прощалъ неудачной попытки завладѣть властью. До самой своей смерти подвергалъ онъ ея переписку перлюстраціи и слѣдилъ особенно за ея отношеніями съ ея племянникомъ, принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ, которому нѣсколько дней благосклонности императора Павла должны были отравить и испортить всю дальнѣйшую жизнь. Ни одинъ изъ Павловичей не забывалъ и не прощалъ ему его кандидатуры на престолъ.

Но все это было тщательно хранимой тайной, извѣстной однимъ только участникамъ. Всему же свѣту видна была только трогательная скромность, которую Александръ проявлялъ къ матери, и усердіе, какое онъ прилагалъ къ тому, чтобы залечить раны, причиненныя своеволіемъ и страстями Павла.

Наступившая эра послѣднихъ реформъ не коснулась, однако, основныхъ бѣдъ государства, и могущественная петербургская бюрократія скоро поняла, что новый царь, если и расположенъ дѣлить съ нею, то не иначе какъ для виду, доставшуюся ему власть. Когда сенатъ, въ отвѣтѣ на одинъ изъ императорскихъ запросовъ, выказалъ намѣреніе истолковать свои права и обязанности такъ, что получилось нѣчто въ родѣ конституціоннаго ограниченія самодержавія въ Россіи, то Александръ сумѣлъ ввести его въ прежнія границы. Кромѣ того, спустя нѣсколько мѣсяцевъ уже выяснилось, что съ новымъ царемъ выступитъ на сцену и новое поколѣніе людей. Сотрудниковъ Екатерины, находившихся еще въ живыхъ, Александръ держалъ вдали отъ себя, поскольку это было возможно безъ столкновеній; поколѣніе современниковъ Павла, за немногими исключеніями, также отошло на задній планъ. Эти-то обойденные и составили первую коалицію

недовольныхъ при дворѣ Александра и собрались вокругъ матери императора, которая чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствовала свое политическое безсилие.

Александръ правилъ вначалѣ съ помощью своихъ сверстниковъ: Кочубея, Строганова, Чарторижскаго и Новосильцева [1]), которые жили, какъ и онъ, въ мірѣ иллюзій и такъ же мало знали Россію и ея потребности и нужды, какъ и царь. Если присоединить сюда вліяніе Лагарпа, два восходящихъ свѣтила—Сперанскаго и Аракчеева и, стоящаго особнякомъ, Парро, то это и составитъ кружокъ людей, которые пользовались довѣріемъ Александра въ первые годы его царствованія и не были простыми фигурантами. Наиболѣе замѣчательная мысль, вышедшая изъ этого кружка, заключалась въ томъ, чтобы въ день коронаціи даровать Россіи основныя права по образцу Habeas corpus. Этотъ планъ остался невыполненнымъ, какъ и многія другія намѣренія Александра, но по главному своему содержанію онъ заслуживаетъ того, чтобы его спасти отъ забвенія, какъ свидѣтельство того образа мыслей, который былъ близокъ императору. Будь онъ осуществленъ, онъ включилъ бы Россію въ число правовыхъ государствъ. Основные параграфы проэкта гласятъ слѣдующее:

1. До произнесенія судебнаго приговора обвиняемый не можетъ быть ограничиваемъ въ правахъ.

2. Всякій, кто преданъ суду, имѣетъ право избрать себѣ защитника и какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ дѣлать на законномъ основаніи отводъ судей.

3. Всякій, кто въ теченіе трехъ дней по своемъ задержаніи, не былъ допрошенъ, имѣетъ право требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго освобожденія.

4. Въ качествѣ оскорбленія Величества подлежатъ наказанію только поступки, а не словесныя или письменныя мнѣнія.

5. Кто однажды оправданъ судомъ, тотъ не можетъ быть еще разъ привлеченъ къ суду по тому же дѣлу.

6. Жалобы частныхъ лицъ противъ правительства должны по дѣйствующему судебному уставу разбираться на томъ же основаніи, что и другія жалобы.

---

[1]) Трехъ послѣднихъ называли тріумвиратомъ, въ которомъ, по словамъ де-Местра, Строгановъ былъ Леонидомъ. Совѣщанія Александра съ этими друзьями въ т. наз. «неоффиціальномъ комитетѣ» касались всей политики Россіи.

7. Никакія подати и налоги не могутъ быть введены иначе, какъ именнымъ указомъ, опубликованнымъ Сенатомъ [1]).

Этотъ актъ былъ составленъ скорѣе по польскому, чѣмъ по англійскому образцу и такъ и остался призракомъ, который никогда не облекался въ тѣлесную форму. Одно ужъ то, что эти «основныя права» вовсе не упоминаютъ о личной свободѣ человѣка, показываетъ, что къ центру вопроса и не рѣшались подойти. Но уничтоженіе пытокъ и тайной полиціи было дѣйствительно, объявлено, что, впрочемъ, не помѣшало засѣчь на смерть въ царствованіе Александра I безчисленное множество народа и снова завести черезъ нѣсколько лѣтъ тайную полицію, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ большей властью. Она много лѣтъ была однимъ изъ главнѣйшихъ занятій императора, который руководилъ лично дѣятельностью тайной полиціи въ большей степени, чѣмъ когда-либо раньше или позже, и контролировалъ ее съ помощью искусной системы контршпіонства. Осенью 1802 г. послѣдовала замѣна коллегій восемью министерствами и учрежденъ комитетъ министровъ для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ. При этомъ бросалось въ глаза, что среди вновь назначенныхъ министровъ преобладали люди старой школы, между тѣмъ, какъ любимцы императора фигурировали лишь на вторыхъ мѣстахъ — въ качествѣ товарищей министровъ. Однако вскорѣ Александръ нашелъ способъ удалить нѣкоторыхъ изъ стариковъ. Теоретическій либерализмъ шелъ у него рука объ руку съ закоренѣлой, упрямой самодержавной волей. «Ты все хочешь учить», крикнулъ онъ однажды министру юстиціи Державину,—«а я—самодержавный царь и хочу, чтобы было такъ, а не иначе!»

Знатоки человѣческой души, какъ напр., старый министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій, уже въ то время считали, что ко всѣмъ этимъ порывамъ не стоитъ относиться серьезно, и смотрѣли безъ особеннаго страха на зарождавшіеся въ это же самое время планы Александра, касавшіеся освобожденія крѣпостного крестьянства. Такого же мнѣнія былъ и близкій другъ императора, князь Чарторижскій. «Императоръ», пишетъ онъ, «любитъ внѣшнія формы свободы, какъ можно любить представленіе. Онъ любовался собою при внѣшнемъ видѣ либеральнаго правленія, потому что это льстило его тщеславію; но

[1]) Участіе Сперанскаго въ этихъ первыхъ конституціонныхъ попыткахъ было доказано раньше всѣхъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. («Графъ Строгановъ». Историческое изслѣдованіе эпохи Александра I).

кромѣ формы и внѣшности онъ ничего не хотѣлъ и ничуть не былъ расположенъ терпѣть, чтобы онѣ обратились въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно согласился бы на то, чтобы каждый былъ свободенъ, лишь бы всѣ добровольно исполняли одну только его волю». Когда дѣло доходило до выполненія, то Александръ обыкновенно откладывалъ на неопредѣленное время то, что было, повидимому, твердо рѣшено, а затѣмъ забывалъ о немъ. Если же онъ впослѣдствіи возвращался къ старымъ проектамъ, то нѣкоторое время усердно взвѣшивалъ ихъ заново, но конечный результатъ оставался всегда одинъ и тотъ же: въ исполненіе они не приводились. Это касается и позднѣйшихъ большихъ конституціонныхъ проектовъ, послѣдняя формулировка которыхъ (поскольку дѣло шло о Россіи) относится къ періоду преобладающаго вліянія Сперанскаго и съ которыми Александръ носился, какъ съ любимыми идеями, въ такое время, когда остальные планы реформъ были уже давнымъ-давно погребены.

Самая существенная сторона дѣла заключается въ томъ, что, въ дѣйствительности, старые непорядки русскаго управленія, равно какъ и грубѣйшіе недостатки судопроизводства, ничуть не были устранены. За все время царствованія Александру не удалось разорвать замкнутое кольцо бюрократіи изъ 14 классныхъ чиновъ; наоборотъ, какъ разъ въ его время она стала еще могущественнѣе, чѣмъ прежде, и въ той же пропорціи возросла и ея подлость, продажность и безбожная безсовѣстность. Вообще, невозможно представить себѣ положеніе вещей хуже, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; при случаѣ оно обнаруживалось на судѣ, напр., въ дѣлѣ генерала Льва Дмитріевича Измайлова или генералъ-губернатора Сибири Іоанна Борисовича Пестеля, при чемъ насъ ужасаютъ не столько преступленія, совершенныя этими высокопоставленными лицами, сколько полнѣйшее бездѣйствіе по отношенію къ нимъ правосудія и органовъ управленія. Попытки императора бороться съ этими ужасными непорядками съ помощью издаваемыхъ ad hoc указовъ терпѣли и должны были терпѣть неудачу, такъ какъ онѣ тонули въ безднѣ безчисленнаго множества указовъ и распоряженій, которыя, начиная съ 1649 г., образовали совершенно необозримую массу. Все это императору было хорошо извѣстно. Еще въ началѣ царствованія одна анонимная записка обратила его вниманіе на необходимость систематической кодификаціи законовъ, и онъ еще 5-го іюня 1801 г. учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ министра графа Завадовскаго, которой было поручено

подготовить эту кодификацію. Въ изданномъ съ этой цѣлью императорскомъ рескриптѣ опредѣленно говорится, что господствующія въ законахъ неясность и неопредѣленность парализуютъ ихъ силу и дѣлаютъ призрачными право и справедливость. Но эта комиссія проработала болѣе четверти вѣка, не оставивши ни одного живого слѣда своей бумажной дѣятельности; столь же безплодными оказались и другія попытки ограничить всеобщую подкупность. Для всего царствованія Александра оставалось въ силѣ страшное слово историка Карамзина: «Если захотѣть выразить однимъ словомъ то, что дѣлается въ Россіи, то нужно сказать: воруютъ». Александръ высказалъ почти то же самое еще въ февралѣ 1796 г. въ письмѣ къ Лагарпу: «Всѣ грабятъ, не встрѣтишь честнаго человѣка, это ужасно» [1]). О такихъ лицахъ, какъ оба князя Зубовы, Пассекъ, князь Барятинскій, оба фельдмаршалы Салтыковы, графъ и князь, и «многіе другіе» изъ занимавшихъ высокій постъ при дворѣ императрицы Екатерины,— онъ отзывался вскорѣ затѣмъ, какъ о людяхъ, которыхъ онъ не желалъ бы имѣть даже въ качествѣ лакеевъ; онъ писалъ, что портитъ себѣ кровь, видя, путемъ какихъ низостей достигаются отличія, не имѣющія въ его глазахъ никакой цѣны; онъ-де всегда страдаетъ, когда приходится бывать при дворѣ и т. п. [2]). Но всѣ эти слова относятся къ тому времени, когда у него еще не было того богатаго опыта, какой дало ему въ этомъ именно направленіи царствованіе его отца. Для того, чтобы понять правительственныя дѣйствія Александра, необходимо поэтому всегда принимать въ расчетъ то сочетаніе теоретическаго либерализма съ практическимъ презрѣніемъ къ людямъ, которое онъ принесъ съ собою на престолъ, какъ результатъ своего жизненнаго опыта. Онъ желалъ, конечно, совершенно серьезно снять съ чести русскаго государства позднѣйшее пятно, но онъ чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ, когда оглядывался вокругъ себя и убѣждался, что тѣ именно люди, которыхъ ему приходилось дѣлать блюстителями права и справедливости, сами безсовѣстно преслѣдуютъ свои личныя выгоды. По этому поводу намъ достовѣрно извѣстны самые рѣзкіе отзывы императора, и можно считать установленнымъ, что онъ сталъ, въ концѣ концовъ, умышленно закрывать глаза, чтобы не быть вынужденнымъ къ

---

[1]) «Tout le monde pilla, on ne rencontre pas d'honnête homme, c'est affreux». Письмо къ Лагарпу черезъ вѣрную оказію отъ 21-го февраля 1796.

[2]) Письмо къ Кочубею, послу въ Константинополѣ, черезъ вѣрную оказію отъ 10-го мая 1796.

вмѣшательству, если приходилось опасаться замѣны плохого худшимъ[1]). Ни происхожденіе, ни воспитаніе не сообщали ему того честнаго возмущенія, которое, какъ у Фридриха Вильгельма I, переходитъ въ энергичное вмѣшательство. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ большимъ скептикомъ онъ дѣлался по отношенію къ людямъ и фаталистомъ—по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ своей страны. Онъ вмѣшивался только при случаѣ, и главная задача его приближенныхъ заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ него все непріятное, въ какой бы формѣ оно къ нему не приближалось.

Россіи начала XIX вѣка нуженъ былъ государь, который бы съ рѣшительной односторонностью посвятилъ бы свои силы внутреннимъ дѣламъ и сдѣлалъ ихъ главнымъ предметомъ и цѣлью своей работы; Александру же его природныя склонности сообщили одностороннее, но діаметрально противоположное направленіе. Когда прошло первое опьянѣніе, во время котораго онъ чувствовалъ потребность осчастливить свой народъ реформами, всѣ его интересы и все его честолюбіе обратилось къ внѣшней политикѣ, и послѣдняя завладѣла имъ до того, что она до конца оставалась для него главнымъ дѣломъ; поэтому и всѣ позднѣйшіе законодательные и организаціонные труды въ области внутреннихъ дѣлъ страны получаютъ правильное освѣщеніе, если ихъ поставить въ связь съ внѣшней политикой императора.

Если прослѣдить главнѣйшія перемѣны во внѣшней политикѣ Александра и ихъ вліяніе на собственную жизнь русскаго государства, то прежде всего бросается въ глаза, что событія, имѣвшія мѣсто до 1812 г., почти совсѣмъ затушеваны позднѣйшими, и за немногими исключеніями не оставили по себѣ стойкихъ слѣдовъ. Очень большое значеніе имѣлъ дружественный союзъ, заключенный въ Мемелѣ въ 1802 г. между Александромъ и прусскимъ королевскимъ домомъ; онъ больше, чѣмъ все остальное, давалъ тонъ европейской политикѣ въ первую половину нашего вѣка и даже позже. Но въ своей основѣ онъ покоился на странномъ сочетаніи личныхъ симпатій и одинаковыхъ склонностей съ политическимъ недоразумѣніемъ. Обѣ стороны мечтали о русско-прусскомъ союзѣ, но одна видѣла въ немъ гарантію своего нейтралитета, а другая—средство для достиженія военной

---

[1]) Ioseph de Maistre: Mémoires et correspondance. 18/30-го августа 1803. («Въ концѣ концовъ, вотъ результатъ: среди громадныхъ богатствъ всѣ разорены, никто не платитъ долговъ и нѣтъ вовсе справедливости»).

и политической славы. Насчетъ мнѣнія Фридриха Вильгельма не можетъ быть никакихъ сомнѣній, цѣли же Александра были для новаго друга окутаны туманомъ той самой «невской сантиментальности», которая окутывала самую сущность его натуры. Въ высшей степени замѣчательно, что въ это самое время въ разрѣзъ съ прусскими связями императора выступила на сцену идея возстановленія Польши, представителемъ которой явился князь Адамъ Чарторижскій. Одно время могло казаться, что Александръ сдѣлается, дѣйствительно, орудіемъ этой польской идеи и ради нея рѣшится на войну съ Пруссіей [1]). И если дѣло не дошло до этой войны, если, наоборотъ, Пруссія была приведена къ разрыву съ Наполеономъ и—въ союзѣ съ Россіей—къ позору Тильзитскаго мира, то въ этомъ и теперь еще приходится видѣть что-то роковое. Въ эту эпоху перегонявшихъ другъ друга контрастовъ особенно выдѣляется день Аустерлица, такъ какъ отъ него у Александра остались впечатлѣнія, которыхъ онъ никогда не могъ вполнѣ побороть. Онъ подвергалъ себя опасности съ большимъ безстрашіемъ, чѣмъ можно было оправдывать въ его положеніи, и поставилъ свою храбрость внѣ всякаго сомнѣнія [2]). Но что ему недоставало хладнокровія и глазомѣра полководца,—объ этомъ также не могло быть отнынѣ двухъ мнѣній. Онъ самъ это ощущалъ и чувствовалъ «побитой не столько армію, сколько себя самого» [3]). Онъ старался исправить этотъ недостатокъ тѣмъ, что сталъ усерднѣе прежняго заниматься военными упражненіями, и весь ушелъ въ мелочи строевой службы, которая казалась русскимъ невыносимой. Поэтому послѣ Аустерлица множество офицеровъ гвардіи вышло

[1]) Не соображенія дружбы побудили въ 1805 г. Александра отказаться отъ первоначальныхъ намѣреній противъ Пруссіи. Еще 5 лѣтъ спустя онъ сознавался, что у него былъ такой планъ. Ср. его разговоръ съ Чарторижскимъ 5-го апрѣля 1810 г. Въ рѣшающемъ мѣстѣ говорится: «Вы думали, конечно... о 1805 г.... о тогдашнемъ моемъ пребываніи въ Пулавахъ. Я и самъ теперь вижу, что то былъ подходящій, даже единственный моментъ; тогда легко можно было сдѣлать то, что теперь могло бы быть исполнено только съ большимъ трудомъ, но не надо забывать, что противъ насъ была бы *вся прусская армія*».

[2]) Де-Местръ: «Два или три раза бросался онъ въ ряды австрійцевъ и не упустилъ ничего, что могло бы ихъ (гвардейцевъ) воодушевить и соединить, но всѣ его усилія принесли ему только славу...»

[3]) Де-Местръ «Записки и переписка». Письмо къ Виктору Эммануилу I отъ декабря 1805 г.—19/31-го января 1806 г.: «Императоръ считаетъ себя безполезнымъ для своего народа, оттого что онъ не въ состояніи командовать арміей, и это его очень огорчаетъ...»

въ отставку, но это не заставило императора усумниться въ своей системѣ. За нее онъ держался до самой смерти,—даже вопреки опыту позднѣйшихъ лѣтъ.

Второе обстоятельство заключалось въ его антипатіи къ Австріи и особенно къ императору Францу. Она также не исчезла подъ вліяніемъ позднѣйшихъ обстоятельствъ, хотя внѣшній видъ этому, казалось, противорѣчилъ. Совсѣмъ иначе судилъ онъ о Пруссіи и ея королѣ. Нельзя поставить ему въ вину исходъ войны 1806—1807 гг., едва ли также все можно объяснить превосходствомъ генія Наполеона. Въ Пруссіи рушилась самоувѣренность системы, которая считалась совершенной и которая тѣмъ не менѣе во всѣхъ отношеніяхъ пережила самое себя; для Россіи же оказалось невозможнымъ избѣжать соглашенія съ Наполеономъ вслѣдствіе полнаго отсутствія финансовыхъ и нравственныхъ силъ, что пагубнымъ образомъ проявилось въ видѣ колоссальныхъ злоупотребленій во всѣхъ военныхъ поставкахъ. Александръ былъ вынужденъ въ 1808 году лишить всѣхъ чиновниковъ приза комиссаріата и интендантства (за исключеніемъ двухъ), права ношенія военнаго мундира; тѣмъ самымъ они были публично признаны ворами. Государственный кредитъ былъ истощенъ, и курсъ рубля въ нѣсколько мѣсяцевъ упалъ на 50% [1]), но важнѣе всего то, что императоръ не питалъ довѣрія къ своимъ генераламъ и кромѣ того находился подъ вліяніемъ партіи, руководимой великимъ княземъ Константиномъ и настаивавшей на скорѣйшемъ заключеніи мира. Согласился ли бы Петръ Великій или Екатерина II въ подобномъ положеніи на миръ,—сказать трудно; но образъ дѣйствія Александра согласовался съ внутренними требованіями его характера. Хотя съ іюня 1807 г. и начинается наполеоновскій періодъ его царствованія, тѣмъ не менѣе онъ ни на минуту не обрывалъ вполнѣ своей дружбы со смертельнымъ врагомъ французскаго императора, прусскимъ королемъ; наоборотъ, онъ берегъ ее и держалъ въ запасѣ, не упуская въ то же время тѣхъ выгодъ, которыя ему давалъ и обѣщалъ въ будущемъ союзъ съ Фран-

---

[1]) Въ 1774 г. бумажный и серебряный рубль стояли наравнѣ, въ 1795 г. 100 къ 86, въ 1809 г. 100 къ 50. Послѣднее указаніе не вполнѣ точно; еще 1-го января 1808 г. бумажный рубль стоилъ 50. Отъ этого паденія курса пострадали прежде всего капиталисты и состоявшіе на жалованіи чиновники, которые стали возмѣщать свои потери усиленными поборами.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей еще въ 1804 г. въ особой запискѣ указывалъ на угрожающій крахъ. «Эта статья», говоритъ де-Местръ,—«единственная въ своемъ родѣ. Въ ней все раскрыто».

ніей. Однако, этотъ французскій періодъ его царствованія былъ въ Россіи крайне непопуляренъ. Офранцузившееся русское дворянство, главнымъ образомъ, и отвернулось тогда въ душѣ отъ него, а религіозный характеръ, который Александръ старался придать въ 1806 г. войнѣ съ французами, послужилъ въ рукахъ недовольныхъ оружіемъ противъ самого царя. Ему ставили въ вину союзъ съ человѣкомъ, котораго онъ самъ велѣлъ во всѣхъ церквахъ провозгласить антихристомъ; напоминали о томъ, что Тильзитскій миръ былъ подписанъ въ годовщину Полтавской битвы; и всѣ были недовольны общимъ упадкомъ благосостоянія, — слѣдствіемъ вынужденнаго разрыва съ богатой торговой Англіей. Пріобрѣтеніе Финляндіи ничуть не считалось эквивалентомъ, равносильнымъ жертвамъ Россіи и усиленію Франціи, но больше всего русскихъ патріотовъ возмутило основаніе государства Варшавскаго. Хотя они и не знали, что удержаніе польскаго герцогства подъ управленіемъ саксонскаго короля было дѣломъ рукъ Александра, который хотѣлъ этимъ путемъ отклонить болѣе опасныя комбинаціи и удержать на будущее время русскіе виды на Польшу, однако, они все-таки упрекали его въ томъ, что онъ уступилъ давленію Наполеона и согласился признать этотъ новый порядокъ вещей. Ни предусмотрительная осторожность царя, не упускавшаго изъ виду русскихъ выгодъ, ни принудительность положенія, въ которомъ онъ находился, не были правильно поняты его современниками. Было бы лучше,—говорилъ тогда одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ патріотовъ [1]), обнаруживая полное непониманіе общаго политическаго положенія,—если бы Россія согласилась на присоединеніе Швеціи или даже Берлина, чѣмъ признать герцогство Варшавское. Въ одномъ письмѣ, которое было доставлено Александру и которое циркулировало въ копіяхъ по Петербургу и, какъ теперь установлено, было сочинено анонимомъ 25-го августа 1807 г. [2]), настроеніе страны было охарактеризовано слѣдующимъ образомъ.

Оно начинается указаніемъ на ликованіе, съ какимъ было встрѣчено начало царствованія императора, и одобряетъ первыя реформы, которыя, однако, были выполнены плохо или остались вовсе невыполненными. Теперь же, говорится тамъ, Россія на-

---

[1]) Карамзинъ въ запискѣ о старой и новой Россіи.

[2]) Оригиналъ былъ написанъ по-французски; въ Петербургѣ были распространены выдержки на русскомъ языкѣ съ позднѣйшими добавленіями и измѣненіями, которыя соотвѣтствовали политическому положенію даннаго момента.

ходится въ самомъ критическомъ положеніи; высокомѣріе, невѣжество, коварство и всеобщее поврежденіе нравовъ толкнули ее въ пропасть, и нужна высокая мудрость, величайшая осторожность и соединенныя силы всѣхъ, кто любитъ отечество, для того, чтобы спасти ее отъ гибели. Всѣ они скорѣе отдали бы послѣднюю каплю крови, чѣмъ подписали бы позорный Тильзитскій миръ, и по всеобщему возмущенію этимъ позоромъ царь можетъ судить, чего онъ могъ бы ждать отъ своего народа, если бы рѣшилъ вернуться на славный путь своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе государства ужасно. Со стороны Грузіи и Астрахани грозно надвигается чума, всѣ кочевыя племена до самой китайской границы находятся въ возстаніи. Внутренняя и иностранная торговля стала, среди уральскихъ казаковъ и рабочихъ на пермскихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ бунтъ, въ нѣмецкихъ губерніяхъ крестьяне ждутъ только сигнала для возстанія. Въ столицахъ царитъ дороговизна, окраинныя губерніи голодаютъ и страдаютъ отъ недостатка работниковъ вслѣдствіе рекрутскихъ наборовъ и мобилизацій запасныхъ. Подати и налоги разорили всѣ классы общества, и если несмотря на общее отчаяніе все-таки сохраняется спокойствіе, то это объясняется только совершенно исключительнымъ долготерпѣніемъ русскаго народа.

Двѣ войны истощили финансы; не принесли никакой пользы и только способствовали увеличенію числа ассигнацій и окончательному разоренію крестьянъ. Къ тому же со стороны ненасытныхъ чиновниковъ продолжается система притѣсненій, и кажется даже, будто само правительство ихъ въ этомъ поддерживаетъ. Армія потеряла сознаніе своего достоинства, у нея нѣтъ довѣрія къ своимъ нѣмецкимъ начальникамъ; она плохо питается и плохо вооружена. Запасные, мобилизованные для войны, идутъ на укомплектованіе арміи вопреки торжественному обѣщанію монарха [1]). Можетъ ли народъ довѣрять государю, который его такъ обманулъ? Съ флотомъ дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ съ арміей. Онъ не рѣшается показаться въ тѣхъ водахъ, гдѣ раньше господствовалъ. Въ департаментѣ иностранныхъ

[1]) Въ 1886 было мобилизовано 612.000 чел. запасныхъ; послѣ битвы при Пултускѣ число ихъ было уменьшено до 252.000, но и это составляло тяжелое бремя для страны. Въ сентябрѣ 1807 г. былъ объявленъ роспускъ запасныхъ, но помѣщикамъ, городскимъ и сельскимъ общинамъ было предоставлено право оставить запасныхъ на службѣ взамѣнъ рекрутскаго набора, и такъ именно и дѣлалось, потому что это было удобнѣе для господъ.

дѣлъ миръ подписали иностранцы, и отечество можетъ утѣшаться хоть тѣмъ, что вѣчный позоръ этого мира не легъ ни на одно русское имя. Новый же союзникъ царя знаетъ не только всѣ тайны русскаго кабинета, но и держитъ шпіоновъ во всѣхъ губерніяхъ государства и готовитъ изолированной Россіи уничтожающую войну (которая отложена только вслѣдствіе испанскаго возстанія) [1]. Тѣмъ временемъ Россія ведетъ безславную войну съ Турціей, а персидская война тянется безъ всякаго успѣха; въ то же время грозно поднимается Англія и Швеція. А Наполеонъ все усиливаетъ свое могущество, готовый каждую минуту ринуться на ослабленную Россію.

Таково положеніе вещей. Почти достигнута вершина бѣдствій, но еще во власти императора помочь странѣ. Пусть онъ, подобно своимъ предшественникамъ Петру и Екатеринѣ II, взглянетъ съ полнымъ довѣріемъ на свой народъ и прогонитъ кучку иностранцевъ, питающихся кровью, которая струится изъ ранъ Россіи.

Все письмо заканчивается пламеннымъ обращеніемъ къ царю:

«Государь! Отъ истинныхъ русскихъ Вы можете ожидать всего. Воспряньте ихъ духомъ, будьте сильны ихъ силой, смѣлы ихъ мужествомъ. Гордитесь ихъ гордостью, и благодарное потомство причислитъ Васъ къ великимъ государямъ, которые царствовали на славу отечества.

Положитесь прежде всего на дворянство, этотъ истинный оплотъ престола, которое всегда считало своей привилегіей проливать свою кровь за отечество... Тогда каждый гражданинъ вмѣнитъ себѣ въ священный долгъ работать всѣми силами для общаго блага; тогда прекратятся всѣ позорныя распри, и правительство найдетъ во всѣхъ слояхъ народа энергію, солидарность и то счастливое согласіе, безъ котораго даже величайшіе геніи не могутъ ничего осуществить для всеобщаго блага».

Легко понять, почему страстный тонъ этого письма не произвелъ на императора желательнаго впечатлѣнія. Во-первыхъ, онъ могъ лучше всего другого замѣтить риторическія преувеличенія. Со стороны чумы, въ дѣйствительности, не грозило никакой опасности, волненія сибирскихъ кочевниковъ вообще не были политическимъ факторомъ, а мнимое возстаніе на Дону и ожидавшійся бунтъ крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ были смѣшными фантазіями; съ персидской же войной онъ разсчитывалъ вскорѣ управиться, а война съ Турціей составляла часть

[1] Позднѣйшая приписка 1809 и 1810 гг.



Императоръ Александръ I. Работы Боровиковскаго.

Снято у Е. В. В. К. Сергѣя Александровича. Печатается въ первый разъ.

тильзитской програмы, значеніе которой легко могло остаться неяснымъ для непосвященныхъ. Къ тому же русское дворянство, вѣрность и патріотизмъ котораго выставляли предъ нимъ, какъ якорь спасенія, являлось ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Онъ его мало уважалъ,—въ лучшемъ случаѣ, лишь теоретически, да иначе оно и быть не могло,—и не безъ основанія считалъ его виновникомъ тѣхъ бѣдъ, за которыя авторъ этого письма, казалось, хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ его самого. Кромѣ того, тильзитская политика была дѣломъ его собственныхъ рукъ, а тѣ самые голоса, которые теперь твердили объ измѣнѣ, передъ перемиріемъ энергичнѣе другихъ требовали прекращенія военныхъ дѣйствій и заключенія мира во что бы то ни стало. Наоборотъ, за продолженіе войны выступалъ «иностранецъ» баронъ Будбергъ. Такимъ образомъ, императоръ имѣлъ право считать, что эти нападки крайне несправедливы. Но за то онъ не забывалъ тона этого посланія,—свободнаго и даже угрожающаго, несмотря на всѣ увѣренія въ лояльности; а оппозиція, которую его политика встрѣчала теперь на каждомъ шагу, привела къ тому, что онъ сталъ еще болѣе недовѣрчивъ и недоступенъ [1]). Въ этомъ отношеніи годы между Тильзитомъ и Калишемъ имѣли для него рѣшающее значеніе. Онъ никогда не могъ примириться съ полученными тогда впечатлѣніями; съ этихъ поръ онъ старался наружно внушать къ себѣ довѣріе путемъ кажущейся откровенности и какъ бы полной довѣрчивости, на самомъ же дѣлѣ обнаруживалъ такое двуличіе и упорную скрытность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, какъ рѣдко кто другой [2]). Въ искусствѣ самообладанія онъ достигъ совершенства, и если хотѣлъ что-либо скрыть, то оставался даже для наиболѣе близкихъ ему людей неисповѣдимъ, неразгаданъ и непонятъ.

Въ центрѣ оппозиціи союзу съ Франціей стояла его мать, императрица Марія Ѳеодоровна. Иностранные послы при рус-

---

[1]) Въ 1807 г. чиновникъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, П. Г. Дивовъ составилъ еще болѣе рѣзкую по содержанію записку. Она носитъ заглавіе: «Разсказъ о царствованіи императора Александра I, написанный для него одного». Была ли она, дѣйствительно, представлена Александру,—не установлено.

[2]) Впрочемъ, де-Местръ писалъ еще въ 1806 г.: «Если есть на свѣтѣ ревнивый и недовѣрчивый въ отношеніи политики дворъ, то это—дворъ россійскій. Онъ освѣщаетъ всѣ наши шаги, вскрываетъ всѣ наши письма, устраняетъ насъ отъ себя съ замѣтнымъ нерасположеніемъ; если кто-нибудь изъ чиновниковъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ выразитъ желаніе васъ посѣтить, что долженъ считать себя безвозвратно погибшимъ»...

скомъ дворѣ, повидимому, переоцѣнивали ея вліяніе, такъ какъ предполагали, что за сплетнями и демонстраціями петербургскаго общества стоитъ рѣшимость и воля, которыхъ, въ дѣйствительности, не было; но понятно, что они тревожились, когда въ недовольныхъ кругахъ говорилось о необходимости перемѣнить правленіе, а именно устранить сыновей Павла и возвести на престолъ великую княжну Екатерину Павловну [1]). Это воскресли живыя воспоминанія о счастливыхъ дняхъ женскаго правленія. Объ обѣихъ императрицахъ, Маріи и Елизаветѣ, никто и не думалъ; послѣдняя была бы совершенно глуха къ подобнымъ планамъ. О Маріи Θеодоровнѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя это сказать съ такою же опредѣленностью. Ея дворъ въ Павловскѣ былъ центромъ оппозиціи, и это отзывалось на сторонникахъ и представителяхъ французской политики императора. Но къ сильной иниціативѣ она никогда не была способна ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Она боролась булавочными уколами, которые могли быть непріятны, но не опасны, и радовалась тому, что внѣшнимъ блескомъ затмевала дворъ императора, который тяготился всякимъ этикетомъ [2]); въ концѣ концовъ, она удовлетворилась тѣмъ, что императоръ предоставилъ ей воспитаніе дочерей и обоихъ младшихъ великихъ князей, Николая и Михаила, и не вмѣшивался въ ея отдѣльную область: въ руководство оффиціальными благотворительными учрежденіями. Въ сущности, она была вполнѣ счастлива, когда проѣзжала по улицамъ Петербурга въ своей парадной каретѣ, запряженной шестеркой лошадей (Александръ и Елизавета довольствовались обыкновенно парной запряжкой), или когда ѣздила верхомъ, по своему обыкновенію, въ мужскомъ костюмѣ, или же когда устраивала у себя торжественные пріемы, на которыхъ обнаруживался весь

[1]) Депеша Стединга отъ 28-го сентября—10-го октября 1807 г. Заговору недостаетъ будто бы только главы. Каннингъ также сообщалъ Алопеусу въ декабрѣ 1807 г., что ему изъ частныхъ писемъ извѣстно, будто въ Петербургѣ составились заговоры, направленные противъ правительства, и со дня-на-день ожидается взрывъ. Въ этомъ сказывалось излишнее довѣріе къ сплетнямъ, распространявшимся по петербургскимъ салонамъ съ величайшей беззастѣнчивостью. Нельзя было и думать, чтобы великая княжна Екатерина согласилась быть орудіемъ или даже главой мнимаго заговора. Но Александръ, несомнѣнно, зналъ объ этихъ слухахъ и слѣдилъ за ними съ крайнимъ недовѣріемъ.

[2]) Императоръ Павелъ при вступленіи на престолъ постановилъ, чтобы императрица послѣ его смерти считалась старше царствующей императрицы, получала содержаніе отъ двора и 1 милліонъ рублей въ годъ. Императрица Елизавета получала только 600.000 рублей въ годъ.

блескъ строжайшаго этикета. Для императрицы Елизаветы она всегда была недоброй свекровью; она никогда не могла забыть что $^{11}/_{23}$-го марта Елизавета была свидѣтельницей ея безплодныхъ попытокъ захватить окровавленную корону Павла, и злоупотребляла первенствомъ, которое ея сынъ за ней признавалъ, умышленно унижая и огорчая его супругу. Пресловутое согласіе въ царской семьѣ было не болѣе, какъ обманчивымъ призракомъ. Елизавета въ 1807 г., какъ и до самаго конца своей жизни, твердо стояла за политику Александра, несмотря на пренебреженіе, на которое она имѣла полное право жаловаться. Но въ интимныхъ письмахъ къ матери она давала исходъ своей стѣсненной душѣ.

«Императрица, писала она 29-го августа 1807 г.,—которая, какъ мать, должна была бы поддерживать и защищать интересы сына, дошла въ своей непослѣдовательности и тщеславіи до того, что стала какъ бы главою недовольныхъ. Всѣ недовольные (а ихъ очень много) собираются вокругъ нея и превозносятъ ее до облаковъ. У нея никогда не бывало въ Павловскѣ такого большого общества, какъ въ нынѣшнемъ году. Не могу сказать, до какой степени меня это возмущаетъ». Донесенія Савари и Коленкура вполнѣ подтверждаютъ жалобы Елизаветы. Но они свидѣтельствуютъ также о томъ, что императрица не имѣла никакого вліянія на политику и поэтому можетъ быть игнорируема.

Живое и вполнѣ правдоподобное описаніе пребыванія прусской королевской четы въ Петербургѣ (въ декабрѣ 1808 г. и январѣ 1809 г.), сохранившееся въ запискахъ королевы Луизы, изображаетъ картину разыграннаго ad hoc образцоваго семейнаго счастья,—картину, созданную для иностранныхъ гостей и нисколько не отвѣчающую печальной дѣйствительности. Здѣсь необходимо коснуться нѣсколько ближе этихъ вещей, такъ какъ они характеризуютъ фамильный духъ и плохо согласуются съ атмосферой добродѣтели, какой старался окружить себя петербургскій дворъ.

Александръ еще при жизни императрицы Екатерины пересталъ интересоваться своей супругой (вопреки противоположнымъ увѣреніямъ въ его перепискѣ съ Лагарпомъ) и послѣ ряда мимолетныхъ связей [1]) вступилъ въ длительную связь съ женою

[1]) Съ актрисой Филлисъ, г-жей Шевалье, дѣвицей Жоржъ; относительно послѣдней см. у де-Местра (1808 г. апрѣль): „Друзья императрицы пытались излѣчить Александра отъ привязанности къ принцессѣ съ помощью дѣвицы Жоржъ“ и дальнѣйшія подробности.

будущаго гофмаршала, Маріей Антоновной Нарышкиной, урожд. княжной Четвертинской; за ея сестрой ухаживалъ великій князь Константинъ Павловичъ, разведенный въ 1801 г. со своей кобургской супругой [1]), и навѣрно женился бы на ней, если бы этому рѣшительно не воспротивились Марія Ѳеодоровна и Александръ. Въ то время, когда прусская королевская чета пріѣзжала въ Петербургъ, Александръ былъ больше, чѣмъ когда-либо, въ сѣтяхъ г-жи Нарышкиной; она даже сопровождала его въ поѣздкѣ въ Эрфуртъ, а Марія Ѳеодоровна была довольна тѣмъ, что онъ держался вдали отъ своей супруги. Эта связь упрочилась еще больше, послѣ того, какъ въ іюлѣ 1810 г. умерла дочь Александра отъ Нарышкиной, Зинаида, и лишь въ 1812 г., благодаря вынужденной изъ-за войны разлукѣ [2]), временно прекратились эти нечистыя отношенія; впрочемъ, по возвращеніи Александра они возобновились снова и вообще никогда вполнѣ не прекращались, хотя мистическій періодъ императора и придалъ имъ другой характеръ. Замѣчательно, что Нарышкина чувствовала за собою достаточно силы, чтобы въ 1807 г. выступать противъ, а въ 1812 г. за французовъ,—это показываетъ, какъ сильно императоръ былъ къ ней привязанъ.

Итакъ, мы находимъ въ царской семьѣ не согласіе, а только кажущееся единодушіе; въ сущности, всѣ они были одиноки; ихъ связывали другъ съ другомъ только внѣшнія формы этикета, которыя то соединяли, то снова разлучали ихъ, да еще то совершенство, съ какимъ всѣ участники разыгрывали свои роли.

---

[1]) Письмо Гедувиля къ Талейрану, январь 1804 г. «Великій князь, вѣрный своей любви къ княжнѣ Четвертинской, принималъ участіе въ судьбѣ сестры княжны, г-жи Нарышкиной; онъ продолжаетъ проводить почти всѣ вечера съ княжной у г-жи Нарышкиной и вступилъ бы сь нею во вторичный бракъ, если бы этому не противилась вдовствующая императрица и императоръ. Константинъ сдѣлалъ княжнѣ предложеніе въ 1803 г».

[2]) Эрнстъ Морицъ Арндръ, «Странствія и пережиранія съ ф.-Штейномъ»: у Александра была на ряду съ нею (царицей) открытая любовница, жена обергофмаршала княжна—Нарышкина. Въ обществѣ сплетничали и о царскихъ побочныхъ дѣтяхъ; лейбъ-медики распространяли противоположныя сплетни: «царь-де воображаетъ о себѣ, какъ и во многомъ другомъ, больше, чѣмъ можетъ»...

Де-Местръ: «Принцесса Амалія (Баденская) говорила одной моей знакомой, что сестра ея можетъ быть счастлива только въ могилѣ». Коленкуръ писалъ 17-го января 1811 г.: «Г-жа Н. болѣе, чѣмъ когда-либо,—предметъ [illegible]; императоръ проводитъ у нея ежедневно, по крайней мѣрѣ, часъ; однимъ словомъ, обращеніе съ нею лучше, чѣмъ когда-либо. Возвращеніе изъ Москвы князя Гагарина, котораго считаютъ ея любовникомъ, ничего не измѣнило».

Изъ этого по отношенію къ политической дѣятельности императора слѣдуетъ, что о вліяніи «семьи» на него не можетъ быть и рѣчи; мать, супруга, братья и сестра старательно заботились о томъ, чтобы избѣжать малѣйшаго столкновенія, которое могло бы вывести наружу скрытыя, но всѣмъ участникамъ хорошо извѣстныя противорѣчія. Между Александромъ и императрицей Елизаветой лежала къ тому же тайна, которая восходила къ первымъ годамъ ихъ брака и, вѣроятно, никогда не будетъ вполнѣ раскрыта, но которая давила обѣ стороны сознаніемъ какой-то вины.

Такимъ образомъ, на французскій періодъ царствованія Александра нужно смотрѣть, какъ на эпоху, за которую онъ одинъ несъ и желалъ нести отвѣтственность; ему одному и была вполнѣ извѣстна ея тайна. Ни изъ чего не видно, чтобы онъ когда-либо вѣрилъ въ продолжительность союза съ Франціей. Но онъ думалъ, что личное положеніе Наполеона долго будетъ оставаться непоколебимымъ, и считалъ нужнымъ извлечь для себя пользу изъ временныхъ обстоятельствъ. Надежда на то, что ему удастся удержать интересы Россіи и его собственное громадное честолюбіе въ равновѣсіи съ могуществомъ Франціи и честолюбіемъ Наполеона, не пережила кризиса Эрфуртскаго конгресса [1]); окончательно же иллюзіи Александра разсѣялись лишь съ вторичнымъ крушеніемъ Австріи и связанной съ нимъ польской политикой Наполеона, а также съ его женитьбой на Маріи-Луизѣ. Съ этихъ поръ Александръ сталъ готовиться къ рѣшительной борьбѣ; онъ ее предвидѣлъ, но хотѣлъ по возможности отсрочить.

Въ Наполеонѣ Александра поражалъ не только великій полководецъ, но и великій организаторъ, умный и беззастѣнчивый деспотъ, сумѣвшій укротить опьяненный свободой французскій народъ и удовлетворить его фиктивными свободами. Ему казалась образцовой и организація политической полиціи французскаго императора. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ онъ расчитывалъ у него поучиться и извлечь для себя пользу. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ, какъ и раньше, выдвигалъ впередъ свой либе-

---

[1]) «Никто не рѣшается произнести имя «Тильзитъ». Когда же англійскій посолъ недавно говорилъ о немъ оффиціально, то императоръ велѣлъ ему отвѣтить, что «онъ ставитъ себѣ въ упрекъ только двѣ слабости заключеніе Тильзитскаго мира и поѣздку въ Эрфуртъ, но думалъ, что не получитъ за это упрека со стороны своихъ союзниковъ, такъ какъ, служа общему дѣлу, онъ и ради нихъ *пожертвовалъ* собою». Dresden St. Arch. Missions de St.-Pétersbourg, $^{12}/_{24}$—20 іюля 1817.

рализмъ и теорію всеобщаго благоденствія, а подъ рукою старался присмотрѣться къ техникѣ его абсолютизма. Онъ сразу замѣтилъ громадное преимущество французскаго абсолютизма передъ исконнымъ русскимъ самодержавіемъ: это былъ контрастъ между порядкомъ и хаотическимъ безпорядкомъ, системой и произволомъ, и Александръ отлично понялъ всѣ преимущества порядка и концентрированной правительственной машины Наполеона, работающей цѣлесообразно до послѣдняго колеса и стягивающей всѣ силы государства.

Повидимому, Александръ долго колебался, какой путь ему избрать, чтобы выставить противъ мудрой правительственной машины Наполеона что-нибудь равноцѣнное. Оппозиція, выступавшая со всѣхъ сторонъ противъ его новой системы, дѣйствовала прежде всего парализующимъ образомъ. Интимные и близкіе друзья, съ помощью которыхъ онъ правилъ, казалось, начали отъ него отходить; а такъ какъ путемъ олигархіи фаворитовъ и генераловъ дѣло, повидимому, дальше уже не могло идти, то онъ и рѣшился возможно больше сконцентрировать силу и назначилъ 13/25-го января 1808 г. любимца Павла, недоброй памяти, графа Аракчеева военнымъ министромъ, а 19/31-го октября того же года Сперанскаго статсъ-секретаремъ.

Первое изъ этихъ назначеній явилось совершенно неожиданнымъ [1]), несмотря на знаки милости, какими еще Александръ до тѣхъ поръ дарилъ графа. Во время войны 1807 г. императоръ былъ доволенъ только организованной Аракчеевымъ артиллеріей. Въ воздаяніе его заслугъ онъ еще $\frac{\text{27-го іюня}}{\text{9-го іюля}}$ 1807 г. произвелъ его въ генералы отъ артиллеріи. Къ концу года онъ далъ ему право отдавать приказы, равные по силѣ царскимъ указамъ; осенью 1809 г. по всѣмъ войскамъ былъ отданъ приказъ воздавать ему царскія почести даже въ присутствіи самого императора,—отличіе, котораго не удостаивался даже великій князь Константинъ. Если не считать личныхъ отношеній, восходившихъ по временамъ императрицы Екатерины, и убѣжденіе въ безусловной преданности этого человѣка, то къ такимъ необычайнымъ милостямъ могли побудить Александра двоякаго рода соображенія. Во-первыхъ, ему нуженъ былъ желѣзный кулакъ, для того, чтобы возстановить въ арміи дисциплину и порядокъ, а во-вторыхъ, онъ прекрасно зналъ, какой ненавистью

[1]) Де-Местръ, январь 1808: «Вдругъ точно изъ-подъ земли, безъ всякихъ предвѣстниковъ, вышелъ генералъ Аракчеевъ».

пользовался Аракчеевъ [1]). Умнѣйшая голова среди наблюдателей петербургскихъ дѣлъ того времени, сардинскій агентъ графъ де-Местръ думаетъ, что Александру хотѣлось имѣть подлѣ себя страшилище съ огромной силой («un épouvantail de première force»), и это, конечно, вѣрно. Тогда императора еще не боялись; кромѣ того, Александру было важно переложить свою собственную непопулярность на Аракчеева, который принялъ на себя это бремя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Императоръ нуждался въ немъ особенно еще потому, что разсчитывалъ соединить неумолимый абсолютизмъ, знаменуемый назначеніемъ Аракчеева, съ тѣмъ фиктивнымъ конституціонализмомъ, который Наполеонъ воздвигъ на развалинахъ французской республики и съ помощью котораго онъ подчинилъ себѣ всѣ силы западной и южной Европы.

Итакъ, онъ взялъ съ собою въ Эрфуртъ самаго способнаго изъ своихъ чиновниковъ, тайнаго совѣтника Михаила Михаиловича Сперанскаго и поставилъ его въ прямыя сношенія съ Наполеономъ, который не преминулъ обсудить съ нимъ въ подробныхъ бесѣдахъ различные вопросы управленія [2]). Результатомъ этихъ разговоровъ явился цѣлый рядъ выдающихся проектовъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ упомянутый выше проектъ конституціи для Россіи. Хотя онъ никогда и не былъ осуществленъ, тѣмъ не менѣе выраженныя въ немъ намѣренія пріобрѣли величайшее значеніе, во-первыхъ, потому, что оставались любимой мечтою Александра, а затѣмъ и потому, что ихъ существованіе не осталось тайной, такъ какъ самъ Александръ не разъ ихъ высказывалъ. Та форма, въ какой имъ была дана финляндская конституція, послужила для общества первымъ указаніемъ, а въ устройствѣ польскихъ дѣлъ, которыя тогда все еще были центромъ интересовъ Александра, конституціонныя доктрины играли весьма существенную роль. Александръ до конца жизни считалъ, что эти планы реформъ въ принципѣ должны быть полезны; если же онъ ихъ не приводилъ въ исполненіе, то обвинялъ въ этомъ не себя, а возлагалъ вину на неблагопріятныя условія времени и на незрѣлость народа, повелителемъ котораго его поставило провидѣніе.

---

[1]) «Противъ Аракчеева только императрицы, графъ Ливенъ, генералъ Уваровъ, Толстые, словомъ, всѣ, кто къ нимъ примыкаетъ. Онъ сокрушаетъ всѣхъ». Де-Местръ.

[2]) Наполеонъ говорилъ, что онъ—«единственная свѣжая голова въ Россіи», и этимъ мѣтко опредѣлилъ выдающійся умъ, отличавшій Сперанскаго отъ остальныхъ русскихъ сановниковъ.

Въ это время была осуществлена организація Государственнаго Совѣта (1-го января 1810 г.); манифестъ, которымъ возвѣщалось это событіе, казалось, намекалъ на то, что это—только первый шагъ по пути къ рѣшительному конституціонализму, а Сперанскій, несомнѣнно, работалъ въ этомъ направленіи.

Вліяніе Сперанскаго усилилось еще оттого, что въ это время Александръ уже не былъ такъ близокъ, какъ раньше, со своими прежними друзьями и любимцами: Кочубей, Куракинъ, Новосильцевъ, Строгановъ не были болѣе посвящены въ его мысли, какъ во времена «неоффиціальнаго комитета»; Чарторижскій стоялъ въ сторонѣ и былъ готовъ перейти во французскій лагерь, если бы тамъ открывались для будущности Польши лучшіе виды, а канцлеръ Румянцевъ былъ фигурантомъ и служилъ простодушнымъ орудіемъ оффиціальной политики императора, который велъ свою тайную политику безъ его участія. Въ Сперанскомъ же императоръ нашелъ человѣка, который, подобно Аракчееву, не имѣлъ связей съ знатными родами страны, который благодаря своему прилежанію и дарованіямъ выдвинулся изъ ничтожества и собственными силами добрался до первыхъ рядовъ русской бюрократіи, который зналъ Россію, жилъ въ то же время идеалами новыхъ французскихъ государственныхъ теорій и—что для Александра всегда было обстоятельствомъ величайшей важности,—казалось, зависѣлъ исключительно отъ императора [1]).

Такимъ образомъ, въ 1809—1812 гг. Сперанскій занялъ единственное въ своемъ родѣ положеніе въ Россіи, подобное тому, какое тогда занималъ и еще въ большой степени занялъ послѣ великой войны Аракчеевъ; но только положеніе послѣдняго было прочнѣе уже по одному тому, что Александръ сознавалъ свое умственное превосходство надъ Аракчеевымъ, тогда какъ онъ не могъ скрывать отъ себя, что уступаетъ Сперанскому, какъ въ познаніяхъ, такъ и въ строгой логичности ума. Однако, необычайная ловкость помогала этому человѣку обходить этотъ камень преткновенія. Такія отношенія привели постепенно къ тому, что Сперанскій, въ качествѣ работающаго съ императоромъ статсъ-секретаря, фактически занялъ мѣсто перваго,—лучше сказать, единственнаго министра, такъ какъ всѣ дѣла направлялись къ царю черезъ него и обыкновенно тотчасъ же рѣшались между ними обоими. Насколько извѣстно, Сперанскій никогда не

[1]) Киселевъ также указываетъ въ своихъ запискахъ на эту особенность Александра. Когда К. былъ на аудіенціи у государя въ апрѣлѣ 1810 г., тотъ ему сказалъ: «Не забудь, что я тебѣ сказалъ въ Парижѣ: у тебя нѣтъ другой протекціи, кромѣ меня».

злоупотреблялъ своимъ огромнымъ вліяніемъ въ личныхъ выгодахъ или ради неблаговидныхъ цѣлей; это былъ безусловно честный человѣкъ, но онъ не могъ долго удержаться около Александра (что было въ порядкѣ вещей), такъ какъ для него всего важнѣе были идеальныя цѣли, и въ этомъ смыслѣ онъ смотрѣлъ и на царя, какъ на свое орудіе.

Аракчеевъ, ревниво слѣдившій за возраставшимъ значеніемъ Сперанскаго, думалъ въ концѣ 1809 г. даже выйти въ отставку, когда Александръ по совѣщаніи со Сперанскимъ помимо него учредилъ Государственный Совѣтъ; но императоръ убѣдилъ его остаться въ должности. Онъ держалъ его про запасъ, какъ бы предвидя, что ему будетъ полезна слѣпая преданность этого человѣка, когда другой надоѣстъ или сдѣлается могущественнымъ. Недовѣріе царя было всегда направлено больше на способныхъ, чѣмъ на неспособныхъ слугъ.

При изученіи стойкихъ слѣдовъ, оставленныхъ царствованіемъ Александра I, нельзя обойти молчаніемъ исторію опалы Сперанскаго, такъ какъ она во многихъ отношеніяхъ обозначаетъ поворотъ къ новымъ принципамъ и новой системѣ правленія; съ другой стороны, мы встрѣчаемъ Сперанскаго снова при Николаѣ I за разработкой остатковъ реформенныхъ идей, переживших его паденіе.

Въ наибольшей милости у императора Сперанскій былъ въ теченіе 1810 и первой половины 1811. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, которыя уже тогда знали, что рано или поздно произойдетъ съ Наполеономъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и посредничество, возложенное на него при отправкѣ въ Парижъ графа Нессельроде весною 1810 г. Нессельроде было поручено, помимо русскаго посла въ Парижѣ, графа Куракина, и безъ вѣдома канцлера, графа Растопчина, поставить императора въ прямыя сношенія съ Талейраномъ и черезъ него вывѣдать истинныя намѣренія Наполеона [1]).

---

[1]) Румянцевъ началъ свою карьеру при дворѣ великаго князя Павла Петровича, потомъ былъ посланникомъ при рейнскихъ дворахъ и въ этой должности принималъ участіе въ интригахъ, которыя имѣли цѣлью обмѣнъ Баваріи на австрійскія Нидерланды и повели къ учрежденію союза государей. Онъ пользовался особой милостью Маріи Θеодоровны и былъ ей обязанъ своей дальнѣйшей карьерой. Въ глазахъ Александра это было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы не оказывать ему полнаго довѣрія. Насколько крѣпко Румянцевъ до самаго конца держался за идею союза съ Франціей, видно изъ того, что въ апрѣлѣ 1812 г. онъ отказался контрасигнировать отвѣтъ Александра Наполеону; когда же французскія войска перешли русскую границу онъ былъ настолько пораженъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ.

Нессельроде адресовалъ свои письма на имя Сперанскаго, который передавалъ ихъ императору, и послѣднiй все больше и больше укрѣплялся въ убѣжденiи, что на тильзитскаго друга приходится смотрѣть скорѣе, какъ на врага. То обстоятельство, что ничего не подозрѣвавшiй канцлеръ Румянцевъ велъ въ это же время оффицiально прежнюю политику союза съ Францiей, характеризуетъ отношенiе Александра къ его высшимъ сановникамъ и показываетъ, какъ существенно отличается тайная исторiя этой критической эпохи отъ исторiи оффицiальной.

Однако, въ образѣ дѣйствiй Сперанскаго было одно слабое мѣсто, изъ-за котораго этотъ человѣкъ, отличавшiйся вообще трезвымъ и яснымъ умомъ, сталъ въ противорѣчiе съ царемъ. Сперанскiй былъ франкмасонъ и возымѣлъ странную мысль воспользоваться организацiей ложъ для близкой его сердцу реформы русскаго духовенства. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы основать масонскую ложу, которая имѣла бы филiальныя ложи по всему русскому государству и принимала бы въ братья наиболѣе способныхъ духовныхъ лицъ. Онъ разсчитывалъ поднять черезъ нихъ нравственный уровень всего русскаго духовенства и сдѣлать его такимъ образомъ полезнымъ членомъ государственнаго организма. Онъ добился, дѣйствительно, того, что императоръ черезъ завѣдующаго полицiей приказалъ закрыть временно всѣ ложи, но не добился принятiя новаго ритуала ложъ, выработаннаго имъ совмѣстно съ нѣсколькими друзьями (Пессаровiусомъ, Фесслеромъ и Гауеншильдомъ). Тѣмъ не менѣе, въ надеждѣ на послѣдующее утвержденiе онъ открылъ въ iюнѣ 1810 г. первую великую ложу. Императоръ, правда, прямо не отказалъ ему въ утвержденiи, но уклонялся отъ рѣшенiя и Сперанскiй замѣтилъ, что «дѣло тутъ нечисто». Недовѣрiе Александра еще не было направлено противъ самого Сперанскаго, но оно коснулось части его братьевъ по ложѣ; нельзя также отрицать и того, что все учрежденiе внушало ему сомнѣнiя. Съ марта 1801 г. онъ чувствовалъ невольный страхъ передъ всякой тайной организацiей; хотя ему были извѣстны статуты и имена масоновъ, тѣмъ не менѣе онъ боялся появленiя какого-нибудь влiянiя, которое могло бы ускользнуть отъ его контроля. Но у масонства были и другiе противники. Возникшее въ противовѣсъ французскому союзу теченiе въ защиту русской старины и духовенство были два его принципiальныхъ врага; къ нимъ присоединились еще личные противники Сперанскаго, которые по той или иной причинѣ старались его устранить.

Мысль о необходимости пожертвовать Сперанскимъ ради болѣе благопріятнаго настроенія въ Россіи явилась Александру впервые, кажется, подъ вліяніемъ сочиненія Карамзина «о древней и новой Россіи», переданнаго царю его сестрой великой княжной Екатериной Павловной въ мартѣ 1811 г. Хотя Карамзинъ прямо и не называлъ Сперанскаго, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно подчеркивалъ, что во всеобщемъ недовольствѣ виновны реформы императора, такъ какъ онѣ ослабили и подорвали самодержавіе, — личное правленіе самодержавнаго государя. Спасеніе въ абсолютизмѣ и только въ немъ одномъ: «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, а надъ всѣми ими царь, какъ единственный законодатель, единственный источникъ всякой власти,—такова основа русской монархіи, которая рѣшеніями правителей можетъ быть упрочена или ослаблена».

Этимъ самымъ, конечно, подвергалось проклятію все, что было совершено Сперанскимъ въ согласіи съ императоромъ, и все, что было еще только намѣчено, а Александръ, которому та же мысль преподносилась въ разныхъ видахъ и врагами статсъ-секретаря, укрѣпился постепенно въ представленіи о вредности этого человѣка. Когда же явилась непосредственная опасность войны съ Наполеономъ, то для его устраненія оставалось сдѣлать одинъ только шагъ. Императоръ никакъ не могъ предпринять войны, пока на немъ лежало проклятіе непопулярности. Ему нужна была жертва, чтобы привлечь на свою сторону безмолвный патріотизмъ русскихъ, большая сенсація и внѣшній поводъ, правдоподобный и убѣдительный даже для простодушныхъ людей. Нельзя, впрочемъ, не признать и того, что императоръ долженъ былъ, дѣйствительно, свободно располагать всѣми средствами строжайшаго абсолютизма, разъ онъ предпринималъ войну съ Наполеономъ. Въ такіе критическіе дни конституціонные планы были неисполнимы, и такъ какъ носителемъ этихъ идей всѣ считали Сперанскаго, то онъ и долженъ былъ быть устраненъ.

Вступить на путь коварства, для того чтобы погубить Сперанскаго, императору было тѣмъ легче, что ему донесли о нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженіяхъ статсъ-секретаря, которыя можно было истолковать, какъ гнусную неблагодарность и измѣну той дружбѣ, какой его удостаивалъ царь. Сперанскій былъ тайно окруженъ шпіонами, которые передавали императору его подчасъ рѣзкія сужденія; кромѣ того, онъ и самъ повредилъ себѣ въ глазахъ императора тѣмъ, что рѣшительно от-

совѣтовалъ ему брать на себя главное командованіе въ случаѣ войны съ Наполеономъ. Къ врагамъ Сперанскаго причислялъ себя и Аркачеевъ; князь Александръ Голицынъ видѣлъ въ немъ противника своихъ религіозныхъ идей, а будущій фельдмаршалъ, князь Волконскій, питалъ противъ него личную обиду; къ этой достаточно могущественной коалиціи присоединились еще великая княжна Екатерина, Растопчинъ, Карамзинъ, министръ полиціи Балашевъ и вскорѣ еще шведъ, генералъ баронъ Армфельдъ, призванный самимъ Александромъ въ руководители интриги, — словомъ, всѣ, кто былъ въ непосредственномъ общеніи съ императоромъ. Въ этой же игрѣ принималъ участіе и часто упоминаемый въ тайной исторіи той эпохи агентъ Бурбоновъ, Вернегъ. Но всѣ они играли роль только болѣе или менѣе посвященныхъ въ дѣло орудій въ рукахъ императора, который пользовался ими для того, чтобы опутать Сперанскаго сѣтями мнимой измѣны, погубить его и взвалить на его голову вину за ненавистныя реформы, за французскую политику послѣднихъ пяти лѣтъ и за тѣ воображаемыя и дѣйствительныя ошибки, которыя русскій народъ приписывалъ императору.

День 17/29-го марта 1812 г., когда произошло паденіе Сперанскаго, обозначаетъ собою поворотный пунктъ въ жизни Александра. Закончился французскій періодъ его царствованія со всѣми его надеждами, иллюзіями, разочарованіями и колебаніями. Пожертвовавши Сперанскимъ, императоръ внутренно закрылъ себѣ путь къ отступленію. Онъ шелъ сознательно на бой не на жизнь, а на смерть. Кромѣ Швеціи, гдѣ — наслѣдный принцъ Бернадотъ примкнулъ къ русской политикѣ и далъ ему возможность вывести войска изъ Финляндіи [1], и Англіи, союзъ съ которой обезпечивалъ берега, у него не было другихъ союзниковъ. Польша отказалась отъ него несмотря на то, что онъ предлагалъ возстановить королевство на основѣ личной уніи съ Россіей съ границами по Двинѣ, Березинѣ и Днѣпру, а переговоры съ Литвой черезъ графа Огинскаго мало обезпечивали вѣрность этихъ губерній въ случаѣ побѣды Франціи. Пруссія и Австрія состояли союзницами Наполеона: первая не могла иначе поступить, послѣ того какъ Александръ рѣшилъ вести оборонительную войну, вторая же слѣдовала дальновидному и хладнокровному политическому расчету. Со стороны Пруссіи Александръ заручился обѣщаніемъ ограничиться самыми

[1] Союзъ Александра съ Бернадотомъ былъ заключенъ осенью 1810 г. черезъ Чернышева. Въ такихъ же тайныхъ отношеніяхъ находился Александръ и къ кортесамъ въ Кадиксѣ.

необходимыми враждебными дѣйствіями и могъ надѣяться на переходъ къ нему короля въ случаѣ благопріятнаго оборота дѣлъ; со стороны же Австріи на первыхъ порахъ не приходилось бояться энергичнаго веденія войны. И та, и другая собирались не воевать, а оперировать; тѣмъ не менѣе съ обѣими державами приходилось считаться, какъ съ противниками.

Императоръ чувствовалъ себя внутренно окрѣпшимъ отъ перехода къ библейской вѣрѣ, которая была ему до сихъ поръ совершенно чужда и которая должна была быть испытана теперь, въ тревожное время. Высшее Существо (Etre supreme) обратилось для него въ личнаго Бога, который въ мудрости своей правитъ судьбами государствъ и людей. На этого-то справедливаго Бога, который не отворачивается отъ угоднаго Ему дѣла, онъ и надѣялся. Наполеонъ казался ему все больше и больше олицетвореніемъ злого начала, и передъ его душой вставалъ вопросъ, не суждено ли ему сдѣлаться противъ него орудіемъ Господнимъ. Мечтанія его юношескихъ лѣтъ начали превращаться въ набожный мистицизмъ, и этимъ-то особеннымъ душевнымъ настроеніемъ объясняется многое въ поведеніи Александра въ 1812 г.

Сюда относится не только внушенное ему рѣшеніе отказаться отъ главнаго командованія и вопреки собственной склонности выдвинуть впередъ людей, которыхъ требовала народная молва и которымъ довѣрялъ не онъ, а народъ, но прежде всего та твердость, съ какой онъ противостоялъ искушенію закончить войну новымъ заключеніемъ мира съ Наполеономъ. Въ этомъ его, несомнѣнно, поддерживала смѣлая и твердая увѣренность Штейна, но всего важнѣе было жившее въ немъ самомъ рѣшеніе дождаться конца, и вѣра, это этотъ конецъ не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ гибели Наполеона. Война на русской почвѣ доставляла ему мало радости. Онъ видѣлъ ошибки и промахи своихъ полководцевъ, зналъ, что Бородинская битва, которую онъ велѣлъ праздновать, какъ побѣду, была пораженіемъ, что пожаръ Москвы былъ вовсе не геройскимъ подвигомъ Растопчина, а результатомъ позорной небрежности [1]),

[1]) Представленіе, будто сожженіе Москвы—дѣло народнаго героизма, принесено въ Россію съ Запада. Въ Англіи предсказывали пожаръ Москвы. Издаваемый въ Лондонѣ «Courier d'Angleterre» пишетъ 20 сентября 1812 г.: «Если армія Бонапарте, когда онъ подойдетъ къ Москвѣ, будетъ еще достаточно сильна, чтобы сдѣлать исходъ сраженія сомнительнымъ, то нужно сжечь городъ въ томъ случаѣ, если его нельзя будетъ защищать». А 6-го октября: «Если Бонапарте не остановился передъ Москвой, то городъ бу-

люди казались ему ничтожными и жалкими. Всюду «маловѣры и трусы», и во главѣ ихъ его мать, императрица Марія Θеодоровна, которая рѣшительнѣе всѣхъ осуждала Тильзитскій миръ, а теперь заклинала сына помириться съ Наполеономъ, и братъ Константинъ, «кричавшій на всѣ улицы и дворцы: мира, мира!» Канцлеръ Румянцевъ и Аркачеевъ агитировали также за миръ, такъ что за исключеніемъ нѣмцевъ и императрицы Елизаветы въ Петербургѣ въ то время почти никто не держалъ его стороны. Если же генералы рѣшались требовать отъ императора черезъ англичанина Уильсона отставки Румянцева, то это показывало, конечно, что въ арміи царило болѣе твердое настроеніе, чѣмъ въ столицѣ, но Александромъ было понято почти какъ бунтъ. Мистическое настроеніе, которымъ онъ былъ преисполненъ, еще увеличивало въ немъ гордость самодержца; Сперанскаго онъ, по крайней мѣрѣ, самъ избралъ жертвой, чтобы устранить недовольство массъ, но второй жертвы онъ не позволитъ у себя требовать. Румянцевъ остался въ должности, и только въ августѣ 1814 г., когда всѣ условія перемѣнились и давно заглохло воспоминаніе о дерзкой просьбѣ арміи, Александръ далъ отставку канцлеру [1]).

Періодъ Наполеоновскаго нашествія имѣлъ гораздо больше значенія для внутренняго развитія самого Александра, чѣмъ всего русскаго народа. Въ тревожные дни и мѣсяцы, принесенные ему 1812-мъ годомъ, Александръ не сталъ ближе къ народу. Онъ замкнулся въ себѣ еще больше, чѣмъ прежде, и не радовался ходу войны. Онъ мало уважалъ людей, которымъ, въ концѣ концовъ, достался успѣхъ? Кутузова онъ и впослѣдствіи всегда презиралъ [2]), и если и предоставилъ ему главное командованіе, когда конечная побѣда была уже почти обезпечена, вмѣсто того, чтобы взять его на себя (что̀ было вполнѣ возможно), то сдѣлалъ онъ это хотя и не вполнѣ доб-

---

етъ сожженъ. Если Бонапарте въ Москвѣ, то ясно, что русскій императоръ отдалъ приказъ поджечь столицу».

[1]) Начиная съ декабря 1812 г. Румянцевъ находился не у дѣлъ. Онъ нѣсколько разъ просилъ объ отставкѣ, напр., 13-го марта 1813 г. и 17-го декабря 1813. «Какую пользу могу я принести», жаловался онъ, — «если служу, не ведя никакихъ дѣлъ»

[2]) «Общество желало его назначенія, и я его назначилъ; самъ же я умываю руки». Шильдеръ III стр. 98. Александръ подумывалъ даже о томъ, чтобы смѣстить Кутузова и снова передать главное командованіе Барклаю-де-Толли. Когда открывался памятникъ Кутузову въ Бунцлау, Александръ отказался принять участіе въ торжествѣ.

ровольно, но все-таки преимущественно подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго настроенія, въ которомъ находился. Кромѣ того, его угнетали необычайные ужасы этой войны. Жестокая дѣйствительность, отъ которой онъ, противъ обыкновенія, не могъ укрыться, отравляла ему всякую радость. Онъ никогда не могъ забыть того, что ему пришлось пережить въ Вильнѣ, страшныхъ сценъ въ бернардинскомъ монастырѣ въ Меречѣ, а также ужасающихъ донесеній о звѣрской жестокости русскихъ солдатъ и крестьянъ по отношенію къ беззащитнымъ врагамъ [1]). Императора и впослѣдствіи никогда не удавалось склонить осмотрѣть русскія поля сраженій, между тѣмъ какъ въ Германіи или Франціи онъ никогда не упускалъ случая отпраздновать гордыя воспоминанія своихъ успѣховъ. Лучшимъ днемъ для него всегда оставалась годовщина Кульма; здѣсь и подъ Лейпцигомъ, а позже и подъ Феръ-Шампенуазъ онъ принималъ участіе лично, и хотя поля сраженій и здѣсь были залиты кровью и покрыты трупами, тѣмъ не менѣе это все-таки была война, державшаяся культурныхъ формъ, а не варварство, проявлявшееся вездѣ на священной русской землѣ. Въ Германіи, кромѣ того, выросло у него сознаніе своихъ способностей.

Руководство всѣми политическими выступленіями Россіи (а это означало тогда почти всю политику европейскаго континента) сосредоточилось въ его рукахъ. Онъ чувствовалъ себя защитникомъ Европы противъ Наполеона, и знаменитое «онъ или я», которое при принятіи вызова являлось для него единственно возможнымъ исходомъ, оставалось до конца основнымъ направленіемъ его дѣйствій. Съ удивительнымъ искусствомъ сохранилъ онъ въ цѣлости всѣ нити, которыя должны были его погубить, сумѣлъ соблюсти свою тайну и безъ всякой заносчи-

---

1) Генералъ сэръ Р. Уильсонъ «Нашествіе въ Россію»: «Всѣхъ плѣнниковъ, безъ различія, раздѣвали до нага и заставляли идти въ такомъ видѣ колоннами, или же оставляли на произволъ и забаву крестьянамъ, которые не давали имъ, какъ они хотѣли, направлять дула ружей на свои собственныя головы и груди, чтобы покончить свои страданія наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ,—такъ какъ крестьяне думали, что такое смягченіе пытки будетъ «оскорбленіемъ мстительнаго русскаго Бога, который лишитъ ихъ на будущее время своего покровительства». Вслѣдъ за этимъ Уильсонъ передаетъ видѣнную имъ собственными глазами ужасную картину: смертельный ударъ, нанесенный великимъ княземъ Константиномъ, голому плѣннику по его собственной просьбѣ и т. д.

Уильсонъ послалъ императору депешу съ просьбой принять какія-либо мѣры; но Александръ былъ безсиленъ противъ «грубости и фанатизма народа».

ности заставилъ признать за собою первенствующую роль предъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III и императоромъ Францомъ. Вскорѣ уже не могло быть больше сомнѣній въ томъ, что онъ—духовный вождь коалиціи и, вопреки Меттерниху, оставался имъ, пока длилась борьба съ Наполеономъ. Въ эту эпоху, когда борьба съ Франціей, казалось, уничтожила отдѣльные интересы народовъ и правителей, притупилась и чувствительность народовъ и государей къ чужому вмѣшательству, и Александръ пользовался этимъ съ извѣстной наивностью, при чемъ въ то же время само собою, молча, подразумѣвалось, что въ Россію чужое вліяніе не должно проникать.

Впослѣдствіи, когда въ Германіи снова обнаружилась чувствительность къ русскому вліянію, Александръ сначала удивился, а потомъ почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. Въ особенности настроеніе прусскаго офицерства казалось ему почти измѣной. Съ Австріей его интересы совпадали въ одномъ пунктѣ, а именно въ томъ, чтобы сдерживать идею германскаго объединенія и конструировать систему искусственнаго равновѣсія, при которой бы сѣверъ и югъ другъ друга взаимно нейтрализовали. Это стремленіе осталось одной изъ основъ русской политики и перешло къ преемникамъ Александра; объ него разбивались всѣ надежды прусскихъ патріотовъ. Эта политика не прекращалась даже въ тѣ дни, когда русско-прусская дружба достигла своего апогея и родственная связь между династіями, казалось, была особенно прочна. Необычайная заслуга Пруссіи во время освободительной войны какъ разъ и возбудила у Александра рядъ сомнѣній; онѣ же въ значительной степени и вызвали тѣ огромныя военныя приготовленія Россіи, которыя нашли злополучное, но упрямо поддерживаемое выраженіе въ военныхъ поселеніяхъ.

Чрезвычайно трудно охарактеризовать въ короткихъ словахъ переворотъ, произведенный въ Александрѣ эпохой освободительной войны и новымъ распредѣленіемъ Европы.

Съ одной стороны, искренняя, но, вслѣдствіе почти полнаго недостатка религіознаго и догматическаго образованія, неясно понимаемая набожность заводила его въ дебри мистики и все больше и больше укрѣпляла его въ мысли, что онъ—избранное орудіе спасительнаго Божества, совершенно такъ же, какъ Наполеонъ послужилъ бичемъ Божіимъ для выполненія великихъ дѣлъ Провидѣнія; съ другой стороны, у него было ясное представленіе о тѣхъ особенныхъ задачахъ, которыя онъ готовился разрѣшить въ интересахъ Россіи и Европы. Къ тому присое-



Елизавета Алексѣевна. Императрица.

Печатается въ первый разъ.

динялось еще вліяніе неизгладимыхъ слѣдовъ, которые оставилъ въ немъ принципы политики его отца. Онъ хотѣлъ побѣдоносно ввести ихъ въ политическую практику, но только въ болѣе возвышенномъ и очищенномъ истинной религіозностью толкованіи; при этомъ, по его мнѣнію, само собою подразумѣвалось, что Россія должна воздать ему должное и онъ долженъ получить благодарность всего міра.

Изъ собственныхъ словъ Александра всего вѣрнѣе можно понять, какимъ образомъ эти представленія сдѣлались его духовнымъ достояніемъ. Всегда, когда ему приходилось возвращаться къ 1812—15 гг., его разсказъ оставался сходнымъ и, вѣроятно, лучше всего формулированъ въ разговорѣ, который онъ велъ въ Берлинѣ съ епископомъ Эйлертомъ 20-го сентября 1818 г.: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на снѣговыхъ поляхъ наполнилъ мое сердце такой жаркой вѣрой, какой я до сихъ поръ никогда не испытывалъ. Теперь я позналъ Бога, какимъ его открываетъ Св. Писаніе; теперь я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ. Во мнѣ созрѣло и окрѣпло рѣшеніе посвятить себя и свое царствованіе прославленію Его. Съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ; спасенію Европы я обязанъ своимъ спасеніемъ и освобожденіемъ». Изъ этого признанія императора необходимо сдѣлать двоякій выводъ: что «болѣзненную операцію внутренняго самоочищенія» онъ, по его мнѣнію, только началъ въ Россіи, закончилъ же ее лишь въ Германіи и Франціи, такъ что конечнымъ моментомъ нужно считать, вѣроятно, сентябрь 1815 г.,— и во-вторыхъ, что вліяніе госпожи Крюденеръ и ея единомышленниковъ было лишь случайностью, а никакъ не однимъ изъ рѣшающихъ или даже единственно рѣшающимъ обстоятельствомъ, которому обязанъ своимъ возникновеніемъ священный или, какъ выражается Александръ, «братскій и христіанскій союзъ». То своеобразное обстоятельство, что основныя религіозныя идеи манифеста священнаго союза согласовались съ принципами политики Романовыхъ и съ политическими интересами Россіи, понятно само собою и вовсе не можетъ трактоваться, какъ искусный шахматный ходъ. Мы знаемъ въ точности, чего хотѣлъ и къ чему стремился Александръ и съ какихъ точекъ зрѣнія онъ разсматривалъ политическіе вопросы; онъ высказалъ это отчетливо въ проектѣ инструкціи русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ; замѣчательно, что въ этихъ секретныхъ указаніяхъ, имѣющихъ въ виду политику минуты, можно уже найти тѣ идеи, которыя изложены въ манифестѣ

священнаго союза и даже отчасти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Но еще болѣе замѣчательно основаніе, на которомъ построена эта инструкція. Александръ былъ единственнымъ европейскимъ государемъ, которому идеи 1789 г. являлись въ свѣтѣ вѣчныхъ истинъ, который вдохновился ими и никогда не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ воспринятыхъ отсюда смолоду идеаловъ. Тамъ, гдѣ онъ впослѣдствіи на практикѣ уклонялся отъ этихъ идеаловъ, всегда можно доказать присутствіе особой внѣшней побудительной причины, которая давала ему возможность извинять или оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ. Во время освободительныхъ войнъ у него не въ Россіи, а на германской почвѣ созрѣло дальнѣйшее убѣжденіе, что священный союзъ— въ сущности, дѣло не государей, а народовъ. Духъ времени увлекъ за собою государей и создалъ какъ воинственныя, такъ и конституціонныя стремленія, съ которыми должна считаться мудрая политика, служащая дѣлу мира. А такъ какъ никакая человѣческая сила не въ состояніи вернуть умы къ прежнему направленію, то политика должна была бы поставить себѣ задачей изслѣдовать нравственное состояніе народовъ и съ этой точки зрѣнія привести во взаимное соотвѣтствіе территоріальное распредѣленіе, конституціонныя условія и отношенія государствъ, союзъ которыхъ образовалъ великую европейскую семью. Такимъ образомъ, царь дошелъ до того пункта, который долженъ былъ бы привести его къ требованію національныхъ государствъ съ конституціоннымъ строемъ. Но такъ далеко онъ не заходитъ. Онъ довольствуется констатированіемъ, что сохраненіе мелкихъ самостоятельныхъ государствъ признано, въ сущности, безцѣльнымъ. Одни его отношенія къ Пруссіи и Австріи уже исключали всякую мысль о національномъ объединеніи Германіи, не говоря ужъ о томъ, что онъ съ самаго начала имѣлъ въ виду удержать среднія нѣмецкія государства въ легкой зависимости. Гораздо послѣдовательнѣе былъ онъ въ вопросѣ о конституціи. Онъ былъ крайне недоволенъ изданіемъ хартіи Людовика XVIII, такъ какъ, по его мнѣнію, король долженъ былъ скорѣе подчиниться конституціи, установленной французскимъ народомъ. Точно также считалъ онъ вредной политической ошибкой, что Вѣнскій конгрессъ не ввелъ вездѣ представительной системы. Только такимъ образомъ можно было, по его мнѣнію, достигнуть цѣли конгресса и установить полное и всеобщее равновѣсіе. Александръ былъ того мнѣнія, что англо-франко-австро-баварскій союзъ 3-го января 1815 г. былъ направленъ противъ его конституціонныхъ идей. Онъ будто бы

стоялъ передъ дилеммой: или отстоять свои принципы съ оружіемъ въ рукахъ, или ихъ видоизмѣнить. Такъ какъ первое было нелѣпо, то онъ уступилъ, и такимъ образомъ явились договоры относительно Польши, Саксоніи, Сардиніи и др., хотя онъ пускалъ въ ходъ всевозможныя средства, чтобы въ переговорахъ «отстоять права и интересы народовъ, которые цѣною безчисленныхъ жертвъ пріобрѣли новыя права на покой и блаженство».

Англійское предложеніе о взаимной гарантіи вѣнскихъ договоровъ Александръ принялъ, хотя и догадался, что мысль эта была внушена недовѣріемъ къ нему. Онъ готовъ былъ даже распространить эту гарантію на неприкосновенность Турціи, — подъ условіемъ дружественнаго урегулированія Бухарестскаго мира.

Въ связи съ этимъ стоитъ и его объясненіе, что онъ не заключилъ союза 25-го марта 1815 г. только съ цѣлью свергнуть Наполеона и возстановить на престолѣ Людовика XVIII; онъ позаботится и о томъ, чтобы законные интересы французскаго народа не были принесены въ жертву ложной политикѣ или корыстнымъ видамъ отдѣльнаго лица. Франція не должна быть унижена и истощена, но и не должна стать отдѣльной союзницей опредѣленнаго правительства [1]). Для блага Европы скорѣе было необходимо, чтобы она сдѣлалась снова интегральной частью европейской системы. Нужно нейтрализовать тотъ духъ, который призвалъ обратно Наполеона, и защитить тѣ народы, которые всего доступнѣе для революціонной заразы. Но такой цѣли можно достигнуть не силой, а просвѣщенной и либеральной политикой [2]).

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, также играетъ нѣкоторую роль воспоминаніе о союзѣ 3-го января 1815 г. Если императоръ Александръ, несмотря на глубокую антипатію къ французамъ, впослѣдствіи всегда старался пріобрѣсть ихъ расположеніе, то тутъ дѣйствовало основное соображеніе—желаніе предупредить возможность англо-французскаго или франко-австрійскаго союза.

[2]) Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, понятія «либеральный» и «консервативный» еще не были въ глазахъ императора Александра политически противоположными. Консерватизмомъ онъ называетъ осуществленіе христіанскихъ началъ: «начала мира, согласія и любви, являющіяся плодомъ христіанской религіи и морали... эти консервативныя заповѣди»...

Противоположностью либеральному для него является, съ одной стороны, понятіе «революціонный», а съ другой, «придворный» или, по его выраженію, «интересы министерства». Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что дѣйствительнымъ источникомъ гражданской свободы служатъ «заповѣди братства и любви», и манифестъ Священнаго Союза былъ, по его мнѣнію, «либераленъ». Лишь подъ вліяніемъ Меттерниха понятіе «либеральный» получаетъ въ его глазахъ другое значеніе.

Императоръ подчеркиваетъ, что ему приходится считаться съ ревнивымъ отношеніемъ державъ, которое еще усилилось вслѣдствіе послѣдней войны. Онъ-де старается устранить его и поэтому отказался отъ всякихъ особыхъ преимуществъ, какъ на войнѣ, такъ и во время переговоровъ. Европа обязана его умѣряющему дѣйствію мирнымъ исходомъ конгресса и системой взаимныхъ гарантій. Этимъ исключено образованіе отдѣльныхъ союзовъ, равно какъ и подготовка такихъ союзовъ для будущаго, и его послы должны держаться того же направленія. Наибольшую близость онъ чувствуетъ къ Пруссіи и Швеціи, представителямъ которыхъ должно оказываться особое довѣріе. Общее направленіе своей политики онъ опредѣляетъ какъ въ высшей степени миролюбивое и не стремящееся ни къ какимъ завоеваніямъ; на этомъ онъ стоитъ и послѣ второго Парижскаго мира. Въ этомъ же преимущественно и слѣдуетъ видѣть политическое содержаніе манифеста Священнаго Союза. Въ разъясненіи, посланномъ графу Ливену въ Лондонѣ 18/30-го марта 1816 г., императоръ совершенно серьезно развиваетъ далѣе эту мысль и даетъ увѣренія, что христіанскій характеръ манифеста отъ 14/26-го сентября 1815 года не заключаетъ въ себѣ никакой угрозы для нехристіанскихъ государствъ. Повидимому, онъ вѣрилъ, что возвышенный примѣръ христіанскихъ добродѣтелей неминуемо окажетъ свое дѣйствіе и на мусульманскій міръ [1]). Это—апокалиптическій кругъ идей; имъ онъ былъ преисполненъ и несмотря на всѣ разочарованія не покидалъ его до конца жизни.



[1]) «Подъ вліяніемъ одного только примѣра и благодаря мирному воздѣйствію счастья, которымъ будутъ пользоваться христіанскіе народы подъ опекой ихъ религіи, можно надѣяться, что ея утѣшительный свѣтъ распространится на всѣ народы безъ различія»... Письмо императора Александра къ Ливену, С.-Петербургъ 18-го марта 1816 г.



1. *Государственный строй, управленіе, юстиція.*

Въ 1806 г. по Петербургу ходилъ написанный въ Москвѣ листокъ, который выражалъ возбужденное настроеніе того времени слѣдующимъ образомъ:

Грѣхъ—умеръ.
Право—сожжено.
Доброта—сжита со свѣта.
Искренность—спряталась.
Справедливость—въ бѣгахъ.
Добродѣтель—проситъ милостыню.
Благотворительность—арестована.
Отзывчивость—въ сумасшедшемъ домѣ.
Правосудіе—погребено подъ развалинами права.
Кредитъ—обанкротился.
Совѣсть—сошла съ ума и сидитъ на вѣсахъ правосудія.
Вѣра—осталась въ Іерусалимѣ.
Надежда—со своимъ якоремъ лежитъ на днѣ морскомъ.
Любовь—отъ холода заболѣла.
Честность—вышла въ отставку.
Кротость—заперта за ссору на съѣзжей.
Законъ—виситъ на пуговкахъ у сенаторовъ.
И терпѣніе скоро лопнетъ.

Выраженное здѣсь въ эпиграмматической формѣ недовольство, которое уже на пятомъ году встрѣченнаго съ такимъ восторгомъ царствованія Александра охватило образованные русскіе круги, не только сохранилось, но еще усилилось въ теченіе

дальнѣйшаго царствованія императора. Одинъ изъ наиболѣе высокопоставленныхъ русскихъ сановниковъ [1]), въ день полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти Александра (27-го ноября 1825 г.), такъ охарактеризовалъ въ своемъ дневникѣ положеніе государства:

«Если прослѣдить всѣ событія этого царствованія, то мы увидимъ полное разстройство внутренняго управленія, потерю всякаго вліянія въ области иностранныхъ отношеній и отсутствіе какихъ-либо видовъ на пріобрѣтенія для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отрасляхъ управленія накопился огромный горючій матеріалъ, который можетъ каждую минуту вспыхнуть».

«Исаакіевскій соборъ въ его нынѣшнемъ состояніи разрушенія является вѣрнымъ подобіемъ правительства. Его испортили, потому что хотѣли построить на старомъ фундаментѣ новый соборъ изъ массы новаго матеріала и въ то же время сохранить ничтожную часть стараго мраморнаго зданія. Это стоило огромныхъ денегъ, однако, пришлось остановить стройку, когда было понято, насколько опасно строить, если планы тщательно не разработаны».

«Точно также обстоитъ дѣло и съ государственными дѣлами: нѣтъ твердаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ двигаются ощупью. Разрушено все, что было хорошо и прекрасно, и замѣнено вредными новшествами, частью слишкомъ сложными, частью вовсе неисполнимыми. Генералъ-губернаторамъ даютъ по 5 губерній, между тѣмъ какъ ни одно изъ назначенныхъ лицъ не въ состояніи управлять хотя бы одной. Содержатъ армію въ милліонъ солдатъ и смиряются передъ турками, потому что страшатся затронуть принципъ законности. Неужели не видятъ опасностей, грозящихъ намъ отъ умноженія сектъ, отъ расторженія всякихъ нравственныхъ узъ, отъ униженія всего того, что еще имѣло въ глазахъ людей вѣсъ и значеніе. Правосудіе парализуется всевозможными распоряженіями, которыя имѣютъ характеръ законовъ и все-таки вызвали всеобщее ожесточеніе, такъ какъ пропитаны якобинскимъ духомъ. Очень трудно объяснить всѣ эти несообразности; ихъ можно понять, только допустивши, что онѣ произошли отъ особенностей характера Александра I».

---

[1]) Сенаторъ Дивовъ, который въ качествѣ перваго совѣтника вѣдомства иностранныхъ дѣлъ обыкновенно замѣщалъ Нессельроде во время его отсутствія.

Заключительное замѣчаніе, несомнѣнно, попадаетъ въ корень дѣла, хотя нельзя забывать и того, что второй существенный факторъ, именно дѣйствительное состояніе принятыхъ императоромъ дѣлъ, является смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Русская дѣйствительность въ видѣ данныхъ экономическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ условій упорно сопротивлялась идеальнымъ планамъ, которые Александръ хотѣлъ осуществить быстрымъ ходомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣпляла его въ убѣжденіи, что его народъ можно воспитать для лучшаго будущаго единственно только средствами деспотизма. Такимъ образомъ, Россія Александра I даетъ намъ картину государства, воспитываемаго либеральнымъ идеалистомъ для свободныхъ установленій и человѣческаго образа жизни путемъ жестокаго и недовѣрчиваго деспотизма. Но въ то время какъ либеральныя реформы, которыя должны были завершиться русской конституціей, пріостановились послѣ первыхъ же сангвиническихъ порывовъ и не вышли изъ стадіи вѣчно новыхъ проектовъ, старые недостатки продолжаютъ существовать, къ нимъ присоединяются новые, и въ конечномъ итогѣ получается картина безвыходной путаницы, полнѣйшей неудачи и почти невыносимаго гнета.

Помимо унаслѣдованнаго своеволія, замѣченнаго еще Лагарпомъ, и перешедшаго у императора Александра въ непреодолимое упрямство, вѣроятно, рано созрѣвшая и съ годами усиливавшаяся мизантропія наиболѣе виновата въ томъ, что онъ сначала медлилъ съ осуществленіемъ излюбленныхъ либеральныхъ идей, а потомъ и вовсе отложилъ ихъ въ долгій ящикъ, между тѣмъ какъ распоряженія, дѣлавшіяся разъ отъ разу для усиленія его власти, всегда приводились въ исполненіе немедленно и съ безпощадной строгостью. Когда Сперанскаго нужно было погубить, его обвинили въ томъ, будто онъ сказалъ про царя: «онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять, и слишкомъ силенъ, чтобы надъ нимъ властвовать», [1]), и, дѣйствительно, возможно, что это мѣткое выраженіе исходитъ отъ него. Надъ Александромъ никогда никто не властвовалъ. Ни Чарторижскому, ни Сперанскому, ни другимъ его совѣтникамъ, даже Лагарпу [2]) не

—

[1]) Эта саркастическая характеристика относилась первоначально къ Людовику XV.

[2]) Вліяніе Лагарпа держалось такъ долго только потому, что онъ былъ достаточно уменъ, чтобы не пріѣзжать въ Петербургъ, и еще потому, что самъ онъ былъ человѣкомъ не дѣла, а добродѣтельныхъ убѣжденій. Когда же онъ впослѣдствіи началъ критиковать политику императора, то Александръ и отъ него также отказался.

удалось сдѣлать его своимъ орудіемъ. Александръ шелъ съ ними по одному пути, пока видѣлъ въ этомъ пользу для себя и для государства, и всегда готовъ былъ тотчасъ же отойти отъ своихъ друзей и фаворитовъ, лишь только они становились въ его глазахъ слишкомъ могущественны.

Аракчеевъ, составляющій какъ будто исключеніе, держался только тѣмъ, что принципіально отказывался отъ собственной воли и никогда не требовалъ ничего, кромѣ свободы въ выборѣ средствъ для исполненія царской воли. Невозможно доказать, чтобы хоть одна поданная имъ мысль внесла что-либо новое въ политическое направленіе императора. Онъ былъ орудіемъ, которому предоставлялось неограниченное поле дѣйствія и безграничная власть именно потому, что онъ готовъ былъ безпрекословно выполнять то, что ему приказывалось. Въ глазахъ императора его достоинство и заслуга еще больше повышалась оттого, что онъ былъ предметомъ страшной ненависти, которую сносилъ охотно и не безъ самодовольства. Это освобождало Александра, по его мнѣнію, отъ личной отвѣтственности. Онъ завидовалъ всякой популярности, былъ крайне чувствителенъ къ малѣйшему противорѣчію и особенно ко всякому строгому сужденію; со стороны же Аракчеева ничего подобнаго нельзя было ожидать. Такимъ образомъ на самого царя и падаетъ полная отвѣтственность за все, что творилось въ государствѣ. Аракчеева, который, въ концѣ концовъ, былъ занятъ преимущественно военными поселеніями, онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ употребить для проведенія любого мѣропріятія: для устраненія и наказанія нечестныхъ чиновниковъ, въ особенности высокопоставленныхъ, для уничтоженія крѣпостного права, даже для введенія конституціи, — орудіе не отказалось бы служить. Но царь ни разу не хотѣлъ произнести рѣшительное слово, а графъ Аракчеевъ во всѣхъ этихъ вопросахъ былъ безконечно далекъ отъ собственной иниціативы. Въ глазахъ императора, политическая вина Сперанскаго заключалась въ томъ, что у него была эта иниціатива и что онъ считалъ развитіе своихъ идей высокой — нравственной необходимостью, которую въ крайнемъ случаѣ можно ради самой цѣли нравственно навязать царю хотя бы окольнымъ путемъ. Это его и погубило, независимо отъ извѣстныхъ намъ политическихъ обстоятельствъ, и мы должны будемъ сдѣлать отсюда и изъ совершенно аналогичныхъ позднѣйшихъ случаевъ выводъ, что и за то, что не было сдѣлано, отвѣтственность падаетъ прежде всего и преимущественно на самого царя.

Цѣль, которой хотѣлось достигнуть Александру, видна изъ обоихъ проектовъ конституціи, съ которыми онъ въ принципѣ согласился: изъ проекта Сперанскаго отъ октября 1809 г. и Новосильцева, законченнаго между 1819 и 1821 гг.

Сперанскій изобразилъ наглядно основныя идеи своего проекта въ слѣдующей схемѣ:

Неограниченная власть Императора.

Государственный совѣтъ.

Управленіе.	Законодательство.	Юстиція.
Министерство вмѣстѣ съ правительствующимъ сенатомъ.	Государственная дума.	Судебный сенатъ.
Губернскія власти.	Губернскія земскія собранія.	Губернскіе суды.
Окружныя власти.	Окружныя собранія.	Окружные суды.
Волостныя правленія.	Волостныя сходы.	Волостные суды.

Фундаментомъ конституціоннаго плана Сперанскаго служитъ французская конституція 1799 г. Онъ старается насколько возможно приладить ея идеи къ русскимъ условіямъ; исходя изъ волости, какъ политическаго союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, онъ переходитъ къ устройству округовъ, отсюда къ губернскимъ представительствамъ и, наконецъ, къ государственной думѣ, которой должна принадлежать законодательная власть совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ и императоромъ; параллельно этому и органы юстиціи и управленія точно также оканчиваются наверху государственнымъ совѣтомъ и императоромъ, снизу же начинаются съ волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ и черезъ соотвѣтствующія окружныя и губернскія учрежденія доходятъ въ области управленія до министерствъ и правительствующаго сената, а въ области юстиціи до судебнаго сената.

Хотя императору и принадлежитъ законодательная инициатива, тѣмъ не менѣе законъ вступаетъ въ силу лишь послѣ того, какъ онъ формулированъ и принятъ государственной думой и

затѣмъ одобренъ государственнымъ совѣтомъ и императоромъ. Правительство имѣетъ право отдавать распоряженія, но оно несетъ отвѣтственность въ томъ, что ими не будутъ нарушены законы; поэтому Сперанскій предлагаетъ передавать и распоряженія на разсмотрѣніе государственной думы.

Согласно этому, силу закона имѣетъ дарованная императоромъ конституція и относящіеся къ ней органическіе законы: гражданское, уголовное, торговое и крестьянское право; всѣ относящіяся къ нимъ дѣйствующія дополненія и разъясненія: судебные уставы, правительственные указы относительно учрежденія присутственныхъ мѣстъ, предписанія насчетъ податей и другихъ мѣропріятій, ведущихъ за собою всеобщее обложеніе, безразлично касается ли дѣло постоянныхъ или временныхъ налоговъ и т. д. Все остальное дѣлается за отвѣтственностью правительства и по его усмотрѣнію: сюда относится опредѣленіе правъ подданныхъ, которыхъ Сперанскій дѣлитъ на три группы: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и другихъ свободныхъ людей и, наконецъ, несвободныхъ, и которымъ онъ даетъ нѣкоторыя общія права (русскія droits de l'homme). Ихъ онъ формулируетъ въ четырехъ пунктахъ слѣдующимъ образомъ:

1. Никто не можетъ быть наказанъ безъ судебнаго приговора.

2. Никто не долженъ нести личную службу по произволу другого, но законъ опредѣляетъ каждому по его сословію тотъ родъ службы, къ которому онъ обязанъ [1]).

3. Каждый имѣетъ право пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность и распоряжаться ею на основаніи закона. Пріобрѣтеніе же недвижимой населенной земельной собственности дозволяется только опредѣленнымъ сословіямъ.

4. Никто не обязанъ нести матеріальную службу по произволу другого.

Если бы всѣ эти четыре положенія были проведены въ жизнь, то у дѣйствующаго во всемъ государствѣ крѣпостного права и у опирающагося на право неравенства сословій тѣмъ самымъ, конечно, была бы отнята почва. Это составило бы огромный шагъ впередъ, и его одного было бы достаточно, чтобы обезпечить за царствованіемъ Александра I безсмертную славу. Сперан-

[1]) Въ примѣчаніи къ этому пункту Сперанскій говоритъ: 1-й пунктъ даетъ и несвободнымъ право обращаться къ суду, освобождаетъ ихъ тѣмъ самымъ отъ подсудности помѣщику и уравниваетъ передъ закономъ съ остальными подданными. 2-й же пунктъ освобождаетъ крестьянъ отъ произвольной отдачи въ рекруты. «На этомъ покоится личная свобода». Этимъ путемъ предполагалось фактически уничтожить несвободное состояніе.

скій не имѣлъ въ виду установить политическое равноправіе. Политическія права должны были зависѣть отъ владѣнія земельной собственностью или денежнымъ имуществомъ и кромѣ того предполагать нѣкоторый точно не указанный образовательный цензъ. И то, и другое предполагалось у лицъ дворянскаго происхожденія, что вовсе не соотвѣтствовало реальнымъ условіямъ. Поэтому они пріобрѣтаютъ полностью всѣ гражданскія и политическія права, въ то время какъ среднее сословіе получаетъ участіе въ политическихъ правахъ смотря по имущественному положенію каждаго въ отдѣльности или же въ зависимости отъ полученія на государственной службѣ личнаго или потомственнаго дворянства. «Рабочій народъ» устраняется при всякихъ условіяхъ отъ политическихъ правъ. Это означало, въ сущности, передачу политическихъ правъ дворянству и бюрократіи, а также небольшому числу купцовъ, которые могли идти въ счетъ [1]).

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же представленія, какія позже были выражены въ польской конституціи.

Подъ политическими правами Сперанскій разумѣлъ активное участіе въ дѣятельности государственныхъ учрежденій по законодательству, правосудію и управленію. Органы же государственной власти частью уже существуютъ, частью же еще должны быть созданы: это — государственная дума, сенатъ и министерства; къ нимъ въ качествѣ четвертаго члена присоединяется государственный совѣтъ, въ которомъ, въ концѣ концовъ, сходятся всѣ нити. Такъ какъ дѣятельность этихъ четырехъ государственныхъ учрежденій должна охватывать все государство, то Сперанскій считаетъ необходимымъ ради большей равномѣрности новое дѣленіе Россіи. Онъ предлагаетъ раздѣлить все пространство Россіи на области и губерніи, при чемъ первыя (Сибирь до Уральскаго хребта, Кавказъ съ Астраханью, Грузіей и Оренбургомъ, Земля Войска Донского и, наконецъ, Новороссія) получаютъ особое устройство согласно дѣйствующимъ въ нихъ мѣстнымъ законамъ, въ послѣднихъ же должно господствовать полное однообразіе. Губерніи должны состоять изъ районовъ въ 100—300 тысячъ душъ [2]) и дѣлиться на 2—5 округовъ, а послѣдніе на волости, центромъ которыхъ служитъ городъ или, за его отсутствіемъ, село.

---

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что даже среди самаго богатаго купечества нерѣдко попадались неграмотные.

[2]) Не человѣкъ, а мужскихъ ревизскихъ душъ.

На этомъ проектѣ новаго дѣленія государства построена у Сперанскаго система народнаго представительства. Фундаментомъ, на которомъ покоится все остальное, служитъ низшая единица —волость. Въ каждой волости разъ въ три года происходитъ собраніе землевладѣльцевъ и старостъ царскихъ деревень (волостная дума), которое избираетъ членовъ волостного правленія, выслушиваетъ отчеты, избираетъ депутатовъ въ окружную думу и докладываетъ окружной думѣ о волостныхъ потребностяхъ.

Окружная дума состоитъ изъ представителей волостей и собирается разъ въ три года. Она избираетъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда, а также депутатовъ въ губернскую думу, изъ которой такимъ же путемъ образуется государственная дума, по своему положенію равная сенату и министерствамъ. Государственная дума собирается безъ особаго созыва каждую осень и засѣдаетъ сколько нужно для разсмотрѣнія внесенныхъ предложеній. Она можетъ быть отсрочена или распущена, но только на основаніи одобреннаго государственнымъ совѣтомъ рѣшенія правительства.

Участіе въ засѣданіяхъ государственной думы должно было быть обязательнымъ, а избранному собраніемъ и утвержденному императоромъ предсѣдателю предлагалось дать титулъ «канцлера государственной думы». Главная работа отводилась шести комиссіямъ [1], которыя также имѣли право выбирать для себя предсѣдателей и секретарей. Одинъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта указываетъ имъ программу работъ. Собственной инициативой они пользуются въ вопросахъ, касающихся пользъ и нуждъ государства, и если нужно привлечь министровъ къ отвѣтственности или сдѣлать представленіе о нарушеніи основныхъ законовъ.

Объ обсужденіяхъ въ общихъ собраніяхъ вовсе нѣтъ и рѣчи; для нихъ, повидимому, не предназначалось никакихъ дѣлъ, кромѣ избранія предсѣдателя, секретаря и комиссій. Что касается устройства суда, то достаточно указать на то, что всѣ судьи должны были быть избраны, а сенатъ служитъ высшей инспекціей.

Наконецъ, имѣлось еще въ виду образовать изъ состава правительствующаго сената тайный кабинетъ, съ которымъ царь долженъ былъ обсуждать чрезвычайныя и секретныя дѣла.

[1] Комиссія государственныхъ законовъ, гражданскихъ законовъ, уставовъ и указовъ, финансовъ, далѣе, комиссія для принятія министерскихъ отчетовъ и еще одна для представленій о пользахъ и нуждахъ государства.

Этотъ проектъ конституціи былъ одобренъ императоромъ Александромъ въ октябрѣ 1809 г.; по сравненію съ прошлымъ Россіи, онъ давалъ русскому народу поразительно много. Участіе въ законодательствѣ, бюджетное право, отвѣтственность министровъ, самоуправленіе до самыхъ низовъ, гарантіи равенства передъ закономъ, защита отъ административнаго произвола—все это въ суммѣ означало больше, чѣмъ простое включеніе Россіи въ число правовыхъ государствъ.

Перенесеніе же центра тяжести въ комиссіи, а не въ общія собранія государственной думы можно только одобрить. Русскій парламентъ едва ли обнаружилъ бы такую зрѣлость, какую предполагаетъ публичное обсужденіе порученныхъ ему государственныхъ вопросовъ. Но мы вправѣ предположить, что работа въ комиссіяхъ могла бы сдѣлаться постепенно школой политическаго воспитанія. Почти незамѣтно должны были бы быть устранены даже наиболѣе тяжелыя послѣдствія системы крѣпостного права,—и это было бы громаднымъ шагомъ впередъ. Но нужно сознаться, что проектъ конституціи былъ незаконченъ и незрѣлъ и что онъ ставилъ передъ русскимъ обществомъ задачи, которыя оно едва ли могло бы разрѣшить. Нетрудно себѣ представить, что оно постепенно освоилось бы съ новыми порядками и что устраненіе цѣлаго ряда основныхъ недостатковъ предшествовавшаго государственнаго строя и системы управленія, а также сословныхъ отношеній принесло бы значительную пользу и перевѣсило бы тотъ вредъ, который проистекалъ бы отъ недостаточной подготовки русскаго народа къ жизни и работѣ въ предложенныхъ Сперанскимъ конституціонныхъ формахъ. Пришлось бы пережидать періодъ броженія, можетъ быть, даже революціонныхъ движеній, и изъ этого періода смутъ вышла бы потомъ новая Россія. Но это было бы возможно и мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы царь взялъ исполненіе въ свои руки и поставилъ бы въ полную зависимость отъ него всѣ остальныя задачи, разрѣшенія которыхъ бы требовала переживаемая критическая эпоха. Такъ поступилъ Петръ Великій, осуществившій свои великія реформы среди войны со шведами и тѣмъ самымъ создавшій новую Россію.

Но Александръ не унаслѣдовалъ вовсе положительныхъ силъ Петра. По всему своему складу онъ былъ одаренъ скорѣе пассивными, чѣмъ активными способностями; ему недоставало прежде всего любви къ творческой работѣ, въ реформахъ же духъ его искалъ скорѣе эстетическаго наслажденія, которое доставляется самосозерцаніемъ, когда находятъ себѣ выраженіе благородныя

намѣренія и возвышенныя чувства. Потребность обратить ихъ въ дѣйствія и осуществить въ реальной политической жизни была въ немъ очень ничтожна. Къ тому же его вниманіе постоянно отвлекалось крупными міровыми дѣлами.

Изъ проектовъ Сперанскаго получила осуществленіе только организація государственнаго совѣта; все остальное осталось по старому. Самое главное заключалось въ томъ, что законы и распоряженія, до утвержденія императоромъ, обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, а Александръ затѣмъ утверждалъ мнѣніе большинства [1]. Императоръ назначалъ членовъ государственнаго совѣта, въ составъ котораго по должности входили и министры и предсѣдательствовалъ лично или чрезъ особо назначаемаго замѣстителя въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Различали четыре департамента [2] и соединенное засѣданіе, въ которомъ постановлялось окончательное рѣшеніе по разсмотрѣннымъ департаментами дѣламъ. Государственная канцелярія, во главѣ которой стоялъ государственный секретарь, подготовляла подлежавшія обсужденію дѣла и оказывала этимъ весьма опасное вліяніе на часто вялыхъ и по большей части недостаточно подготовленныхъ членовъ государственнаго совѣта. Однако, дѣло часто доходило и до страстныхъ преній. Здѣсь могли свободнѣе развернуться природныя ораторскія способности русскихъ. При государственномъ совѣтѣ состояли кромѣ того еще двѣ комиссіи: одна вырабатывала законопроекты, а другая принимала прошенія и разсматривала жалобы на сенатъ и на министерства.

Этимъ создавалась, конечно, возможность контроля надъ бюрократіей во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, что̀ могло бы принести очень большую пользу, если бы въ государственномъ совѣтѣ засѣдали надлежащія люди и если бы Александръ согласился на такое ограниченіе своей самодержавной власти. Ни того, ни другого не случилось. Тамъ, гдѣ Александру было нужно, онъ и вопреки государственному совѣту умѣлъ настоять на своемъ. А съ назначеніемъ Аракчеева на постъ предсѣдателя военнаго департамента государственнаго совѣта, въ той отрасли управленія, которой, начиная съ поворота большой политики 1812 г., были

---

[1] Эта формула гласитъ: «по выслушаніи государственнаго совѣта». Въ 1842 году она была отмѣнена. Какъ Александръ I, такъ и Николай часто утверждали мнѣніе меньшинства.

[2] Законовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и военный.

подчинены всѣ остальныя силы государства, встала у руля властолюбивая и деспотическая воля.

Ближайшія задачи, поставленныя государственному совѣту Александромъ, заключались въ составленіи свода гражданскихъ законовъ, въ проектѣ реорганизаціи министерствъ и въ выработкѣ финансоваго плана. Для этихъ дѣлъ были установлены особыя общія собранія, въ которыхъ предсѣдательствовалъ императоръ въ теченіе 1811 и начала 1812 г.; текущія же дѣла рѣшались безъ него (обыкновенно по четвергамъ). Но Наполеоновское нашествіе снова все остановило, а послѣ войны государственный совѣтъ занимался почти исключительно спорными юридическими вопросами, переданными ему сенатомъ.

Никто въ Россіи не сожалѣлъ о постепенномъ упадкѣ государственнаго совѣта. Онъ не пріобрѣлъ популярности, потому что ему пришлось начать съ повышенія податей, а позже онъ оставался совсѣмъ въ тѣни.

Послѣ паденія Сперанскаго и возстановленія мира Александръ все-таки не оставлялъ мысли дать странѣ конституцію. Польская конституція имѣла въ его глазахъ значеніе подготовительнаго шага, и онъ не скрывалъ отъ польскаго парламента 1818 г., что дѣйствительной цѣлью его стараній является конституція для всей Россіи. На этомъ онъ твердо стоялъ. Онъ поручилъ Новосильцеву выработать новую русскую конституцію. Къ октябрю 1819 г. планъ ея ужъ былъ законченъ въ проектѣ, получившемъ безусловное одобреніе Александра, а затѣмъ на этой основѣ была дѣйствительно выработана новая конституція. Къ 1821 г. она уже была въ рукахъ у Александра, ожидая только царской подписи.

Въ этой конституціи многое напоминаетъ проектъ Сперанскаго отъ 1809 г. Его идеи дали общія очертанія для позднѣйшаго созданія; но нѣкотрую роль сыгралъ, конечно, и опытъ Александра и Новосильцева съ польской конституціей. Главное различіе заключается въ томъ, что вмѣсто предположенной Сперанскимъ однопалатной системы здѣсь выступаетъ двухпалатная, причемъ верхней палатой служитъ расширенный сенатъ, а нижней—представительное собраніе, частью выборное, частью назначенное. Оба вмѣстѣ составляютъ государственную думу, которой въ намѣстничествахъ и губерніяхъ соотвѣтствуютъ также двухпалатныя областныя и губернскія думы. Для всѣхъ нижнихъ палатъ дѣйствуетъ общее правило, на основаніи котораго для участія въ выборахъ требуется возрастъ не ниже 30-ти лѣтъ, обладаніе правами гражданства и уплата опредѣленныхъ пода-

тей, высота которыхъ устанавливается въ каждомъ намѣстничествѣ.

Государственная дума *обсуждаетъ* всѣ законопроекты, вносимые въ нее государственномъ совѣтомъ именемъ императора, предложенія императора, касающіяся повышенія или пониженія налоговъ, ихъ распредѣленія, равно какъ и всего государственнаго бюджета, и вообще все, о чемъ ее запроситъ императоръ.

Она обсуждаетъ также отчетъ общаго собранія государственнаго совѣта о положеніи государства и разбираетъ его въ



Паркъ въ Павловскѣ.

комиссіяхъ, выслушиваетъ представленія членовъ государственной думы по порученію избирателей и передаетъ извлеченіе изъ выраженныхъ въ письменной формѣ пожеланій государственному совѣту, который подноситъ его для рѣшенія императору. Законопроекты, редактированные въ государственномъ совѣтѣ, также обсуждаются въ комиссіяхъ [1]), но измѣнить ихъ на основаніи высказанныхъ въ комиссіяхъ соображеній можетъ только государственный совѣтъ.

[1]) Такихъ комиссій предусматривалось три: для законодательства, управленія и финансовъ.



Тильзитскій миръ. Снято у кн. Куракина.

Сессіи государственной думы созываются, продолжаются, отсрочиваются и распускаются императоромъ. Каждая сессія длится 30 дней; императоръ рѣшаетъ, въ какую палату должны быть раньше внесены законопроекты; онъ же разрѣшаетъ свободное и публичное обсужденіе. Голосованіе производится устно, простымъ большинствомъ, но результатъ его выражаетъ собою лишь мнѣніе или пожеланіе.

Проектъ, внесенный въ одну палату, не можетъ быть измѣненъ другой палатой, а только принятъ или отклоненъ. Законопроектъ, принятый обѣими палатами, подносится императору, усмотрѣнію котораго предоставляется принять его или отклонить.

Избирательное право распространяется также на чиновниковъ и (что особенно замѣчательно) на военныхъ, но тѣ и другіе должны спрашивать согласія своего начальства [1]).

Мы не станемъ разбирать менѣе существенныя подробности, такъ какъ насъ интересуютъ только основныя идеи. Весь аппаратъ былъ созданъ съ цѣлью установить продуктивный контроль надъ бюрократіей и дать царю возможность видѣть дѣйствительныя условія русской жизни. Неудобная иниціатива снизу была тщательно устранена, такъ же тщательно соблюденъ совѣщательный характеръ представительныхъ учрежденій и приняты мѣры къ тому, чтобы правительство всегда имѣло возможность устранить нежелательныхъ лицъ отъ участія въ представительныхъ учрежденіяхъ, какъ путемъ тщательнаго подбора, такъ и путемъ прямого вліянія на выборы.

Распоряженія, касающіяся независимости юстиціи отъ администраціи, и вообще судебнаго вѣдомства, менѣе фиктивны и имѣютъ нѣкоторое реальное значеніе. Но всего важнѣе были гарантированныя императоромъ опредѣленія, которыя по англійскому образцу, ясно замѣтному и въ польской конституціи, обезпечиваютъ равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ и охраняютъ свободу личности и имущества отъ злоупотребленія властей [2]).

---

[1]) Распространеніе избирательнаго права на офицеровъ, такъ какъ рѣчь, конечно, идетъ только о нихъ, объясняется, вѣроятно, полной невозможностью при исключеніи военныхъ найти подходящихъ лицъ.

[2]) §§ 82—98:

§ 82. Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или задержанъ, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, и съ соблюденіемъ предписанныхъ имъ формъ.

§ 83. Всякое произвольное задержаніе есть преступленіе, наказуемое согласно уложенію о наказаніяхъ.

Если бы всѣ эти общія узаконенія были дѣйствительно осуществлены, то получилось бы болѣе полное измѣненіе основъ общественной и частной жизни, чѣмъ при осуществленіи идей Сперанскаго. По необходимости постепенно уничтожилась бы крѣпостная зависимость, такъ какъ у владѣльцевъ отнималось право распоряжаться свободой, жизнью и имуществомъ ихъ «душъ». Правда, «общія узаконенія» не затрагиваютъ непосредственно этой проблемы, но лишаютъ ее основъ, а безъ послѣднихъ должно рано или поздно рухнуть все сооруженіе.

Для характеристики Александра имѣетъ большое значеніе то обстоятельство, что онъ не провелъ въ своей правительственной практикѣ даже той части «общихъ узаконеній», которую онъ могъ бы провести въ области управленія безъ ущерба для своей самодержавной власти. Мы имѣемъ въ виду прежде всего устраненіе произвола на судѣ и въ администраціи, произвола, который нигдѣ не выступаетъ въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ устройствѣ военныхъ поселеній, осуществленномъ царемъ съ безпощадной жестокостью, и въ полнѣйшемъ безсиліи правосудія надъ богатыми помѣщиками и высокопоставленными чиновниками и военными.

---

§ 84. Арестованному лицу должны быть указаны причины его ареста немедленно и въ письменной формѣ.

§ 85. Въ теченіе трехъ дней и, если прокуратура ходатайствовала объ отсрочкѣ, то не позже шести — каждое арестованное лицо должно быть представлено въ надлежащій судъ для производства надъ нимъ слѣдствія или суда, по установленнымъ формамъ, подъ страхомъ обвиненія въ злоупотребленіи властью того должностнаго лица, которое не выполнитъ въ точности этого предписанія. Если на предварительномъ слѣдствіи устанавливается невиновность обвиняемаго, то онъ немедленно долженъ быть отпущенъ на свободу.

§ 86. Во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ закономъ, лицо, внесшее залогъ, освобождается отъ предварительнаго заключенія.

§ 87. Никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу установленнаго закона, изданнаго раньше совершенія преступленія и законнымъ образомъ примѣненнаго надлежащимъ судомъ.

§ 88. Ходатайство о помилованіи допускается для всѣхъ лицъ, присужденныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ и каторжнымъ работамъ на срокъ болѣе 15 лѣтъ.

§ 89. Печати обезпечивается свобода, законъ долженъ установить средства для устраненія злоупотребленій со стороны печати.

§ 90. Каждый русскій подданный имѣетъ право поселиться въ иностранномъ государствѣ, переѣхать туда лично и перевести свое имущество, сообразно съ изданными по этому предмету законами.

§ 91. Русскій народъ получаетъ навсегда народное представительство: оно заключается въ сеймѣ, состоящемъ изъ государя и двухъ палатъ: пер-

Здѣсь, какъ и въ теченіе всего его царствованія, сказывается недостатокъ воли наряду съ яснымъ пониманіемъ: единственнымъ оправданіемъ императору, пожалуй, можетъ служить то обстоятельство, что онъ относился съ недовѣріемъ, и часто съ презрѣніемъ къ тѣмъ орудіямъ, которыми ему приходилось пользоваться.

Стоитъ на одну минуту взглянуть на русское государственное устройство въ его подлинномъ видѣ, чтобы замѣтить огромный контрастъ между идеально задуманными планами императора и тѣми условіями, съ которыми ему приходилось считаться.

Къ тому времени, когда закончился вмѣстѣ съ освободительной войной и первый періодъ организаторской дѣятельности Александра, центральное государственное управленіе состояло

вая, такъ называемая верхняя палата, образуется изъ сената; вторая, такъ называемая палата представителей, составляется изъ представителей и депутатовъ отъ общинъ.

§ 92. Гражданскія, общественныя и военныя должности могутъ исправляться только подданными государства.

§ 93. Всякій иностранецъ, получившій права гражданства, пользуется наравнѣ съ остальными жителями покровительствомъ законовъ и премуществами, которыя они ему обезпечиваютъ. Онъ можетъ, какъ они, остаться въ странѣ, выѣхать изъ нея и возвратиться сообразно установленнымъ законамъ. Кромѣ того, онъ можетъ пріобрѣтать недвижимое имущество.

§ 94. Всякій націонализованный иностранецъ, знающій русскій языкъ, можетъ быть допущенъ къ исправленію общественныхъ должностей послѣ 5 лѣтъ осѣдлости, при условіи безупречнаго поведенія.

§ 95. Тѣмъ не менѣе, государь можетъ по своему усмотрѣнію или по представленію государственнаго совѣта, допустить къ общественнымъ должностямъ иностранцевъ, отличающихся своими талантами.

§ 96. Лица, состоящія на общественной должности, могутъ быть уволены въ административномъ порядкѣ только тою властью, которая назначила ихъ на должность. Эта власть обязана сообразоваться съ установленными по этому предмету правилами. Всякое безъ исключенія лицо, занимающее общественную должность, отвѣтственно за свои служебныя дѣйствія.

§ 97. Всякая собственность, каково бы ни было ея назначеніе или характеръ, находится ли она на поверхности, или въ нѣдрахъ земли, и какому бы лицу она ни принадлежала, объявляется священною и неприкосновенною. Никто не можетъ посягать на нее, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Всякій, кто покушается на собственность другого, объявляется нарушителемъ общественной безопасности и, какъ таковой, подвергается наказанію.

§ 98. Однако, правительство имѣетъ право требовать отъ частнаго лица пожертвованія своею собственностью ради общественной пользы за справедливое вознагражденіе. Законъ долженъ установить случаи и правила примѣненія этого принципа.

изъ государственнаго совѣта, министерствъ и комитета министровъ, правительствующаго сената и святѣйшаго правительствующаго синода.

Государственный совѣтъ, основанный въ 1802 году и преобразованный въ 1810 г., долженъ былъ, какъ мы видѣли, стоять во главѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Каждое дѣло могло быть въ послѣдней инстанціи перенесено въ одинъ изъ его четырехъ департаментовъ. Здѣсь были департаменты: законовъ, военный, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и, наконецъ, государственной экономіи. Всѣ они должны были сообща «поддерживать порядокъ и охранять государство хорошими законами», какъ выразился Александръ 1/13-го января 1810 г. при открытіи преобразованнаго государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ является въ его глазахъ вѣдомствомъ, въ которомъ сходятся всѣ отрасли управленія въ ихъ отношеніи къ законодательству и черезъ которое онѣ доходятъ до императора. Здѣсь должны были выполняться тѣ функціи, которыя Сперанскій предназначалъ для государственной думы. При Александрѣ въ составъ государственнаго совѣта входило 76 лицъ, большею частью высшіе военные чины, бывшіе губернаторы и министры, отставные высшіе гражданскіе и придворные чины, кромѣ того всѣ состоящіе въ данное время въ должности министровъ.

Однако, какъ мы видѣли, государственный совѣтъ при Александрѣ никогда не имѣлъ того значенія, которое первоначально предполагалось ему дать. Его роль перешла частью къ министерствамъ, частью къ сенату, такъ что главная его дѣятельность состояла въ изданіи и толкованіи законовъ, а въ особыхъ случаяхъ и въ окончательномъ рѣшеніи трудныхъ судебныхъ дѣлъ.

Гораздо большее практическое значеніе имѣли 8 министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, полиціи и торговли [1]). За исключеніемъ трехъ первыхъ, всѣ эти министерства образовались изъ соединенія существовавшихъ до 1802 г. 21 коллегіи и экспедиціи. Однако, вскорѣ начались между сенатомъ и министерствами споры о компетенціи. Кромѣ того, оказалось, что для произвола отдѣльныхъ министровъ открыто слишкомъ широкое поприще; наконецъ, отвѣтственность министровъ не была достаточно строго обусловлена и могла оказаться вполнѣ призрачной въ случаѣ покрытія указами императора. Поэтому Александръ въ 1810 году произвелъ

---

[1]) Къ нимъ впослѣдствіи было присоединено еще 4 министерства, въ томъ числѣ министерство двора.

преобразованіе, которымъ вводилось общее собраніе министровъ и совѣтъ министровъ. Это общее собраніе или комитетъ министровъ постепенно пріобрѣтало все большее и большее значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ въ немъ занялъ предсѣдательское мѣсто всемогущій любимецъ императора Аракчеевъ. Мало-по-малу здѣсь стали рѣшаться всѣ текущія дѣла. Одно ужъ то, что всѣ министры засѣдали не только въ государственномъ совѣтѣ, но и въ сенатѣ, давало имъ преобладающее значеніе. Кромѣ того, засѣданіе государственнаго совѣта не считалось законнымъ, если въ немъ не присутствовали, по крайней мѣрѣ, 5 министровъ, въ томъ числѣ министръ, къ вѣдомству котораго относилось подлежавшее разсмотрѣнію дѣло. Текущія же дѣла разсматривались въ комитетѣ, состоявшемъ изъ однихъ министровъ, при чемъ первое время императоръ самъ принималъ участіе въ его засѣданіяхъ. Только въ принципѣ считалось нужнымъ передавать важнѣйшія дѣла въ государственный совѣтъ.

Въ сентябрѣ 1805 г. комитетъ министровъ получилъ уставъ, по которому всѣ дѣла, требовавшія соглашенія между нѣсколькими вѣдомствами, должны были вноситься въ комитетъ, и который разрѣшалъ министрамъ, по ихъ усмотрѣнію, вносить сюда на обсужденіе также дѣла, подлежавшія внесенію въ государственный совѣтъ. Этимъ самымъ кругъ дѣятельности комитета значительно расширялся: всѣ дѣла, которыя должны были докладываться императору, все, что императоръ отъ себя передавалъ комитету, и, наконецъ, все, что самимъ министрамъ угодно было въ сомнительныхъ случаяхъ сюда вносить, — все это составляло предметъ его занятій. Рѣшенія принимались большинствомъ голосовъ, а императору подносился на утвержденіе журналъ засѣданій, такъ что окончательное рѣшеніе оставалось въ его рукахъ.

Начиная съ 1805 г., императоръ передавалъ на время своего отсутствія изъ страны комитету министровъ управленіе государствомъ съ особыми полномочіями[1]), поэтому его права оказались много выше, чѣмъ у остальныхъ властей. Однако, по возвращеніи императора изъ Эрфурта (28-го октября 1808 года); прекратилось участіе Александра въ его засѣданіяхъ. Онъ началъ принимать доклады отъ отдѣльныхъ министровъ и лишилъ комитетъ права приводить въ исполненіе рѣшенія, которыя не

---

[1]) Такъ было въ 1806, 1807, 1808, 1810, 1812—1814 гг. Журналы комитета велъ въ это время статсъ-секретарь Молчановъ.

были представлены на утвержденіе императора. Наоборотъ, сфера дѣятельности комитета продолжала по прежнему расширяться. Ему передавались на просмотръ даже доклады сената; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, прекратилась отвѣтственность министровъ передъ сенатомъ. Можно было почти сказать, что прежнее отношеніе перешло въ обратное, хотя въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не было произведено никакихъ измѣненій. Если прежде законодательная дѣятельность Александра была направлена на децентрализацію, то съ 1808 г. обнаруживается у него стремленіе усилить исполнительную власть и полицію и придать своему правленію еще болѣе личный характеръ, чѣмъ раньше. Въ это именно время царь работалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ надъ переустройствомъ государства и, какъ мы помнимъ, въ его проектѣ конституціи нѣтъ мѣста для комитета министровъ. Но паденіе Сперанскаго и новое положеніе, созданное французскимъ нашествіемъ и участіемъ Россіи въ освободительныхъ войнахъ, привело къ тому, что комитетъ министровъ снова сдѣлался центромъ правительства. Въ лицѣ фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова императоръ назначилъ его предсѣдателемъ человѣка, пользовавшагося его безусловнымъ довѣріемъ, и ввелъ въ него кромѣ министровъ еще коменданта С.-Петербурга, министра полиціи и государственнаго контролера, такъ что комитетъ состоялъ изъ 13 лицъ [1]).

Графъ Растопчинъ зло, но, какъ всегда, остроумно нарисовалъ намъ портретную галлерею лицъ, поставленныхъ въ то время императоромъ во главѣ Россіи.

«Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ», пишетъ онъ, «былъ болѣзненый старикъ, который держался въ живыхъ только съ помощью аптеки. Онъ пользовался извѣстною милостью въ теченіе трехъ царствованій: при Екатеринѣ онъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи и военнымъ министромъ; она до-

[1]) Членами комитета министровъ въ 1812—1815 г.г. являются: графъ (впослѣдствіи князь) Н. И. Салтыковъ, его замѣститель С. К. Вязьмитиновъ, военный министръ князь А. И. Горчаковъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. П. Румянцевъ, министръ юстиціи Д. П. Трощинскій, внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, финансовъ Д. А. Гурьевъ, народнаго просвѣщенія А. К. Разумовскій и князь А. Н. Голицынъ, полиціи А. Д. Балашевъ, государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ, управляющій министерствомъ полиціи и С.-Петербургскій военный губернаторъ С. К. Вязьмитиновъ (онъ же товарищъ предсѣдателя), въ качествѣ управляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій и почтъ-директора опять князь А. Н. Голицынъ, государственный секретарь А. С. Шишковъ и секретарь комитета статсъ-секретарь П. С. Молчановъ.

вѣрила ему также воспитаніе обоихъ своихъ внуковъ — Александра и Константина. При Павлѣ онъ оставался военнымъ министромъ. Онъ сопровождалъ его въ 1781 и 1782 гг. въ путешествіи за границу и въ день вошествія на престолъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы. При Александрѣ онъ опирался на свои педагогическія права, и хотя воспитанникъ хорошо его зналъ, однако, онъ умѣлъ сохранять свое положеніе съ помощью небольшихъ интригъ, изъ которыхъ извлекалъ пользу. Онъ былъ очень уменъ, имѣлъ обширныя познанія и привыкъ къ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оказался совершенно безполезнымъ, такъ какъ былъ маловаженъ и лживъ. Никогда въ жизни онъ не говорилъ «да» или «нѣтъ», поэтому и его мнѣніе въ дѣлахъ ничего не значило. Онъ никогда ясно не высказывался, но выработалъ себѣ манеру говорить непонятно. Онъ былъ корыстолюбивъ и скупъ и пріобрѣлъ бы огромное состояніе, если бы обладалъ хотя частицей энергіи, которая одинаково необходима для великихъ героевъ и для великихъ разбойниковъ».

«Князь Лопухинъ, дворянинъ древняго рода, но очень бѣдный, вышелъ въ отставку полковникомъ и женился гдѣ-то въ провинціи на богатой наслѣдницѣ [1]). Императрица Екатерина во время своего пребыванія въ Москвѣ въ 1775 г., для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, была очень довольна полиціймейстеромъ Архаровымъ и просила его рекомендовать ей столь же усерднаго и дѣятельнаго человѣка. Онъ назвалъ своего друга Лопухина, и императрица назначила его с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Достигши чина генералъ-маіора, онъ сдѣлался московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ чинѣ генералъ-лейтенанта — ярославскимъ и вологодскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ этой должности онъ оставался до начала царствованія Павла, который уничтожилъ это генералъ-губернаторство».

«Князь Безбородко, сдѣлавшійся противъ воли любовникомъ Лопухиной, добился назначенія ея мужа сенаторомъ въ московскомъ департаментѣ и выхлопоталъ ему къ коронаціи орденъ Александра-Невскаго. Императоръ Павелъ обратилъ вниманіе на дочь Лопухина, которая съ нимъ кокетничала, вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, и чтобы быть ближе къ дочери, вызвалъ отца въ Петербургъ, сдѣлалъ его генералъ-прокуроромъ и далъ ему голубую ленту. Когда же семья Лопухина

[1]) На Прасковьѣ Ивановнѣ Левшиной. Ея родъ восходитъ къ вышедшему изъ Швабіи въ ноябрѣ 1365 г. Спеволѣ Левенштейну, который по-русски назывался Суволъ-Левша.

также переѣхала въ Петербургъ, онъ подарилъ ей красивый домъ, великолѣпный сервизъ, имѣніе, приносившее 200,000 р. доходу, возвелъ Лопухина въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлость, далъ ему свой портретъ,—все въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Когда же Лопухинъ вознамѣрился устранить лицъ, окружавшихъ императора и замѣнить ихъ своими креатурами,—то сломалъ себѣ шею: онъ долженъ былъ выйти въ отставку и жилъ въ Москвѣ, покинутый собственною дочерью. Въ началѣ царствованія Александра онъ ѣздилъ за границу, оттуда онъ былъ вызванъ и назначенъ министромъ юстиціи. Въ этой должности онъ оставался 5 лѣтъ и закончилъ свою карьеру предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Трудно быть способнѣе этого человѣка. Съ дальновиднымъ умомъ онъ соединяетъ необычайную проницательность и большую легкость въ работѣ. Онъ вкрадчивъ, льстивъ, съ дѣланной прямотой, большой поклонникъ прекраснаго пола, до крайности, лѣнивъ и лживъ. Этотъ человѣкъ сохранялъ свое положеніе умомъ, порочностью и терпѣніемъ и этимъ же способомъ пріобрѣлъ средства привязать къ себѣ множество людей, которымъ онъ оказалъ услугу и поведенія которыхъ онъ какъ будто не замѣчалъ».

«Вязьмитиновъ [1])—сынъ солдата. Онъ воспитался въ канцеляріи маршала Чернышева, обладавшаго цѣннымъ даромъ находить талантливыхъ людей и воспитывать ихъ. Вязьмитиновъ сдѣлался его адъютантомъ и служилъ затѣмъ въ арміи. При вступленіи на престолъ Павла онъ былъ пензенскимъ губернаторомъ. Императоръ перевелъ его въ военную коллегію и поставилъ во главѣ комиссіи, на которой лежала экипировка арміи. При императорѣ Александрѣ I онъ сдѣлался военнымъ министромъ, а затѣмъ во время войны с.-петербургскимъ главнокомандующимъ. За это онъ получилъ голубую ленту и, наконецъ, графскій титулъ, котораго онъ не передастъ по наслѣдству, такъ какъ онъ бездѣтенъ. Вязьмитиновъ былъ очень уменъ, былъ любитель изящныхъ искусствъ, недурной композиторъ, хорошо говорилъ по-русски, работалъ постоянно и легко, былъ честенъ и имѣлъ много качествъ, для того, чтобы сдѣлаться выдающимся государственнымъ человѣкомъ. Ему не хватало характера, его манеры и способъ обращенія напоминали о его происхожденіи. Ему пришлось слишкомъ долго напрягать свои силы, чтобы держаться на высотѣ важныхъ задачъ, которыя ему выпали, когда онъ былъ уже старъ».

---

[1]) Родился въ 1750 г., умеръ въ 1819 г.

«Составъ министерства былъ слѣдующій:

«Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Николай Румянцевъ; онъ былъ второй сынъ знаменитаго фельдмаршала, получилъ тщательное воспитаніе и путешествовалъ съ Гриммомъ, писателемъ и другомъ Екатерины. Онъ былъ посланникомъ во Франкфуртѣ и аккредитованъ при французскихъ принцахъ въ Кобленцѣ. При Павлѣ онъ сдѣлался оберъ-шенкомъ и получилъ голубую ленту. За Абосскій миръ Александръ назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ. Послѣ Эрфутской конференціи онъ былъ въ Парижѣ, и сопровождалъ императора въ Вильну (1812 г.), перенесъ тамъ ударъ и возвратился въ Петербургъ. Румянцевъ былъ свѣтскій человѣкъ, съ манерами вельможи. Его политика по отношенію къ Наполеону сводилась къ двумъ идеямъ: 1) выиграть время; 2) избѣжать войны.

«Публика, которая вѣрнымъ слугамъ всегда платитъ клеветою и является послушнымъ эхомъ глупости, считала его приверженцемъ Наполеона, пренебрегавшимъ интересами отечества. Эта клевета опровергается его именемъ, приверженностью его императору и благороднымъ образомъ мыслей.

«Министръ финансовъ Гурьевъ уменъ, крайне любезенъ въ небольшомъ кругу, но безъ иного образованія кромѣ плавной французской рѣчи. Онъ въ высшей степени пронырливъ и честолюбивъ, все относитъ къ себѣ, заваленъ дѣлами и исполняетъ ихъ въ полуснѣ; такъ же тяжелъ на подъемъ, какъ и медлителенъ въ работѣ, любитель поѣсть и охотникъ до новостей, легко доступенъ для прожектеровъ и готовъ всѣмъ пожертвовать для того, чтобы удержатся въ милости и увеличить свое состояніе.

«Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій состоитъ министромъ народнаго просвѣщенія; это — человѣкъ съ большими умственными способностями и познаніями, но эгоистичный и неописуемо вялый. Несмотря на неисчислимыя богатства, его имущественныя дѣла разстроены. Онъ вышелъ въ отставку при Екатеринѣ, а въ 1811 г. поступилъ снова на службу для того, чтобы получить нѣсколько орденовъ, которыхъ не хватало для его тщеславія.

«Маркизъ де-Траверсе происходитъ изъ Санъ-Доминго. Онъ былъ французскимъ офицеромъ во время революціи и еще при Екатеринѣ поступилъ капитаномъ на русскую службу и дошелъ до вице-адмирала. Министромъ онъ сдѣлался послѣ Чичагова. Это было ничтожество, безъ собственной воли и взглядовъ. Главною его заботой было обогащаться насчетъ поставокъ. Морскіе офицеры его ненавидѣли, а жена его била.

«Дмитріевъ былъ уволенъ при Екатеринѣ офицеромъ гвардіи. Въ началѣ царствованія Павла онъ состоялъ подъ судомъ въ качествѣ заговорщика, но былъ признанъ невиновнымъ и поступилъ на гражданскую службу. Въ качествѣ московскаго сенатора, онъ былъ назначенъ въ 1810 г. министромъ юстиціи. Онъ могъ бы сдѣлаться полезнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, но онъ— поэтъ и состоитъ въ плѣну у своего воображенія. Онъ очень чувствителенъ, въ обществѣ неуклюжъ, очень ревнивъ къ тому, чтобы заставить считаться съ своимъ положеніемъ. Онъ оставилъ свою должность съ пенсіей въ 10000 рублей и принялъ на себя въ Москвѣ обязанности начальника тайной полиціи.

«Генералъ-лейтенантъ Горчаковъ временно получилъ управленіе военнымъ министерствомъ во время отсутствія Барклая-де-Толли для принятія главнаго командованія надъ арміями. Этотъ Горчаковъ приходится по матери племянникомъ великому Суворову, а по женѣ—племянникомъ фельдмаршалу Салтыкову. Будучи крайне незначителенъ, онъ считалъ себя красавцемъ, разъигрывалъ его и предоставилъ всѣ дѣла своему секретарю. Самъ онъ тратилъ все свое время на интриги для того, чтобы добиться милости двора и какой-нибудь награды. Онъ старался подражать своему дядѣ генералиссимусу Суворову, держалъ рѣчи къ солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ госпиталяхъ».

Къ сожалѣнію, не хватаетъ продолженія этихъ характеристикъ, несмотря на нѣкоторую односторонность, крайне поучительныхъ. Онѣ объясняютъ намъ, почему результаты трудовъ комитета министровъ столь жалкіе. При этомъ нужно имѣть еще въ виду, что недостатки, несомнѣнно присущіе верхамъ администраціи, выступали еще въ гораздо большей степени у ихъ чиновниковъ — какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Это была цѣлая толпа людей, которые искали и находили собственную выгоду при исполненіи государственныхъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что пришлось расширить даже канцелярію комитета министровъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго распространенія круга ея дѣятельности; на комитетѣ лежало все бремя матеріальныхъ заботъ, вызванныхъ войною: мобилизація, обмундировка и содержаніе арміи, забота о пострадавшихъ отъ войны областяхъ и, наконецъ, все, что касалось финансовъ и полиціи [1]). Особенно большое значеніе получили два послѣднихъ вѣдомства.

---

[1]) Полиціей завѣдывалъ не министръ полиціи Балашевъ, а Вязмитиновъ; императоръ Александръ презиралъ Балашева и не довѣрялъ ему, но не считалъ возможнымъ обходиться безъ него изъ-за его хитрости.

Необходимость соблюдать тайну привела въ это время къ образованію комиссіи изъ среды комитета министровъ, при чемъ Салтыковъ обыкновенно состоялъ членомъ этихъ особыхъ комиссій. Такъ, существовала сибирская комиссія, тарифная, особая комиссія по дѣламъ Волыни, Крыма, Донской области, Западныхъ губерній и т. д. Обыкновенно эти комиссіи должны были докладывать результаты своихъ трудовъ общему собранію, т.-е. комитету министровъ, но въ финансовыхъ и полицейскихъ дѣлахъ— тамъ, гдѣ этого требовала польза государства, предсѣдатель вмѣстѣ съ однимъ или нѣсколькими членами дѣлали окончательное постановленіе единолично.

Нѣкоторая перемѣна произошла лишь по окончаніи войны, вслѣдствіе обнаруженныхъ безчисленныхъ неправильностей и подлоговъ, такъ какъ среди виновныхъ оказалось нѣсколько членовъ комитета. Такъ, напримѣръ, военный министръ князь Горчаковъ былъ отданъ подъ судъ, а статсъ-секретарь Молчановъ посланъ за границу для поправленія здоровья. Его мѣсто занялъ 24 декабря 1815 г. статсъ-секретарь Марченко, который былъ подручнымъ императора во время войны и на вѣнскомъ конгрессѣ и велъ его переписку съ комитетомъ министровъ по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія Россіей, кромѣ военныхъ. Это былъ малороссъ, не знавшій ни одного иностраннаго языка, но умный и дѣловитый. Благодаря ему и, еще больше, благодаря особому положенію, данному императоромъ Аракчееву, который кромѣ родного зналъ только нѣмецкій языкъ, комитетъ министровъ сталъ болѣе русскимъ, Аракчеевъ сдѣлался блюстителемъ, а вскорѣ затѣмъ деспотическимъ хозяиномъ комитета министровъ; хотя права комитета ничуть не уменьшились, однако, члены его теряли свое вліяніе, по мѣрѣ того, какъ возрастало довѣріе царя къ Аракчееву, достигшее вскорѣ безграничныхъ размѣровъ. Министры больше не вызывались къ императору для доклада; по всѣмъ дѣламъ комитета докладывалъ одинъ Аракчеевъ. Между тѣмъ властолюбіе Аракчеева распространялось въ такой степени на всѣ мелочи, какъ и на самую суть дѣла; онъ стремился проявить свою волю какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ; Александръ же, въ противоположность Павлу, чувствовалъ глубокую антипатію ко всякой детальной работѣ; а такъ какъ всѣ государственныя дѣла могли входить въ сферу дѣятельности комитета министровъ, то Аракчеевъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ правителемъ страны. Обойти его не было никакой возможности, а его желѣзное прилежаніе и любовь къ порядку помогали ему одолѣть огромную работу, которую взваливало на

его плечи властолюбіе. Такое положеніе перваго любимца бросалось тѣмъ болѣе въ глаза, что, послѣ смерти фельдмаршала Салтыкова весною 1816 г., Александръ назначилъ председателя государственнаго совѣта князя П. В. Лопухина также председателемъ комитета министровъ, а его товарищами были такіе способные люди какъ Кочубей, адмиралъ Мордвиновъ и Куракинъ. Аракчеевъ до конца оставался только членомъ; но онъ былъ alter ego императора, а министры, въ сущности, его агентами. Къ тому же онъ былъ мстителенъ и ревнивъ къ милости императора, и умѣлъ не допускать непріятныхъ для него лицъ къ прямому общенію съ Александромъ; поэтому вскорѣ не осталось никого, кто бы не боялся и не ненавидѣлъ «дракона».

«У насъ, пишетъ 15-го декабря 1819 г. изъ Петербурга генералъ Закревскій своему другу генералу Киселеву,—теперь двоякаго рода чума: та, что свирѣпствуетъ у васъ и должна будетъ прекратиться, когда будутъ приняты надлежащія мѣры; другая же чума называется Аракчеевъ, и отъ нея наше отечество избавится только тогда, когда онъ умретъ,—до чего мы едва ли доживемъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ — самый вредный человѣкъ въ Россіи». Такъ думалъ не только Закревскій, но и всѣ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, за исключеніемъ только императора Александра. Мы уже указывали, какіе доводы можно привести для объясненія этого на первый взглядъ необъяснимаго факта. Нѣкоторую роль при этомъ сыграла, конечно, необычайная работоспособность этого человѣка и его умѣнье извлечь изъ подчиненныхъ все, что могло быть полезно для его цѣлей. Онъ могъ по первому же взгляду угадывать способности людей и ставить ихъ затѣмъ на надлежащее мѣсто. Онъ всегда исполнялъ то, что обѣщалъ, рѣшалъ быстро и умѣлъ настоять на исполненіи своихъ рѣшеній. За то его самого невозможно было ни къ чему принудить. Насколько хитро онъ умѣлъ преслѣдовать свои цѣли наверху,—настолько же онъ былъ беззастѣнчиво откровененъ со своими подчиненными и не стѣснялся передъ ними давать волю своимъ страстямъ. Они ни при какихъ условіяхъ не имѣли возможности на него жаловаться, поэтому ему не къ чему было дѣлать надъ собою усилій. Онъ былъ корыстолюбивъ, былъ по церковному набоженъ, какъ того требовалъ «порядокъ», всегда склоненъ къ строгости, которая могла доходить до безчеловѣчной жестокости, и страстный формалистъ; съ тѣхъ же поръ, какъ онъ сдѣлался душой и волей комитета министровъ, всѣ эти свойства нашли свое отраженіе и на всѣхъ отрасляхъ внутренняго управленія.

Единственнымъ вѣдомствомъ, вполнѣ ускользавшимъ отъ его вліянія, было министерство иностранныхъ дѣлъ, которое Александръ оставилъ за собой, какъ свою особую область; до 1821 г. въ немъ преобладало вліяніе Каподистріи, который въ заботѣ о судьбѣ своихъ греческихъ соотечественниковъ всегда старался сдѣлать восточныя дѣла центромъ политической дѣятельности Россіи. Нессельроде, который послѣ него одинъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, никогда не имѣлъ дѣйствительнаго вліянія на императора. Онъ былъ стилистомъ и редакторомъ депешъ и непосредственныхъ докладовъ—не болѣе, и, несмотря на постоянныя сношенія съ императоромъ, не имѣлъ никакой власти. Къ тому же ему недоставало характера и твердыхъ убѣжденій, но именно поэтому онъ и былъ удобенъ для нелюбившаго противорѣчій императора. Аракчеевъ не мѣшалъ ему въ его дѣлахъ, ихъ пути нигдѣ не пересѣкались. За то можно было думать, что сенатъ составитъ препятствіе для роста его всемогущества; но этого не случилось. Одно уже то, что мы знаемъ о значеніи, постепенно пріобрѣтенномъ комитетомъ министровъ, показываетъ, что сенатъ въ дѣйствительности занималъ лишь короткое время то положеніе, какое предназначилъ ему Александръ въ 1802 г.

Первоначально сенатъ долженъ былъ служить высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, и его рѣшенія, принятыя въ общихъ собраніяхъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, должны были считаться окончательными. Правда, и здѣсь верховная власть имѣла своего представителя въ лицѣ генералъ-прокурора (эту должность всегда занималъ министръ юстиціи). Если этотъ представитель государственныхъ интересовъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ сената, то могъ пріостановить его исполненіе, пока императоръ не выслушаетъ его и одного или нѣсколькихъ представителей сенатскаго большинства, а затѣмъ постановитъ окончательное рѣшеніе. Въ принципѣ однако нельзя было аппелировать на рѣшенія сената, какъ высшаго блюстителя закона. Единственнымъ законнымъ средствомъ, предусмотрѣннымъ противъ него, была жалоба императору. Но это всегда было опаснымъ шагомъ, такъ какъ жалобы, необоснóванныя и признанныя незаконными, имѣли слѣдствіемъ то, что жалобщикъ отдавался подъ судъ.

Различали правительствующій и судебный сенатъ; первому было подчинено все управленіе государствомъ, послѣдній служилъ высшей аппеляціонной инстанціей для всѣхъ судовъ.

Возраставшая власть комитета министровъ дѣлала захваты въ обоихъ направленіяхъ. Если въ общемъ собраніи сената мнѣ-

нія расходились, то министръ юстиціи самъ предлагалъ спорные вопросы на рѣшеніе комитета министровъ; такимъ же образомъ и административныя дѣла брались по усмотрѣнію министровъ изъ подъ вѣдѣнія сената и передавались комитету министровъ. Вскорѣ, какъ мы видѣли, не могло быть вовсе и рѣчи объ отвѣтственности министровъ передъ сенатомъ. Такъ же рѣшительно отнято у него было и право опредѣлять, соотвѣтствуютъ ли вновь изданные законы такъ называемымъ основнымъ законамъ, и если оказывалось налицо нарушеніе основныхъ законовъ, то предлагать министрамъ вновь ихъ обсудить. Практика Александра привела постепенно къ тому, что сенатъ потерялъ вообще всякую инициативу, даже въ дѣлахъ управленія. Этому могло, конечно, способствовать малое уваженіе императора къ сенату, въ виду состава его членовъ.

Одинъ изъ современниковъ, Пржекловскій, такъ описываетъ Александровскій сенатъ: «Кто достаточно старъ, чтобы помнить это время, тотъ знаетъ, чѣмъ былъ тогда сенатъ: тутъ были собраны въ департаментъ заслуженные люди различныхъ вѣдомствъ, большею частью почтенные, но до апатіи вялые и, за малыми исключеніями, дряхлые старики. Къ тому же очень многіе изъ нихъ не получили ни теоретической, ни практической подготовки къ своей судейской роли. Почти половина сената состояла изъ заслуженныхъ генераловъ, которые почему-нибудь не могли ожидать дальнѣйшаго повышенія въ своей военной карьерѣ. Другая половина состояла изъ знатныхъ лицъ, состарившихся гражданскихъ губернаторовъ и т. д. При такомъ составѣ нельзя было ожидать, чтобы сенаторы вникали въ глубь вещей, насколько это требовалось. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ докладовъ, которые читались и устно объяснялись главными секретарями, смотря по тому, какая партія сумѣла привлечь ихъ на свою сторону. Въ дѣйствительности, они и были судьями, хотя и непризванными, и потому даже безъ нравственной отвѣтственности. Они, не краснѣя, торговались съ заинтересованными партіями; кто больше платилъ, тому они ручались за вѣрный выигрышъ, и послѣ 10 или болѣе лѣтъ они были чудовищно-богатыми людьми. Счастливъ тотъ департаментъ, гдѣ оберъ-прокуроръ провѣрялъ доклады и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе; но это было рѣдкостью, потому что оберъ-прокуроры также принадлежали къ знатнымъ кругамъ и мало были способны видѣть насквозь хитро-изложенныя разсужденія докладчиковъ».

Само собою разумѣется, что и за секретарями, въ свою очередь, стояли низшіе чиновники, отъ которыхъ зависѣло передать

дѣло по формальнымъ причинамъ обратно въ низшую судебную инстанцію, откуда оно вышло, а такая волокита часто дорого оплачивалась.

Такого же мнѣнія были и люди, принадлежавшіе къ правительственнымъ кругамъ. Такъ, напримѣръ, посланникъ Воронцовъ пишетъ въ 1810 г.: «Особенность нашего времени—это недостатокъ въ способныхъ людяхъ. Не знаю, думаете ли Вы (А. Вяземскій) также, но меня эта бѣдность ужасаетъ. Дерзость, опасная даже у большихъ талантовъ, — у бездарныхъ является порокомъ, доходящимъ до обиднаго комизма. Отсутствіе всѣхъ способностей, въ связи съ невѣроятною самоувѣренностью! Только бы разбогатѣть, а тамъ безразлично, достигнута ли цѣль нечистымъ путемъ! И все это дѣлается для пріобрѣтенія роскоши и довольства и для удовлетворенія низшихъ животныхъ инстинктовъ. Картина непривлекательна, но клянусь, я не могу глазами видѣть ничего другого». (Архивъ Воронцова XIV).

Неуваженіе къ сенату дошло до того, что въ 1818 г. въ комитетѣ министровъ совершенно серьезно обсуждался вопросъ, не долженъ ли онъ вмѣшиваться въ дѣло, когда сенаторъ подозрѣвается въ подкупѣ и въ безчестности, и не слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ вызывать въ комитетъ самого подозрѣваемаго. Но единодушіе не могло быть достигнуто, и дѣло было передано въ государственный совѣтъ, который пришелъ къ заключенію, что, на основаніи указа 13-го ноября 1724 г., стороны могутъ подавать протестъ противъ сенатора, считающагося почему-нибудь пристрастнымъ; комитетъ министровъ присоединился къ мнѣнію государственнаго совѣта, но Александръ не утвердилъ этого рѣшенія. Онъ не любилъ шума и, вѣроятно, не безъ основанія боялся, что протесты станутъ повторяться все чаще и чаще.

Такимъ образомъ, власть и значеніе сената уменьшились, благодаря привилегированному положенію комитета министровъ и неспособности и ненадежности сенаторовъ; но еще гораздо въ большей степени этому способствовали генералъ-губернаторы, въ принципѣ состоявшіе подъ контролемъ сената.

Необходимо имѣть въ виду, что административное дѣленіе имперіи основывалось при императорѣ Александрѣ еще на узаконеніяхъ, осуществленныхъ Екатериною II въ 1775 г. За исключеніемъ обѣихъ столицъ, Петербурга и Москвы, составлявшихъ особыя административныя единицы и вообще особый типъ русскаго быта, вся имперія дѣлилась на намѣстничества съ населеніемъ въ 300—400 тысячъ душъ, т.-е. плательщиковъ податей

мужескаго пола. Каждое намѣстничество дѣлилось въ свою очередь на округа, съ населеніемъ въ 20—30 душъ, но намѣстничества не должны были заключать въ себѣ болѣе 12 округовъ; вся же администрація государства должна была быть организована по одному плану. Этотъ схематическій и однообразный порядокъ привелъ къ ряду несообразностей, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности разбирать, а послѣдовательное его проведеніе оказалось, въ концѣ концовъ, невозможнымъ. Павелъ его снова отмѣнилъ, вернулся, въ общемъ, къ дѣленію на губерніи, существовавшему до 1775 г., и возвратилъ прежнимъ привилегированнымъ провинціямъ ихъ особое положеніе и особыя права.

Императоръ Александръ занялъ среднее положеніе между обѣими системами. Онъ считался также съ историческими правами провинцій, не давалъ крупнымъ административнымъ областямъ названія намѣстничествъ и сохранилъ губерніи. Но въ то же время онъ, во-первыхъ, назначилъ въ нѣкоторыя особо важныя губерніи генералъ-губернаторовъ съ обширными полномочіями, а затѣмъ соединилъ группы губерній въ генералъ-губернаторства, такъ что различали 36 губерній съ обыкновеннымъ управленіемъ и 12 генералъ-губернаторствъ, кромѣ великаго княжества финляндскаго, Грузіи, Имеретіи, Бѣлостока, Бессарабіи и Земли Войска Донскаго. Начиная съ 1823 г. стали примѣнять исключительно названіе «генералъ-губернаторъ» и «генералъ-губернаторство», а полномочія ихъ стали шире, чѣмъ у военныхъ губернаторовъ. Генералъ-губернаторъ сдѣлался настоящимъ начальникомъ гражданскихъ губернаторовъ.

Во всѣхъ русскихъ губерніяхъ бюрократическая организація была одинакова. Во главѣ ея стоялъ гражданскій губернаторъ, за нимъ такъ назыв. губернское правленіе, состоявшее изъ трехъ совѣтниковъ правленія, асессора, секретаря, губернскаго прокурора, двухъ фискаловъ, губернскаго архитектора, губернскаго землемѣра и одного или нѣсколькихъ низшихъ чиновниковъ.

Затѣмъ вездѣ была казенная палата, во главѣ которой стоялъ вице-губернаторъ, а въ его распоряженіи были три совѣтника, казначей, асессоръ и секретарь. Въ уголовномъ судѣ былъ предсѣдатель, членъ суда, 2 засѣдателя и секретарь; такъ же былъ устроенъ и гражданскій судъ. Кромѣ того, въ каждой губерніи былъ приказъ общественнаго призрѣнія и совѣстный судъ. Въ уѣздныхъ городахъ самыми вліятельными лицами были городничій и предводитель дворянства. Далѣе здѣсь былъ уѣздный судъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и земскій судъ, глава послѣдняго исправникъ съ засѣдателями и секретаремъ

исполняли полицейскія обязанности. Уѣздный казначей, податной инспекторъ, землемѣръ, врачъ и (не вездѣ) воинскій начальникъ замыкаютъ собою кольцо бюрократической цѣпи. Отдѣльное мѣсто занимаетъ, наконецъ, городская управа, по большей части мало замѣтная и безсильная.

Съ возрастаніемъ генералъ-губернаторской власти падало значѐніе принадлежавшаго сенату права надзора; кромѣ того, генералъ-губернаторы сумѣли избавиться также отъ вмѣшательства



Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Съ гравюры Брандарда.

комитета министровъ. Они имѣли доступъ къ царю, который въ спорныхъ случаяхъ всегда былъ склоненъ повѣрить своимъ довѣреннымъ людямъ. Генералъ-губернаторы скоро замѣтили, что царь поддерживаетъ ихъ въ ихъ попыткахъ освободиться, насколько возможно, отъ контроля со стороны сената и министровъ и награждаетъ ихъ еще большимъ довѣріемъ за отстаиваніе и расширеніе своей самостоятельности, и они сдѣлались всемогущими повелителями довѣренныхъ ихъ управленію частей

имперіи. Эти маленькіе самодержцы, будучи даже одушевлены самыми лучшими намѣреніями, лишь съ трудомъ и очень рѣдко могли удержаться отъ того, чтобы не руководиться въ своей дѣятельности произволомъ вмѣсто закона. По этому пути пошли даже такіе выдающіеся люди, какъ герцогъ Ришельё; если же такая должность доставалась преступной натурѣ, какой былъ, напримѣръ, сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель, то право, справедливость и человѣколюбіе теряли всякое значеніе. Можно, однако, безо всякаго преувеличенія утверждать, что большинство генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ приближались скорѣе къ типу Пестеля, чѣмъ Ришельё, и что, вслѣдствіе этого, ни одна страна въ Европѣ не управлялась такъ плохо и несправедливо, какъ Россійская имперія при Александрѣ I. Средство, которое Александръ примѣнялъ для контроля губернской администраціи, заключалось въ командировкѣ сенаторовъ, облеченныхъ большими полномочіями, для ревизіи одной или нѣсколькихъ губерній. Но эти сенаторскія ревизіи очень часто не приводили къ цѣли, отчасти потому, что губернаторы были слишкомъ сильны, и вся бюрократія сверху до́низу стояла другъ за друга, отчасти же потому, что сами сенаторы поддавались встрѣчавшимся искушеніямъ и шли на подкупъ. Наконецъ, случалось, что и самъ императоръ оставлялъ ихъ безъ поддержки.

Приведемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ началѣ царствованія Александра калужскимъ губернаторомъ былъ Дмитрій Ардальоновичъ Лопухинъ. Онъ былъ женатъ на Шереметьевой и находился въ родствѣ съ княземъ П. В. Лопухинымъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта, что ему, конечно, обезпечивало чрезвычайную протекцію. Въ своей губерніи онъ властвовалъ такъ, какъ будто въ Россіи не было царя, а на небѣ Бога. Всѣ знали, что онъ былъ воръ и разбойникъ и защитникъ всякой несправедливости. Всѣ поданныя на него жалобы оставались втунѣ. Когда Александръ вступилъ на престолъ, то поручилъ произвести ревизію этой губерніи В. Н. Каразину, пользовавшемуся большимъ его довѣріемъ. Ревизія осталась безъ послѣдствій, а между тѣмъ Лопухинъ за 7,000 рублей освободилъ братоубійцу помѣщика Хитрово отъ начатаго противъ него слѣдствія и оказался виновнымъ въ безчисленныхъ вымогательствахъ. Тогда императоръ рѣшился послать въ Калугу министра юстиціи Г. Р. Державина, но послѣдній объявилъ императору, что все будетъ напрасно, потому что у Лопухина слишкомъ сильные защитники. Онъ-де самъ готовъ вывести

правду наружу, но тогда и царь долженъ защитить праваго Бояре, сказалъ онъ, обманывали императрицу Екатерину и и Павла; честность и преданность, съ какою онъ старался выполнять ихъ порученія, всегда были напрасны; никогда право не побѣждало, а онъ самъ только наживалъ себѣ враговъ. Тогда императоръ Александръ поклялся, что поддержитъ его, и Державинъ, облеченный чрезвычайными полномочіями, принялся за дѣло. На немъ онъ самымъ печальнымъ образомъ потерпѣлъ крушеніе: хотя Лопухинъ послѣ 3-лѣтняго разслѣдованія и былъ отданъ подъ судъ, однако сенатъ, его оправдалъ, а Державинъ лишился изъ-за этого милости императора.

«Калужское дѣло», писалъ графъ Растопчинъ въ маѣ 1803 г.,— «все еще не пришло къ концу. Прежній губернаторъ Лопухинъ благоденствуетъ и веселится въ Петербургѣ... и мнѣ кажется, что быть атаманомъ разбойниковъ — въ высшей степени пріятная должность».

Такими же разбойничьими атаманами были: смоленскій генералъ-губернаторъ, иркутскій губернаторъ Трескинъ, курскій губернаторъ Протасовъ, покровителемъ котораго былъ ни больше, ни меньше, какъ самъ Н. Н. Новосильцевъ, и многіе другіе. Въ губернаторы шли для того, чтобы расплатиться съ долгами и, сверхъ того, разбогатѣть; историкъ Карамзинъ былъ, конечно, правъ, говоря, что большинство губернаторовъ — неспособные люди и грабители, которые сами безсовѣстно обогащаются и дозволяютъ то же своимъ секретарямъ. «Берите, только не рвите», говорилъ губернаторъ Магницкій своимъ подчиненнымъ, и это, пожалуй, можно считать наиболѣе выгоднымъ положеніемъ вещей. Все это было бы еще сносно, если бы къ крупнымъ кровопійцамъ не присоединилась цѣлая толпа низшихъ чиновниковъ, вплоть до волостного писаря, при чемъ выше стоящіе всегда облагали данью и выжимали соки изъ своихъ подчиненныхъ.

Никогда не выводились наружу преступленія сильныхъ и богатыхъ,— крупныхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ тысячами крѣпостныхъ и составлявшихъ особый типъ то добродушныхъ, то злостныхъ самодуровъ. То, что продѣлывали надъ русскимъ народомъ разные Измайловы, Юшковы, Гончаровы, Есиповы, Голицыны, Куракины и др., превосходитъ всякое описаніе [1]). Но адми-

---

1) Измайловъ владѣлъ болѣе 11.000 душъ, домашнюю его челядь составляло болѣе 800 человѣкъ мужской и женской прислуги; въ этомъ числѣ всегда было 12 дѣвушекъ для ухода за его внѣ-брачными дѣтьми. У Юшкова было въ одной Москвѣ 200 человѣкъ прислуги, у Гончарова—оркестръ въ 30—40 человѣкъ, изъ которыхъ каждый игралъ только одну ноту; кромѣ,

нистрація находилась въ зависимости отъ этихъ злодѣевъ, а правосудіе склонялось передъ тѣми средствами, какія давало имъ въ руки богатство, до сената и государственнаго совѣта включительно.

Всего ужаснѣе во внутреннихъ дѣлахъ Россіи было именно это полнѣйшее безсиліе правосудія. Этотъ фактъ, правда, находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ, что въ самомъ законодательствѣ была полнѣйшая путаница и безпорядокъ, что не существовало общедоступнаго свода законовъ, а былъ только рядъ указовъ и распоряженій, часто противорѣчивыхъ, иногда даже вовсе не опубликованныхъ, а только сообщенныхъ властямъ къ руководству и собранныхъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія, такъ что невозможно было обозрѣть ихъ сразу. Но главная вина все-таки лежитъ на тѣхъ, кто долженъ былъ защищать право. При общей продажности, право принадлежало тѣмъ, кто могъ платить; къ тому же, жалкое содержаніе низшихъ чиновниковъ [1]) прямо заставляло ихъ жить на счетъ взятокъ, ко всему этому присоединялось еще невѣжество судей, которые въ низшихъ инстанціяхъ передавали рѣшеніе дѣлъ въ руки секретарей совершенно такъ же, какъ въ сенатѣ. Искусство же секретарей заключалось въ томъ, чтобы затягивать дѣла, а это могло тянуться, при соблюденіи всѣхъ законныхъ сроковъ, даже въ самыхъ ясныхъ случаяхъ цѣлыхъ пять лѣтъ, а при умышленной оттяжкѣ еще гораздо больше. Все это, конечно, дѣлалось въ интересахъ виновной стороны. Такъ, напр., слѣдствіе противъ шайки фальшивыхъ монетчиковъ въ Юрьевѣ длилось съ 1807 г. до 1815 г., а потомъ дѣло было прекращено. Помѣщикъ Ширковъ, обвинявшійся въ убійствѣ, былъ оправданъ во всѣхъ инстанціяхъ, хотя онъ былъ завѣдомо виновенъ. Онъ подкупилъ спеціально присланнаго царемъ слѣдователя, давши ему 100 крестьянъ, потомъ ухитрился самъ получить мѣсто слѣдователя въ Петербургѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ въ этой должности и нажилъ здѣсь столько, что могъ выкупить свое имѣніе, заложенное въ 200,000 р. Только въ 1820 г., послѣ новаго слѣдствія, приведшаго, наконецъ, къ его осужденію, онъ

того тутъ были шуты и сказочники, фокусники и юродивые, безъ которыхъ не обходился ни одинъ богатый домъ.

[1]) Въ Можайскѣ канцелярскіе чиновники приходили на службу по-очереди, потому что у нихъ была одна пара сапогъ на двоихъ: они получали жалованья 3 руб. въ мѣсяцъ; но были и чиновники, получавшіе отъ 1 до 2 руб. У губернаторовъ жалованія тоже не хватало на тѣ расходы, которые имъ приходилось дѣлать, къ тому же оно было ниже вице-губернаторскаго.

былъ сосланъ въ Сибирь. Вообще же подкупленные судьи оставались безнаказанными. Если приходилось платить денежный штрафъ, то они умѣли себя легко вознаградить: взятки приносили больше, чѣмъ стоилъ штрафъ.

Тигры были поставлены пастухами надъ овцами, какъ говорится въ одной одѣ Пнина. Между тѣмъ эти люди, за исключенiемъ низшихъ чиновниковъ, были всѣ дворяне!

Императрица Екатерина II старалась воспитать это дворянство для самоуправленiя и, учредивши губернскiя и уѣздныя дворянскiя собранiя, открыла для ихъ дѣятельности широкое поприще въ области мѣстнаго управленiя. Она сдѣлала обязательнымъ участiе въ выборахъ въ губернскiя и уѣздныя учрежденiя. Это было совершенно необходимо, потому что иначе должности въ этихъ учрежденiяхъ могли бы остаться незанятыми; но кромѣ того это соотвѣтствовало и собственной выгодѣ дворянства, такъ какъ оно получило право черезъ своихъ выборныхъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей непосредственно обращаться со своими прошенiями къ престолу. Затѣмъ участiе въ мѣстномъ управленiи служило замѣной снятой еще Петромъ III съ дворянства обязанности нести государственную службу.

Но императрица ошиблась въ расчетѣ, когда думала, что дворянство само будетъ стремиться къ выборной службѣ: во-первыхъ, лучшiе элементы отталкивало то обстоятельство, что они попадали въ зависимость отъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, а во-вторыхъ—они не хотѣли отказываться отъ самаго заманчиваго изъ своихъ правъ — право не работать. Они привыкли собирать жатву, не сѣявши, и не обнаруживали ни малѣйшей склонности принимать на себя утомительныя обязанности, возлагавшiя къ тому же на нихъ и отвѣтственность, которой они не привыкли и не желали нести. Поэтому стало почти правиломъ, что эти должности занимались дурными, бѣдными и корыстолюбивыми элементами; оттого и могло случиться, что Измайловъ, упомянутый нами, какъ одинъ изъ самыхъ худшихъ, былъ съ 1802 г. до 1814 г. рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ 1805 г. онъ заставилъ себя избрать вторично, а тогдашнiй губернаторъ Шишковъ не утвердилъ выборовъ; тогда Измайловъ добился того, что губернаторъ былъ смѣщенъ, а Александръ призналъ его законнымъ предводителемъ. Между тѣмъ Александръ 23 марта 1802 г. послалъ губернатору Шишкову слѣдующiй указъ: «До моего свѣдѣнiя дошло, что отставной генералъ-маiоръ Левъ Измайловъ, имѣющiй вотчину Дѣдново

въ Рязанской губ., необузданно предается всѣмъ порокамъ и возмутительнѣйшимъ образомъ приноситъ всѣхъ крестьянъ въ жертву своему сладострастію и порочности. Я поручаю Вамъ провѣрить негласно справедливость этихъ слуховъ и увѣдомить меня по чести и совѣсти, безъ всякаго страха человѣческаго». Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, въ какомъ духѣ Шишковъ сдѣлалъ свое донесеніе; слѣдовательно Александръ отлично зналъ, какого довѣрія заслуживалъ Измайловъ, и мы здѣсь снова стоимъ передъ одною изъ психологическихъ загадокъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ царствованіе Александра I.

Случай съ Измайловымъ вовсе не составляетъ исключенія. Когда губернатору князю Долгорукову пришлось въ 1809 году оправдываться въ томъ, что онъ не утвердилъ дворянскихъ выборовъ во Владимірской губ., то онъ возразилъ, что оба кандидата, избранные въ уѣздные предводители дворянства, стары и дряхлы и ни въ коемъ случаѣ не могутъ исполнять многочисленныхъ обязанностей уѣзднаго предводителя, что человѣкъ, избранный въ уѣздные судьи, состоитъ подъ судомъ, что въ исправники и его помощники избраны лица, публично подвергшіяся побоямъ, что другой кандидатъ — не дворянинъ и что послѣдній изъ избранныхъ пропалъ безъ вѣсти, такъ что само дворянство не знало, гдѣ его искать.

Куда ни взглянешь,—всюду одна и та же картина. Дворянство ставитъ на должности либо тщеславныхъ насильниковъ, либо неспособныхъ и подневольныхъ людей; кто только можетъ, держится въ сторонѣ отъ служенія общественному благу. «На выборы большею частью являются тѣ дворяне, которые ищутъ не общаго блага, а преслѣдуютъ свою личную выгоду... тѣ, кто готовъ принять всѣ непріятности и униженія, угождать сильному и богатому; кто готовъ на всякую несправедливость, лишь бы разбогатѣть насчетъ ремесленниковъ, крестьянъ, купцовъ, бродягъ и воровъ! Но гдѣ мало господствуетъ образованіе, гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія, гдѣ, кромѣ чиновниковъ, никто ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и сами чиновники состоятъ въ зависимости не отъ закона, а отъ другихъ чиновниковъ,—тамъ не можетъ появиться другой служебной системы,—разъ тому же содѣйствуютъ существующіе порядки». Такъ судитъ будущій графъ М. Н. Муравьевъ въ запискѣ, поданной имъ императору Николаю 23-го января 1827 г. Этимъ онъ показываетъ результатъ, достигнутый 24-лѣтнимъ царствованіемъ Александра I.





Только что описанные порядки были бы совершенно немыслимы, если бы въ Россіи не было для нихъ фундамента въ видѣ системы крѣпостной зависимости и рабства, которая дѣйствовала отравляющимъ и развращающимъ образомъ на всѣхъ, не исключая людей образованныхъ и благороднаго образа мыслей.

Изъ 55 милліоновъ человѣкъ, насчитывавшихся въ Россійской имперіи въ 1825 г. (при чемъ на Россію въ тѣсномъ смыслѣ слова приходилось немного болѣе 40 милліоновъ), громадное большинство состояло изъ несвободныхъ крестьянъ. Крестьянская свобода кое-какъ сохранялась только до второй половины XVI вѣка. Правда, издавна существовали и рабы, пріобрѣтенные за деньги или на войнѣ, но этимъ мало затрагивалось положеніе какъ вольныхъ крестьянъ, живущихъ міромъ, такъ и мелкихъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ или арендаторовъ помѣщичьей земли изъ крестьянъ, пока не вмѣшался въ дѣло жестокій деспотизмъ великихъ князей московскихъ, не считавшійся ни съ какими правами. Онъ задѣлъ не однихъ только крестьянъ, но и все, что стояло до тѣхъ поръ на собственныхъ ногахъ. Разница между вотчиною и помѣстьемъ стала одинаково исчезать, какъ для потомковъ удѣльныхъ князей и бояръ, такъ и для мелкихъ землевладѣльцевъ. Всѣ они были поставлены въ такое положеніе, что право на землю, на которой они сидѣли, становилось въ зависимость отъ несенія царской службы. До извѣстной степени положеніе крестьянъ было даже лучше: ихъ право на землю, на которой они сидѣли, въ принципѣ осталось неприкосновеннымъ, но оскудѣніе и запустѣніе страны послѣ опустошительныхъ войнъ Ивана Грознаго вызвало первое ограниченіе ихъ свободы передвиженія.

Указы 21 ноября 1597 г. и 21 ноября 1601 г. придали этимъ ограниченіямъ силу закона; но они относились только къ крестьянамъ —

домохозяевамъ; сыновья же ихъ, племянники и братья, въ качествѣ вольныхъ царскихъ людей, могли уходить куда хотѣли. Изъ этихъ отношеній постепенно развилась сначала простая зависимость, а потомъ, при Петрѣ Великомъ, крѣпостное право. Его податная политика и система рекрутскихъ наборовъ пробили брешь въ крестьянскихъ правахъ и вольностяхъ. Онъ узаконилъ существовавшее беззаконіе, и въ результатѣ оказалась фактическая и законная власть помѣщика надъ живущими въ его владѣніи крестьянами. Они обратились въ наслѣдственную собственность, а при пріемникахъ Петра изъ этого развилось полнѣйшее рабство. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣли указы, падающіе на періодъ отъ 1727 г. до 1760 г. Они издавались безъ всякаго плана, имѣли въ виду денежныя выгоды любимцевъ, были полны противорѣчій и оказали поэтому вдвойнѣ гнетущее вліяніе, но за то дали владѣльцамъ почти неограниченную власть, которая въ концѣ столѣтія дошла до того, что крестьянъ можно было, по волѣ господина, сдавать въ рекруты, ссылать въ Сибирь и продавать на рынкахъ (только не съ молотка). Когда же они становились стары и неспособны къ работѣ, то имъ можно было давать свободу, которая избавляла господъ отъ обязанности ихъ прокармливать, а ихъ самихъ обрекало часто на вѣрную голодную смерть.

До вступленія на престолъ Петра III за крестьянами сохранялся еще небольшой остатокъ свободы; въ то время дворянство не было еще формальнымъ владѣльцемъ помѣстій; какъ крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, такъ и дворянство, съ своей стороны, было обязано нести государственную службу. Если дворянинъ уклонялся отъ службы, то долженъ былъ, по закону, лишиться своихъ имѣній. Оба сословія принадлежали государству: крестьянинъ несъ финансовыя повинности, и поставлялъ рекрутъ, дворянинъ долженъ былъ служить въ полкахъ. Сыновей записывали въ рекрутскіе списки, въ противномъ же случаѣ надо было откупиться за опредѣленную плату [1]), но въ принципѣ считалось правиломъ, что дворянство обязано служить до конца жизни. Поэтому, когда Петръ III объявилъ въ манифестѣ отъ 18-го февраля 1762 г., что даруетъ россійскому благородному дворянству на вѣчныя времена вольность и свободу и дозволяетъ дворянамъ служить внутри и внѣ государства, гдѣ и сколько захотятъ, что, наконецъ, ихъ имѣнія подвергнутся конфискаціи только въ томъ случаѣ, если они, во-

---

[1]) Въ 1760 г. плата была отъ 20 до 30 рублей.

преки приказу правительства, не вернутся изъ-за границы на родину,— то это означало перемѣну не только въ положенiи дворянства, но и въ отношенiи дворянъ и крестьянъ другъ къ другу и къ правительству. Дворянство получило «свободу», за то крестьянинъ еще въ большей степени чѣмъ прежде сдѣлался его наслѣдственной собственностью, а когда Екатерина II снова ограничила свободу дворянства отъ службы [1]), то это коснулось, главнымъ образомъ, мелкаго дворянства.

Народившiеся со временъ Петра Великаго новые русскiе вельможи, фавориты государя и государыни, а также потомки фаворитовъ и ихъ родня требовали для себя особаго, исключительно высокаго положенiя. Эти вельможи фактически подѣлили между собою государство и грабили одинаково какъ казну, такъ и мелкихъ дворянъ и крестьянъ. Они занимали всѣ высшiя должности со своими женами и дѣтьми составляли царскiй дворъ; всѣ и офицерскiя мѣста въ гвардейскихъ полкахъ были въ ихъ рукахъ, между тѣмъ какъ мелкiе дворяне служили въ провинцiальныхъ гарнизонахъ и опускались все ниже и ниже со своими ничтожными имѣнiями, едва превышавшими по размѣрамъ крестьянскiй дворъ, въ то время какъ въ немногихъ рукахъ скоплялись колоссальныя имѣнiя. Изъ рядовъ мелкихъ дворянъ выходимо впослѣдствiи низшiе чиновники.

Императрица Елизавета начала съ того, что стала дарить своимъ любимцамъ принадлежавшiя государству земли, вмѣстѣ со всѣми населявшими ихъ крестьянами, или, вѣрнѣе, дарила опредѣленное число душъ, при чемъ само собою подразумѣвалась и принадлежавшая этимъ душамъ земля. Эта система вызвала, понятно, ужасъ у людей, приносимыхъ въ даръ, и сочувствiе среди награждаемыхъ; тѣмъ не менѣе она продолжала существовать при Екатеринѣ II и при Павлѣ и въ продолженiе двухъ поколѣнiй съ 1740 до 1801 г. произвела полный переворотъ въ имущественныхъ отношенiяхъ дворянства и въ положенiи крестьянскаго сословiя. Въ это-то время и образовались громадныя богатства новоиспеченныхъ вельможъ, потомки которыхъ вплоть до уничтоженiя крѣпостного права, а отчасти и до нашихъ дней пользуются или требуютъ себѣ высшихъ должностей въ русскомъ государствѣ. За исключенiемъ Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ, Щербатовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, а также поднятыхъ Петромъ Великимъ изъ купечества Строгановыхъ и Демидовыхъ, вся бо-

[1]) Указомъ отъ 11-го февраля 1763 г., вслѣдствiе массового оставленiя службы мелкими дворянами.

гатая россійская знать происходитъ по прямой линіи или путемъ браковъ отъ фаворитовъ, возвысившихся въ XVIII вѣкѣ.

Екатерина II раздарила въ теченіе своего правленія 800,000 душъ, Павелъ въ теченіе своего короткаго царствованія—114,896, а за весь указанный періодъ было роздано 1,304,000 ревизскихъ душъ, т.-е. крѣпостныхъ мужскаго пола съ женами, когда населеніе Россіи составляло не болѣе 19,000,000 человѣкъ. Вліяніе этихъ условій, даже послѣ прекращенія раздачи душъ, видно изъ расчета для 1834 г. [1]), который почти соотвѣтствуетъ условіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ царствованія Александра. Тогда насчитывали 1453 помѣщиковъ, владѣвшихъ больше чѣмъ по 1000 крестьянъ, а въ общемъ 3,556,959 ревизскихъ душъ, т.-е. около $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ, на каждаго изъ этихъ помѣщиковъ приходится въ среднемъ 2461 душа; если стоимость души приравнять къ рентѣ 100 рублей, то это составитъ годовой доходъ 264,100 р. 2273 помѣщика, владѣвшіе въ среднемъ по 687 душъ, слѣд. въ общемъ, 1,562,831, также должны еще быть причислены къ магнатамъ; въ этотъ кругъ не входятъ 16,740 помѣщиковъ, имѣвшіе въ среднемъ по 217 душъ: они не допускаются ко двору, служатъ въ провинціальныхъ гарнизонахъ и являются зажиточнымъ среднимъ сословіемъ, сохраняющимъ въ своихъ нравахъ и преданіяхъ болѣе національный характеръ, чѣмъ офранцузившаяся знать. Остальные же 84% бѣднѣйшихъ дворянъ стояли ближе къ крестьянамъ, чѣмъ къ богатымъ и зажиточнымъ господамъ. Среди помѣщиковъ средняго ранга отношенія господъ съ крѣпостными носили скорѣе патріархальный характеръ и обыкновенно были болѣе или менѣе сносны. За то непомѣрное богатство и утонченные западные вкусы, развившіеся на варварской почвѣ, съ одной стороны, а съ другой, нужда и унизительная бѣдность [2])—привели къ тому, что у владѣльцевъ обѣихъ этихъ категорій крѣпостные жили въ самыхъ унизительныхъ и жалкихъ условіяхъ. Невозможно себѣ представить, насколько печально было въ дѣйствительности положеніе этихъ несчастныхъ.

---

[1]) Изъ прироста населенія за эти 9 лѣтъ нужно вычесть потери, вызванныя турецкою войною 1828 — 1829 гг. и польскою революціей 1830—1831 гг. Послѣднія потери исчисляются въ 300,000 чел. Потери во время турецкой войны были конечно не меньше.

[2]) Еще въ 1834 г. было до 42,978 мелкихъ дворянъ, владѣвшихъ въ среднемъ 8 душами. Изъ нихъ около 1700 не имѣли вовсе земли, а только нѣсколько дворовыхъ.

Самая характерная черта заключалась въ противорѣчіяхъ: бѣдность крестьянской жизни, полнѣйшее безправіе и беззащитность передъ господскимъ произволомъ и сохраненіе среди самихъ крестьянъ патріархальныхъ взглядовъ, дававшихъ родителямъ, особенно отцу, а затѣмъ и общинѣ, громадную власть, при которой исчезало всякое индивидуальное право. Злополучное развитіе Россіи привело къ тому, что въ крестьянскихъ общинахъ, какъ и въ дворянскихъ собраніяхъ, власть и вліяніе попадали обыкновенно въ руки худшихъ людей. Къ этому присоединялись еще не малыя притѣсненія со стороны чиновниковъ. Вятскій вице-губернаторъ Штакельбергъ, представившій въ 1807 г. отчетъ о положеніи казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ особаго господина, и подчиненныхъ только своему крестьянскому начальству и правительственнымъ чиновникамъ, жалуется, что безчеловѣчность въ обращеніи съ крестьянами доходитъ до крайности. Волостной старшина, писарь и другіе избранные самимъ міромъ представители являются соучастниками всѣхъ преступленій чиновниковъ, и всякое злоупотребленіе можетъ расчитывать на ихъ поддержку. Всѣхъ, кто жалуется, сдаютъ въ рекруты или ссылаютъ въ Сибирь (міръ располагалъ такимъ правомъ и пользовался имъ самымъ несправедливымъ образомъ). И здѣсь также все бремя перекладывалось съ сильныхъ на слабыхъ, т.-е. съ зажиточныхъ крестьянъ на бѣдныхъ.

Крестьянамъ некуда было дѣться: сельскіе старосты, волостное правленіе со старшиною и волостнымъ судомъ, правительственные чиновники и помощники—все это были мучители, которые извращали законъ по своему произволу или за взятку; но хуже всего былъ деспотизмъ господъ, которымъ крестьяне были подчинены въ качествѣ крѣпостныхъ. Ничто, быть можетъ, не дѣйствовало на народъ, въ подлинномъ смыслѣ слова, такъ губительно въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи, какъ упомянутое сочетаніе чрезмѣрнаго образованія и варварства, составляющее характерную черту русскаго дворянства въ концѣ XVIII и даже до середины XIX вѣка. Этотъ безспорный фактъ станетъ понятнѣе, если бросить взглядъ на умственную жизнь русскаго дворянства.

Со времени Императрицы Елизаветы, а въ особенности при Екатеринѣ II, въ Россію широкимъ потокомъ проникло французское образованіе; когда же великая революція заставила французское дворянство спасаться въ чужіе края, то въ Россію явились, главнымъ образомъ, искатели приключеній и наиболѣе испорченные элементы среди эмигрантовъ. Если принять во вни-

маніе, что просвѣтительная литература, пользовавшаяся такимъ усерднымъ покровительствомъ императрицы и такъ жадно воспринятая русскимъ обществомъ, стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что по русскимъ обычаямъ считалось священнымъ, народнымъ и почтеннымъ, то станетъ понятно, что поколѣнію дворянъ (о нихъ только и можетъ идти рѣчь), выросшему подъ этимъ вліяніемъ, сталъ совершенно чуждъ духъ собственнаго народа; взамѣнъ его они восприняли въ очень рѣдкихъ случаяхъ сущность, по большей же части внѣшній обликъ чуждой культуры. Кратковременное царствованіе Павла I, враждебное французамъ, ничего не могло перемѣнить, такъ какъ само задѣвало только внѣшнюю сторону жизни. Когда же при Александрѣ I все пошло снова по-прежнему, то всѣмъ казалось, что это трудное время прошло, какъ тяжелый сонъ.

Къ сожалѣнію, громадная умственная работа, совершенная въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка на германской почвѣ, прошла для русскаго общества того времени совершенно незамѣченной, частью же была воспринята поверхностно и неправильно [1]), такъ что о какомъ-нибудь вліяніи съ этой стороны не могло быть и рѣчи. Но даже то, что въ Россію проникало изъ Франціи, исходило часто изъ умственныхъ теченій, считавшихся во Франціи устарѣлыми и отжившими. Мы имѣемъ въ виду, напримѣръ, огромное вліяніе педагогической дѣятельности іезуита аббата Николя на самые верхи русской знати. Николь явился въ Россію вмѣстѣ съ графомъ Шуазель-Гуфье и основалъ въ Петербургѣ учебное заведеніе, которое, благодаря покровительству княгини Юсуповой, заняло чрезвычайно высокое положеніе и, вслѣдствіе необычайно дорогой платы за ученіе, принимало сыновей только самыхъ богатыхъ русскихъ аристократовъ. Здѣсь подверглись рѣшающему вліянію на всю жизнь Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгановы, Вяземскіе: они научились говорить по-французски, какъ настоящіе французы, танцовать, какъ балетмейстеры, фехтовать, декламировать, играть на сценѣ, но только не работать. Латинская библія и учитель-іезуитъ выработали имъ религіозныя представленія, а все въ цѣломъ дало при самыхъ изящныхъ формахъ образованіе, лишенное какой бы то ни было глубины, и міровоззрѣніе, не имѣвшее ничего общаго съ Россіей.

Случалось также, что отдѣльные молодые дворяне, напримѣръ, Н. Муравьевъ и Карамзинъ, отправлялись въ Германію,

---

[1]) Исключеніе, конечно, составляютъ остзейскія губерніи и Финляндія.

другіе, напримѣръ, Новосильцевъ—въ Англію, и тамъ закладывали фундаментъ для дѣйствительно основательнаго образованія; но это были очень рѣдкія исключенія, и они не создали русской культуры. Русское дворянство временъ Александра пользовалось, по обычаю, домашнимъ воспитаніемъ; немногіе посылали своихъ сыновей въ плохо руководимыя плебейскія гимназіи или въ «благородный пансіонъ» при московскомъ университетѣ. Менѣе богатые чаще выбирали для своихъ сыновей воспитаніе въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а богатые—царскосельскій лицей или пажескій корпусъ. Но и въ этихъ учрежденіяхъ можно было получить только чисто формальное, поверхностное образованіе или, вѣрнѣе, выправку, а въ пажескомъ корпусѣ еще подробнѣйшія свѣдѣнія о томъ, что касалось придворнаго этикета.

Казенная школа, въ которой, при строжайшей дисциплинѣ, отсутствовало истинное воспитаніе, была все-таки гораздо выше домашняго образованія, подъ руководствомъ невѣжественнаго француза или нѣмца-авантюриста 3-го и 4-го сорта,—людей, которыхъ нанималъ невѣжественный крѣпостной, по довѣренности господина, на учительской биржѣ въ Царьградскомъ подворьѣ, на Кузнецкомъ мосту или передъ воротами католической церкви. Относительно этого намъ извѣстны самые невѣроятные факты: въ воспитатели и учителя попадали лакеи, ремесленники, садовники, странствующіе торговцы. Еще въ 1822 г. «берейторъ изъ Германіи» предлагалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» свои услуги въ качествѣ берейтора или гувернера. Но эти люди были не изъ худшихъ. Когда началась эмиграція, то нѣмцы, которые, повидимому, принесли сравнительно мало вреда, были почти вполнѣ вытѣснены французами, шедшими на расхватъ. Семь парижскихъ лакеевъ, выписанныхъ графомъ Шуваловымъ для пажескаго корпуса, вскорѣ сочли для себя выгоднѣе поступить учителями и гувернерами въ знатные дома.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (родившійся въ 1792 г.), одинъ изъ выдающихся писателей эпохи Александра I и Николая I, впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія, принадлежавшій по рожденію, образованію и богатству къ высшимъ слоямъ общества, пишетъ: «Я не знаю, чѣмъ объяснить, но выборъ воспитателей, гувернеровъ и учителей, какихъ мнѣ давали, былъ всегда неудаченъ. Дѣло было, конечно, не въ деньгахъ. При мнѣ было много французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи пріучить меня къ работѣ, а вѣдь это—главное въ первоначальномъ воспитаніи. О русскихъ же воспитателяхъ нечего было и думать; такихъ вовсе не было, и

не знаю, много ли ихъ найдется теперь. Поэтому приходилось наудачу залучать иностранцевъ». Другой авторъ, сенаторъ Сахаровъ, пишетъ: «Образованіе дворянства вѣдали гувернеры и гувернатки—люди безъ всякаго научнаго образованія; вмѣстѣ съ ними въ помѣщичьи семьи проникала безнравственность; дерзость, неуваженіе къ родителямъ, презрѣніе къ отцовской вѣрѣ и постыдное вольнодумство». Государственный канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ такъ описываетъ въ 1805 г. воспитаніе того времени: «Россія, можно сказать, единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ родного языка и гдѣ все, что имѣетъ отношеніе къ отечеству, чуждо нынѣшнему поколѣнію.

Всѣ, кто въ Петербургѣ или Москвѣ претендуютъ на образованіе, заботятся о томъ, чтобы дѣти научились по-французски, окружаютъ ихъ иностранцами, нанимаютъ за большія деньги учителей музыки и танцевъ и не даютъ дѣтямъ учиться русскому языку, такъ что это великолѣпное и дорогое воспитаніе приводитъ къ полнѣйшему незнакомству съ отечествомъ. На него глядятъ съ равнодушіемъ, даже съ презрѣніемъ, хотя отъ него зависитъ собственное существованіе, и любятъ все, что относится къ чужимъ нравамъ и странамъ, особенно же къ Франціи». Педагогическіе примѣры богатыхъ домовъ Петербурга и Москвы находили себѣ каррикатурное подражаніе среди живущаго въ помѣстьяхъ средняго дворянства. Наряду съ трудно находимыми французскими горе-воспитателями и гувернантками, роль учителя исполнялъ также неуклюжій воспитанникъ высшихъ классовъ духовной семинаріи. Обыкновенно дѣти до 7 лѣтъ поручались крѣпостной нянькѣ; праздниками ихъ водили въ господскую церковь, чтобы постепенно пріучить къ богослужебнымъ обрядамъ, а затѣмъ крѣпостной дядька училъ ихъ читать, какъ умѣлъ. Все остальное поручалось французу-учителю.

Если не имѣлся въ виду переходъ въ кадетскій корпусъ или въ пансіонъ, а въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ въ гимназію, то дѣло не шло дальше самыхъ поверхностныхъ, элементарныхъ свѣдѣній по всѣмъ наукамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ «Богомъ данный» иностранецъ - учитель умѣетъ ихъ передать, а ученикъ склоненъ былъ воспринимать. Кто не принадлежалъ къ зажиточному дворянству или къ высшему чиновничеству, тѣ устраивались, конечно, еще хуже. Знаменитый хирургъ Пироговъ, родившійся въ 1801 г. и получившій удивительно рано (въ 1827 г.) дипломъ врача, такъ изображаетъ въ своемъ прекрасномъ дневникѣ образованность своего поколѣнія: «Съ молоду учились европейскимъ языкамъ толь-

но въ высшихъ слояхъ общества, и то только для себя, для своего круга, для гостиныхъ и ради собственной карьеры, потому что знаніе иностраннаго языка было вывѣской образованности. Если принадлежавшій къ этому классу хотѣлъ что-нибудь прочитать, то ему, конечно, не нужно было книгъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Когда же стали стремиться къ образованію низшіе слои общества, которые не были въ состояніи съ дѣтства познакомиться съ какимъ-нибудь европейскимъ языкомъ, то имъ нечего было читать; научной и классической литературы не существовало на русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ не считался достойнымъ того.

Такимъ образомъ, культурная часть общества распалась на два отдѣльныхъ слоя, верхній, который располагалъ всѣми средствами къ образованію, но, по рожденію, положенію и предразсудкамъ, повидимому, не былъ призванъ къ строгой научной работѣ и не чувствовалъ потребности ни въ національной научной литературѣ, ни въ переводахъ иностранныхъ твореній, и во-вторыхъ, низшій слой, набиравшійся почти исключительно изъ пролетаріата. Не зная европейскихъ языковъ и не имѣя никакихъ средствъ, молодежь этого слоя поступала, послѣ безсмысленной школьной подготовки, въ высшія школы. При всемъ своемъ усердіи къ ученью, она не находила ни одного сколько-нибудь годнаго пособія на русскомъ языкѣ. То же было и со всякой научной дисциплиной».

Подъ именемъ пролетаріата Пироговъ имѣетъ въ виду мелкое небогатое дворянство, къ которому онъ самъ принадлежалъ, или сыновей мелкихъ чиновниковъ, начавшихъ въ то время стремиться къ образованію, но не имѣвшихъ достаточно средствъ, чтобы держать «собственнаго француза», какъ это дѣлали всѣ помѣщики, начиная съ 1813 года. Вся армія военно-плѣнныхъ французовъ сдѣлалась учителями того поколѣнія, которое выросло послѣ великой войны, и положила начало второму періоду увлеченія всѣмъ французскимъ, слѣды котораго повсюду замѣтны до настоящаго времени, учителя же эти были, по большей части, рядовые, или, въ лучшемъ случаѣ, унтеръ-офицеры, такъ какъ плѣнные офицеры почти всѣ безъ исключенія вернулись на родину. Можно поэтому судить, какой педагогическій матеріалъ, не считая языка, былъ внесенъ въ страну этими элементами.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду жалкое состояніе низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Если не считать первыхъ, не увѣнчавшихся особымъ успѣхомъ попытокъ Петра

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ГРАВЮРѢ „ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ".



1) Герцогъ Веллингтонъ (Англія). 2) Графъ де Лобо (Португалія). 3) Кн. Гарденбергъ (Пруссія). 4) Кав. Соллана (Испанія). 5) Гр. Лёвенгильмъ (Швеція). 6) Гр. де-Ноаль (Франція). 7) Кн. Меттернихъ (Австрія). 8) Гр. Латуръ-Дюпенъ (Франція). 9) Гр. Нессельроде (Россія). 10) Гр. Пальмелла (Португалія). 11) Виконтъ Кестельри (Англія). 12) Герцогъ Дальбергъ (Франція). 13) Бар. Вессенбергъ (Австрія). 14) Кн. Разумовскій (Россія). 15) Лордъ Стевартъ (Англія). 16) Кав. Гоменъ Лабрадоръ (Испанія). 17) Гр. К ānкарти (Англія). 18) Г. Ваксенъ. 19) Кав. Генцъ. 20) Кн. Тайлеранъ (Франція). 21) Бар. Гумбольдтъ (Пруссія). 22) Гр. Штакельбергъ (Россія). 23) Гр. Каткартъ (Англія).

Великаго дать народу систематическое образованіе, то первымъ энергичнымъ опытомъ въ этомъ отношенiи является дѣятельность любимца Елизаветы—Ивана Ивановича Шувалова. Онъ основалъ въ 1755 г. Московскій университетъ и тѣсно связанныя съ нимъ гимназіи, а въ 1758 г. — гимназію въ Казани. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы связать съ этимъ университетомъ цѣлую систему среднихъ школъ и основать также и въ Петербургѣ университетъ. Но дѣло не пошло дальше открытія этихъ первыхъ учебныхъ заведеній, да и они влачили довольно печальное существованіе.

Толчокъ, исходившій отъ императрицы Екатерины II, былъ гораздо сильнѣе. Мысль ея заключалась въ томъ, чтобы воспитать совершенно новое поколѣніе, поручивши образованіе и воспитаніе дѣтей обоего пола, насколько возможно, интернатамъ, состоявшимъ подъ контролемъ государства. Родители, отдававшіе дѣтей въ такъ наз. «академическія гимназіи», въ дворянскій кадетскій корпусъ въ Петербургѣ или въ Смольный монастырь, должны были давать торжественное обѣщаніе, что не возьмутъ ихъ до окончанія курса. Но весь складъ русской жизни приводилъ къ тому, что этими заведеніями пользовалось исключительно дворянство, и въ нихъ давалось очень условное и поверхностное образованіе. Здѣсь учили—какъ не безъ горечи говорилъ одинъ современникъ о молодыхъ офицерахъ, вышедшихъ изъ этихъ школъ,—«всему, кромѣ того, что нужно знать офицеру»; то же можно сказать, примѣнительно къ потребностямъ русскаго дома, и о молодыхъ женщинахъ, получившихъ воспитаніе въ Смольномъ: онѣ вступали въ свѣтъ, стоявшій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ той иллюзіей дѣйствительности, для которой онѣ воспитывались. Если тѣмъ не менѣе за императрицей Екатериной II установилась слава, что она ввела въ русскую жизнь «образованную женщину», то это до извѣстной степени вѣрно.

Смольный внесъ въ жизнь утонченность чувствъ и манеръ, хотя, правда въ однихъ лишь высшихъ слояхъ общества. Ея идеи были дѣйствительно послѣдовательно и гораздо сознательнѣе осуществлены и углублены ея невѣсткой, императрицей Маріей Федоровной; въ теченіе всего царствованія Александра и даже позже учрежденія императрицы Маріи служили центромъ женскаго образованія. Она приложила гораздо больше стараній, чѣмъ Екатерина, къ тому, чтобъ воспитать изъ молодыхъ дѣвушекъ будущихъ хозяекъ. Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, вѣроятно подъ вліяніемъ

Іосифа II, обнаруживается стремленіе осуществить идеи Шувалова въ смыслѣ основанія учебнаго строя, охватывающаго все государство. Указъ отъ 5-го августа 1786 г. установилъ типъ предположенныхъ къ открытію народныхъ школъ въ два, три и четыре класса, при чемъ каждая изъ нихъ должна была давать законченное образованіе. И дѣйствительно, въ 1788 г. такія школы были открыты во всѣхъ губерніяхъ, но успѣхъ нигдѣ не былъ удовлетворителенъ. Недостатокъ ощущался не только въ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, но и въ ученикахъ. Первую бѣду до нѣкоторой степени исправили тѣмъ, что кое-какъ въ короткое время подготовили къ учительству воспитанниковъ духовныхъ семинарій и московской академіи. Недостатокъ въ собственныхъ учебныхъ пособіяхъ пришлось исправить съ помощью переводовъ, но преодолѣть сопротивленіе родителей, ни въ коемъ случаѣ не желавшихъ, чтобы дѣти учились больше прежняго, было почти невозможно. Въ особенности, 4-классная высшая школа не находила для себя учениковъ. Для того, чтобы можно было доложить императрицѣ, что ея воля исполнена, не оставалось ничего другого, какъ собирать учениковъ съ помощью полиціи. На нихъ даже надѣвали цѣпи, чтобъ ихъ только удержать. Къ этому присоединялось еще низкое экономическое и общественное положеніе учителей, нежеланіе городскихъ и сельскихъ обществъ нести денежныя жертвы и, постоянный недостатокъ денегъ у правительства. Поэтому усердіе скоро истощилось. Послѣ основанія въ 1787 г. цѣлыхъ 169 школъ, наступилъ застой, продолжавшійся и при императорѣ Павлѣ, въ царствованіе котораго возникло лишь 13 новыхъ училищъ. Сельскихъ же школъ и вовсе не было. Кто росъ въ деревнѣ, тотъ оставался незатронутымъ никакимъ образованіемъ, если не считать вліяній церкви и живого сокровища устныхъ преданій, переходившихъ изъ рода въ родъ.

Во времена императора Александра I эти условія для высшихъ слоевъ населенія значительно измѣнились къ лучшему; планы же основанія народныхъ школъ потерпѣли ту же участь, что и старанія уничтожить крѣпостное право. Первоначально имѣлось въ виду устроить школу, по возможности, въ каждомъ приходѣ, но ни сельскія общества, ни помѣщики не обнаруживали ни малѣйшей склонности принимать на себя такую обузу. Только духовенство дѣлало подъ давленіемъ своего начальства самое необходимое. Случилось то, что всегда бывало въ Россіи: для того, чтобъ исполнить требованіе правительства, сооружена была декорація, которая рухнула, какъ только прошелъ первый

ныль. Въ 1804 г. былъ изданъ указъ объ основаніи народныхъ школъ въ опредѣленныхъ районахъ; въ 1806 г. можно было донести, что въ Новгородской губ. открыто 100 народныхъ школъ, а въ 1808 г. изъ всѣхъ этихъ училищъ оставалось только одно. Въ Олонецкой губ. было основано въ 1804 г. 20 народныхъ школъ, въ Архангельской — только 9, но въ 1819 г. ни здѣсь ни тамъ не оставалось ни одной школы; точно также дѣло, повидимому, обстояло и въ другихъ мѣстахъ. Только въ городахъ, и то съ большимъ трудомъ, поддерживались начальныя школы.

Не такъ легко могли исчезнуть высшія и среднія учебныя заведенія, также вызванныя къ жизни царемъ. Одно ужъ то, что они имѣли декоративное значеніе для государства, заставляло дольше поддерживать видимость; а на ней стали медленно и неуклюже проростать начала истиннаго образованія.

Указомъ отъ 28-го января 1803 г. Александръ учредилъ особый органъ для народнаго образованія — главное правленіе училищъ, и раздѣлилъ все государство на шесть учебныхъ округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены попечители, являвшіеся представителями своихъ учебныхъ округовъ въ Петербургскомъ центральномъ вѣдомствѣ. Каждый изъ этихъ учебныхъ округовъ долженъ былъ имѣть свой университетъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Польско-Литовской области уже были университеты—въ Дерптѣ и въ Вильнѣ. Но дерптскій университетъ былъ основанъ въ 1801 г. и развивался своимъ особымъ путемъ; онъ былъ съ самаго начала организованъ въ качествѣ нѣмецкаго университета, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ и съ нѣмецкимъ учебнымъ персоналомъ и сохранилъ свой нѣмецкій характеръ и нѣмецкій научный духъ до самой своей насильственной гибели. Виленскій университетъ также развивался не въ русскомъ духѣ. Въ старой столицѣ Москвѣ продолжалъ существовать основанный въ 1755 г. университетъ, влача, вслѣдствіе безвременья, жалкое существованіе. Поворотъ къ лучшему начался съ тѣхъ поръ, какъ М. Н. Муравьевъ принялъ на себя въ 1803 г., въ качествѣ попечителя, руководство московскимъ учебнымъ округомъ и привлекъ нѣсколько хорошихъ нѣмецкихъ профессоровъ, которымъ, конечно, пришлось читать свои лекціи передъ недостаточно подготовленными слушателями по-латыни. Но и въ 1811 г. университетъ насчитывалъ только 215 студентовъ. Нашествіе французовъ вызвало полный застой, и лишь съ августа 1813 года могли снова начаться лекціи; но зданіе университета было вполнѣ закончено только въ 1819 г. Послѣ

короткаго періода расцвѣта, когда число студентовъ дошло до 900, начался въ послѣдніе годы царствованія Александра упадокъ, какой тогда наблюдался въ Россіи повсемѣстно, подъ вліяніемъ прогрессирующаго мистицизма. Тѣмъ не менѣе, дѣла шли болѣе сносно, чѣмъ въ новыхъ университетахъ — харьковскомъ, казанскомъ и петербургскомъ, такъ какъ правительство до нѣкоторой степени считалось со старою столицей и не рѣшалось взять да уничтожить остатки сохранившихся здѣсь традицій.

Вездѣ, конечно, было одинаково трудно добыть подходящія педагогическія силы; кромѣ того, и московскій университетъ также страдалъ отъ недостаточной научной подготовки воспитанниковъ, поступавшихъ въ высшую школу; наконецъ, о свободномъ самоуправленіи профессорскаго персонала не могло быть и рѣчи, точно такъ же, какъ и о корпоративной организаціи студенчества. То и другое было не русскаго происхожденія и не подходило къ самодержавному строю, проникавшему все государство. Всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки разбивались о всемогущество бюрократіи и вскорѣ навлекли на себя недовѣріе и вражду самого царя. Это обнаружилось особенно ясно въ отношеніи трехъ ново-открытыхъ университетовъ.

Благодаря совмѣстному вліянію польской интриги и мѣстнаго патріотизма Каразина, мѣстомъ для южно-русскаго университета былъ избранъ не Кіевъ, а Харьковъ. Профессорамъ, привлеченнымъ посредствомъ заманчивыхъ обѣщаній изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Германіи, пришлось узнать, что объ университетской автономіи не можетъ быть и рѣчи, и они вскорѣ же разъѣхались. Казанскій университетъ дошелъ въ первое десятилѣтіе своего существованія до 40—50 студентовъ, а въ Петербургѣ, гдѣ сначала довольствовались всевозможными суррогатами, полный университетъ былъ открытъ лишь въ 1819 г.[1]), т.-е. въ такое время, когда уже началась реакція; спустя два года отъ свободы преподаванія не оставалось и слѣда. Вслѣдствіе жалкихъ результатовъ, достигнутыхъ этими университетами,— студентовъ, которые удачно сдавали экзаменъ, посылали для подготовки къ профессорской дѣятельности въ Дерптъ, а позже за границу. Въ русскомъ «обществѣ» университеты никогда не пользовались популярностью; имъ предпочитали военныя и спеціальныя учебныя заведенія, или старались, по примѣру преж-

---

[1]) Въ началѣ 1822 г. въ университетѣ насчитывались 40 студентовъ (17 юристовъ, 6 филологовъ, 4 математика и 13 вольно-слушателей), а въ годъ основанія ихъ было 24.

нихъ лѣтъ, достигнуть, съ помощью домашнихъ учителей и участившихся заграничныхъ поѣздокъ, того лоска и образованія, какого требовала жизнь въ обществѣ.

Наконецъ, былъ еще рядъ привилегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, дававшихъ тѣ же права, что и университетъ, и открывавшихъ доступъ къ государственной службѣ. Поворотъ къ лучшему наступилъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ поняли, что гимназіи должны давать ученикамъ такое образованіе, которое позволяло бы имъ слѣдить съ успѣхомъ за университетскимъ преподаваніемъ. Въ 1817 г. министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ навязалъ всѣмъ гимназіямъ соотвѣтствующую программу; этимъ были созданы условія, приближавшія русскіе университеты къ нѣмецкимъ, и указанъ новый путь для сближенія русскаго образованія съ западнымъ. Основныя требованія по отношенію къ тому, что понималось подъ словомъ «образованіе», стали измѣняться. Въ русскую жизнь проникъ классицизмъ, хоть и въ самой первобытной формѣ; будущее должно было показать, какое употребленіе она изъ него сдѣлаетъ. Но и тогда уже можно было предвидѣть, что въ началѣ эти похвальныя стремленія не приведутъ ни къ какимъ перемѣнамъ къ лучшему. Нечего и говорить, что ни студенты, ни профессора не удовлетворяли требованіямъ, какія должны быть поставлены тамъ, гдѣ главною цѣлью является наука. Но, независимо отъ этого, у школъ и университетовъ была съ самаго начала отнята всякая возможность достигнуть здороваго и непрерывнаго развитія вслѣдствіе двухъ условій: піэтизма, исходившаго отъ императора и перешедшаго на бюрократію, и дальнѣйшаго роста и безъ того чрезмѣрно развившагося милитаризма [1].



[1] «Военный строй, какъ онъ организованъ особенно въ Россіи, изгонялъ науки». Какъ кругъ исключаетъ квадратъ. (Де-Местръ). Еще съ большимъ правомъ это можно сказать о русскомъ піэтизмѣ.



Важнѣйшая черта всѣхъ русскихъ политическихъ и соціальныхъ организацій заключается въ томъ, что вездѣ во главѣ ихъ оказывается привилегированная бюрократія, беззастѣнчиво проявляющая свою власть надъ безправными подчиненными, не находящими достаточной защиты въ государственныхъ законахъ. Вездѣ же, гдѣ государство переноситъ часть своей неограниченной власти на учрежденія или отдѣльныхъ лицъ, ею всегда злоупотребляютъ. Это правило одинаково справедливо, какъ по отношенію къ сельскому старостѣ и низшему канцелярскому чиновнику, такъ и къ предводителю дворянства и генералъ-губернатору, къ унтеръ-офицеру и генералу, къ сенату, комитету министровъ и государственному совѣту; также точно оно относится и ко всему духовенству обширнаго государства со всѣми его органами.

Какъ извѣстно, русская церковь различаетъ черное и бѣлое духовенство, т.-е. монаховъ и священниковъ, состоящихъ въ бракѣ. Изъ первой группы выходятъ, за малыми исключеніями,

всѣ высшія духовныя лица, въ ней же сосредоточена сила, богатство и авторитетъ церкви. Эта группа сумѣла, такъ сказать, монополизировать въ своихъ рядахъ образованіе духовнаго сословія. Она является начальствомъ для бѣлаго духовенства и организована по бюрократическому образцу, совершенно такъ же, какъ и свѣтское чиновничество. Во главѣ ея стоитъ святѣйшій синодъ; онъ долженъ былъ первоначально замѣнить патріарха, и восточный патріархъ обращается къ нему со словомъ «братъ», но во времена Александра онъ занимаетъ въ сферѣ духовныхъ дѣлъ приблизительно такое же положеніе, какъ сенатъ въ области управленія и юстиціи. Епископъ и архіепископъ соотвѣтствовалъ губернатору и генералъ-губернатору, епархіальная консисторія— губернскому правленію, низшее духовное управленіе—уѣздному суду и полиціи, а избранный изъ среды бѣлаго духовенства о. благочинный—городскимъ и сельскимъ властямъ.

Консисторіи же и архіереи находились, какъ и свѣтскія власти, въ полной зависимости отъ опытныхъ въ дѣлахъ свѣтскихъ секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ (архіерей кромѣ того отъ келейника), а послѣдніе отличались взяточничествомъ, которое было такъ же распространено среди духовенства, какъ и среди правительственныхъ чиновниковъ. О русскомъ духовенствѣ XIX вѣка въ западно-европейской литературѣ не было написано ничего, что хоть сколько-нибудь походило по рѣзкости тона на тотъ ужасный обвинительный матеріалъ, который былъ, часто съ полной наглядностью, опубликованъ русскими. Высшіе представители чернаго духовенства отличались корыстолюбіемъ и тщеславіемъ и были почти такъ же далеки отъ народа, какъ и кругъ знатныхъ и богатыхъ фамилій. Съ другой стороны, бѣлое духовенство, если не попадало на высшія должности, то находилось въ недостойныхъ и унизительныхъ условіяхъ, которыя не поддаются никакому описанію. Нищіе, необразованные, третируемые своимъ духовнымъ начальствомъ, обыкновенно презираемые своею паствой, пьяницы, плохо одѣтые, грязные и запущенные во всѣхъ отношеніяхъ,— влачили они жизнь, которая большинству изъ нихъ не приносила ничего, кромѣ униженій. Даже сколько-нибудь зажиточные крѣпостные крестьяне отказывались родниться съ ними. До 1802 г. существовалъ даже законъ, разрѣшавшій подвергать священниковъ и дьяконовъ тѣлесному наказанію изъ рукъ ихъ начальства, а объ ученикахъ духовныхъ семинарій и говорить нечего [1]). Образованіе, получаемое въ этихъ семинаріяхъ,

[1]) Ростиславовъ («О черномъ и бѣломъ духовенствѣ въ Россіи») такъ описываетъ подобную сцену:

какъ и вообще школьное образованіе того времени, не было пригодно для подготовки къ практической жизни. До 1808 г. преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ по плохо составленнымъ руководствамъ и обнимало на высшихъ ступеняхъ то, что носило названіе философіи, реторики и богословія, но что въ дѣйствительности не имѣло ничего общаго съ этими науками и требовало, наоборотъ, огромнаго напряженія памяти. Если память отказывалась служить, то на сцену являлись самыя тяжкія тѣлесныя наказанія, но и они въ большинствѣ случаевъ не могли втиснуть схоластическую дребедень въ головы русскихъ поповичей. Такимъ образомъ, эти семинаріи, бывшія всегда закрытыми заведеніями, обращались въ застѣнокъ, отъ котораго родители всячески старались избавить своихъ дѣтей. Люди охотно шли на лишенную всякой самостоятельности должность причетника или дьякона, лишь бы уйти отъ многолѣтняго семинарскаго гнета. Семинаристы часто спасались бѣгствомъ отъ духовной и матеріальной нужды; много священническихъ семействъ цѣликомъ или частью снова растворились въ крестьянскомъ сословіи. Часто полиція доставляла въ семинарію въ связанномъ видѣ будущихъ священниковъ,—не только пойманныхъ бѣглецовъ, но и поповичей («рекрутовъ семинарскаго образованія», какъ тогда говорили), которыхъ родители прятали или удерживали дома. Дѣло въ томъ, что бѣлое духовенство составляло особую касту, и поповичъ долженъ былъ самъ становиться попомъ и жениться на поповнѣ. Единственный выходъ былъ въ томъ, чтобы семина-

---

«Что ты за плутъ, смутьянъ, негодяй», сказалъ архіерей,—«я тебя научу! Плетей сюда!» Являлись, конечно, кучера или другіе слуги съ двухвостными плетками. «Раздѣвайся и растягивайся!» Тогда, по обыкновенію, наказуемый снималъ съ себя верхнюю одежду. Когда онъ раздѣлся и растянулся на полу, то являлись только двое изъ архіерейскихъ служекъ съ плетьми, держать же его должны были присутствующіе священники по выбору архіерея или его служки. Отказаться было невозможно. Итакъ, четыре человѣка становились на колѣни, двое держали ноги, двое другихъ скрещенныя руки; для двухвостокъ, такимъ образомъ, освобождалось мѣсто; онѣ могли прильнуть къ обнаженному тѣлу. Осужденнаго клали такъ, чтобы архіерей могъ, не вставая съ дивана, видѣть собственными глазами, хорошо ли попадали удары. Чаще всего сѣкли причетниковъ, потомъ дьяконовъ, но и для священниковъ не было пощады, особенно если они были еще молоды. Сѣкли жестоко. Мой дѣдъ, который не одного держалъ за руку или за ногу, обыкновенно говорилъ: «Ухъ, даже въ жаръ бросало и дрожь проходила по всему тѣлу». Такъ, часто священникъ, только что принесшій безкровную жертву, самъ бывалъ битъ до крови.

ристъ заявилъ о своемъ намѣреніи отречься отъ міра и перейти въ ряды чернаго духовенства.

Этотъ-то путь преимущественно и избирался талантливыми и честолюбивыми молодыми людьми. Стоило на него только вступить, чтобы быстро пойти въ гору. Наиболѣе способные совсѣмъ не попадали въ монастыри. Ихъ посылали въ петербургскую духовную академію, по окончаніи которой они дѣлались учителями или профессорами; если же они обнаруживали ловкость и практичность, то могли дойти до высшихъ духовныхъ чиновъ [1]).

Высшей цѣлью было сдѣлаться митрополитомъ и членомъ святѣйшаго синода.

Засѣдающій въ Петербургѣ главный отдѣлъ «святѣйшаго правительствующаго синода» состоялъ 9-го декабря 1814 г. изъ предсѣдателя — высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго, эстляндскаго и финляндскаго — Михаила, архіепископа черниговскаго и нѣжинскаго — Серафима, архіепископа тверского и кашинскаго, духовника императора Криницкаго, протопресвитера армій и флота — Державина, оберъ-прокурора — князя А. Н. Голицына, члена государственнаго совѣта, сенатора, управляющаго духовными дѣлами и иностранными исповѣданіями и императорскаго статсъ-секретаря, 2 старшихъ секретарей, 1 экзекутора, 2 протоколистовъ, 1 архиваріуса, 1 казначея и 1 регистратора; сюда же, наконецъ, причислялся и синодскій врачъ. Всего было 15 лицъ; изъ нихъ шесть первыхъ входили еще въ комитетъ духовныхъ училищъ, къ которому причислялся также архимандритъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря Филаретъ и многочисленная канцелярія.

Къ этому центральному вѣдомству примыкала еще московская контора святѣйшаго синода и шесть членовъ синода, жившихъ въ своихъ епархіяхъ.

Къ синодскому департаменту относилась также московская цензура и московская типографская контора.

Подъ верховнымъ надзоромъ святѣйшаго синода находились епархіальныя духовныя консисторіи, дѣлившіяся по своему значенію на три разряда, и столько же разрядовъ монастырей. Такъ

[1]) Мы не распространяемся о монастыряхъ. За исключеніемъ настоятеля-архимандрита, большинство монаховъ и монахинь принадлежали къ низшему или среднему классу. Но случалось, что въ монастырь уходили и крупные чиновники или военные, чтобы провести на покоѣ закатъ жизни. Несмотря на секуляризацію 1764 г., монастыри были чрезвычайно богаты. Культурнаго вліянія они не имѣли.

какъ для священниковъ начальствомъ служили архіереи, а сами они были подчинены синоду, то послѣдній являлся, можно сказать, всемогущимъ главою церкви, ограничить котораго могъ только императоръ.

Важное и плодотворное вліяніе царствованія Александра состояло въ томъ, что онъ сокрушилъ могущество синода и сдѣлалъ его вѣдомствомъ, которое, подобно отдѣльнымъ министерствамъ, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ ставилось въ полную зависимость отъ его воли, выразителемъ которой являлся оберъ-прокуроръ.

Способъ, какимъ императоръ произвелъ эту перемѣну, настолько поучителенъ и характеренъ для его самодержавныхъ пріемовъ, что его нельзя обойти молчаніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій въ 1722 г. посадилъ на шею святѣйшему синоду прокурора, синодъ постоянно боролся съ «царевымъ окомъ», какъ Петръ называлъ своего представителя. Но при Павлѣ Амвросію, котораго мы застали въ 1814 г. въ роли предсѣдателя святѣйшаго синода, удалось одержать побѣду. Оберъ-прокуроръ Хованскій, энергично защищавшій права государства, былъ уволенъ лѣтомъ 1799 г. отъ должности, и митрополитъ Амвросій съ торжествомъ сообщилъ ему объ этомъ въ присутствіи всей святѣйшей коллегіи. Преемникъ же Хованскаго, графъ Хвостовъ, подчинялся во всемъ честолюбивому митрополиту. Александръ вскорѣ послѣ учрежденія министерствъ уволилъ слишкомъ снисходительнаго хранителя государственныхъ интересовъ [1]) и назначилъ ему преемникомъ энергичнаго чиновника, состоявшаго до тѣхъ поръ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, А. А. Яковлева [2]). Произошла жестокая борьба, въ которой побѣдителемъ оказался, благодаря придворнымъ связямъ, предсѣдатель синода Амвросій. Чтобы предупредить увольненіе, Яковлевъ еще 7-го октября 1803 г. подалъ прошеніе объ отставкѣ. Казалось бы, что духовенство одержало рѣшительную побѣду; между тѣмъ съ этой-то побѣды и начинается постепенный упадокъ синодскаго могущества и окончательное подчиненіе его государственной точкѣ зрѣнія, представляемой оберъ-прокуроромъ.

Александръ началъ съ того, что отправилъ наиболѣе горячаго защитника прерогативъ духовенства, архіепископа ярослав-

---

[1]) Указомъ отъ 31-го декабря 1802 г.

[2]) Онъ принадлежалъ къ старшему, теперь уже вымершему роду этого имени, который былъ одного происхожденія съ Шереметевыми, Колычевыми и др. и черезъ Юрьевыхъ стоялъ въ родствѣ съ Романовыми.

скаго Павла, назадъ въ епархію и сдѣлалъ митрополиту Амвросію весьма недвусмысленное «увѣщаніе», а 21-го октября назначилъ оберъ-прокуроромъ своего стараго друга, князя Александра Николаевича Голицына. Голицынъ отклонялъ, сколько могъ, отъ себя эту должность, которая не отвѣчала ни его подготовкѣ, ни религіознымъ убѣжденіямъ. Но Александръ побѣдилъ его сопротивленіе тѣмъ, что произвелъ его въ свои статсъ-секретари и обѣщалъ участвовать лично въ его работѣ. Этимъ путемъ Голицынъ сразу занялъ неприступную позицію. Опираясь на недопускающій никакихъ возраженій авторитетъ императора, онъ могъ проводить свои взгляды; а такъ какъ онъ въ то же время прилежно и добросовѣстно изучалъ дѣла и былъ внѣ всякаго сомнѣнія, недоступенъ даже для самаго искуснаго подкупа, то синодъ припужденъ былъ отступать каждый разъ, когда оберъ-прокуроръ съ нимъ не соглашался. Не ведя фактически войны, Голицынъ могъ взять въ свои руки рѣшеніе всѣхъ важныхъ синодскихъ дѣлъ. Онъ началъ пріучать высокую духовную инстанцію, въ которой до тѣхъ поръ царилъ невѣроятный безпорядокъ, къ правильному веденію дѣлъ подъ строгимъ контролемъ и объявилъ войну особенно произволу, лѣни и продажности секретарей. Этихъ секретарей, — ставшихъ почти всемогущими вслѣдствіе неспособности ихъ начальниковъ,—онъ поставилъ въ зависимость отъ прокуратуры, заставилъ ихъ давать правильные отчеты о ходѣ дѣлъ, смѣстилъ лѣнивыхъ и ненадежныхъ секретарей, и сумѣлъ подчинить контролю и обуздать даже архіереевъ въ ихъ епархіяхъ. Лишь только они убѣдились, что дѣйствительная сила находится въ рукахъ Голицына, а не святѣйшаго синода, то стали угождать ему самымъ усерднымъ образомъ. Подчиненныя отношенія установились, главнымъ образомъ, еще и потому, что отъ представленія Голицына зависѣлъ вызовъ къ присутствованію въ синодѣ и увольненіе членовъ синода обратно въ епархіи. Этимъ путемъ Голицынъ получилъ возможность составить святѣйшій синодъ изъ такихъ людей, которые добровольно слѣдовали желаніямъ прокуратуры; а такъ какъ самъ онъ искренно старался исправить глубокіе недостатки церковнаго управленія и церковной жизни, то и совѣсть ревностнаго священнослужителя могла быть спокойна, тѣмъ болѣе что дѣло шло, въ концѣ концовъ, только о внѣшнихъ формахъ духовной власти, а не о ея содержаніи. Поэтому послѣдняя склонилась предъ могуществомъ правительства, по отношенію же къ низшимъ сохранила въ прежней силѣ свой авторитетъ и произволъ. Къ тому же, Голицынъ

вовсе не зналъ людей и, самъ того не замѣчая, сдѣлался орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто сумѣлъ пріобрѣсть расположеніе этого добродушнаго и слабохарактернаго человѣка. Главная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ приступилъ къ реформѣ духовныхъ училищъ и пытался улучшить матеріальное положеніе школъ и приходскаго духовенства. Впрочемъ, послѣдней цѣли онъ не достигъ, и положеніе сельскихъ священниковъ осталось столь же печальнымъ, какъ и прежде, а школьная реформа 1808 г. далеко отстала по своимъ результатамъ отъ желанія Голицына и императора. Тѣмъ не менѣе, въ неподвижную массу была внесена искра жизни. Положеніе Голицына по отношенію къ синоду было, въ сущности, давно уже равносильно положенію министра, когда Александръ его назначилъ (19-10 ноября 1817 г.) министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Но къ этому времени самъ Голицынъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вольнодумецъ 1803 г. постепенно превратился въ вѣрующаго христіанина, а мистическое направленіе, которое съ 1812 г. начало все больше и больше овладѣвать императоромъ, перешло еще раньше и ему въ плоть и кровь. Для русской церкви начинается новый періодъ, который, правда, закончился съ царствованіемъ Александра, но тѣмъ не менѣе оказалъ роковое вліяніе на судьбу всѣхъ исповѣданій страны и всѣхъ учебныхъ заведеній.

Первый изъ Романовыхъ, кому не были чужды мистическіе порывы, былъ несчастный имераторъ Павелъ. Въ Гатчинѣ показывали мѣста, гдѣ онъ простаивалъ на колѣняхъ, погруженный въ молитвы, а часто въ слезахъ. Въ этихъ мѣстахъ паркетъ стертъ, какъ доказательство страстности, проявлявшейся у императора и въ покаяніи. Но вокругъ себя императоръ преслѣдовалъ проявленія мистицизма, такъ какъ предполагалъ, что они имѣютъ связь съ масонствомъ. Наоборотъ, при Александрѣ, который, какъ мы видѣли, былъ сначала индифферентенъ въ религіозномъ отношеніи, мистицизмъ возродился снова въ свойственныхъ Россіи причудливыхъ формахъ, и Александръ еще задолго до своего пробужденія вступилъ съ нимъ въ сношенія. Самымъ замѣчательнымъ доказательствомъ являются его встрѣчи со скопческимъ богомъ Петромъ Федоровичемъ, «истиннымъ Христомъ, спасителемъ и сыномъ Божіимъ». Настоящее имя этого человѣка было Кондратій Селивановъ; при Екатеринѣ II онъ выступилъ съ заявленіемъ, что онъ сынъ непорочной дѣвы Елизаветы Петровны, т.-е. императрицы Елизаветы, которая черезъ

его рожденіе сдѣлалась Божьею матерью. Она-де и теперь еще живетъ подъ именемъ Акулины Ивановны у одного изъ скопцовъ. Своего и Божьяго сына Петра она тотчасъ же послѣ его рожденія отправила въ Голштинію, гдѣ онъ сдѣлался скопцомъ, а теперь вернулся въ Россію.

Когда этотъ человѣкъ попался въ руки императрицы Екатерины, она велѣла 15-го сентября 1775 г. наказать его кнутомъ и сослать въ Сибирь на каторгу. Спустя много лѣтъ, ему удалось бѣжать, но при Павлѣ онъ былъ снова схваченъ и, по желанію императора, доставленъ въ Петербургъ. Такъ какъ онъ и передъ императоромъ продолжалъ упорно заявлять, будто онъ— Петръ III, то тотъ велѣлъ его запереть въ сумасшедшій домъ. По просьбѣ нѣсколькихъ богатыхъ приверженцевъ секты, онъ былъ переведенъ въ 1802 г. въ одну изъ богадѣленъ Смольнаго монастыря и, въ концѣ концовъ, поселился въ домѣ купца Ненастьева, гдѣ для него устроили великолѣпную квартиру и чтили, какъ «спасителя». А такъ какъ онъ считался святымъ и пророкомъ даже среди людей, не принадлежавшихъ къ сектѣ, то обращаться къ нему вошло въ моду. Въ 1805 г., передъ отбытіемъ въ главную квартиру, Александръ также не могъ устоять передъ искушеніемъ и посѣтилъ Ненастьевскій домъ. Объ этой встрѣчѣ скопцы разсказываютъ такъ: «Видимый царь пришелъ къ небесному въ алтарь», т.-е. къ Селиванову въ домъ, и совѣщался съ нимъ, начать ли ему войну съ Наполеономъ или нѣтъ. «Твое время еще не пришло», сказалъ Селивановъ, — «онъ побьетъ тебя и твое войско. Тебѣ придется бѣжать, куда только можно. Подожди и подкрѣпись, — твой часъ придетъ. Тогда Богъ тебѣ поможетъ уничтожить антихриста».

Спустя три дня послѣ этой встрѣчи, «спасителя» посѣтилъ изъ любопытства будущій сенаторъ Лубяновскій. Когда онъ вошелъ въ комнату, то увидѣлъ въ сторонкѣ много молящихся. Селивановъ приподнялся на постели и благословилъ его. «Вотъ», сказалъ онъ, — «возвращается въ стадо еще одна заблудшая овца». Потомъ онъ схватилъ Лубяновскаго за руку и вдругъ спросилъ: «Что же, Алексаша уѣхалъ?» Лубяновскій посмотрѣлъ на него, не понявъ, что онъ хотѣлъ сказать. «Что же, царь-то уѣхалъ?» Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ съ сожалѣніемъ. «Что подѣлаешь? Третьяго дня я умолялъ его здѣсь на этомъ мѣстѣ, не ѣхать и не начинать войны съ проклятымъ французомъ. Спаси Богъ! я не вижу впереди ничего хорошаго. Вотъ ты увидишь. Нужно было подождать нѣсколько

лѣтъ. Мѣра измѣнника еще не полна». Точь въ точь такъ онъ мнѣ и сказалъ, увѣряетъ Лубяновскій [1]).

Мы разсказали подробно объ этомъ посѣщеніи Александромъ мнимаго пророка, потому что здѣсь мы находимъ первый слѣдъ странной наклонности Александра искать особыхъ откровеній Божьихъ. До самаго конца своей жизни онъ не могъ противиться соблазну обращаться къ пророкамъ и чудотворцамъ, чтобы узнать намѣренія Провидѣнія; повидимому, онъ временами вѣрилъ, что и самъ получаетъ божественное откровеніе. Когда бывшій мартинистъ и будущій масонъ Лабзинъ развивалъ въ своемъ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», запрещенномъ въ 1806 г., ученіе о царствѣ Божьемъ внутри насъ, а молодой монахъ будущій митрополитъ московскій Филаретъ проповѣдывалъ то же ученіе въ петербургскомъ обществѣ, то оно встрѣтило сочувственный откликъ въ душѣ Александра.

Проповѣдь, произнесенная въ этомъ духѣ Филаретомъ въ 1810 г., въ день Благовѣщенія, произвела особенно хорошее впечатлѣніе на князя Голицына, который, не будучи ортодоксальнымъ догматикомъ, постепенно проникался духомъ христіанства. Филаретъ далъ ему то, что ему было нужно; поэтому онъ попросилъ митрополита Амвросія, принадлежавшаго также къ покровителямъ Лабзина, распорядиться, чтобы Филаретъ чаще проповѣдывалъ. Въ 1811 г. онъ произнесъ 7 проповѣдей. Одна изъ нихъ, о дарахъ Духа Святаго, встрѣтила такія нападки со стороны противниковъ Филарета за несоотвѣтствіе, по ихъ мнѣнію, съ духомъ православія, что Голицынъ вынужденъ былъ образовать комиссію для изслѣдованія этой проповѣди. Само собою разумѣется, что, благодаря той позиціи, которую занималъ Голицынъ, комиссія оправдала Филарета. Тѣмъ не менѣе, споръ вызвалъ столько шума, что Александръ велѣлъ доставить ему проповѣдь; этимъ самымъ, если мы не ошибаемся, онъ сдѣлалъ первый шагъ по пути къ мистическому піэтизму. Императоръ подарилъ молодому монаху кольцо съ крестомъ, какъ бы признавая въ его проповѣди божественное слово, и черезъ нѣсколько дней произвелъ 28-лѣтняго молодаго человѣка въ архи-

---

[1]) Далѣе достовѣрно извѣстно, что несмотря на обширное распространеніе Селивановской секты и на беззастѣнчивое совершеніе ею своихъ богослуженій, Александръ до 1820 г. не трогалъ этого человѣка. Въ этомъ году его сослали въ Суздальскій монастырь въ государственной каретѣ, на которую князь Голицынъ, по прямому приказу императора, истратилъ 1700 р. Селивановъ умеръ въ 1823 г. Ивановскій считаетъ годомъ его смерти 1832 г.

мандриты. Все это происходило въ іюнѣ 1811 г., когда Александръ уже предвидѣлъ войну съ Наполеономъ, а 16-го ноября 1811 г. императоръ приказалъ, чтобы въ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ испытаніе по закону Божьему предшествовало всѣмъ остальнымъ экзаменамъ. Мы видимъ, что годы 1812—1815 нашли въ немъ почву, готовую для воспріятія религіозныхъ впечатлѣній. Голицынъ указалъ ему на Библію; стихи 91-го псалма: «Кто живетъ подъ покровомъ Всевышняго и почиваетъ въ тѣни Всемогущаго, говоритъ Господу: Ты прибѣжище мое и защита моя, Богъ мой, на котораго я уповаю!»—были первыя слова Библіи, которыя ему попались на глаза, когда онъ раскрылъ священное писаніе; ими же встрѣтило его духовенство, когда онъ въ тотъ же день входилъ въ Казанскій соборъ. Ему казалось, что онъ слышитъ гласъ Божій, призывающій его. Тутъ-то этотъ Божескій призывъ и наполнилъ всецѣло его душу; подлинность его онъ видѣлъ почти до осязательности ясно въ великихъ событіяхъ этого времени.

Въ знакъ благодарности Богу онъ основалъ русское библейское общество; мысль эта была ему подана агентами большого англійскаго библейскаго общества Пинкертономъ и Патерсономъ. Самъ царь вступилъ въ члены общества съ единовременнымъ взносомъ въ 25.000 руб. и ежегоднымъ въ 10.000 руб. Князь Голицынъ занялъ предсѣдательское мѣсто; вполнѣ понятно, что всѣ теперь старались слѣдовать примѣру государя и его любимца. Свѣтскіе и духовные сановники заняли мѣста товарищей предсѣдателя; всѣ исповѣданія должны были принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и мы встрѣчаемъ здѣсь рядомъ съ православнымъ митрополитомъ католическаго архіепископа Сестренцевича, генералъ-суперинтендента петербургской протестантской церкви и оберъ-пасторовъ англиканской и голландской столичныхъ церквей. Здѣсь были также представители отъ «братьевъ» и отъ лицъ, извѣстныхъ въ качествѣ масоновъ или мистиковъ. Ближайшей цѣлью общества долженъ былъ быть переводъ св. писанія на всѣ языки обширной страны, слѣд. и на русскій языкъ [1]), и возможно широкое распространеніе этихъ текстовъ. Конечная же возвышенная цѣль, которой хотѣли достигнуть, заключалась въ распространеніи истиннаго христіанства и въ руководствѣ на евангельскихъ началахъ всѣми государственными учрежденіями, въ особенности школами и церквами.

[1]) Голицынъ предложилъ перевести библію съ церковно-славянскаго на русскій языкъ еще въ 1803 г., т.-е. въ такое время, когда онъ самъ былъ далекъ отъ мистицизма. Но тогда эта мысль была отклонена.




PORTUGAL

Такъ какъ въ теченіе 1812—15 гг. становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что Александръ относится серьезно къ своему новому образу мыслей, то дѣло не остановилось послѣ перваго толчка. Участіе въ библейскомъ обществѣ обратилось въ могучій рычагъ государственной жизни. Многіе отдались новымъ взглядамъ, несомнѣнно, съ полной искренностью и старались согласовать съ ними свою жизнь; но для громаднаго большинства они обратились въ одно изъ средствъ для собственнаго возвышенія и для пріобрѣтенія милости тѣхъ, кто стоялъ во главѣ государства и кто началъ награждать за проявленія набожныхъ чувствъ земными выгодами. Люди, какъ императоръ Александръ и князь Голицынъ, которые не знали исторіи своей церкви и были совершенно невѣжественны въ догматикѣ, могли, конечно, не замѣтить того, что все движеніе не имѣло въ себѣ ничего русскаго и противорѣчило историческому развитію русской церкви; но невозможно допустить, чтобы высшее духовенство также заблуждалось въ этомъ отношеніи. Русская церковь видѣла всегда опору своего особеннаго положенія въ отчетливости вѣроученія и въ исполненіи обрядовъ, которые замѣнили для народа и даже для огромнаго большинства образованныхъ людей сущность христіанства. Направленіе же, исходившее отъ руководителей библейскаго общества, было въ самомъ корнѣ враждебно догматизму и не придавало значенія внѣшнимъ церковнымъ формамъ. Одинъ часъ покаянія стоилъ больше, чѣмъ все остальное, и это именно и встрѣтило откликъ.

Кающійся грѣшникъ началъ обращаться въ знатномъ русскомъ обществѣ въ особый типъ, а мистическая литература, привозимая изъ-за границы, видимо укрѣпляла и оправдывала такое направленіе ума. Никто не считался съ тѣмъ, что сочиненія Экартгаузена, Юнгъ Штиллинга, Таулера и Дютуа, распространенныя и комментированныя во множествѣ русскихъ переводовъ, были съ точки зрѣнія православной церкви безусловно еретическими. Вскорѣ появились и оригинальныя сочиненія русскихъ писателей, усвоившихъ новый духъ, и періодическіе журналы: («Другъ Юности», «Духовный Годъ въ жизни христіанина», «Сіонскій Вѣстникъ»), встрѣчавшіе откликъ главнымъ образомъ среди высшаго бѣлаго духовенства, а библейское общество со своими развѣтвленіями охватило въ скоромъ времени все Россійское государство.

Близость къ баронессѣ Крюденеръ, Юнгъ Штиллингу, квакерамъ и другимъ еще больше укрѣпила Александра въ переполнявшихъ его смутныхъ христіанскихъ чувствахъ, отраже-

ніе которыхъ онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ и укрѣплялъ въ Россіи. Поэтому не удивительно, что манифестъ Священнаго Союза былъ встрѣченъ въ Россіи всѣми кругами, имѣвшими соприкосновеніе съ дворомъ и придворной средой, буквально съ восторгомъ. Императоръ самъ позаботился о томъ, чтобы копіи были вывѣшены во всѣхъ россійскихъ церквахъ, и чтобы священникамъ было приказано развивать въ проповѣдяхъ положенія «Священнаго Союза». Въ концѣ концовъ, ему пришлось принять мѣры противъ чрезмѣрныхъ славословій, направленныхъ по его личному адресу [1]). Въ народѣ и среди приходскаго духовенства для этихъ выспреннихъ чувствъ не было, конечно, почвы. Здѣсь держалось попрежнему убѣжденіе, что важнѣе всего—форма. «Слова заповѣдей и библіи», говоритъ Пироговъ, оглядываясь на эти годы,—«разсматривались какъ сами по себѣ священныя и исполненныя благодати и милости Духа Святаго, и считалось большимъ грѣхомъ ихъ перемѣщать или замѣнять другими; повсюду царилъ еще старозавѣтный духъ, нѣсколько измѣненный патріархомъ Никономъ, и одни уже слухи о переводѣ Священнаго Писанія или заповѣдей на общепонятный русскій языкъ принимались многими, какъ грѣховныя искушенія дьявола».

Кто былъ дальновиднѣе другихъ, тотъ не могъ ожидать продолжительнаго вліянія этого импровизированнаго движенія, созданнаго въ конечномъ счетѣ однимъ только императоромъ. Изъ иностранныхъ свидѣтелей никто въ этомъ, повидимому, не сомнѣвался. Русскій посланникъ Шелеръ не безъ основанія предполагалъ, что въ этомъ дѣлѣ играетъ роль намѣреніе Александра пріучить людей, путемъ строгаго исполненія церковныхъ обрядовъ и частыхъ обращеній къ религіи, къ большему подчиненію и тѣмъ самымъ упрочить безопасность государства. Кромѣ того, установлено, что Александръ имѣлъ въ виду примиреніе противорѣчій между исповѣданіями, а можетъ быть и объединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей.

До сихъ поръ католическая и протестантская церковь не были стѣснены въ своемъ управленіи и въ исповѣданіи своей вѣры; теперь же Голицынъ началъ не только стремиться къ тому, чтобы захватить въ свои руки распоряженіе имуществомъ иностранныхъ церквей, но и старался тираннически навязать свое вліяніе даже въ догматическихъ вопросахъ. Прежде всего онъ предложилъ проповѣдникамъ лютеранской и реформатской церкви въ

[1]) Указъ Святѣйшему Синоду отъ 27-го октября 181[illegible] г.

Петербургѣ отслужить вмѣстѣ обѣдню въ 300-лѣтнюю годовщину реформаціи, а затѣмъ, сангвинически предвосхищая событія, доложилъ императору, что обѣ религіи соединились въ одну церковь. Это соединеніе, совсѣмъ не доведенное въ Россіи до конца, было оффиціально подтверждено манифестомъ, въ которомъ правительство давало свое согласіе на мнимо-совершившійся фактъ; тѣмъ не менѣе, какъ и можно было ожидать, оно вызвало возраженіе, хотя и осторожное, какъ со стороны лютеранъ, такъ и реформаторовъ. Результатомъ всего этого было то, что Голицынъ, пользовавшійся въ этомъ дѣлѣ совѣтами засѣдателя отдѣленія по дѣламъ евангелической церкви—статскаго совѣтника Пессаровіуса [1]), выступилъ противъ представителей евангелическихъ церквей съ обвиненіями въ ереси, не-христіанскихъ воззрѣніяхъ, непослушаніи и незаконныхъ притязаніяхъ. Было предпринято изслѣдованіе молитвенниковъ, и въ нихъ найдены мѣста, «не только нуждающіяся въ разъясненіи, но и пѣсни, изъ коихъ долженъ быть удаленъ неудобный смыслъ и содержащія поученія, которыя едва ли найдутся въ добрыхъ нравственныхъ книгахъ язычества и не могутъ быть пропѣты въ приличномъ обществѣ».

Слѣдствіемъ этого были царскіе манифесты, высказывавшіе рѣзкое порицаніе цѣлому ряду уважаемыхъ евангелическихъ пасторовъ; одинъ изъ нихъ былъ удаленъ отъ должности, а охрана евангелическихъ церквей въ Россіи поставлена въ зависимость отъ строгаго соблюденія аугсбургскаго исповѣданія и положеній дортрехтскаго церковнаго собора, вслѣдствіе чего эти церкви оказались всецѣло подъ надзоромъ Голицына. Для обѣихъ евангелическихъ церквей была основана государственная генеральная консисторія, конечно, подъ высшимъ руководствомъ министра; первой задачей ей было поставлено составленіе проекта и введеніе новаго строгаго церковнаго строя. Кромѣ того, императоръ возвѣстилъ, что онъ создалъ для евангелической церкви въ Россіи епископскую кафедру и не преминетъ избрать и назначить на нее по своему усмотрѣнію «достойное лицо изъ среды духовенства этой религіи».

Однако, въ виду того, что цѣлый рядъ протестантскихъ пасторовъ, къ которымъ обращался Голицынъ, наотрѣзъ отказались играть такую двусмысленную роль, рѣшено было предоставить это званіе католическому ренегату, бывшему профессору восточныхъ языковъ въ Александро-Невской академіи, Игнатію Аврелію

---

[1]) «Тоже кающійся грѣшникъ», говоритъ Шелеръ въ своемъ докладѣ.

Феслеру. Этотъ человѣкъ былъ когда-то устраненъ отъ должности за свои атеистическіе взгляды, потомъ онъ примкнулъ къ пригутерамъ, а теперь былъ назначенъ генералъ-суперинтендентомъ евангелическихъ общинъ въ восточныхъ губерніяхъ, хотя онъ никогда раньше не былъ священникомъ; протестантскимъ же епископомъ былъ назначенъ шведъ Цигнеусъ. Такой же произволъ былъ и по отношенію къ правамъ католической церкви; мѣриломъ пригодности и благонадежности католическаго духовенства сдѣлалось умѣніе приспособиться къ направленію, принятому царемъ и Голицынымъ [1]. Въ 1817 г. виленскій цензоръ разрѣшилъ печатать книгу, въ которой доказывалось, что опасно давать Библію въ руки профанамъ; сдѣлалъ онъ это, какъ впослѣдствіи объяснилъ, по той причинѣ, что въ сочиненіи, написанномъ для католиковъ, говорилось только то, чему учитъ католическая церковь; тѣмъ не менѣе цензоръ получилъ строгій выговоръ, а книга была запрещена.

Но еще гораздо больше вреда принесло это ложное движеніе всему русскому просвѣщенію. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ въ инструкціи, данной министромъ «ученому комитету» министерства 5-го августа 1818 г. Въ ней говорилось, что главнѣйшая и существеннѣйшая задача комитета заключается въ руководствѣ народнымъ воспитаніемъ, чтобы достигнуть съ помощью хорошихъ учебниковъ спасительнаго соотвѣтствія между вѣрой, знаніемъ и авторитетомъ государства,— другими словами, между христіанскимъ образомъ мыслей, просвѣщеніемъ и существующимъ государственнымъ порядкомъ. Эта мысль развивается затѣмъ очень подробно. По словамъ инструкціи, весьма важно найти подходящія школы и учителей, получившихъ правильное образованіе, и сдѣлать хорошій подборъ книгъ. Ближайшая же задача состоитъ въ томъ, чтобы провѣрить общій духъ и содержаніе принятыхъ къ употребленію учебниковъ и устранить неподходящіе.

Въ качествѣ руководящихъ точекъ зрѣнія министръ выставилъ слѣдующія положенія: необходимо устранить все, что можетъ внушить нежеланіе исполнять свои обязанности передъ семьей или государствомъ; вытравить изъ философскихъ сочиненій все, что противорѣчитъ практикѣ христіанства; тамъ, гдѣ затрагиваются проблемы естественнаго права, можно допустить упоминаніе о нихъ, какъ о гипотезахъ, но

[1] Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи стоитъ въ связи съ ихъ оппозиціей библейскому обществу.

при этомъ не должно быть опущено доказательство того, какъ мало обоснованы эти гипотезы; учебники метафизики должны завершаться ученіемъ о божественномъ откровеніи; исторія, словесность и эстетика должны показывать, какъ человѣчество постепенно приводится къ болѣе чистому познанію Бога. Особое вниманіе должно быть удѣлено книгамъ по русскому языку; онѣ должны укрѣплять благочестіе и національный духъ. Дальше говорится буквально слѣдующее: «При разсмотрѣніи книгъ по естественнымъ наукамъ, физикѣ и математикѣ комитетъ устранитъ изъ системы преподаванія всѣ пустыя и безплодныя предположенія о происхожденіи и измѣненіи земного шара и обратитъ вниманіе на ясность, порядокъ и полноту метода. Чистая математика предназначена для усовершенствованія логическаго мышленія и для подготовки къ прикладной математикѣ. Книги по физикѣ и химіи должны также приводить къ прикладной математикѣ, въ которой государство нуждается, но съ этимъ не должны быть связаны всякаго рода высокомѣрныя умозрѣнія. Въ медицинскія науки не должно быть внесено ничего такого, что унижаетъ духовную природу человѣка, его внутреннюю свободу и божественное предопредѣленіе».

Эта ужасная инструкція, въ сущности, изгонявшая науки изъ университета, была не въ малой степени обязана своимъ происхожденіемъ знаменитому Александру Скарлатовичу Стурдзѣ, котораго Александръ наградилъ назначеніемъ въ ученый комитетъ, за его прославившуюся «Записку о современномъ положеніи Германіи» [1]); даже въ рукахъ доброжелательныхъ, но ограниченныхъ людей она должна была обратиться въ страшное оружіе. Но къ несчастью для Россіи, первое испытаніе пригодности этой инструкціи на практикѣ было поручено такому дурному человѣку и безсовѣстному карьеристу, какъ Магницкій, и его примѣръ сдѣлался образцомъ, которому всѣ и слѣдовали. Удивительно только, какъ могъ Александръ, отлично знавшій и презиравшій этого человѣка, дать свое согласіе на то, чтобы именно ему было довѣрено рѣшающее вліяніе на одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственной жизни [2]). Въ одномъ изъ

---

[1]) Стурдза пользовался покровительствомъ Каподистріи, какъ греческій патріотъ, и еще до Александра примкнулъ къ мистическому направленію.

[2]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и здѣсь сыгралъ роль его мистицизмъ. Не онъ, а Богъ привелъ Магницкаго на эту должность; если Голицынъ, сказавшій прямо императору, что Магницкій его, въ концѣ концовъ, вытѣснитъ изъ его должности, самъ настоялъ на его привлеченіи, то, значитъ, Богъ хочетъ употребить этого человѣка для своихъ неисповѣди-

разсужденій въ своей автобіографіи, которая служитъ не истинѣ, а самовосхваленію, Магницкій высказываетъ — въ полномъ соотвѣтствіи съ позднѣйшей своей практикой — мысль, что науки можно раздѣлить на положительныя и воображаемыя. Къ первымъ онъ относитъ богословіе, юриспруденцію, естественныя науки и математику, а къ послѣднимъ всѣ остальныя и прежде всего философію. А такъ какъ Россія представляетъ собою по религіи, нравамъ и формѣ правленія нѣчто особенное, то необходимо приспособить къ этому особенному положенію и труды по просвѣщенію Россіи.

Голицынъ поручилъ Магницкому предварительно произвести ревизію казанскаго учебнаго округа. Онъ исполнилъ свою задачу въ поразительно короткій срокъ. Когда онъ вернулся въ Петербургъ 9 апрѣля 1819 г., то привезъ съ этою цѣлью программу. Онъ пришелъ къ выводу, что университетъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы и что поэтому хорошо будетъ временно или еще лучше совсѣмъ его закрыть. Гимназіи, равно какъ и большинство профессоровъ и учителей также никуда не годились. Наилучшей замѣной могла бы служить на мѣсто университета императорская гимназія, педагогическій институтъ для подготовки учителей и дворянскіе пансіоны, при условіи веденія всѣхъ ихъ въ христіанскомъ духѣ. Если же ихъ сохранить, то необходимо поставить во главѣ ихъ человѣка благонадежнаго образа мыслей и устранить дурныхъ профессоровъ и учителей.

Императоръ отклонилъ закрытіе университета, но далъ согласіе на остальныя предложенія Магницкаго и назначилъ его 18-го іюня 1819 года попечителемъ злополучнаго казанскаго университета.

Впослѣдствіи Магницкій утверждалъ, будто императоръ ему сказалъ: «Ce vous donne carte blanche» (даю вамъ полную свободу дѣйствій); въ этомъ ничего нѣтъ невозможнаго, хотя оно и мало вѣроятно.

Въ Казань былъ посланъ палачъ университета и всѣхъ вообще учебныхъ заведеній. Магницкій смѣстилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 11 профессоровъ и сумѣлъ задавить малѣйшій слѣдъ научнаго духа и малѣйшее робкое проявленіе самостоя-

мыхъ цѣлей! Къ тому же Магницкій производилъ впечатлѣніе своими необычайными дарованіями, присущими ему свѣтскими манерами и самою своею личностью и стоялъ одинаково рѣшительно какъ за сохраненіе неограниченной царской власти, такъ и за то, что онъ называлъ истинной религіозностью.

тельности. Одни только лицемѣры и лакейскія натуры могли удержаться на мѣстахъ. Онъ предъявлялъ изъ ряда вонъ выходящее требованіе, чтобы учащіе и учащіеся не только вели себя благочестиво, но еще открыто и во всякое время исповѣдывали тѣ взгляды, которые онъ позволялъ имѣть какъ единственно правильные. Это создало среди профессоровъ и студентовъ, учителей и учениковъ невыносимую систему лжи; на это указываютъ всѣ многочисленные отчеты, сохранившіеся отъ того времени, даже отчетъ убѣжденныхъ приверженцевъ піетизма.

Съ особенною ненавистью новый попечитель университета преслѣдовалъ все, что было связано съ нѣмецкимъ образованіемъ, такъ какъ все невѣріе и все зло въ русскомъ учебномъ дѣлѣ принесено, по его мнѣнію, нѣмецкими учебниками, а въ особенности, благодаря вліянію Шеллинговской философіи. Новая церковная, политическая и научная литература Франціи въ томъ видѣ, какъ ее распространялъ роялистскій клерикализмъ временъ реставраціи, казалась ему подходящею для того, чтобы замѣнить опасное нѣмецкое направленіе, и это нашло себѣ выраженіе въ новыхъ учебныхъ планахъ.

Изъ Казани зараза ложнаго образованія перешла затѣмъ на остальные русскіе университеты, такъ какъ Магницкій, пребывавшій больше въ Петербургѣ, сумѣлъ проявить свое вліяніе черезъ ученый комитетъ.

Изъ Петербургскаго университета первыя движенія научнаго духа были изгнаны новымъ попечителемъ Руничемъ, уволившимъ лучшихъ профессоровъ; то же произошло съ Москвою и съ Харьковомъ. Только Дерптъ сохранилъ, несмотря на всѣ притѣсненія, духъ нѣмецкой науки. Въ странѣ же получилось пониженіе уровня образованія высшихъ классовъ, а въ низшихъ слояхъ населенія —полный застой. Такимъ образомъ, возвышенныя образовательныя цѣли, которыя Александръ поставилъ себѣ при вступленіи на престолъ, превратились въ цѣли прямо противоположныя. Злой рокъ преслѣдовалъ Александра и въ этой области: зло которое отъ него исходило, его пережило, а тамъ, гдѣ онъ создавалъ основы для прогресса народной жизни, онъ самъ безжалостно разрушалъ дѣло своихъ рукъ.

Какъ бы строго ни судить Голицына за его явныя слабости, невозможно ему отказать въ одномъ: въ качествѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, а впослѣдствіи министра, онъ сумѣлъ, ради правильно понятыхъ интересовъ государства, обуздать порочное и властолюбивое русское духовенство, представителемъ котораго являлся синодъ. На этомъ пунктѣ сходились самодер-

жавныя наклонности Александра и потребности какъ государственной, такъ и умственной жизни Россіи. Несмотря на произволъ, проявленный императоромъ и его министромъ, въ основаніи церковной политики того времени лежала, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ, идея свободы совѣсти. Все это было принесено въ жертву еще при жизни Александра.

Интрига честолюбиваго монаха, архимандрита Юрьевскаго монастыря Фотія, безспорная разнузданность и сектантскія извращенія въ высшихъ слояхъ русскаго общества, опасенія царя, чтобы недовольство церковными новшествами не вызвало народнаго возстанія [1], подъ руководствомъ духовенства, при томъ въ такое время, когда онъ зналъ, что широкіе военные круга составили заговоръ съ цѣлью государственнаго переворота; наконецъ, зависть Аракчеева къ милости, которою пользовался Голицынъ и злорадные доносы Магницкаго на своего благодѣтеля Голицына,—все это быстро слѣдовало одно за другимъ и производило на Александра чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ призвалъ къ себѣ Фотія, выслушалъ его и молился съ нимъ, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ молился съ госпожей Крюденеръ и съ квакерами; когда монахъ отъ него ушелъ, онъ былъ уже наполовину побѣжденъ. Но прежде чѣмъ царь успѣлъ принять какое-либо рѣшеніе, Фотій заставилъ его выбрать между нимъ и Голицынымъ, между направленіемъ, которое Александра постепенно сбило съ пути, и другимъ заговорившимъ съ нимъ на языкѣ насильственнаго, фанатическаго убѣжденія. Фотій разставилъ министру ловушку, добившись свиданія съ нимъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы торжественно произнести надъ нимъ анаѳему. Онъ рѣзко отклонилъ попытку императора

[1]) Фотій прямо грозилъ этимъ. Свои обвиненія противъ Голицына онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Синодъ почти пересталъ существовать. Онъ—только имя. Князь же Голицынъ дѣлаетъ все вопреки закону и праву; онъ дѣлаетъ все; недостаетъ только, чтобъ онъ совершалъ и богослуженія. Все въ его рукахъ. Онъ выдумалъ *свою* вѣру и вмѣстѣ со своими людьми—*свои* новшества. Однѣ только секты бунтовщиковъ властвуютъ надъ церковью. Если царь въ скоромъ времени не исполнитъ своего долга и не исправитъ, то скоро наступитъ новая бѣда, худшая изъ худшихъ... Теперь остается только одно, если царь не возстановитъ вѣры и не защититъ благочестія,—это взять въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ и возгласить въ Казанскомъ соборѣ среди народа: «Православные! вѣру Христову угнетаютъ! Хотятъ ввести новую сатанинскую вѣру! Все это дѣлаютъ князь Голицынъ, пасторъ Госнеръ и ихъ сообщники!» Слушай, графъ, объяви царю, что все это можетъ случиться». (Разговоръ съ Аракчеевымъ 23-го апрѣля 1824 г.).

достигнуть примиренія между ними и поставилъ, въ концѣ концовъ, ультиматумъ:

1. Министерство духовныхъ дѣлъ должно быть уничтожено, а оба другихъ министерства (народнаго просвѣщенія и иностранныхъ исповѣданій) должны быть поручены другимъ лицамъ.

2. Библейское общество должно быть закрыто подъ тѣмъ предлогомъ, что библій напечатано достаточно и теперь ихъ больше не нужно; или же оно должно быть на будущее время отдано въ руки духовенства, какъ избраннаго для этого Богомъ сословія; когда же наступитъ время, общество должно быть закрыто.

3. Синодъ долженъ получить прежнее свое положеніе, а духовенство должно имѣть надзоръ за образованіемъ.

4. Кошелевъ долженъ быть удаленъ, Госнеръ прогнанъ, Фесслеръ наказанъ и прогнанъ, а методисты высланы.

Если же эти четыре дѣла Божіихъ не будутъ исполнены, *то наступитъ неминуемая бѣда*, а то, что было совершено до сихъ поръ, принесетъ впослѣдствіи больше вреда, чѣмъ пользы, и Россія вскорѣ рушится.

Государь! Спаси благочестіе и послушайся насъ, исправь дѣло нашихъ рукъ и возвеличься черезъ насъ. Аминь.

1824 года апрѣля 29 дня, вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу.

Императоръ Александръ колебался двѣ недѣли: онъ долженъ былъ понимать, что отъ него требуютъ уничтоженія его собственнаго дѣтища. Онъ всегда провѣрялъ и одобрялъ то, что дѣлалъ Голицынъ, ускользнуть отъ него могли только мелочи. Къ тому же Голицынъ былъ его старѣйшимъ другомъ и 30 лѣтъ пользовался его довѣріемъ. Это былъ единственный другъ изъ неоффиціальнаго комитета, который удержался около него и котораго онъ и сейчасъ любилъ. Этотъ человѣкъ получилъ неслыханное оскорбленіе, неужели же онъ его покинетъ?

15-го мая синодъ получилъ именной царскій указъ, въ которомъ содержалось рѣшеніе. «Снисходя къ ходатайству министра духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и т. д. князя Голицына, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія обоими сими министерствами и оставляемъ его въ должности начальника управленія почтъ».

Преемникомъ Голицына въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ старый адмиралъ Шишковъ, авторъ манифестовъ 1812 и 1813 гг.; министерство же духовныхъ дѣлъ было, по желанію Фотія, вовсе уничтожено. Святѣйшій синодъ

заняла снова то положеніе, которое ему принадлежало до 24-го октября 1817 г., еретикамъ же пришлось очистить поле битвы.

Пожертвовать библейскимъ обществомъ Александръ не рѣшался. Но такъ какъ Голицынъ оставилъ предсѣдательское мѣсто, то во главѣ его сталъ бывшій товарищъ предсѣдателя, другъ и союзникъ Фотія, митрополитъ Серафимъ. Секретарю общества Попову, дѣйствовавшему въ духѣ Голицына, также пришлось уйти; вскорѣ же Фотій призналъ полезнымъ, отложить засѣданія общества на неопредѣленное время и пріостановить переписку съ филіальными союзами. Связи съ заграницей были также прерваны. Русскаго Новаго Завѣта больше не печатали, а дальнѣйшее распространеніе напечатанныхъ экземпляровъ было запрещено. Шишковъ запретилъ студентамъ чтеніе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, а періодическій журналъ общества, пользовавшійся царскимъ покровительствомъ, былъ закрытъ. Въ провинціи, какъ по сигналу, исчезло рвеніе къ библіи и къ религіознымъ поученіямъ внѣ церкви. Только въ остзейскихъ губерніяхъ попрежнему раскупались литовское и эстское стереотипныя изданія библіи, такъ какъ въ протестантской области въ этомъ не усматривалось опасности для государства.

Когда же Магницкій заявилъ, что не желаетъ больше состоять членомъ недостойнаго и вреднаго библейскаго общества, то императоръ приказалъ объявить ему строгій выговоръ. До этого Александръ еще не дошелъ, но онъ не мѣшалъ ему продолжать разрушительную дѣятельность въ университетѣ и школѣ. Какъ же далеко ушелъ ходъ развитія отъ надеждъ лучшихъ людей въ первые свѣтлые годы царствованія Александра? Когда въ 1803 г. былъ опубликованъ новый планъ народнаго образованія въ Россіи, то Карамзинъ писалъ: «Петръ Великій основалъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія училища, Александръ же не только увеличилъ число университетовъ и гимназій, но и воскликнулъ: да будетъ въ хижинахъ свѣтъ! Новая великая эпоха начинается въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, этого корня величія государственнаго, безъ котораго самыя блестящія царствованія служатъ только славѣ монарховъ, но не отечеству и народу». Въ хижинахъ не стало свѣтлѣе, а въ университетъ и школу вступалъ духъ мракобѣсія. Люди же, старавшіеся подрыть шаткія основанія, на которыхъ было воздвигнуто государство Александра, находили мнимое оправданіе своей дѣятельности въ той системѣ лжи и лицемѣрія, какая господствовала

послѣднія пять лѣтъ царствованія императора. Новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ также не находилъ возраженій противъ системы Магницкаго. Мысль заключалась въ томъ, чтобы бороться съ вреднымъ направленіемъ молодежи и вернуть ее къ истинно-русскому образу мыслей. Его система составляетъ переходъ къ школьной политикѣ императора Николая.

Вліяніе, оказанное Александромъ на духъ арміи, и направленіе, которое онъ далъ ея внѣшнему строю, оставило гораздо болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ его дѣятельность въ области религіозной жизни и просвѣщенія народа. Съ 1805 до 1815 г. Россія вела войны почти безъ перерыва, а потомъ до самой смерти императора была постоянно готова къ войнѣ. Годы 1816—1820 составляютъ только кажущееся исключеніе и дались русской арміи, пожалуй, труднѣе всего, такъ какъ въ этотъ-то періодъ ей и пришлось привыкнуть къ ужасамъ военныхъ поселеній. Прусскій милитаризмъ, доведенный Павломъ до крайности и принявшій почти каррикатурныя формы, сохранялся въ силѣ, въ общихъ чертахъ, и при Александрѣ,—послѣ короткаго періода подражанія образцамъ наполеоновской арміи, въ теченіе котораго прусскій духъ все-таки вполнѣ не исчезалъ. Все это не встрѣчало сочувствія въ арміи, особенно же среди легкомысленныхъ и жизнерадостныхъ гвардейскихъ офицеровъ, служившихъ предметомъ зависти и удивленія для офицерства всей обширной страны. Охотнѣе всего армія желала вернуться къ удобнымъ порядкамъ временъ Екатерины II, а въ манифестѣ, изданномъ Александромъ при вступленіи на престолъ, усматривали соотвѣтствующее обѣщаніе. Но Александръ не оправдалъ этой надежды, и это было первымъ большимъ разочарованіемъ, которое онъ доставилъ арміи. Остались въ силѣ Павловскіе образцы и ежедневные парады и ученія, хотя и безъ тѣхъ ужасовъ, которыми они раньше сопровождались. Своею настойчивой энергіей Павелъ достигъ того, что увлеченіе строевой службой сдѣлалось признакомъ хорошаго тона даже въ аристократическихъ кругахъ наиболѣе привилегированныхъ гвардейскихъ полковъ; строевой службой занимались усердно, но за то тѣмъ больше вознаграждали себя въ свободное отъ службы время [1]). Когда же Але-

[1]) См. драгоцѣнныя записки декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго, гдѣ описывается жизнь гвардейскихъ офицеровъ въ 1806 — 1808 гг. Отношенія съ французами были враждебны, даже послѣ Тильзита; Волконскій и его друзья выбили окна у Холенкура. Любовныя приключенія и дуэли были обычнымъ дѣломъ, такъ какъ Александръ не наказывалъ за

ксандръ сталъ послѣ Эрфурта особенно педантично требовать строгаго соблюденія дисциплины и настаивать на ученіяхъ, то много офицеровъ перешло изъ гвардіи въ армію, преимущественно въ войска, дѣйствовавшія въ Молдавіи и Валахіи. На войну съ Финляндіей они не шли, такъ какъ считали эту войну несправедливой. Этотъ періодъ вплоть до 1815 г. былъ особенно по душѣ военной аристократіи. Но зато тѣмъ большей тяжестью ложилось бремя военныхъ налоговъ на страну, въ особенности на крестьянское населеніе. Ему пришлось за царствованіе Александра выставить болѣе двухъ милліоновъ рекрутъ, а за одинъ періодъ 1812—1815 гг. 917.000 чел., не считая ополченія, вмѣстѣ же съ нимъ 1.237.000 чел. Это число тѣмъ болѣе поразительно, что въ то время все мужское населеніе, обязанное исполнять воинскую повинность, составляло 15.800.000 чел., если же считать только возрастъ отъ 15 до 35 лѣтъ, то немного болѣе 5 милліоновъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ принимала участіе четвертая часть взрослаго мужского населенія Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже не хватало взрослыхъ для удовлетворенія этихъ требованій, поэтому здѣсь забирали 12-лѣтнихъ мальчиковъ, посылали ихъ въ военные сиротскіе дома, давали имъ тамъ военное воспитаніе, а по достиженіи 18-лѣтняго возраста зачисляли въ армію. Такъ какъ срокъ службы равнялся 25 годамъ [1]), то числа эти пріобрѣтаютъ громадное значеніе. Въ годы войны это бремя еще сносили, какъ неизбѣжную, хотя и тяжелую патріотическую повинность, но въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра оно вызывало ропотъ и недовольство, а иногда и открытое сопротивленіе.

Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть большой заслуги въ томъ, что къ концу царствованія Александра русская армія сравнялась съ великими арміями континента, какъ по своему устройству, такъ и по вѣроятной своей полезности, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вѣроятно, даже превосходила ихъ. Въ Россіи было много иррегулярныхъ войскъ, что давало возможность уменьшить регулярную кавалерію. Когда же народу насильственно навязали

послѣднія. Замѣчательно, что въ этихъ кругахъ не считалось позорнымъ мошенничать въ карточной игрѣ и быть на содержаніи! Офицеры еще пудрили себѣ волосы, для Петербурга это было даже предписано. Внѣ службы не было субординаціи.

1) Въ 1810 г. государственный совѣтъ, по указанію императора, предложилъ сократить срокъ службы до 15 лѣтъ. Предложеніе осталось невыполненнымъ въ виду грозившей опасности войны.

опытъ съ военными поселеніями съ цѣлью противопоставить прусской всеобщей воинской повинности чисто-русскую организацію, то они считались дополнительными кадрами арміи, съ помощью которыхъ расчитывали даже во время наибольшаго напряженія военныхъ силъ безъ труда удовлетворить требованіямъ самой смѣлой политики. Въ дальнѣйшемъ мы еще разсмотримъ вредныя стороны этого учрежденія.

Главной реформой арміи было произведенное еще въ 1802 г. однообразное дѣленіе всѣхъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ на 3 батальона, а каждаго батальона на 4 роты; полки тяжелой и средней кавалеріи были раздѣлены на 5, а легкой на 10 эскадроновъ.

Затѣмъ былъ образованъ резервъ: въ 1803 г. въ кавалеріи были организованы запасные эскадроны, а въ 1811 г. въ пѣхотѣ четвертые запасные батальоны, которые, впрочемъ, вскорѣ растаяли, такъ какъ они пошли на укомплектованіе армейской пѣхоты.

Въ 1812 г. всѣ полки армейской кавалеріи были доведены до шести дѣйствующихъ и одного запаснаго эскадрона; въ такомъ видѣ они оставались до конца царствованія Александра.

Раздѣленіе войскъ на инспекціи сначала сохранялось въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было установлено Павломъ, и сообразовалось съ мѣстными условіями. Лишь въ 1806 г. войска, входившія въ составъ инспекцій, были раздѣлены по французскому образцу на дивизіи, изъ которыхъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и одной артиллерійской бригады. Въ 1810 г. пѣхотныя дивизіи были соединены въ 6 корпусовъ, а изъ кавалерійскихъ образованы 4 отдѣльныя дивизіи, которыя, впрочемъ, не должны были служить тактическими единицами; полки кавалерійскихъ дивизій были приданы къ различнымъ корпусамъ и пѣхотнымъ дивизіямъ. Составъ корпусовъ не былъ одинаковъ, а число ихъ во время войны непрерывно возростало. Въ 1811 г. почти всѣ пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи состояли изъ 6 полковъ, образовавшихъ 3 бригады, а новообразованныя артиллерійскія бригады были приданы къ различнымъ корпусамъ и дивизіямъ. Лишь въ 1812 г., когда грозило наполеоновское нашествіе, были образованы двѣ арміи, первая и вторая, а потомъ къ нимъ была присоединена третья «обсерваціонная» армія въ Волыни. Если оставить въ сторонѣ менѣе важныя подробности, то на этомъ, въ главныхъ чертахъ, заканчивалась новая организація русскихъ войскъ. Изданныя Барклаемъ-де-Толли въ началѣ 1812 г. и утвержденныя императоромъ предписанія объ управленіи большой дѣйствующей

арміей сохраняли свою силу почти полстолѣтія. Въ 1814 г. было сдѣлано еще распоряженіе, чтобы при каждой пѣхотной дивизіи состояло по бригадѣ пѣшей артиллеріи, а въ 1816 г. каждая кавалерійская дивизія получила по 2 роты конной артиллеріи. Наконецъ, въ 1814 г. было установлено, чтобы каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ 2—3 пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Остальныя кавалерійскія дивизіи образовали 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, по 2 дивизіи въ каждомъ. Они были приданы къ обѣимъ арміямъ.

Но въ 1817 г., когда были закончены всѣ нововведенія, это даетъ слѣдующую картину. Первая армія съ главной квартирой въ Могилевѣ на Днѣпрѣ была расположена отъ Новгородской до Подольской губерніи и отъ западной границы до Волги.

Въ нее входили 2 дивизіи гренадерскаго корпуса и 1—5 пѣхотные корпуса, по 3 пѣхотныхъ дивизіи въ каждомъ, кромѣ 3-го корпуса, въ которомъ были 2 дивизіи, затѣмъ 3 дивизіи гусаръ, состоявшія при 3 первыхъ корпусахъ и 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса.

Вторая армія съ главной квартирой въ Тульчинѣ Подольской губерніи была расположена въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской. Къ ней принадлежали 6-й и 7-й корпуса съ ихъ артиллеріей и кавалеріей. Кромѣ того, одинъ корпусъ стоялъ въ это время во Франціи и одинъ въ Финляндіи.

Особые финскій и грузинскій корпуса содержали по 2 пѣхотныхъ дивизіи. Къ грузинскому корпусу принадлежала еще запасная гренадерская бригада, а къ литовскому корпусу сводно-гвардейская гренадерская дивизія. Первая гренадерская дивизія принадлежала прежде къ гвардейскому корпусу; когда же войска вернулись изъ Франціи, то одна пѣхотная дивизія была причислена къ 3-му, а другая къ 7-му корпусамъ. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1820 г. была измѣнена нумерація пѣхотныхъ дивизій: корпуса считались по старшинству отъ 1-го до 7-го, а дивизіи отъ 1-й до 20-й.

Грузинскія дивизіи получили нумера 21-й и 22-й,—финская 23-й, литовскія—24-й и 25, оренбургская—26-й и сибирская—27-й.

Въ составъ гвардіи входили 2 гвардейскія пѣхотныя дивизіи, по 4 полка и 1 батальону въ каждой, легкая гвардейская кавалерійская дивизія изъ 5 полковъ и 2 эскадроновъ, 2 гвардейскія артиллерійскія бригады по 4 роты въ каждой, лейбъ-гвардіи конная артиллерія изъ 3 ротъ, гвардейская инвалид-

ная бригада изъ 30 ротъ и полуэскадронъ лейбъ-гвардіи жандармовъ.

Въ составъ т. наз. «отдѣльнаго» литовскаго корпуса входили лейбъ-гвардіи литовскій и лейбъ-гвардіи волынскій полки, лейбъ-гвардіи подольскій кирасирскій и лейбъ-гвардіи уланскій цесаревича Константина Павловича полки, 2 роты артиллеріи и 2 гвардейскихъ инвалидныхъ роты. Отдѣльный кавказскій корпусъ состоялъ изъ запасной гренадерской бригады, 21-й и 22-й пѣхотныхъ дивизій съ артиллерійскими бригадами, нижегородскаго драгунскаго полка и 2 полковъ и 3 батальоновъ крѣпостныхъ войскъ. Какъ къ гвардіи, такъ и къ обѣимъ арміямъ и отдѣльнымъ корпусамъ были приданы саперы, піонеры и т. наз. учебные батальоны.

Ко всему этому нужно еще причислить польскую армію и проектированный отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Ко времени смерти Александра въ нихъ входили: причисленная къ гвардейскому корпусу 1-я гренадерская дивизія и гренадерскій саперный баталіонъ, 3 первыхъ баталіона пѣхотныхъ дивизій отъ 1-й до 19-й (кромѣ 17-й) 3 уланскихъ дивизіи и кадры полковъ 2-й и 3-й кирасирскихъ дивизій [1]).

По этимъ даннымъ невозможно сдѣлать опредѣленный выводъ объ общемъ численномъ составѣ русской арміи, такъ какъ точнаго подсчета личнаго состава не было, и всѣ числовыя данныя вѣрны лишь приблизительно; во всякомъ случаѣ, едва ли общее число значительно превышало 700.000 чел. [2]). Повидимому, этимъ достигалось то, что Александръ поставилъ себѣ цѣлью въ 1816 г.: Россія была такъ же сильна, какъ Австрія и Пруссія вмѣстѣ [3]), но вопросъ былъ въ томъ, находится ли нравственная сила этой арміи въ періодѣ роста или упадка; самъ царь склонялся скорѣе къ пессимистическому, чѣмъ оптимистическому отвѣту на этотъ вопросъ. Страшныя мошенничества во всѣхъ отрасляхъ военнаго вѣдомства, начиная съ послѣднихъ

---

[1]) Въ этотъ перечень не входитъ т. наз. внутренняя стража, корпусъ инвалидовъ и инвалидныя роты, а также этапы и соляныя команды.

[2]) По вычисленію русскаго генеральнаго штаба, сдѣланному къ 25 лѣтію царствованія Николая, въ 1826 г. состояло фактически на службѣ 729.655 чел., а номинально 884.356. Тамъ же есть указаніе, что въ 1826 г. армія насчитывала 405 генераловъ и 17.985 штабъ—и оберъ-офицеровъ.

[3]) Весною 1816 въ бесѣдѣ съ Киселевымъ: «Россія находится въ такомъ положеніи, что должна содержать такую же сильную армію, какъ у Австріи и Пруссіи вмѣстѣ; другихъ нашихъ сосѣдей я не беру въ расчетъ!» Замѣчательное доказательство недовѣрія, жившаго уже тогда въ Александрѣ.

военныхъ писарей и кончая высшими чинами военнаго министерства, приняли въ теченіе 1812—1815 гг., даже по сравненію съ аналогичными явленіями 1805—7 гг. неслыханные размѣры, особенно въ интендантствѣ и продовольственномъ департаментѣ, такъ что потребовалось самое энергичное вмѣшательство императора [1]). Онъ назначилъ Коновницына военнымъ министромъ, а князя Волконскаго начальникомъ штаба и въ то же время дѣйствительнымъ формальнымъ руководителемъ арміи, оставивши за военнымъ министромъ только хозяйственныя дѣла. Беннигсенъ, котораго лично ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, но который, по мнѣнію императора, былъ слишкомъ снисходителенъ, былъ замѣщенъ въ должности командующаго 2-й арміей Витгенштейномъ, а командующимъ 1-й арміей послѣ смерти Барклая назначенъ Сакенъ; вообще, всѣ важнѣйшіе посты были поручены людямъ, которые пользовались личнымъ довѣріемъ императора и стояли внѣ подозрѣній въ подкупности, — въ этомъ заключался основной критерій. Кромѣ того, у него былъ еще Аракчеевъ, который, въ качествѣ предсѣдателя военнаго департамента государственнаго совѣта, имѣлъ колоссальное вліяніе на всѣ военныя дѣла. Но всѣ эти люди были, въ его глазахъ, исключеніемъ. «У меня нѣтъ помощниковъ», говорилъ онъ,—«да и гдѣ ихъ взять?» До насъ дошла написанная для царя характеристика генераловъ 2-й арміи за 1823 г., которая была составлена Киселевымъ, благонамѣреннымъ и дѣльнымъ генераломъ, въ то время начальникомъ штаба 2-й арміи; она заслуживаетъ полнаго вниманія и рисуетъ намъ средній типъ русскаго генерала той эпохи:

Генералъ *Сабанѣевъ*. Командиръ 6-го корпуса. Заслуги его извѣстны, для службы онъ по истинѣ полезенъ и неутомимъ и, по-моему, годится. Строевой службы не знаетъ и не любитъ. По своей болѣзненности, именно по болѣзни глазъ, не сможетъ долго командовать корпусомъ. Его военныя познанія надежны, въ военномъ совѣтѣ онъ былъ бы однимъ изъ полезнѣйшихъ генераловъ. Для всякаго военно-учебнаго заведенія онъ могъ бы быть полезенъ.

Генералъ-лейтенантъ *Казачковскій*. Начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи. Старый служака; безъ всякаго образованія, но хорошъ для исполненія приказаній, если за нимъ присмотрѣть.

[1]) Припомнимъ, что военный министръ Горчаковъ и статсъ-секретарь Молчановъ были отданы подъ судъ за заключеніе договора о поставкѣ хлѣба по 20 и 30 руб., тогда какъ было предложеніе по совсѣмъ не низкой цѣнѣ въ 12½ руб.

Во всякомъ другомъ государствѣ онъ былъ бы полковникомъ, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ бригадиромъ.

Генералъ-лейтенантъ *Рудзевичъ*. Командиръ 7-го корпуса. Храбрый, осмотрительный дивизіонный генералъ, безъ собственныхъ идей, уменъ, но чрезмѣрно честолюбивъ. Передъ сильными гибокъ и лживъ. Не болѣе дивизіоннаго генерала.

Генералъ-лейтенантъ *Корниловъ*. Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи. Былъ хорошимъ полковникомъ, усерденъ, но служитъ только ради столовыхъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ *Левенштернъ*. Начальникъ артиллеріи 2-й арміи. Соблюдаетъ личную выгоду. Злопамятенъ. Во Франціи командовалъ парками.

Генералъ-майоръ *Булатовъ*. Командиръ 1-й бригады 16-й дивизіи. Храбрый офицеръ. По своимъ годамъ и по тому, что сдѣлалъ, скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для службы [1]).

Генералъ-майоръ князь *Сибирскій*. Начальникъ 18-й пѣхотной дивизіи. Въ плохихъ домашнихъ условіяхъ. Въ долгу у своихъ подчиненныхъ и зло для службы.

Генералъ-майоръ *Ферстеръ*. Начальникъ инженеровъ 2-й арміи. Въ первую турецкую войну былъ дѣльный по тому времени офицеръ. Теперь каждый окончившій курсъ кадетъ знаетъ больше по его спеціальности. Ѣстъ много, пьетъ еще больше. Богатѣетъ на службѣ и подчиняется своимъ адъютантамъ.

Генералъ-майоръ *Желтухинъ I*. Начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи. Въ мирное время усердный генералъ съ ефрейторской выправкой, но очень пригоденъ для механической службы, для обученія войскъ. Впрочемъ, негодяй и, по-моему, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Считается, что онъ не воруетъ, такъ что его можно было бы сдѣлать интендантомъ.

Генералъ-майоръ *Рылѣевъ*. Командиръ 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Фельдфебель, при томъ пьяный.

Генералъ-майоръ баронъ *Розенъ*. Начальникъ 3-й драгунской дивизіи. Никуда и ни на что не годенъ.

Генералъ-майоръ *Ивановъ I*. Командиръ 3-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Храбрый полковникъ.

Генералъ-майоръ *Васильчиковъ III*. Командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Хорошее воспитаніе замѣняетъ ему необходимыя для генерала качества. Въ полѣ не считался храб-

---

[1]) Александръ писалъ о немъ адмиралу Чичагову въ 1812 г.: «Постарайтесь собрать точныя свѣдѣнія о генералѣ Булатовѣ; имъ любятъ пользоваться, но это—скотина, которая очень плохо служила, но за то отлично воровала.

рымъ; не имѣетъ личной твердости. Тѣмъ не менѣе, при полномъ ничтожествѣ остальныхъ, отборный бригадный командиръ.

Генералъ-майоръ *Козляниновъ*. Командиръ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Былъ командиромъ гвардейскаго батальона. Огромная тучность дѣлаетъ для него службу невозможной. По сравненію съ Корниловымъ, Казачковскимъ и другими относительно образованъ.

Генералъ-майоръ *Турчаниновъ*. Командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Никуда и ни на что не годенъ.

Генералъ-майоръ *Мосаловъ*. При начальникѣ 3-й драгунской дивизіи. Удивляюсь, что этотъ человѣкъ—генералъ.

Генералъ-майоръ *Стааль I*. Главный интендантъ 2-й арміи. Неудачно женатъ, но почтенный человѣкъ, могъ бы быть очень полезенъ.

Генералъ-майоръ *Игнатьевъ II*. Дежурный генералъ 2-й арміи. Московскій бригадиръ.

Генералъ-майоръ *Пантеніусъ*. Командиръ 3-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Не болѣе полковника, понимаетъ хозяйство, нѣмецъ.

Генералъ-майоръ *Шевандинъ*. Командиръ 3-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Принадлежитъ къ Турчаниновымъ, Мосаловымъ и остальнымъ, а по своему отвратительному виду ни къ кому.

Генералъ-майоръ *Мордвиновъ III*. Командиръ 1-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи. Болѣзненъ, слабоуменъ, мало работоспособенъ [1]).

Генералъ-майоръ *Хоментовскій*. Генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи. Отличный инструментъ. Глубоко-честенъ. Отмѣнно копируетъ карты.

Генералъ-майоръ *Тимротъ*. Командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Линейный бригадный командиръ; если ему перевести приказы на нѣмецкій языкъ, то понимаетъ ихъ.

Генералъ-майоръ *Даконскій*. Командиръ 2-й бригады 3-й драгунской дивизіи. Хорошъ для внутренней стражи, но безъ командованія.

Генералъ-майоръ *Киселевъ* (собственная характеристика). Начальникъ штаба 2-й арміи. Безъ прежнихъ заслугъ, поэтому безъ правъ на занимаемую должность; уменъ, но еще болѣе самонадѣянъ, поэтому можетъ принести пользу. Честенъ и го-

[1]) Такъ какъ этотъ Мордвиновъ былъ убитъ Киселевымъ на дуэли 24-го іюня 1823, то этимъ устанавливается срокъ, раньше котораго составлена записка.

товъ пожертвовать собою ради службы. При малѣйшемъ (вызванномъ имъ) недовольствѣ пожертвуетъ всѣмъ, чтобы удовлетворить свое самолюбіе.

Генералъ-майоръ *Байковъ*. Командиръ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Хорошій бригадиръ. Говорятъ, отлично исполняетъ приказанія.

Генералъ-майоръ *Шульманъ*. Начальникъ артиллеріи 6-го корпуса. Отличный офицеръ.

Генералъ-майоръ *Сосѣдко*. Начальникъ артиллеріи 7-го корпуса. Каліостро-Сведенбергъ и другіе шарлатаны создали карьеру этого горе-артиллериста. Ему нельзя заводить короткихъ знакомствъ, потому что для него было бы несчастьемъ, если бы его узнали.

Генералъ-майоръ *Пущинъ*. Командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Придатокъ Васильчикова и Тимрота.

Генералъ-майоръ *Готовскій*. Начальникъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса. По уму равенъ Шевандину или Мосаловымъ и Турчаниновымъ. Но окончилъ кадетскій корпусъ и потому (?) поразительно глупъ.

Генералъ-майоръ *Тухолка*. Командуетъ 3-й бригадой 22-й пѣхотной дивизіи. Дуракъ и пьяница.

Вотъ и весь рядъ. Трудно допустить, чтобы въ 1-й арміи дѣла были лучше. Но въ гвардіи уровень образованія былъ значительно выше; вѣроятно, въ арміи среди низшихъ офицерскихъ чиновъ, начиная съ полковника, было сравнительно больше образованныхъ и ревностныхъ офицеровъ, чѣмъ на верхахъ. Въ этихъ кругахъ еще въ 1810 г. начали серьезно изучать военныя науки, а затѣмъ походы въ Европу, новая культура и новая свобода, съ которыми армія пришла въ соприкосновеніе, произвели на нее чрезвычайно сильное впечатлѣніе, оно еще больше усилилось отъ продолжительнаго пребыванія оккупаціонныхъ войскъ на французской землѣ; чисто русское міровоззрѣніе офицерства стало постепенно переходить въ либеральный космополитизмъ. «У насъ было», говоритъ одинъ современникъ, — «несравненно больше свободнаго времени, каждый изъ насъ дышалъ свободнѣе, точно камень съ сердца свалился» [1]). Къ этому присоединялось еще вліяніе вновь появившихся во время войны масонскихъ ложъ, «военной ложи къ св. Георгію», ложъ «къ Тремъ Добродѣтелямъ», «Избраннаго Михаила» и др., а также знакомство съ прусской «ложей къ желѣзному кресту», фран-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій «Воспоминанія о 1822 г.»

цузскими ложами «St. Jean de Iérusalem», «Des frères unis», «Grand Orient de France» и т. д.; изъ нихъ «ложа къ желѣзному кресту» произвела по своему патріотизму и идеальному характеру—особенно глубокое впечатлѣніе на русскихъ участниковъ ея засѣданій. Съ возвращеніемъ войскъ оживились снова петербургскія ложи, заключившія между собою при гросмейстерахъ графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ и Віельгорскомъ «братскій конкордатъ». Отъ этихъ главныхъ ложъ зависѣли всѣ остальныя русскія ложи; 24-мя руководила ложа Мусина-Пушкина «Астрея», 8-ю гросмейстеръ Віельгорскій. Въ Петербургѣ было не менѣе 14 ложъ, развѣтвленія же ихъ доходили до Томска. Трудно повѣрить, чтобы вліяніе этихъ ложъ было особенно глубоко. Въ нихъ входило много незначительныхъ людей; повидимому, главной приманкой для большинства «братьевъ» служили, на ряду съ нѣсколько туманными филантропическими цѣлями, обрядовые вопросы и споры, а также таинственная торжественность, въ которую была облечена дѣятельность ложъ. Къ тому же всѣ ложи находились болѣе или менѣе открыто подъ надзоромъ полиціи и носили характеръ не тайныхъ обществъ, а клубовъ. Въ отличіе отъ всякихъ другихъ русскихъ обществъ, здѣсь не допускалось игры въ карты; въ то же время тщательно устранялось все, что могло возбудить неудовольствіе правительства и его полицейскихъ органовъ контроля. Изъ-за этого-то имъ и пришлось, въ концѣ концовъ, погибнуть [1]). Въ 1818 и 1819 гг. генералъ-губернаторы съ особенно тонкимъ чутьемъ, какъ маркизъ Паулуччи и князь П. М. Волконскій, закрыли въ своихъ губерніяхъ ложи; петербургскія же братья, принадлежавшіе къ «обществу», справедливо видя въ этомъ доказательство антипатіи царя къ ложамъ, вышли, по примѣру князя Лобанова и графа Мусинъ-Пушкина, изъ своихъ ложъ. То, что продолжало жить въ старыхъ рамкахъ, не носило вовсе политическаго характера и допускалось Александромъ еще нѣсколько лѣтъ. Когда же всѣ тайныя общества были запрещены царскимъ указомъ отъ 1/13-го августа 1822 г., то ложи закрылись, а все ихъ движимое имущество было продано полиціей съ публичнаго торга, для того, чтобы отдать всѣ ихъ тайны на посмѣшище публики. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, игра въ карты приняла неслыханные даже для Петербурга размѣры, а съ другой, фактически сохранившіяся тайныя общества получили радикальный

[1]) Было всего 2 тайныхъ ложи: мистическая ложа Т. Р. Лабзина въ Петербургѣ и московская ложа, руководимая сенаторомъ Кутузовымъ. За обѣими слѣдила тайная полиція.

характеръ. Едва ли, однако, можно считать внезапное и безслѣдное исчезновеніе ложъ умственной или нравственной потерей. Одинъ изъ русскихъ знатоковъ этого періода справедливо полагаетъ, что невозможно доказать, чтобы не только простые члены русскихъ масонскихъ обществъ, но даже гросмейстеры были знакомы съ цѣлями и задачами европейскихъ масоновъ или создали новыя идеи, соотвѣтствовавшія народнымъ потребностямъ въ Россіи. Это было такое же искусственное и поверхностное подражаніе, какъ и въ піэтизмѣ, мистицизмѣ и во всѣхъ видахъ европейскаго образованія. Не менѣе ошибочно было бы объяснять политическое возбужденіе и новыя умственныя теченія, пробивавшіяся наружу въ періодъ между вѣнскимъ конгрессомъ и смертью Александра, вліяніемъ нѣмецкой философіи, особенно сочиненіями Шеллинга и натуръ-философіи Окена. Правда, мы встрѣчаемъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ сторонниковъ ея воззрѣній; но о дѣйствительномъ вліяніи нѣмецкой мысли на русское общество не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльные выдающіеся умы, о которыхъ мы уже упоминали, являются въ этомъ отношеніи блестящимъ исключеніемъ; для большинства же людей, считавшихся наиболѣе образованными, остается вѣрнымъ то, что еще долго составляло характерную черту русской культуры: они принимали готовыя данныя, какъ догмы, и на этомъ шаткомъ фундаментѣ строили себѣ міровоззрѣнія, лишенныя внутренней силы и твердости.

Пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе смерти такихъ людей, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ и И. П. Тургеневъ (оба умерли въ 1807 г.), навсегда остался не заполненнымъ. Ихъ дома были, дѣйствительно, центромъ развивавшагося умственнаго движенія; слѣдующее же поколѣніе, т.-е. молодежь 20-хъ годовъ, удовлетворялась поверхностнымъ образованіемъ. Импульсъ, принесенный ею изъ походовъ и переданный слѣдующему молодому поколѣнію, носилъ не столько научный, сколько восторженно-патріотическій характеръ, опиравшійся на обще-человѣческіе идеалы. Послѣдніе находились въ противорѣчіи съ условіями русской жизни и вызвали сначала страстное желаніе реформъ: когда же оказалось, что надежды на это не могутъ осуществиться, то онѣ перешли въ столь же сильное стремленіе къ перевороту. Въ этомъ и заключается ядро всѣхъ революціонныхъ стремленій въ Россіи вплоть до настоящаго времени, и не трудно придти къ выводу, что поколѣніе, ставшее жертвою этихъ разочарованій и революціонныхъ плановъ, одинаково заслуживаетъ сожалѣнія и осужденія.

Русская литература того времени не могла служить опорою. Единственныхъ два крупныхъ таланта, которые по своему личному характеру были достаточно сильны, чтобы занять мѣсто вождей, а именно упомянутый выше адмиралъ и будущій министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ и историкъ Карамзинъ, не могли получить этой роли, потому что одинъ былъ литературный реакціонеръ, который противился дальнѣйшему развитію русскаго языка, а другой прославлялъ въ исторіи и политикѣ самодержавіе, которое ему казалось необходимой, разъ навсегда предопредѣленною формой правленія въ Россіи. То обстоятельство, что оба этихъ человѣка были въ то же время заслуженными русскими патріотами и безупречными личностями, имѣло такъ же мало значенія, какъ и рѣшительныя литературныя заслуги Карамзина въ видѣ удивительной критической работы, искусства изложенія и красоты языка.

Съ другой стороны, для общественнаго настроенія того времени характерно, что разнузданные и въ политическомъ отношеніи вызывающіе стихи мальчишки-школяра [1]), свободно владѣвшаго формой, но талантъ котораго въ тѣ годы былъ лишенъ всякой глубины, являлись событіемъ въ русской литературѣ и въ умственной жизни высшихъ слоевъ націи. Когда Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, о которомъ въ данномъ случаѣ и идетъ рѣчь, въ 1811 г. двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, вступилъ въ лицей, основанный когда-то Александромъ въ Царскомъ Селѣ для воспитанія своихъ младшихъ братьевъ, то онъ принесъ туда съ собою воображеніе, уже испорченное чтеніемъ двусмысленныхъ французскихъ книгъ, а преподаваніе, во всѣхъ отношеніяхъ недостаточное, и разнузданный образъ жизни лицеистовъ, остававшихся почти безъ всякаго надзора, не внесли въ жизнь высоко-одареннаго юноши ничего иного, кромѣ сомнительныхъ знаній въ разныхъ областяхъ, совершенства въ умѣніи владѣть французскимъ и русскимъ языками, необузданной чувственности и самолюбія, хотя и очень обостреннаго, но не имѣвшаго ничего общаго съ серьезнымъ чувствомъ чести. 9/21 іюня 1817 г. происходилъ торжественный первый выпускъ воспитанниковъ лицея въ присутствіи самого императора Александра; кромѣ Пушкина, здѣсь былъ еще цѣлый рядъ чрезвычайно одаренныхъ молодыхъ людей, какъ, напримѣръ, поэты Кюхельбекеръ и баронъ Дельвигъ, будущій канцлеръ князь Горчаковъ, баронъ Модестъ Корфъ и другіе, которымъ предстояла менѣе печальная,

[1]) Это мнѣніе о поэзіи Пушкина и о настроеніи общества остается на отвѣтственности только профессора Шимана.

но и менѣе блестящая карьера. Пушкинъ и его друзья погрузились въ водоворотъ удовольствій и вращались въ гвардейской офицерской средѣ, куда, на ряду съ погонею за сильными ощущеніями, въ видѣ любовныхъ приключеній, дуэлей и дикихъ оргій, въ это же время сталъ проникать новый, болѣе возвышенный духъ.

То-то и характерно для революціоннаго движенія, развившагося въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра, что оно выросло изъ благороднаго зерна и при другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Россіи, могло бы принести благородные плоды. Но умственныя и политическія теченія, исходившія отъ самого императора и дѣйствовавшія въ развращающей атмосферѣ тщательно соблюдаемой тайны, вызвали то, что благомыслящіе и благородные реформаторы обратились въ революціонеровъ, которые видѣли въ государственномъ переворотѣ единственное дѣйствительное средство для улучшенія невыносимаго положенія.

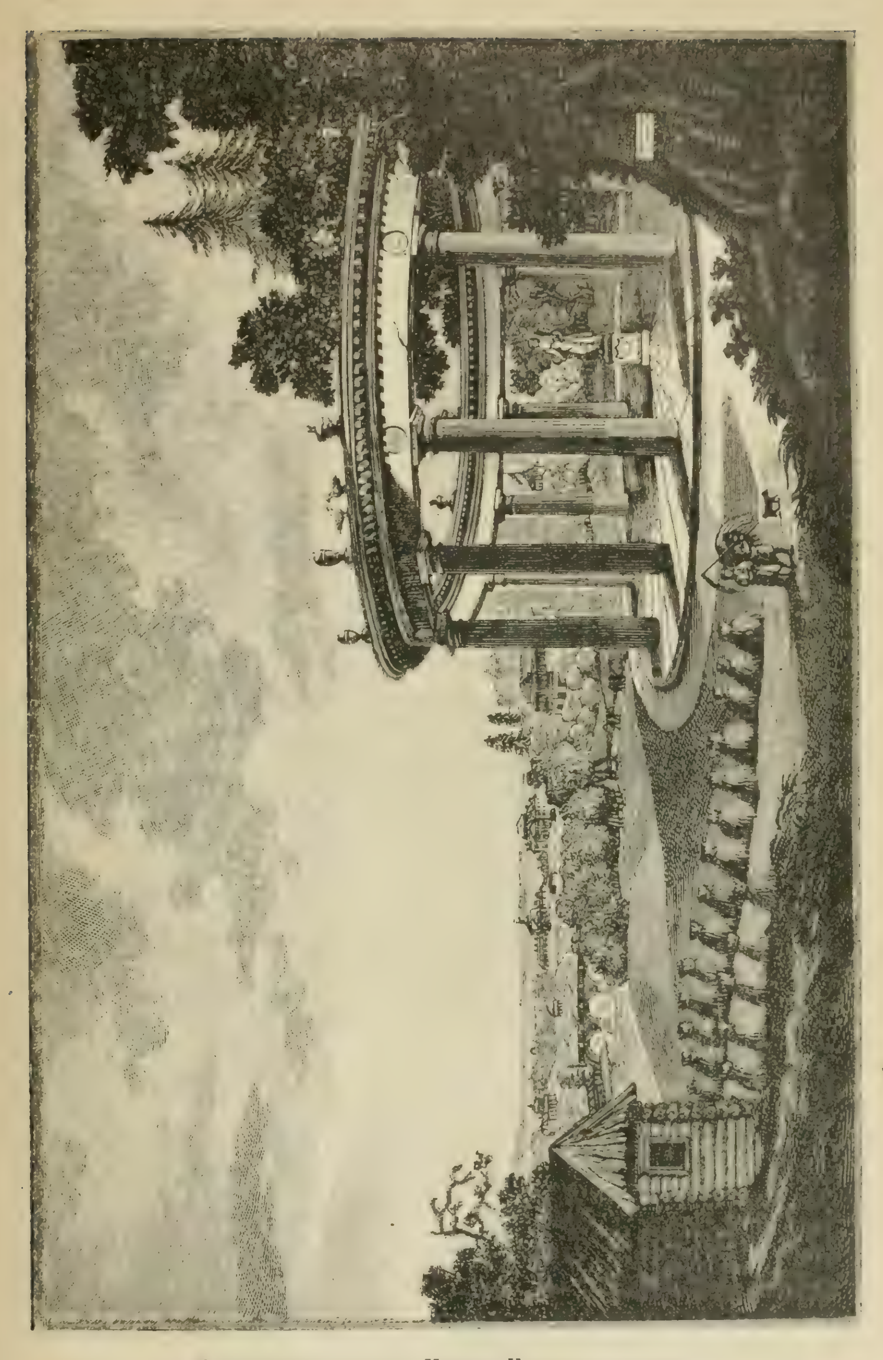
Первоначально собрался небольшой кружокъ молодыхъ офицеровъ, поставившихъ себѣ цѣлью распространять сначала среди товарищей, а потомъ и черезъ общественное мнѣніе, идеи, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были быть осуществлены, какъ первое условіе всякаго дальнѣйшаго прогресса, а именно: уничтоженіе крѣпостного права, распространеніе образованія путемъ устройства школъ, болѣе человѣчное обращеніе съ солдатами, борьба съ возмутительною несправедливостью и продажностью суда и администраціи и подготовка націи къ усвоенію болѣе свободныхъ политическихъ формъ. Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ не было ничего подозрительнаго. Самъ императоръ Александръ сочувствовалъ каждому изъ нихъ и обсуждалъ ихъ съ Лагарпомъ, въ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета или позже— со Сперанскимъ и другими. Къ тому же въ такое время, когда еще допускалось существованіе ложъ и повсюду возникали литературныя общества, принимавшія невольно политическую окраску, едва ли можно было видѣть что-либо запретное въ интимномъ, хотя и тайномъ союзѣ для филантропическихъ цѣлей.

Началось съ того, что въ 1816 г. у трехъ блестящихъ молодыхъ офицеровъ явилось желаніе обмѣниваться мыслями по вопросу о необходимости перемѣны существующихъ условій. Это были Александръ Муравьевъ, его двоюродный братъ Николай Муравьевъ и князь Сергѣй Трубецкой—все однолѣтки, въ возрастѣ отъ 24 до 25 лѣтъ. Въ началѣ ихъ возмущало только то, что Александръ оказывалъ предпочтеніе иностранцамъ. Въ обществѣ циркулировали слова царя, выразившаго мнѣніе, будто „русскіе



Александрова дача. Храмъ Фелицы въ саду.

Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ. 1810 г.



Александрова дача. Храмъ Цереры въ саду.
Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича“. Харьковъ. 1810 г.

или плуты, или дураки» [1]). Предполагалось составить «заговоръ противъ нѣмцевъ», но эта мысль была скоро оставлена. Вмѣсто того образовался безформенный и плохо-организованный «Союзъ Спасенія Россіи». Теперь въ него вошли еще нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ: братья Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и поручикъ Якушкинъ—всѣ трое изъ Семеновскаго полка. Предполагалось повліять на русское дворянство и побудить его подать царю петицію объ освобожденіи крестьянъ. Отсюда видно, какъ мало эти молодые люди знали Россію. Когда же затѣмъ Якушкинъ написалъ своему дядѣ, что хочетъ освободить своихъ крестьянъ, то тотъ позаботился объ удаленіи племянника изъ опасной среды, въ которой онъ вращался. Его перевели въ 37-й егерскій полкъ. Подобные планы считались не только въ высшей степени подозрительными, но и просто порожденіями больного ума. Общество между тѣмъ успѣло уже расшириться. Черезъ Новикова, правителя канцеляріи князя Репнина, въ концѣ 1816 г. въ общество былъ принятъ Павелъ Ивановичъ Пестель [2]); онъ внесъ съ собой туда человѣколюбіе, направленное на опредѣленныя политическія цѣли. Пестель былъ, безъ сомнѣнія, недюжинная личность. Будучи еще воспитанникомъ пажескаго корпуса, онъ задумывался надъ политическими вопросами, а впослѣдствіи посвящалъ ихъ изученію все свободное время. Такъ какъ онъ былъ въ то же время храбрый и свѣдущій офицеръ, то легко сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе товарищей и начальства. Съ его вступленіемъ въ тайное общество замѣчается стремленіе къ болѣе прочной его организаціи. При

---

[1]) Это мнѣніе Александръ высказалъ въ разговорѣ съ генераломъ адъютантомъ Ожеровскимъ.

[2]) Сынъ сибирскаго генералъ-губернатора, недоброй памяти Ивана Борисовича Пестеля, род. 24-го іюня 1792 г. Мать его была нѣмка, урожденная Крокъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ Дрезденѣ. Въ маѣ 1810 г. поступилъ въ пажескій корпусъ, а въ декабрѣ 1811 г. въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Отличился подъ Вильной. Въ сентябрѣ 1812 г. былъ раненъ. Въ 1813 г. состоялъ адъютантомъ при Витгенштейнѣ, послѣ битвы при Лейпцигѣ произведенъ въ поручики. За сраженія при Баръ-сюръ, Объ и Труа, получилъ Анну, а въ декабрѣ 1814 г. орденъ «Pour le merité». Въ 1815 г. былъ съ Витгенштейномъ сначала въ Вильнѣ, потомъ въ Митавѣ, 1816 г.—въ Петербургѣ. Когда Витгенштейнъ былъ назначенъ въ 1818 г. главнокомандующимъ второю арміей, то Пестель послѣдовалъ за нимъ въ качествѣ адъютанта въ Тульчинъ. Въ ноябрѣ 1819 г. сопровождалъ Витгенштейна въ Петербургъ и произведенъ въ подполковники Маріупольскаго гусарскаго полка. Въ 1821 г. былъ посланъ въ Бессарабію съ военно-политическою миссіей, а затѣмъ произведенъ въ полковники Вятскаго пѣхотнаго полка.

этомъ обнаруживается нѣкоторое разногласіе между нимъ и Муравьевыми. Въ виду того, что не удалось достигнуть соглашенія по поводу представленныхъ обѣими сторонами проектовъ конституціи, то было основано другое тайное военное общество, куда вошли почти всѣ лучшіе элементы изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ такія личности, какъ адъютантъ великаго князя Михаила, Бибиковъ, князь Долгорукій изъ гвардейской артиллерійской бригады, оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Перовскій, командиръ полка наслѣднаго принца Прусскаго, командиръ гвардейскихъ егерей фонъ-Визинъ и др.

Поворотъ, сообщившій этой безусловно благонамѣренной, хотя и не вполнѣ надежной, дѣятельности опасный характеръ, произошелъ лишь позднею осенью 1817 г. Императоръ Александръ собирался 12/24-го октября совершить въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ закладку собора, который долженъ былъ напоминать грядущимъ поколѣніямъ о томъ днѣ, когда съ отступленіемъ Наполеона на глазахъ у всѣхъ, начался великій судъ Божій надъ врагами Россіи. Для большей торжественности онъ велѣлъ отправить въ Москву представителей отъ всѣхъ императорскихъ гвардейскихъ полковъ; такимъ образомъ руководители тайнаго общества имѣли возможность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ старой столицѣ распространять свои идеи и въ московскихъ полкахъ. Въ то время господствовало особенно возбужденное настроеніе. Въ обществѣ ходила масса слуховъ. Князь Трубецкой писалъ изъ Варшавы, что Александръ хочетъ присоединить къ Польскому королевству бывшія польскія губерніи Россіи, Литву и Малороссію. На польскую конституцію и на освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ смотрѣли, какъ на оскорбленіе Россіи. Царь покровительствовалъ иностранцамъ,—это было ясно. Его поступки и намѣренія казались измѣной отечеству. Въ связи съ этимъ и возникъ вопросъ, не должно ли, для предупрежденія дальнѣйшихъ бѣдъ, устранить самого царя. Александръ Муравьевъ, говорятъ, предложилъ бросить жребій, кому взять на себя нанесеніе удара; но Якушкинъ объявилъ, что ему этого не нужно и что онъ рѣшился застрѣлить передъ Успенскимъ соборомъ сначала царя, а потомъ и себя. Въ этомъ поступкѣ онъ видѣлъ «не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ».

Къ счастью, дѣло не пошло дальше словъ, за которыми къ тому же едва ли скрывались дѣйствительно серьезныя намѣренія. Якушкинъ успокоился, но вышелъ изъ Общества, а Але-

ксандръ Муравьевъ вышелъ въ отставку, когда императоръ наказалъ его арестомъ за неудачный парадъ передъ Кремлемъ. Вскорѣ затѣмъ онъ женился и также прервалъ оффиціальныя сношенія съ обществомъ, если можно такъ выразиться. Остальные же продолжали поддерживать связь другъ съ другомъ и организовались окончательно въ «Союзъ Благоденствія». Этой организаціи придавали впослѣдствіи весьма преувеличенное значеніе. Это было патріотически-филантропическое общество, уставъ котораго, изложенный въ пресловутой Зеленой Книгѣ, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что не было бы совмѣстимо съ интересами государства, такъ что возникала даже мысль ходатайствовать передъ императоромъ объ утвержденіи Союза. Опасность заключалась въ умышленной таинственности, въ подъемѣ настроенія при обсужденіи текущихъ событій и, наконецъ, въ томъ, что, съ непрерывнымъ поступленіемъ новыхъ членовъ [1]), у руководителей возрастало сознаніе собственной силы. Самъ Союзъ старался создать центральный органъ и различалъ петербургскую, московскую и тульчинскую Думу по мѣсту стоянки главной квартиры 2-й арміи. Но связь между ними была крайне слаба; даже въ Петербургѣ составлялись новыя общества, которыя большею частью были недолговѣчны и только доказывали, насколько повсемѣстно была распространена потребность въ тѣсномъ товарищескомъ общеніи на почвѣ общихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ.

Однако, возраставшее негодованіе по поводу произвола и нечестныхъ дѣйствій правительства и крайностей милитаризма постепенно отравили все движеніе и придали ему несомнѣнно опасный для государства характеръ.

Рѣшающую роль въ этомъ случаѣ сыграло учрежденіе военныхъ поселеній и варварская жестокость, съ какою Александръ черезъ Аракчеева подавлялъ малѣйшее выраженіе недовольства невыносимымъ гнетомъ, связаннымъ съ этими поселеніями.

Въ первый разъ мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній явилась императору Александру, повидимому, въ 1808 г., во время финляндскаго похода. Вокругъ Куопіо и въ Кареліи находились поселенія шведскихъ войскъ, которыя, правда, сдались генералу Буксгевдену безъ всякой попытки къ сопротивленію, но тѣмъ не менѣе служили доказательствомъ, что и въ сѣверныхъ областяхъ возможны такія поселенія, какія существовали, начиная съ XVI вѣка, вдоль австрійской военной границы. Але-

[1]) Въ 1818 г. Союзъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 200 офицеровъ.

ксандру захотѣлось, какъ и всегда, чтобы разъ принятое намѣреніе было осуществлено возможно скорѣе. Вопросъ о военныхъ поселеніяхъ такъ и остался единственнымъ въ которомъ онъ не уклонялся отъ намѣченной цѣли. Въ 1810 г. уже была сдѣлана попытка устроить такое поселеніе для запаснаго батальона Елецкаго мушкетерскаго полка, при чемъ всѣ планы и расчеты были изготовлены Аракчеевымъ. Солдатъ отправили въ Климовичскій уѣздъ Могилевской губерніи и поселили въ деревняхъ казенныхъ крестьянъ. Самихъ же крестьянъ, въ числѣ 4000 чел., переселили въ Новороссію, гдѣ многіе изъ нихъ и погибли. Тоска по родинѣ, холодъ и голодъ, а также пьянство унесли десятую часть въ могилу. Ихъ опустѣвшіе дома тѣмъ временемъ заняли мушкетеры. То были отборные люди, большею частью женатые и явившіеся съ женами и дѣтьми; холостыхъ женили на крестьянскихъ дѣвушкахъ сосѣднихъ казенныхъ деревень. Правительство снабдило мушкетеровъ земледѣльческими орудьями, скотомъ и сѣменами для посѣва и требовало отъ нихъ, чтобъ они были одновременно солдатами и земледѣльцами. Трудно установить, насколько ему удалась эта попытка.

Въ 1812 г. поселенный батальонъ былъ призванъ на дѣйствительную службу, а когда остатки въ 1814 г. вернулись обратно, то оказалось, что дома ихъ разграблены сосѣдями. Расходы на новое устройство, а также ничтожныя хозяйственныя способности солдатъ заставили царя остановиться на другой формѣ колонизаціи. Мысли своей онъ, конечно, не оставилъ: это видно изъ его манифеста отъ 30-го августа 1814 г. «Мы надѣемся, говорилось въ немъ, что сохраненіе мира и спокойствія дастъ намъ возможность не только устроить содержаніе солдатъ лучше и съ большимъ достаткомъ, но и сдѣлать ихъ осѣдлыми и соединить съ ними ихъ семьи».

Очевидно, императоръ утвердился въ мысли, что его идея имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и въ высшей степени полезна. Однако прошло еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ ему удалось приступить къ ея исполненію. 5-го августа 1816 г. былъ изданъ указъ, которымъ графу Аракчееву поручалось устроить поселеніе для батальона гренадеръ. Весь планъ былъ сначала обдуманъ царемъ и Аракчеевымъ и разработанъ графомъ. Лишь $^3/_4$ года спустя, аракчеевскій планъ былъ сообщенъ старому генералъ - фельдмаршему Барклаю - де - Толли, а послѣдній привлекъ къ совѣту генералъ лейтенанта Дибича. Заключенія обоихъ были представлены царю въ маѣ 1817 г.; оба они высказывались рѣшительно противъ задуманнаго плана. Ихъ заключенія

были оставлены безъ послѣдствій. Запросъ былъ сдѣланъ не для того, чтобы вызвать новое обсужденіе принятыхъ уже рѣшеній, а только для того, чтобы получить отъ военныхъ авторитетовъ желательное для царя одобреніе. Обоимъ этимъ почтеннымъ генераламъ слѣдуетъ поставить въ большую заслугу, что они отказались исполнить желаніе императора; насколько извѣстно, они въ этомъ отношеніи были совершенно одиноки. Всѣ, кто окружалъ Александра, не исключая матери и братьевъ, притворялись, будто раздѣляютъ и одобряютъ геніальную мысль. Царь вѣрилъ въ превосходныя качества своего плана и ждалъ не наставленія, а похвалъ.

Статья, написанная Сперанскимъ въ 1823 г. и отпечатанная въ 1825 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ «О военныхъ поселеніяхъ», показываетъ какими гуманными идеями Александръ самъ себя тѣшилъ и другіе его тѣшили. Это — апологія, съ помощью которой опальный любимецъ, вопреки своимъ лучшимъ убѣжденіямъ, добился милости Аракчеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царя. Такъ какъ въ этой статьѣ высказаны безъ всякихъ обиняковъ тѣ самыя мысли, въ справедливости которыхъ царь и Аракчеевъ желали всѣхъ убѣдить, то важно познакомиться подробнѣе съ ея содержаніемъ. По свойственной Сперанскому манерѣ, разсужденіе ведется систематично, стройно и весьма льстиво.

Колоніи, говоритъ онъ, основаны для того, чтобъ устранить недостатки рекрутскихъ наборовъ, а именно: 1) неравномѣрность набора, 2) разрывъ родственныхъ и брачныхъ узъ, 3) трудности, связанныя съ распредѣленіемъ рекрутовъ (дальніе походы, болѣзнь, смертность), 4) безпріютность тѣхъ, кто выслужилъ свой срокъ, 5) повреждение сельскаго хозяйства и увеличенія народонаселенія, 6) обремененіе государственнаго бюджета и 7) гнетъ постоевъ. Всѣ эти недостатки чувствовались уже давно, но приступить къ лучшей системѣ стало возможно только по окончаніи войны.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы вмѣсто рекрутскихъ наборовъ, обременяющихъ всѣ части государства, сконцентрировать средства для образованія арміи и ограничить ихъ опредѣленными областями, такъ чтобы всѣ остальныя области были тѣмъ самымъ освобождены, отъ военной службы.

Населеніе военныхъ округовъ должно состоять изъ прежнихъ жителей и войскъ. Первымъ должно уравновѣсить новыя принимаемыя ими на себя повинности соотвѣтствующими льготами. Войска должны быть поселены и получить возможность матері-

ально содержать самихъ себя и безъ ущерба для военной дѣятельности пользоваться радостями семейной жизни.

Рѣшеніе подобной задачи, конечно, не легко. Къ тому же въ проведеніи этого плана можно различать два періода: переходное время и позднѣйшій періодъ, когда не будетъ ни первоначальныхъ владѣльцевъ, ни вновь поселенныхъ войскъ, а только колонизированное войско со своимъ естественнымъ дѣленіемъ на арміи, корпуса и дивизіи.

Въ первый періодъ для коренныхъ жителей дѣйствуютъ слѣдующія правила:

1) Имущество ихъ остается неприкосновеннымъ. 2) Дома ихъ частью исправляются, частью выстраиваются за-ново, а сельская хозяйственная утварь пополняется на счетъ казны. 3) Гдѣ не хватаетъ земли, тамъ ихъ надѣляютъ новою землей, полученной или путемъ корчевки, или покупкой за счетъ казны. 4) Земля эта передается поселеніямъ въ вѣчное пользованіе, такъ что съ ней не сопряжена дѣйствительная служба, а только зачисленіе въ ополченіе. 5) Съ нихъ не взимаются ни государственныя, ни земскія подати. 6) Всѣ годные служатъ и зачисляются въ поселенные полки, не разлучаясь со своими домами и сельско-хозяйственными работами. Ихъ постепенно готовятъ къ дѣйствительной службѣ, при чемъ всѣ болѣзненные и старики освобождаются отъ службы, а дѣти получаютъ соотвѣтствующее ихъ возрасту воспитаніе.

Для поселенныхъ войскъ устанавливается:

1) Общій составъ и раздѣленіе арміи остаются въ силѣ, но каждый полкъ, назначенный на поселеніе, получаетъ въ округѣ своего поселенія землю безъ лежачей на ней барщины, кромѣ того оборудованное государствомъ хозяйство.

2) Военные поселенцы соединяются со своими семьями, инвалиды призрѣваются, а малолѣтніе получаю воспитаніе.

3) Вь каждомъ округѣ устраиваются хозяйства и организуются такъ, что сначала хозяевами дѣлаются коренные жители, впослѣдствіи, когда все населеніе округа сольется, то опредѣленная часть полка будетъ состоять изъ хозяевъ, которые тогда составятъ *неподвижную* часть поселенія, въ то время какъ остальные будутъ помогать имъ въ работѣ и, соотвѣтственно приносимой ими выгодѣ, получаютъ содержаніе.

Для второго періода получается тогда слѣдующая картина:

Поселенное войско сохранило прежній составъ арміи и состоитъ изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, саперовъ и піонеровъ. Оно распадается на корпуса, дивизіи, бригады и полки. Каждый

поселенный полкъ образуетъ полковой округъ, изъ полковыхъ округовъ получаются бригадные, дивизіонные и корпусные округа, а изъ послѣднихъ—округа поселенныхъ армій. Всѣ эти округа изъемлются изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства и находятся подъ военнымъ управленіемъ.

Полковые округа управляются полковыми командирами, бригадные—бригадными генералами и т. д., наконецъ, всѣ корпусные округа вмѣстѣ взятые—главнокомандующимъ арміей.

Въ составѣ каждаго полкового округа должно различать сельскохозяйственныя и военныя части.

Каждый полкъ дѣлится на хозяйства, состоящія каждое изъ участка земли и угодій, избы, хозяйственныхъ строеній, домашняго и рабочаго скота, домашней утвари, мебели и запаса хлѣба для посѣва и для прокорма. Число хозяйствъ въ каждомъ полку опредѣляется числомъ дѣйствительныхъ солдатъ и родомъ ихъ службы. Гдѣ не хватаетъ земли и хозяйствъ, ихъ дополняетъ казна.

Внутри полкового округа различаютъ подвижную и неподвижную часть населенія. Неподвижными называются тѣ, кто не участвуетъ въ походахъ и всегда остается въ мѣстѣ поселенія, подвижными—всѣ остальные.

Къ неподвижнымъ относятся хозяева, кантонисты, инвалиды и всѣ старожилы, перешедшіе 45-лѣтній возрастъ и, наконецъ, семьи войскъ, ушедшихъ въ походъ. Хозяевами являются тѣ, кому данъ участокъ земли съ хозяйственнымъ инвентаремъ; когда полкъ уходитъ въ походъ, они остаются, продолжаютъ свои сельско-хозяйственныя работы и заботятся о содержаніи семействъ ушедшихъ войскъ.

Когда подвижные находятся въ поселеніи, то они со своими семьями опредѣляются къ хозяевамъ, помогаютъ имъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ и имѣютъ право на долю въ прибыли отъ совмѣстной работы.

Хозяйства переходятъ по наслѣдству, согласно особымъ предписаніямъ.

То, что пріобрѣтено личнымъ трудомъ независимо отъ хозяйственной дѣятельности, напримѣръ, ремесленнымъ трудомъ или торговлей, становится свободной личной собственностью.

Кантонистами становятся дѣти мужескаго пола всего населенія округа. Они дѣлятся по возрасту на младшихъ, среднихъ и большихъ.

Инвалидами являются всѣ, кто по старости или по болѣзни негоденъ къ службѣ.

Въ военномъ отношеніи каждый полкъ дѣлится на батальоны, роты или эскадроны. «Хозяева» каждаго полка соединяются въ батальонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ ротъ или эскадроновъ. Когда другіе уходятъ, то они остаются и готовятъ новую смѣну для службы въ подвижномъ батальонѣ.

Въ каждомъ полковомъ округѣ строятся церкви и основываются на ряду съ частными хозяйствами еще сельско-хозяйственныя предпріятія для обезпеченія всему округу правильныхъ доходовъ, а въ кавалерійскихъ округахъ, кромѣ того, конскіе заводы.

Изъ особыхъ доходовъ образуется ссудная касса, вездѣ устраиваются хлѣбные магазины, зданія для управленія и для почты, наконецъ, вездѣ принимаются мѣры къ содержанію въ порядкѣ столбовыхъ дорогъ и водяныхъ путей.

Каждый округъ имѣетъ свой обозъ, артельныя деньги запасныхъ, экзерциргаузы, пороховые и оружейные склады и мастерскія, чтобы держать въ порядкѣ оружіе и обозъ.

Вездѣ должны быть школы для среднихъ кантонистовъ и для большихъ учебныхъ батальоновъ, эскадроновъ или ротъ; кромѣ того, колоніи для инвалидовъ съ пріютами и госпиталями.

Если спросить, какія преимущества даются поселенцамъ за возложенную на нихъ воинскую повинность, то сравненіе показываетъ, что казенные крестьяне, которые одни идутъ въ разсчетъ, несли до сихъ поръ, слѣдующія повинности: душевой налогъ, барщину, рекрутскій наборъ, земскіе налоги деньгами и натурой и волостныя подати.

За то если крестьянинъ становится кантонистомъ, то онъ не только сохраняетъ въ пользованіе свою землю, но его доля еще увеличивается отъ прибавки корчевыхъ земель и земли, покупаемой казной, всѣ же вышеприведенныя подати отпадаютъ. Его домъ исправляется или ему дается новый, его скотъ и домашняя утварь пополняется, во времена дороговизны или голода о немъ заботятся, ему доступно всякое пріобрѣтеніе, его имущество неприкосновенно и ему открывается возможность дѣлать денежные займы. Дѣти его остаются при немъ, кромѣ военнаго времени; государство заботится объ ихъ воспитаніи, взрослые же учатся службѣ, не уходя изъ семьи, а старики, больные и неспособные призрѣваются.

Наконецъ, невѣрно, будто у всѣхъ имущество должно быть одинаково, наоборотъ, открытъ доступъ къ частному пріобрѣтенію; но въ поселеніяхъ не можетъ быть ни безпріютныхъ сиротъ, ни безпомощныхъ стариковъ и нищихъ, ни безнравствен-

ности, которая терпѣлась бы безъ примѣненія средствъ къ исправленію. Такъ же велики и выгоды, извлекаемыя государствомъ изъ военныхъ поселеній. Въ этомъ поселенномъ населеніи военныя силы возобновляются сами собою, такъ что рекрутскій наборъ постепенно уменьшится и, наконецъ, совсѣмъ прекратится. Только въ рѣдкихъ случаяхъ войны придется назначить производство набора.

Во-вторыхъ, войско будетъ содержать себя собственнымъ трудомъ, а бюджетъ военнаго министерства, поглощающій теперь столь значительную часть государственныхъ доходовъ, сначала уменьшится, а въ концѣ концовъ, сможетъ сойти на-нѣтъ.

Этимъ заканчивается апологія Сперанскаго; не трудно догадаться, что царь и Аракчеевъ остались ею довольны. Дѣйствительность исчезала передъ этимъ миражемъ, и императору, устремившему свой взоръ въ отдаленное будущее, легко было проходить мимо бѣдствій, переживаемыхъ жертвами его благодѣтельныхъ замысловъ.

Но Сперанскій отлично зналъ, что ожидаемыя отъ военныхъ поселеній сбереженія были фикціей и что въ дѣйствительности эти учрежденія поглощали огромныя суммы. Декабристъ Батенковъ, прослужившій три года у Аракчеева въ поселеніяхъ и составлявшій, по его порученію, ложныя донесенія о выгодахъ, приносимыхъ ими казнѣ, далъ въ 1826 г. передъ слѣдственной коммиссіей слѣдующее показаніе: «Поселенія стоили очень дорого: деньгами, лѣсомъ, трудомъ и людьми. Если сдѣлать правильный разсчетъ всѣхъ расходовъ, то, употребивъ 5% капитала, затраченнаго на незаконченное поселеніе любого полка 1-й гренадерской дивизіи, можно было бы навѣки обезпечить содержаніе этого полка, между тѣмъ какъ цѣлью поселенія является только доставка продовольствія. Огромный же капиталъ получается главнымъ образомъ изъ поставокъ на продовольствіе и на коммиссаріатъ и изъ другихъ средствъ, которыя, въ концѣ концовъ, обратились въ новое бремя для государства». Но Сперанскій не рѣшался сказать правду, и эта записка остается пятномъ на его имени.

Тотчасъ послѣ изданія указа отъ 5-го августа 1816 г. Аракчеевъ приступилъ къ выполненію царскаго приказанія. Онъ отправилъ своего адъютанта Мартоса въ Высоцкую волость, Новгородской губерніи, съ порученіемъ принять всѣ деревни, описать ихъ и проложить дороги. Имѣлось въ виду устроить поселеніе, какъ можно ближе къ Петербургу, а такъ какъ нельзя было избрать для этого Петербургскую губернію вслѣдствіе

полнѣйшаго безплодія почвы, то выборъ остановился на Новгородской губерніи, въ которой вдоль Волхова встрѣчаются красивыя и болѣе или менѣе плодородныя мѣстности, но которая, въ общемъ, отличается бѣдностью и не очень благопріятнымъ климатомъ. За 6-мѣсячною суровою зимой слѣдуетъ сырая и грязная весна, которая обыкновенно продолжается три мѣсяца, такъ что всѣ главныя работы крестьянъ приходятся на четвертую часть года. Сѣять пшеницу здѣсь невозможно, рожь въ хорошіе годы рождалась самъ-пятъ, овесъ—самъ-третей. Крестьянское хозяйство могло держаться только благодаря многочисленному скоту, который находилъ себѣ кормъ въ лугахъ и въ лѣсахъ. Обыкновенно въ декабрѣ у нихъ кончался запасъ муки и зерна; тогда они ѣздили въ Новгородъ и Петербургъ, чтобы вымѣнять сѣно, дрова и убойный скотъ на предметы потребленія. Къ тому же населеніе здѣсь было рѣдко. Во всей Высоцкой волости въ 23 деревняхъ насчитывалось лишь 720 душъ, и этимъ-то людямъ предлагалось прокормить 1000, а вскорѣ и 2000 гренадеръ.

Къ осени 1816 г. дѣло настолько подвинулось впередъ, что можно было приступить къ самому устройству поселенія. Сначала все населеніе было изъято изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства и подчинено вышеупомянутому адъютанту Аракчева, штабсъ-капитану Мартосу; онъ далъ намъ полное пламеннаго негодованія описаніе того, что совершалось передъ его глазами и чему онъ самъ былъ отчасти невольнымъ виновникомъ. Затѣмъ явились солдаты—сначала на постой къ крестьянамъ; тутъ-то и началась лихорадочняя работа: прежде всего нужно было построить дома, чтобы дать солдатамъ лучшее помѣщеніе и устроить военное начальство—офицеровъ и ихъ семейства—своимъ домомъ. Когда же въ апрѣлѣ 1817 года сюда явился новый батальонъ подъ командой майора фонъ-Фрикена, то несчастными крестьянами овладѣло дикое отчаяніе.

Только теперь они узнали, что должны оставить свою удобную крестьянскую одежду, замѣнить ее мундиромъ и (что раньше отъ нихъ скрывали) обратиться вмѣстѣ со своими дѣтьми въ солдатъ. Они отправили къ царю въ Петербургъ депутацію съ просьбой освободить ихъ отъ этой новой бѣды, но Аракчееву удалось перехватить пословъ, и онъ распорядился ихъ строго наказать. Дѣло казалось ему настолько важнымъ, что онъ не остановился передъ непосредственнымъ личнымъ вмѣшательствомъ,—мы знаемъ это изъ его собственныхъ писемъ. 19-го мая Аракчеевъ написалъ императору, что осмотрѣлъ поселенія въ

Высоцкой волости. Въ одной деревнѣ были волненія, жители другой деревни убѣжали въ лѣсъ, но вернулись уже черезъ три дня, кромѣ 8 человѣкъ; изъ бѣглецовъ крестьяне выдали четверыхъ, остальные уже исчезли. Онъ установилъ также, что еще 10 крестьянъ отзывались неблагопріятно о новыхъ порядкахъ. Ихъ онъ отдалъ въ солдаты и отправилъ въ Оренбургъ. Судъ онъ назначитъ потомъ, когда схватитъ послѣднихъ четырехъ. Съ постройками дѣло идетъ на ладъ.

Приведемъ еще нѣсколько писемъ, относящихся къ періоду устройства поселеній; они характеризуютъ не только грубость колонизаціонныхъ пріемовъ, но еще и самого Аракчеева и императора.

27-го мая 1817 г. Не хватаетъ только еще одного изъ бѣглецовъ. Это—тѣ самые люди, у которыхъ были найдены прошенія. «Онъ приказалъ шить мундиры для дѣтей на три роста, одѣнетъ ихъ въ одинъ день и прикажетъ, дабы они никогда другого платья не носили окромѣ мундировъ, употребляя оные и во всѣхъ работахъ».

6-го іюня. «Дѣти военныхъ поселянъ всѣ обмундированы. Обмундированіе началось въ одинъ день, въ 6 час. утра въ четырехъ мѣстахъ вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ къ центру изъ одной деревни въ другую, причемъ ни малѣйшихъ непріятностей не встрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей». Приговоръ надъ бунтовщиками уже произнесенъ. Онъ приказалъ наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь только четырехъ, остальные получили батоги и остались въ селеніи. Теперь всѣ крестьяне до 46 лѣтъ получаютъ мундиры; имъ приказано будетъ «оставаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные же ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы же стричь и бороды брить я не велю, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣлается».

17-го іюня. «Всѣ работаютъ уже въ мундирахъ, многіе уже остригли бороды [1]). Здѣсь (въ Высоцкой волости) надѣли военный мундиръ 235 человѣкъ и 165 дѣтей. Далѣе Аракчеевъ хвалитъ своихъ помощниковъ, генералъ-майора Бухмейера, батальоннаго командира фонъ-Фрикена и адъютанта Мартоса.

---

[1]) Эта стрижка вызывала настоящій ужасъ, такъ какъ часть крестьянъ были староверы. Они ходатайствовали о томъ, чтобы цирюльникамъ приказано было отдать имъ обратно ихъ бороды, для того, чтобъ они могли имѣть ихъ при себѣ въ день воскресенія изъ мертвыхъ, цирюльники же

Между тѣмъ работы по устройству поселеній распространились и на другія области.

Указомъ отъ 16-го апрѣля 1817 г. для поселеній было назначено 13 казенныхъ деревень въ Змiевскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи и предписано обратить все населеніе донскихъ казаковъ въ поселенія уланской дивизіи. Указомъ отъ 8-го октября 1817 г. семь запасныхъ эскадроновъ были обращены въ поселенные полки, а нѣсколько дней спустя было предписано причислить къ Чугуевскому уланскому полку всѣхъ тамошнихъ жителей; къ Бугской уланской дивизіи въ Херсонской губерніи было присоединено 11 казенныхъ деревень, и т. д. Къ августу 1818 г. въ поселеніяхъ были размѣщены слѣдующія части: въ Новгородской губерніи полки 1-й гренадерской дивизіи, въ Могилевской 2-я кавалерійская дивизія, въ Харьковской 3-я уланская дивизія, въ Херсонской губерніи, въ уѣздахъ Херсонскомъ, Елисаветградскомъ и Ольвіопольсомъ Бугская уланская дивизія.

Дѣло велось съ поразительной энергіей, но какою цѣной,— это видно даже изъ докладовъ Аракчеева, который явно старался представлять все царю въ лучшемъ свѣтѣ. «Я вернулся», пишетъ онъ 18-го апрѣля 1818 г.,—«изъ округа поселеній 3-й уланской дивизіи. Въ Таганрогскомъ были небольшіе безпорядки. Въ городѣ Змiевѣ я видѣлъ 16.000 человѣкъ коренного населенія въ страхѣ и горѣ, точно они лишились языка, т.-е. въ состояніи, въ которое человѣкъ попадаетъ, когда онъ недоволенъ своей судьбою, боится, но не знаетъ, что ему дѣлать, чтобы исправить свою участь. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ по невѣжеству попадаетъ въ стадій вредной тупости». Жители недовольны военными поселеніями, а военное начальство жалуется на неповиновеніе. Въ этой нуждѣ онъ обратился къ молитвѣ, тогда онъ получилъ письмо Александра и приказалъ выбрать отъ каждой деревни по 2 депутата и вызвать въ штабъ-квартиру дивизіи. Такъ какъ онъ выразилъ готовность исполнить ихъ просьбы и съѣздилъ въ деревни, то теперь все успокоилось.

брали за это плату. Впослѣдствіи начальство приказало возвращать имъ бороды безвозмездно; кромѣ того, старикамъ разрѣшено было сохранить свои бороды. Нѣкоторые изъ старовѣровъ носили, по указанію своихъ учителей, на голомъ тѣлѣ желѣзныя вериги, чтобы отвести отъ себя Божій гнѣвъ. Это обнаружилось во время одной экзекуціи, и ношеніе веригъ было строго запрещено. Съ бородами же и позже приходилось разставаться.

12-го октября, послѣ смотра первой гренадерской дивизіи, онъ сообщаетъ, что вездѣ нашелъ жителей веселыми и въ добромъ довольствѣ и что и въ остальныхъ поселеніяхъ все въ лучшемъ порядкѣ.

Во внѣшнемъ порядкѣ недостатка не было. Длинными рядами, раздѣленные березовыми насажденіями, стояли вновь отстроенные дома, т. наз. связи, одноэтажныя зданія, раздѣленныя на 2 одинаковыхъ части, которыя предназначались для двухъ, а то и для четырехъ хозяевъ-поселянъ съ назначенными къ нимъ солдатами; рядомъ съ ними находились, т. наз., мезонки, небольшія строенія, также предназначенныя для солдатъ. Переднія комнаты, содержимыя въ высшей степени чисто, были назначены для того, чтобы ихъ показывать во время смотровъ и посѣщенія гостей, а хозяева жили въ заднемъ домѣ. Дома же были сырые, нездоровые и прежде всего негодные для жилья. Инвентарь каждаго хозяйства, опись котораго висѣла въ каждомъ домѣ въ рамкѣ подъ стекломъ, провѣрялся ежедневно не только въ отношеніи полноты, но и въ отношеніи того, находится ли все на указанномъ мѣстѣ. Это дѣлалось не только въ крестьянскихъ хозяйствахъ, но и въ офицерскихъ квартирахъ. Время «хозяевъ» было настолько занято военными ученіями, которыя велись здѣсь съ мучительнѣйшимъ педантизмомъ, что для полевыхъ работъ оставалось только два дня, поэтому послѣднія все больше и больше приходили въ упадокъ, несмотря на помощь (правда, подневольную) со стороны расквартированныхъ солдатъ; о прежнемъ же доходѣ отъ торговли не могло быть вовсе и рѣчи. Текущія работы исполнялись женщинами, состоявшими также подъ контролемъ.

Наиболѣе невыносимо для крестьянъ было то, что для каждаго дѣла былъ назначенъ опредѣленный часъ и что всю утварь нужно было тотчасъ же послѣ употребленія чистить и приносить въ указанное начальствомъ мѣсто. Лѣтомъ съ 1-го мая до 15-го сентября выпечка хлѣба и варка пищи должны были происходить на дворѣ въ каменныхъ печкахъ. Въ это время осматривались печи въ домахъ, въ случаѣ надобности чинились и затѣмъ опечатывались полицеймейстеромъ. Такъ должно было продолжаться до 15-го сентября, послѣ чего можно было снова разводить огонь въ домовыхъ печахъ. Къ тому же приходилось носить неподходящую для сельскихъ работъ одежду, да еще тщательно беречь ее отъ малѣйшаго пятна и порчи. Люди жили въ постоянномъ напряженіи, въ страхѣ и тревогѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ начальствомъ и подвергаясь ежечасно опасности

тѣлеснаго наказанія. Интимный характеръ семейной жизни былъ нарушенъ постояннымъ присутствіемъ сожителей; мужъ и жена не могли ни на часъ остаться дома наединѣ, а дѣти принадлежали больше полку, чѣмъ имъ. Понятіе о собственности совершенно исчезало подъ соціалистической тиранніей новыхъ порядковъ; съ такою же роковой необходимостью утрачивалась и охота къ труду, а въ концѣ концовъ, и всякое нравственное чувство. Оставалась только безсильная ненависть и глухая жажда мести, которыя отъ времени до времени проявлялись въ кровавыхъ расправахъ, несмотря на ужасающую жестокость, съ какою воинскій уставъ наказывалъ за малѣйшее нарушеніе дисциплины.

Участь солдатъ была не лучше участи крестьянъ. На ряду съ военными ученіями—ихъ главнымъ дѣломъ—они должны были рубить дрова, осушать болота, выкорчевывать лѣса, выбирать камень, словомъ, исполнять всевозможныя непривычныя работы, такъ что большинство изъ нихъ вскорѣ же заболѣвало. Несмотря на хорошую пищу и щедрую раздачу графской водки, среди нихъ господствовала лихорадка, цынга, водянка и куриная слѣпота. Съ работы они должны были возвращаться съ пѣснями, зато по ночамъ они страдали, потому что дома у нихъ было жесткое ложе и не было печей. Нужно было нечеловѣческое терпѣніе русскаго солдата, чтобы переносить подобную жизнь, не оставлявшую даже часа на отдыхъ. Въ полку императора австрійскаго роты собирались въ батальонномъ штабѣ три раза въ недѣлю на ученіе, которое продолжалось съ 6 часовъ утра до 11 и съ 2 до 10. Въ промежуткѣ они должны были мести улицы и чистить канавы. Они были, въ сущности, крѣпостными своего начальства; то же можно сказать и объ офицерахъ. Они являлись слугами Аракчеева и его присныхъ.

Аракчеевъ охарактеризовалъ свое отношеніе къ одному изъ старшихъ офицеровъ слѣдующимъ образомъ: «Я — другъ царя, говорю вамъ, и на меня можно жаловаться только Богу». «Если командиръ военныхъ поселянъ не убѣжденъ, что рядовой солдатъ можетъ быть въ то же время земледѣльцемъ, то такое сомнѣніе дѣлаетъ его неспособнымъ командовать», — говорится въ другомъ, не-шуточномъ изреченіи. При этомъ Аракчеевъ всячески старался удерживать офицеровъ, состоящихъ при военныхъ поселенцахъ. Тѣ, кто добивался перевода въ вольный полкъ, получалъ препроводительное письмо, преграждавшее ему всякую дальнѣйшую карьеру. Нечего и говорить, что состоятельные офицеры и тѣ, у кого чувство чести было



Императоръ Алекса

Съ рисунка съ натуры Танс.



въ Петергофскомъ саду.

ва. (Изъ собраній К. А. Дашкова).

сильнѣе, чѣмъ у большинства, все-таки уходили изъ поселеній [1]).

На мѣстахъ оставались только бѣдняки незнатнаго происхожденія, жившіе на свое жалованье, да честолюбцы, спокойно переносившіе унизительное обхожденіе ради карьеры. Поэтому неудивительно, что тонъ здѣсь былъ не тотъ, что въ заносчивыхъ гвардейскихъ полкахъ. Надо всѣмъ господствовалъ духъ службы и строгой дисциплины, а такъ какъ начальству былъ извѣстенъ каждый шагъ и каждое слово, то вмѣсто дикихъ оргій, привившихся въ гвардіи и арміи, здѣсь процвѣтало молчаливое пьянство въ одиночку,—«по фельдфебельски», какъ выразился одинъ современникъ. Если что и предоставлялось офицерамъ, то только удобныя и выгодныя матеріальныя условія жизни.

Обѣдъ [2]), ужинъ, одежда, прислуги и чтеніе [3]) обходились молодому офицеру въ 13 р. 75 коп. ассигнаціями въ мѣсяцъ, т.-е. въ 4 рубля серебромъ. Деньщиками были служилые солдаты, большею частью съ Парижской медалью 1814 г.; на нихъ лежала опасная обязанность заботиться объ одеждѣ барина и о порядкѣ въ его квартирѣ, причемъ они должны были всегда быть готовы получить за какія-либо упущенія «десять горячихъ» на гауптвахтѣ. Страшный полковой полицеймейстеръ изъ инвалидовъ дѣлалъ каждое утро повѣрку всѣхъ нумеровъ и налагалъ взысканія. Больше всего угнетало офицеровъ отсутствіе умственныхъ и общественныхъ импульсовъ и убійственное однообразіе службы, которая и имъ не оставляла времени для отдыха. Строевая служба поглощала всѣ ихъ мысли и дѣятельность, дисциплина обратилась въ idée fixe, а безцвѣтная, давящая, рабская рутина убивала всякое чувство и дарованье. Но участь ихъ была все-таки гораздо легче, чѣмъ участь солдатъ и особенно военныхъ крестьянъ. На самомъ дѣлѣ, всѣ стонали и роптали. Какъ говорится въ одномъ изъ множества циркулировавшихъ тогда сатирическихъ стихотвореній:

«На бумагѣ все прекрасно,
«Но на дѣлѣ все ужасно,
«Хоть не говори!»

---

[1]) Къ 1825 г. больше половины первоначальнаго офицерскаго состава новгородскихъ поселеній частью вышли въ отставку, частью были переведены въ армію; при этомъ нужно имѣть въ виду, что гренадеры причислялись къ гвардіи.

[2]) Въ полковомъ трактирѣ, 3—4 блюда, приготовленныя крѣпостными поварами, обученными въ петербургскихъ французскихъ ресторанахъ.

[3]) «Почти запретная роскошь». Начальство не поощряло офицерскаго чтенія, хотя библіотека была обязательна.

Хотя устройство военнаго поселенія и вызывало вездѣ сопротивленіе, тѣмъ не менѣе ужасъ, какой внушала строгость Аракчеева, до сихъ поръ еще не вызвалъ сколько-нибудь значительнаго возстанія. Кризисъ наступилъ въ августѣ 1819 г., когда въ Чугуевскомъ поселеніи произошелъ очень серьезный бунтъ, въ которомъ одинаково участвовали какъ уланы-поселенцы, такъ и доведенное до крайности коренное населеніе. Методъ и мораль аракчеевскаго гнета и отношеніе императора Александра къ этимъ вопросамъ выступаютъ въ данномъ случаѣ настолько рельефно, что мы предпочитаемъ передать слово имъ обоимъ. 24-го августа 1819 г. Аракчеевъ писалъ изъ Чугуева императору:

Городъ Чугуевъ, 24-го августа 1819 г.

«Всеподданѣйше доношу Вашему Величеству о неповиновеніи въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка, въ томъ порядкѣ, какъ происходило дѣло съ отъѣзда Вашего Величества въ Царское Село до послѣдовавшаго нынѣ устраненія онаго. Важность событія вынуждаетъ меня изложить всѣ подробности. Получивши Высочайшій приказъ отправиться въ округа поселенія 2-й уланской дивизіи, я отправилъ 24-го іюня офицера, посланнаго съ донесеніемъ въ Петербургъ, къ командиру дивизіи генералъ-лейтенанту Лисаневичу и предписалъ ему назначить военный судъ подъ предсѣдательствомъ полковника Салова и передать ему для сужденія всѣхъ главныхъ бунтовщиковъ.

Сдѣлавши затѣмъ всѣ нужныя распоряженія по дѣламъ поселенія 2-й гренадерской дивизіи, которыя, какъ Вашему Величеству извѣстно, по многимъ работамъ требовали моего рѣшенія, я уѣхалъ 2-го августа, но вслѣдствіе дурной дороги, вызванной большими ливнями за Москвой, несмотря на всѣ усилія не могъ ѣхать такъ скоро, какъ того желалъ. Въ пути я получилъ между Тулой и Орломъ снова посла отъ Г. Л. Лисаневича съ донесеніемъ, что безпорядки въ Чугуевскомъ округѣ усиливаются, а число бунтовщиковъ увеличивается, что вслѣдствіе дурного примѣра произошелъ бунтъ и въ округѣ Таганрогскаго уланскаго полка, коего коренное населеніе также отказывается повиноваться, что онъ предвидитъ плохія послѣдствія и требуетъ изъ Полтавы еще 2 пѣхотныхъ полка.

Вслѣдствіе сей дурной новости я старался еще ускорить свое прибытіе, но не могъ попасть въ Харьковъ раньше 11-го с. м.

По семъ моемъ прибытіи я вызвалъ къ себѣ Г. Л. Лисаневича, тѣмъ временемъ узналъ отъ слободско-украинскаго граж-

данскаго губернатора Муратова, что возстаніе продолжается и что виною является слабость начальства и недовольство нѣкоторыхъ чиновниковъ, высланныхъ изъ города Чугуева; сіи люди, потерявши недозволенныя выгоды, коими здѣсь пользовались, употребили во зло свое вліяніе на умы кореннаго населенія. Губернаторъ прибавилъ къ сему, что общее желаніе населенія ввѣренной ему губерніи состоитъ въ томъ, чтобы съ бунтовщиками сими было поступлено по всей строгости законовъ, дабы дать примѣръ низшимъ классамъ населенія и тѣмъ успокоить волненіе.

Ночью прибылъ Г. Л. Лисаневичъ и привезъ мнѣ столь же неблагопріятное донесеніе. Изъ рапорта я узналъ, что уже теперь изъ округа Чугуевскаго полка арестовано 1104 человѣка, а изъ Таганрогскаго 899, изъ коихъ надъ 313, какъ надъ главными виновниками, наряженъ, согласно предписанія, военный судъ.

При семъ онъ донесъ мнѣ, что ни одно изъ его увѣщаній не дѣйствуетъ на бунтовщиковъ и что всѣ они съ женами и дѣтьми единодушно кричатъ слѣдующее: «не хотимъ военныхъ поселеній, они — служба графу Аракчееву, а не царю; скажите только Аракчееву, что мы приняли вѣрныя мѣры, чтобы его погубить, и знаемъ навѣрно, что съ его смертью разрушатся и военныя поселенія».

Не стану описывать Вашему Величеству мое настроеніе послѣ всѣхъ сихъ донесеній... скажу только, что, къ вящему усиленію всѣхъ сихъ непріятныхъ вещей, 10-го августа въ Харьковѣ происходитъ большая ярмарка, приносящая оборотъ въ 25 милліоновъ руб. Отсюда Вы заключите, сколь велико стеченіе народа, купцовъ всѣхъ южныхъ губерній и дворянъ. Чугуевъ же лежитъ всего въ 32 верстахъ отъ Харькова.

По разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ, съ призываніемъ на помощь всемогущаго Бога, я видѣлъ съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорѣе дѣйствіе, а съ другой, слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь. Вотъ, государь, самое затруднительное положеніе человѣка, помнящаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцатипятилѣтняя привязанность къ лицу императора Александра I рѣшили меня, составя комитетъ, разсуждать въ ономъ по дѣламъ, до возмуще-

нія касающимся, дѣйствовать же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника...

Послѣ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, въ исполненіе приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ и представленъ ко мнѣ на конфирмацію, по коему приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ, я далъ предписаніе дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнѣніе о наказаніи ихъ шпицрутеномъ каждаго черезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ, съ тѣмъ, чтобы наказаніе сіе было учинено въ первый день только сорока человѣкамъ, изъ главнѣйшихъ преступниковъ. Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18-го августа, и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Змiева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ же прощены, а прочіе 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали. Впрочемъ, при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію каждаго преступника.

По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицрутенами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ. Въ то же самое время наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывшіе подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ. Какое дѣйствіе сіе имѣло на всѣхъ жителей, Ваше Величество усмотрите изъ прилагаемаго рапорта за № 1346 дивизіоннаго командира мнѣ. Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ, въ середину самого города, призвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что приму на себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошлю къ вамъ, государь, просить за нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, если исполнятъ слѣ-

дующее: подадутъ мнѣ списокъ главнымъ зачинщикамъ безпорядка. отыщутъ бумаги, при началѣ сего возмущенія ими писанныя, и найдутъ или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убѣжища трехъ преступниковъ, бѣжавшихъ въ первые дни безпокойства.

Съ помощью Божіею, сіе имѣло желаемый успѣхъ. Бумаги были ими принесены; оныя состоятъ изъ прошенія, которое, слѣдуетъ предположить, было обсуждаемо, и изъ именъ преступниковъ, кои обязались оказать сопротивленіе, какъ одинъ человѣкъ; сіе облегчаетъ намъ отысканіе главныхъ виновниковъ. Прошеніе написано тѣмъ самымъ отставнымъ капитаномъ Тарѣевымъ, о коемъ упоминаетъ журналъ комитета отъ 12-го августа. Сей Тарѣевъ есть родной братъ старшаго адъютанта 2-й уланской дивизіи, штабсъ-ротмистра Тарѣева, коего преступныя дѣйствія присемъ особенно представляю.

Изъ дезертировъ 2 уже найдены и арестованы.

Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка выступили въ Чугуевъ въ военномъ порядкѣ; я лично объявилъ имъ благоволеніе Вашего Величества, и они прошли мимо церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ по-взводно и рысью по полуэскадронно. Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ, и, отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобы кающіеся въ своемъ преступленіи не медля пали на колѣна и просили прощенія. Къ удовольствію моему, сіе исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставя ихъ въ семъ положеніи на колѣнахъ, приказалъ дѣйствующимъ эскадронамъ слѣдовать въ свои квартиры мимо ихъ, а потомъ, сдѣлавъ имъ должное наставленіе, простилъ и распустилъ по домамъ. Не бывъ еще совершенно увѣренъ въ точномъ душевномъ раскаяніи всѣхъ жителей, коихъ въ городѣ находится обоего пола до девяти тысячъ человѣкъ, и дабы имѣть и послѣ отъѣзда моего вѣрное свѣдѣніе о всемъ, что будетъ происходить, я счелъ нужнымъ приказать полковнику Салову исполнять впредь до повелѣнія должность коменданта въ городѣ Чугуевѣ, какъ Ваше Величество усмотрите изъ моего приказа № 3, коимъ устанавливается число выставленныхъ карауловъ и порядокъ ежедневной службы, какъ сіе необходимо послѣ бунта. Къ предупрежденію же всякаго безпорядка вездѣ нахожусь самъ и надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя.

После всѣхъ сихъ распоряженій я обратился въ комитетъ для обсужденія мѣръ къ окончательному наказанію преступниковъ, кои находятся подъ арестомъ въ округѣ поселенныхъ Чугуевскаго и Таганрогскаго уланскихъ полковъ. О чемъ подробно сообщаетъ журналъ комитета отъ сего числа, который и пересылаю Вашему Величеству для письменнаго утвержденія. Прошу послать мнѣ его обратно для исполненія, ибо я отложилъ отправку людей въ Оренбургъ къ графу Витту до полученія Высочайшаго соизволенія.

Всемилостивѣйшій государь, посылая сей мой отчетъ, я приступаю къ осмотру остальныхъ поселеній 2-й уланской дивизіи и ночью возвращусь въ Чугуевъ».

Отвѣтъ царя помѣченъ 8/20-мъ сентября 1819 г. и содержитъ по поводу даннаго дѣла буквально слѣдующее:

«Издавна тебѣ извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба, и посему ты не повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи всѣхъ твоихъ бумагъ.

«Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также цѣнить и благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца за всѣ твои труды.

«Происшествіе, конечно, прискорбное; но уже когда, по несчастію, случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйти, какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ».

При этомъ, однако, императоръ дѣлаетъ еще одно замѣчаніе, звучащее легкимъ упрекомъ Аракчееву: «не слѣдуетъ ли строго, искренно и безпристрастно намъ самихъ себя вопросить: выполнено ли нами все обѣщанное полку? Не имѣвъ съ собою положенія и грамоты, данной полку, сего я теперь рѣшить не могу. Но прошу тебя искренно обрати свое вниманіе на сей предметъ».

Объ ограниченіи предстоящаго наказанія не было и рѣчи, «наказаніе преступниковъ» продолжалось дольше, пока не была удовлетворена «справедливость», какъ ее понималъ Аракчеевъ. «Довольство» порядками, созданными колонизаціей, въ то время не оставляло ничего больше желать, и когда царь посѣтилъ въ іюлѣ 1820 г. Чугуевъ, то могъ только хвалить.

Однако, варварская чугуевская расправа произвела много шуму и вызвала глубокое негодованіе, особенно среди военныхъ. Чѣмъ больше выяснялось, что конечная цѣль императора заключалась

въ поселеніи почти всего войска и, чѣмъ безграничнѣе становились полномочія Аракчеева, тѣмъ легче могъ оказаться втянутымъ въ систему новой тиранніи любой офицеръ. Это тотчасъ же сказалось на Тайномъ Обществѣ. Число его членовъ значительно возросло въ 1818 1819 гг.; дальнѣйшимъ толчкомъ явились впослѣдствіи такъ наз. возстанія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, шефомъ котораго былъ самъ императоръ.

Семеновцы, у которыхъ начальникомъ дивизіи былъ баронъ Розенъ, а его замѣстителемъ бригадный генералъ великій князь Михаилъ Павловичъ [1]), получили въ лицѣ полковника Шварца полкового командира, которому дано было порученіе завести въ полку больше порядка и болѣе строгую дисциплину. Одно ужъ его назначеніе вызвало недовольство, такъ какъ этотъ полкъ считался, какъ и Преображенскій, самымъ знатнымъ и лучшимъ во всей арміи, выдѣлялся своими, безспорно, наиболѣе образованными офицерами и привыкъ состоять подъ начальствомъ людей съ громкимъ именемъ изъ рядовъ высшей аристократіи. А тутъ полкъ получилъ нѣмца, съ именемъ котораго не было связано ни одного воспоминанія изъ временъ послѣднихъ славныхъ походовъ, — педанта, который грубо и безтактно преслѣдовалъ цѣль сдѣлать изъ семеновцевъ образцовый полкъ. Возмущались прежде всего не грубостью обращенія, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ начальникамъ—любителямъ порки [2]), но онъ доводилъ людей до отчаянія мелочами, особенно тѣмъ, что въ своемъ служебномъ усердіи лишалъ ихъ всякой возможности отдохнуть и освѣжиться. Когда же онъ, противъ обычая, назначилъ ученіе 1-му батальону полка на 17/29-го октября 1820 г., приходившееся въ воскресенье, то вспыхнулъ бунтъ. Батальонъ отказался повиноваться, пока Шварцъ будетъ оставаться начальникомъ. Безтактность великаго князя Михаила и другихъ начальниковъ привела къ тому, что къ бунтовщикамъ присоединились и другіе два батальона полка, за исключеніемъ 700 чел. Эти волненія продолжались до 18/30-го ноября и могли бы стать опасными, если бы хоть одинъ изъ офицеровъ полка взялъ въ свои руки власть. Но этого не случилось, и гуманному генералу Васильчикову удалось безъ кровопролитія и экзекуцій за-

---

[1]) 23 лѣтъ отъ роду. Солдаты и офицеры ненавидѣли его, какъ мелочного представителя самаго узкаго военнаго формализма.

[2]) Онъ довольствовался тѣмъ, что ругался, плевалъ въ лицо, вырывалъ усы и совершалъ другія такія же мерзости, но розгами наказывалъ рѣдко. Офицеры издѣвались надъ его дурными манерами, даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ.

ставить полкъ, требовавшій и отъ него удаленія Шварца, пройти въ Петропавловскую крѣпость и дать себя тамъ запереть.

Болѣе всего внушало безпокойство то обстоятельство, что найдено было воззваніе къ Преображенцамъ, призывавшее прямо къ государственному перевороту. Авторомъ его былъ, безъ сомнѣнія, одинъ только человѣкъ и во всякомъ случаѣ не тотъ, кого Александръ, безъ всякихъ доказательствъ, наказалъ за это сначала шестимѣсячнымъ заключеніемъ, а затѣмъ ссылкой,—не Каразинъ, много лѣтъ пользовавшійся дружбой царя и ставшій теперь жертвой ничѣмъ не обоснованныхъ подозрѣній [1]).

Если у Александра возникали подозрѣнія, то онъ относился къ возможностямъ, какъ къ дѣйствительности и этимъ самъ вызывалъ къ жизни то, что хотѣлъ задушить и уничтожить еще въ зародышѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Всѣ рядовые лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, не наказанные военнымъ судомъ въ качествѣ зачинщиковъ, были распредѣлены по различнымъ полкамъ арміи, для которой они явились не устрашающимъ примѣромъ, какъ того ожидалъ Александръ, а наоборотъ внесли туда ожесточеніе, вызванное сознаніемъ перенесенной несправедливости. Это чувство еще въ большей степени разносилось повсюду офицерами, которые также были переведены въ армейскіе полки, несмотря на то, что за ними не значилось ни малѣйшей вины въ злополучномъ происшествіи. Всѣ они, солдаты и офицеры, состояли съ тѣхъ поръ подъ тайнымъ надзоромъ полиціи и ясно это чувствовали, а тѣ, кто былъ у императора въ особомъ подозрѣніи, не получали повышенія по службѣ [2]).

Многіе же изъ офицеровъ принадлежали къ Тайному Обществу и широко распропагандировали его въ арміи. Въ самомъ Обществѣ усилилось оппозиціонное направленіе [3]). Стихи Пуш-

---

[1]) Насколько раздраженъ и озабоченъ былъ тогда Александръ, видно изъ того, что онъ велѣлъ заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость полковника Бока, передавшаго ему въ 1820 г. проектъ конституціи. Полковникъ Шварцъ, сначала потерявшій свое мѣсто, попалъ 2-го сентября 1823 г. снова въ милость. Шварцъ былъ орудіемъ во вкусѣ Александра.

[2]) 50 рядовыхъ Семеновскаго полка были переведены въ Либаву въ 3-й егерскій полкъ. Ихъ нельзя было ни производить въ унтеръ-офицеры и фельдфебели, ни увольнять отъ службы по неспособности. Послѣднее обстоятельство причинило немало затрудненій, когда одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума.

[3]) «Дворянство не переставало порицать всѣ мѣры, принятыя императоромъ для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Съ другой стороны, оно порицало самодержавныя стремленія государя во всемъ, что касалось военнаго дѣла, и крайнюю суровость его личныхъ привычекъ, вліяніе которыхъ

кина, сосланнаго въ то время изъ Петербурга, и Рылѣева, вступившаго тогда въ Тайное Общество, вѣрно отражаютъ господствовавшее настроеніе. По поводу «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина Пушкинъ говоритъ, будто онъ прославляетъ «необходимость самовластья и прелести кнута». Въ 1821 г. онъ возвеличиваетъ Наполеона на счетъ Александра, а убійство Коцебу внушаетъ ему стихи:

«О юный праведникъ, избранникъ роковой,
«О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ».

Его посланіе къ Пестелю могло бы носить заголовокъ «На тиранновъ», а Аракчееву онъ желаетъ «смерти нѣмца Коцебу».

Но ихъ голоса не были одинокіе; другіе раздавались на тысячу ладовъ въ прозѣ и стихахъ, въ знаменитой комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», въ разговорахъ и запискахъ и въ интимной перепискѣ того времени. Человѣку, вращавшемуся въ петербургской средѣ, почти невозможно было уйти отъ этихъ теченій. Къ тому же и мода требовала отъ каждаго, «образованнаго» человѣка либеральныхъ убѣжденій; въ томъ же направленіи дѣйствовала и политическая незрѣлость и страсть къ преувеличенію и громкимъ фразамъ, которыя звучали очень рѣшительно, но за которыми въ очень рѣдкихъ случаяхъ скрывалась твердая воля или достаточныя способности. Эти-то элементы и хлынули послѣ семеновскаго дѣла въ Тайное Общество; вскорѣ же нашлись и люди, воспользовавшіеся тайной, въ которую были посвящены, для шантажа. Такъ, напримѣръ, принятый Н. Тургеневымъ въ Общество секретарь московскаго департамента правительствующаго сената, Хавскій грозилъ открыть все, если ему не дадутъ денегъ.

чувствовалось на всемъ петербургскомъ обществѣ. Безпрестанно, и почти открыто осуждали могущественное вліяніе религіозныхъ идей на умъ монарха. Ихъ считали мистицизмомъ и своего рода фанатизмомъ, равно какъ и его взглядъ на политическую свободу»... Въ 1820 г. отмѣчается, что петербургское общество негодовало по поводу избранія «цареубійцы» аббата Грегуара во французскую палату, но не меньше и по поводу незаконнаго исключенія его изъ палаты. Всѣ приняли сторону семеновцевъ. «Негодованіе противъ Шварца было всеобщимъ. Раздавались жалобы на роковую страсть всей царской семьи, особенно великаго князя Михаила, мучить солдатъ... Изъ-за этихъ строгостей ежегодно гибло около десятой части гвардіи. Офицеры Семеновскаго полка не были открыто обвинены въ неповиновеніи. Но многіе считали ихъ соучастниками. Предполагали, что они связаны другъ съ другомъ въ подозрительные масонскіе союзы». («Analyses de a correspondance de Russie 1820).

Такъ, вѣроятно, и было [1]). Возможно, однако, что въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ предложеніе Якушкина обратиться къ царю съ адресомъ за подписью всѣхъ членовъ Тайнаго Общества и просить его созвать, по примѣру своихъ предковъ, Земскую Думу для исправленія всѣхъ непорядковъ. Это предложеніе было, въ концѣ концовъ, отклонено, такъ какъ оно выдало бы всѣхъ, за то рѣшено было устроить 1-го января 1821 года съѣздъ въ Москвѣ, въ которомъ должны были участвовать делегаты отъ Петербурга и Тульчина. Съѣздъ, дѣйствительно, состоялся въ присутствіи почти всѣхъ вождей, кромѣ Пестеля [2]). Пестель и Николай Тургеневъ были представителями двухъ противоположныхъ направленій, которыя необходимо знать, чтобы понять дальнѣйшее развитіе въ арміи преобразовательныхъ и революціонныхъ стремленій. Оба они отличались тѣмъ, что съ полной серьезностью шли къ намѣченной цѣли. Это не были краснобаи, энтузіасты и политическіе проходимцы, какъ большинство недовольныхъ, которые легко произносили грозныя рѣчи, но по своей природѣ не могли, да и не желали превращать ихъ въ страшную дѣйствительность [3]). Насчетъ же самой цѣли Николай Тургеневъ и Пестель были различнаго мнѣнія; этотъ фактъ объясняется не только разницей въ характерахъ, но еще въ гораздо большей степени основнымъ различіемъ ихъ образованія.

Николай Ивановичъ Тургеневъ успѣлъ получить въ Геттингенскомъ университетѣ превосходное историческое, юридическое и политико-экономическое образованіе къ тому времени, когда онъ въ 1812 г., 23 лѣтъ отъ роду, вернулся въ Россію. Затѣмъ онъ имѣлъ счастье состоять при Штейнѣ, до 1816 г. пользо-

---

[1]) Это извѣстіе исходитъ изъ доклада, сдѣланнаго императору въ 1821 г. флигель-адъютантомъ Бенкендорфомъ объ открытыхъ имъ связяхъ заговора. Достигъ ли Хавскій своей цѣли, неизвѣстно, но, вѣроятно, достигъ, такъ какъ не было другого средства, чтобы отдѣлаться отъ этого человѣка. Возможно также, что извѣстія Бенкендорфа исходятъ отъ Хавскаго.

[2]) Здѣсь были Граббе, Бурцевъ, Фонвизинъ, Николай Тургеневъ, Өедоръ Глинка, Охотниковъ, Якушкинъ, Муравьевы и генералъ Михаилъ Орловъ.

[3]) Припомнимъ, напримѣръ, милаго, жизнерадостнаго и добродушнаго Артамона Захарьевича Муравьева, который въ 1825 г. вызвался убить Александра въ Таганрогѣ. Стоило только взглянуть ему въ смѣющіеся глаза, чтобы убѣдиться, что онъ совершенно неспособенъ на такое дѣло. Все это было лишь дикое политическое краснобайство. То же можно сказать и о другихъ участникахъ Тайнаго Общества, доходившихъ до подобныхъ предложеній. Никто изъ нихъ ни разу серьезно не пытался выполнить эту чудовищную мысль или хоть сдѣлать необходимыя приготовленія.

вался его обществомъ и участвовалъ въ его трудахъ. Штейнъ его очень цѣнилъ. Слово «Тургеневъ», говаривалъ онъ, и означаетъ то же, что честность и благородство. Арндтъ, стоявшій ближе къ его старшему брату Алексѣю, также его полюбилъ [1]).

Въ ихъ обществѣ изъ него развился государственный человѣкъ съ либеральными убѣжденіями. «Теорія налоговъ», опубликованная имъ въ концѣ 1818 г., проникнута такимъ духомъ, какой еще ни разу не выступалъ здѣсь публично въ политическихъ вопросахъ. Будучи умѣреннымъ фритредеромъ (сторонникомъ свободы торговли), Тургеневъ требовалъ пониженія чрезмѣрно высокаго таможеннаго тарифа, но прежде всего уменьшенія крестьянскихъ налоговъ. Онъ былъ противникъ душевой подати, противникъ освобожденія дворянства отъ налоговъ и другъ свободы во всѣхъ областяхъ. Въ основу своей финансовой системы онъ клалъ подоходный налогъ, разложенный равномѣрно на чистый доходъ каждаго, и освобожденіе важнѣйшихъ предметовъ потребленія отъ налоговъ, для того, чтобы крестьянинъ могъ достигнуть зажиточности. Ибо богатство страны основывается на благосостояніи крестьянства. Но усовершенствованіе финансовой системы должно идти рука объ руку съ преобразованіемъ политическаго законодательства путемъ привлеченія народа къ участію въ законодательствѣ и управленіи.

Можно подумать, что слышишь рѣчи русскаго либерала нашего времени. Книга имѣла необычайный успѣхъ. Къ концу года она была уже распродана, и въ маѣ 1819 г. вышло новое изданіе [2]). Подъ впечатлѣніемъ книги графъ Милорадовичъ попросилъ его составить для императора записку о крѣпостномъ правѣ; въ исполненіе этой задачи Тургеневъ вложилъ много умѣренности и осторожности. Онъ вовсе не совѣтуетъ немедленно уничтожить крѣпостное право, и дорожитъ при всѣхъ условіяхъ инипіативой правительства. Онъ настаиваетъ сначала на уменьшеніи слишкомъ тяжелой барщины, на запрещеніи продажи крестьянъ въ одиночку, на защитѣ крестьянъ отъ дурного обращенія господъ, и, наконецъ, на обезпѣченіи имъ права жаловаться на помѣщиковъ въ общій судъ. Это—тѣ же идеи, кото-

[1]) Арндтъ, «Мои странствія со Штейномъ»: «Этотъ Николай былъ маленькій, умный, славный, хромой москвичъ, неистощимо веселаго характера, съ которымъ я былъ очень друженъ и котораго и Штейнъ любилъ». Тургеневы происходятъ отъ татаръ. Ихъ родоначальникъ явился въ XV вѣкѣ изъ Золотой орды ко двору великаго князя Василія Слѣпого.

[2]) Въ 1826 г. «Теорія налоговъ» была запрещена. При императорѣ Николаѣ не было мѣста для такихъ идей.

рыя были представлены императору Александру еще въ 1801 и 1802 гг. въ засѣданіяхъ «неоффиціальнаго комитета» и нашли себѣ выраженіе въ конституціонныхъ проектахъ Сперанскаго и Новосильцева. Но какъ тогда, такъ и теперь Александръ удовольствовался однимъ принципіальнымъ одобреніемъ. Это была, по его словамъ, лучшая записка по данному вопросу, какую онъ когда-либо получалъ.

Если принять во вниманіе, что Тургеневъ вступилъ въ Тайное Общество какъ разъ въ 1819 г., то этимъ, вѣроятно, и опредѣлится тотъ кругъ идей, въ которомъ Общество тогда вращалось. Оно желало, конечно, ограниченія самодержавія; если же на петербургскомъ съѣздѣ въ 1820 г. [1]) всѣ члены кромѣ одного, высказались за республиканскій образъ правленія, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ теоретическими взглядами, а не съ намѣреніемъ произвести государственный переворотъ. Доказать это, правда, невозможно, но за это говоритъ все дальнѣйшее развитіе тайныхъ обществъ.

Въ противоположность этимъ реформаторамъ, Пестель былъ главою болѣе лѣвой группы. Его больше привлекала мысль о внезапномъ переворотѣ, хотя и въ немъ эти планы созрѣли не сразу. У него былъ болѣе сильный духъ инициативы. Будучи самоучкой, онъ получилъ лишь отрывочное юридическое образованіе, благодаря которому онъ пріобрѣлъ порядочное самомнѣніе и увѣренность въ своихъ теоретическихъ конституціонныхъ проектахъ, но не замѣчалъ огромныхъ трудностей, связанныхъ съ ихъ осуществленіемъ; одного этого факта было уже достаточно, чтобъ онъ не могъ долго идти однимъ путемъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Николай Тургеневъ. Къ несчастію для русскихъ преобразовательныхъ идей, вліяніе Тургенева все больше и больше отступало на задній планъ, а прямой или косвенной двигательной силой сдѣлался Пестель и его ученики. Такой ходъ развитія былъ подготовленъ на вышеупомянутомъ съѣздѣ обществъ въ Москвѣ въ февралѣ 1821 г. Такъ какъ Пестеля здѣсь не было, то Тургеневъ провелъ формальное закрытіе «Союза Благоденствія», причемъ мотивы не были достаточно выяснены. Извѣстную роль при этомъ сыграло желаніе устранить тѣхъ, кто внушалъ недовѣріе своею скрытностью, а

[1]) Полковникъ Глинка вступился за монархію и указалъ на императрицу Елизавету, какъ на желательную государыню. Это показываетъ, какъ мало практичности вносилось въ дѣла, а съ другой стороны, это интересно, какъ новое доказательство того, насколько живы были воспоминанія о временахъ женскаго правленія.

также опасность раскрытія. Передаютъ, будто рѣшено было тотчасъ же снова сорганизоваться и повліять на войска, для того, чтобы подготовить ихъ ко всякимъ возможностямъ. Но разсказъ этотъ не убѣдителенъ. Извѣстно только то, что Пестель призналъ закрытіе неправильнымъ, и образовалъ со своими приверженцами самостоятельный Южный союзъ, который поставилъ себѣ цѣлью насильственный переворотъ; но основатель перваго тайнаго общества Никита Михайловичъ Муравьевъ собралъ въ Петербургѣ всѣ порванныя на московскомъ съѣздѣ нити, и вокругъ него образовался новый кружокъ единомышленниковъ изъ отборныхъ членовъ прежняго «Союза Благоденствія», стоявшихъ на Тургеневской точкѣ зрѣнія. Принадлежалъ ли самъ Тургеневъ къ этому Сѣверному обществу—не установлено. Вѣроятно, онъ появлялся въ немъ только случайно. Отправка гвардіи на помощь австрійцамъ для подавленія итальянскаго возстанія прервала связь съ не-военными членами бывшаго «Союза Благоденствія». Тургеневъ остался въ Петербургѣ, гдѣ онъ по должности занимался въ министерствѣ финансовъ и въ государственномъ совѣтѣ; когда же гвардія въ 1822 г. вернулась обратно, то во главѣ дѣла мы находимъ уже не его, а Никиту Муравьева и князей Оболенскаго и Трубецкаго, причемъ стоитъ отмѣтить, что Оболенскій былъ поручикомъ, а Трубецкой полковникомъ. Къ этому времени императоръ былъ уже достаточно освѣдомленъ черезъ Бенкендорфа о существованіи и о совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ и могъ бы безъ труда ихъ уничтожить или парализовать. Онъ удовольствовался тѣмъ, что строжайше запретилъ всякія тайныя общества и усилилъ военную полицію.

Условія времени благопріятствовали болѣе идеямъ Пестеля, чѣмъ петербуржцевъ. Одинъ изъ его приверженцевъ [1]), почти полвѣка спустя, выяснилъ причины, приведшія его и его друзей къ революціоннымъ взглядамъ: «Я вернулся изъ-за границы на родину съ другими, новыми взглядами. Сотни тысячъ русскихъ купили свободу всей Европы цѣною своей крови. Вмѣсто ожидаемыхъ наградъ и выгодъ, избалованная побѣдами и славой армія встрѣтила неслыханное порабощеніе: военныя поселенія и начальниковъ въ родѣ Ронса, Шварца, Желтухина и многихъ другихъ; солдатъ засѣкали на-смерть, крѣпостная зависимость крестьянъ продолжалась, боевые офицеры вытѣсня-

[1]) Несчастный маіоръ Раевскій, сынъ знаменитаго генерала освободительной войны.

лись со службы; возстановленіе враждебной намъ Польши, усиленное взиманіе недоимокъ, накопившихся за время войны, строгость цензуры, новые рекрутскіе наборы, и т. д., вызывали глухой ропотъ. Аракчеевъ былъ въ силѣ, а Сперанскій—въ ссылкѣ. Невниманіе къ знаменитымъ генераламъ и пренебреженіе къ такимъ государственнымъ людямъ, какъ Мордвиновъ и Трощинскій, раздражало и возмущало людей, ожидавшихъ нововведеній, реформъ, благодѣяній и исцѣленія тяжкихъ ранъ отечества... Таковы основанія, внушившія намъ столь рѣшительный и безстрашный языкъ, ибо дѣло шло о будущности Россіи и о томъ, чтобъ оживить и спасти нынѣшнюю Россію». Къ тому же офицерскіе круги сочувствовали какъ испанскому, такъ и итальянскому возстанію, а въ Тульчинѣ царило еще сильное возбужденіе по поводу греческой борьбы за свободу и турецкихъ ужасовъ, отголоски которыхъ были особенно ясно слышны на югѣ. Этимъ же впечатлѣніямъ поддался и Пушкинъ, который, не принадлежа къ Южному обществу, вращался въ кругу Тульчинской главной квартиры и въ Кишиневѣ [1]). Въ 1821—1823 гг. это настроеніе поглощало все остальное. Когда же стало выясняться, что Александръ даетъ Западу свои силы для подавленія всѣхъ освободительныхъ движеній и что онъ не объявитъ туркамъ войны, то негодованіе обратилось противъ самого императора. Быть можетъ этому помогло еще и то, что Александръ изъ недовѣрія приказалъ 6-го февраля 1826 г. арестовать одного изъ любимѣйшихъ офицеровъ, майора Раевскаго изъ 32-го егерскаго полка, и держалъ его въ заключеніи много лѣтъ, хотя противъ него ничего не удалось доказать, да и самъ Раевскій не давалъ никакихъ компрометирующихъ показаній [2]).

Если въ то время не всѣ члены Южнаго союза попали въ руки правительства, то этимъ они были обязаны генералу Киселеву, который далъ возможность одному изъ своихъ адъютантовъ, принадлежавшему также къ союзу, уничтожить найденный у Раевскаго списокъ всѣхъ членовъ. Это показываетъ, что Киселевъ, который былъ безусловно преданъ царю и царскому дому и хорошо зналъ духъ русскаго офицерства, не придавалъ никакого практическаго значенія ихъ разнузданнымъ рѣчамъ.

---

[1]) Революціонный комитетъ гетеристовъ дѣйствовалъ въ Кишиневѣ.

[2]) Раевскій—одна изъ самихъ симпатичныхъ личностей среди заговорщиковъ, поэтъ и пламенный патріотъ, одинъ изъ немногихъ, кто умѣлъ хранить тайну, которая могла другихъ погубить. Онъ провелъ 6 лѣтъ въ заключеніи въ крѣпости, а потомъ былъ сосланъ въ Сибирь,—единственно за подозрительный образъ мыслей.

Онъ даже долго защищалъ Пестеля и повышалъ его по службѣ, хотя отлично зналъ, что Александръ считалъ этого человѣка опаснымъ.

Въ близкихъ отношеніяхъ къ Пестелю стояли генералъ-адъютантъ 2-й арміи Юшевскій, поручикъ Бестужевъ-Рюминъ, князь Барятинскій, штабсъ-ротмистръ и адъютантъ Витгенштейна, генералъ-майоръ князь Сергѣй Волконскій, отставной майоръ Поджіо, а также отставные полковникъ Давыдовъ и майоръ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Шестеро послѣднихъ были посланы въ іюнѣ 1823 г. въ Петербургъ, чтобы снова завязать связи съ Сѣвернымъ обществомъ, о существованіи котораго знали. Какъ разъ въ это время оно оживилось со вступленіемъ поэта Рылѣева, но, какъ раньше, такъ и теперь, держалось конституціоннаго направленія. Такъ какъ Пестель убѣдилъ своихъ сторонниковъ въ необходимости республиканской формы правленія, то для соглашенія долго невозможно было найти почву. Рылѣевъ былъ убѣжденъ, что Россія не созрѣла для республиканскаго правленія, и считалъ достаточнымъ ограничить царскую власть настолько, чтобы она равнялась хотя бы власти президента Сѣверо-Американскихъ Соединеныхъ Штатовъ. Въ концѣ концовъ, рѣшеніе принципіальнаго вопроса было отложено и рѣшено обмѣняться проектами конституціи; затѣмъ обѣ группы разстались. Въ началѣ 1824 г. Пестель самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но и тогда не удалось достигнуть соглашенія. Онъ оставилъ въ Петербургѣ Матвѣя Муравьева съ порученіемъ вербовать сторонниковъ своихъ идей внутри самаго общества. Такъ оно и случилось, и такимъ именно образомъ радикальныя идеи юга, повидимому, укрѣпились на сѣверѣ.

Проклятый вопросъ заключался въ томъ, чтобы рѣшить, что дѣлать, если царь откажетъ дать требуемую конституцію и созвать Земскій соборъ. По этому поводу дѣлались самыя крайнія предложенія, но рѣшенія не было принято никакого. Общество ограничивалось тѣмъ, что рѣшило вести болѣе широкую пропаганду среди офицеровъ. Между обоими обществами до послѣдняго времени не было особенно оживленныхъ сношеній. Не было странствующихъ членовъ, а рѣдкихъ случайныхъ встрѣчъ было недостаточно для поддержанія связи. Весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ членовъ обоихъ обществъ, какъ и думалъ Пестель, не могъ обнять всего движенія въ его цѣломъ. На сѣверѣ агитація перешла на гардемариновъ, на югѣ же она приняла такой оборотъ, который уже не вязался съ первоначальными патріотическими стремленіями.

Въ 1822 г. польскій заговоръ разстроился, но вполнѣ еще не заглохъ. Участники его стали очень осторожны, но глядѣли въ оба. На кіевскихъ контрактахъ, происходящихъ всегда въ началѣ года, русскіе и польскіе заговорщики замѣтили другъ друга и вскорѣ же сдѣлали осторожныя попытки къ сближенію. Первая встрѣча произошла въ январѣ 1824 г. между Кржижановскимъ и главарями одной вѣтви Пестельской организаціи—Бестужевымъ-Рюминымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ, резиденціей которыхъ былъ Васильковъ. Обѣ стороны старались возможно больше узнать и возможно меньше сообщить. Въ результатѣ обо всемъ этомъ узналъ глава поляковъ графъ Солтыкъ, а въ маѣ и октябрѣ произошли встрѣчи обоихъ русскихъ делегатовъ съ полякомъ Гродецкимъ, который при этомъ случаѣ посѣтилъ также князя Волконскаго и обѣщалъ ему, что на будущій годъ изъ Варшавы пріѣдетъ кто-нибудь на контракты для окончательнаго объединенія.

И дѣйствительно, въ началѣ 1825 г. явился, въ качествѣ представителя поляковъ, князь Яблоновскій, а съ русской стороны пріѣхали Пестель и князь Волконскій. Въ концѣ концовъ, оба общества сошлись на томъ, что поляки приняли на себя обязательство, въ случаѣ взрыва революціи въ Россіи, дѣйствовать сообща съ Южнымъ обществомъ и помогать ему въ достиженіи его цѣлей; русскіе же обѣщали оказать помощь полякамъ въ дѣлѣ возвращенія отнятыхъ Австріей и Пруссіей провинцій. Но Польша должна была дать обязательство, что въ теченіе перваго года своего самостоятельнаго существованія введетъ у себя такое же правленіе, какъ тогда будетъ въ Россіи. Впослѣдствіи же она можетъ ввести у себя конституцію по собственному усмотрѣнію; затѣмъ условились назначить съ обѣихъ сторонъ уважаемыхъ лицъ для заключенія окончательнаго договора. До сихъ поръ сношенія должны были поддерживаться, съ русской стороны, черезъ полковника Швейковскаго и поручика Лунина, а съ польской—черезъ графа Мощинскаго и князя Яблоновскаго. Какъ Пестель, такъ и Яблоновскій старались внушить другъ другу представленіе о стоящей за ними огромной силѣ: поляки хвастали связями съ прусскими, итальянскими и венгерскими обществами, даже съ самимъ англійскимъ правительствомъ, говорили о дрезденскомъ главномъ правленіи ихъ Союза. Русскіе не отставали въ преувеличеніяхъ, но, въ сущности, обѣ стороны не довѣряли другъ другу.

Вскорѣ Южный союзъ получилъ подкрѣпленіе. Ему удалось привлечь на свою сторону другое тайное общество, которое до тѣхъ поръ было самостоятельно, а именно «Союзъ Соединен-

ныхъ Славянъ», состоявшій также изъ офицеровъ. Это малочисленное общество, подъ руководствомъ двухъ энтузіастовъ панславизма, Борисова и Горбачевскаго, ставило себѣ цѣлью то, что еще и теперь защищается, хотя и подъ другимъ флагомъ: освобожденіе всѣхъ славянъ, находящихся подъ чужимъ владычествомъ, устраненіе всѣхъ раздоровъ между ними и объединеніе всѣхъ населенныхъ ими странъ въ большую федерацію. Каждое изъ этихъ строго ограниченныхъ федеративныхъ государствъ должно было получить демократическое представительство, съ правомъ рѣшать внутреннія дѣла по своему усмотрѣнію. При этомъ обѣщалось покровительство промышленности, устраненіе бѣдности и нужды и поднятіе нравственности и просвѣщенія. Обѣщалось также, что предразсудки и порочныя наклонности будутъ по возможности устранены, уничтожены всѣ сословныя различія и прекращена религіозная нетерпимость.

Но такъ какъ революція можетъ имѣть успѣхъ только при единодушіи всего народа, то необходимо прежде всего подготовить народъ къ перевороту; свободнымъ же онъ можетъ сдѣлаться только тогда, когда сначала станетъ нравственнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ. Слѣдовательно дѣло не въ насиліи, не въ военномъ вмѣшательствѣ,—оно погубило бы всякую свободу,—а въ медленной и терпѣливой работѣ. На средства союзной кассы [1]) нужно выкупить крѣпостныхъ и основать школы, а пропаганду нужно вести такъ, чтобы убѣдить крестьянъ и солдатъ исполнять свои гражданскія обязанности по любви и справедливости. Во внутреннихъ противорѣчіяхъ недостатка тутъ не было; несмотря на миролюбивое направленіе, «соединенные славяне» давали страшную клятву и опредѣленно твердили, что свобода можетъ быть добыта только кровью, а не слезами и деньгами.

Не трудно замѣтить огромную пропасть, отдѣлявшую подобные взгляды отъ убѣжденій Пестеля. Если же черезъ нее все-таки удалось перекинуть мостъ и «соединенные славяне» примкнули къ Южному союзу, то это объясняется скорѣе всего тѣмъ нетерпѣніемъ, съ которымъ эти мечтатели относились къ исполненію своихъ идеаловъ, а также краснорѣчіемъ Бестужева-Рюмина, который и привелъ переговоры съ ними къ концу въ въ теченіе сентября 1825 г. При этомъ онъ, конечно, не остановился передъ огромными преувеличеніями. Онъ нарисовалъ передъ ними обманчивую картину могущества общества, изобра-

---

[1]) Ея пока еще не существовало.

зилъ однообразное руководство со стороны Верховной Думы, и сослался на готовность Петербурга и Москвы свергнуть нынѣшнее правительство. Вся вторая армія, гвардія и много полковъ 3-го и 4-го корпусовъ стали, по его словамъ, на ихъ сторону. Конституція для россійской республики получила одобреніе знаменитыхъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ публицистовъ. Онъ сообщилъ имъ также въ извлеченіи конституцію Пестеля «Русскую правду», а соединеніе поляковъ съ Южнымъ союзомъ онъ представилъ, какъ совершившійся фактъ.

Этимъ онъ увлекъ слушателей, несмотря на возраженія Борисова. Соединеніе обоихъ обществъ совершилось. 13-го сентября они дали клятвенное обѣщаніе явиться по данному сигналу туда, куда ихъ позовутъ, и употребить всѣ средства, чтобы увлечь за собою солдатъ. Цѣловали образъ, снятый Бестужевымъ со своей груди и переходившій изъ рукъ въ руки, и кричали вмѣстѣ съ нимъ: «Да здравствуетъ конституція, республика, народъ! Долой разницу сословій, дворянство и царское достоинство!» [1]).

Когда князь Трубецкой, назначенный въ декабрѣ 1824 г. дежурнымъ офицеромъ при 4-мъ корпусѣ и жившій въ то время въ Кіевѣ, возвратился въ Петербургъ въ началѣ ноября 1825 г., то могъ сообщить о непрерывномъ ростѣ Южнаго союза. Кромѣ того, онъ разсказалъ, что рѣшено произвести возстаніе въ маѣ 1826 г.

Будутъ образованы два лагеря—одинъ въ Кіевѣ, другой въ Москвѣ, а Сергѣй Муравьевъ своевременно явится въ Петербургъ, чтобы согласовать дѣйствія Сѣвера и Юга. Если князь Трубецкой могъ взять на себя передачу подобныхъ извѣстій, то это доказываетъ, что и на него сильно повліяло возбужденное настроеніе Юга. Онъ нашелъ, что Сѣверное общество выросло и измѣнило свой характеръ. Самъ Рылѣевъ, избранный въ отсутствіе Трубецкого въ Думу общества, сталъ гораздо радикальнѣе, а въ іюлѣ 1825 г. въ общество проникъ элементъ грубаго насилія, въ

---

[1]) Если принять во вниманіе, что, въ противоположность «соединеннымъ славянамъ», членами Южнаго союза и Сѣвернаго общества были почти исключительно дворяне изъ богатыхъ фамилій, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть замѣчательное доказательство того, насколько сильно было демократизирующее вліяніе самодержавія въ Россіи. Ростопчинъ отлично характеризуетъ это обстоятельство слѣдующими стихами:

«Обычно сапожникъ, чтобъ бариномъ стать,
Бунтуетъ,—понятное дѣло,
У насъ революцію сдѣлала знать...
Въ сапожники, чтоль, захотѣла?»

лицѣ переведеннаго съ Кавказа капитана Якубовича, имѣвшаго, говорятъ, губительнѣйшее вліяніе. Этотъ человѣкъ, прославившійся своею безумной отвагой, заявилъ, что онъ уже 8 лѣтъ какъ рѣшилъ отмстить императору Александру и убить его за переводъ изъ гвардіи въ армію. Теперь онъ желаетъ выполнить свое намѣреніе. Все это было высказано въ заносчивомъ тонѣ и съ массой громкихъ фразъ. Хотя въ петербургскихъ кружкахъ также обсуждался вопросъ о томъ, какъ устранить царскую фамилію при введеніи новаго государственнаго строя, хотя (что не вполнѣ доказано) здѣсь говорилось, наряду съ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ и отправкой заграницу, также и объ истребленіи царскаго дома, тѣмъ не менѣе Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, Оболенскій и Никита Муравьевъ употребляли всѣ усилія, чтобы отвести Якубовича отъ этихъ мыслей. Говорятъ, Рылѣевъ умолялъ его на колѣняхъ отказаться отъ своего плана и, въ концѣ концовъ, пригрозилъ, что донесетъ на него. Якубовичъ долго не сдавался, но, наконецъ, уступилъ. Сначала онъ обѣщалъ подождать годъ, а потомъ отложилъ исполненіе на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе, въ высшей степени вѣроятно, что онъ никогда не думалъ серіозно объ этомъ убійствѣ [1]). Ему нравилось играть роль смѣлаго кавказскаго героя и пугать другихъ угрозой дать все-таки волю своей мести.

Когда императоръ Александръ уѣхалъ 1-го сентября 1825 г. изъ Петербурга цѣлъ и невредимъ, то въ кружкахъ Рылѣева и Муравьева вздохнули свободно. Теперь можно было не обращать вниманія на дикія предложенія Якубовича. Дѣяніе, страшившее, въ сущности, всѣхъ, не могло быть совершено. Все пошло постарому: спорили, принимали новыхъ членовъ и ничего не дѣлали. На этотъ счетъ руководители не заблуждались. Когда Трубецкой однажды спросилъ Рылѣева, что станетъ дѣлать Сѣверъ, если Югъ поднимется, то получилъ отвѣтъ: «Ровно ничего, если прежніе члены Думы будутъ продолжать такъ, какъ до сихъ поръ». Самъ онъ со своимъ отдѣломъ готовъ возстать, но они навѣрно окажутся безплодными жертвами. Въ сущности, эта фраза вѣрна для всего заговора, впослѣдствіи чудовищно раздутаго. Сѣверный и Южный союзы, «соединенные славяне» и всѣ другія организаціи недовольныхъ, по всей вѣроятности, разло-

---

[1]) Впослѣдствіи онъ показалъ передъ слѣдственной комиссіей, что все это онъ говорилъ только въ возбужденномъ состояніи; на Кавказѣ же онъ такъ не говорилъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ, чтобы выпросить себѣ награду (за кавказскія дѣла). Его-де погубило тщеславіе и желаніе играть роль.

жились и распались бы постепенно сами собою, или же, ставши жертвой собственной неосторожности, попали бы въ руки военной тайной полиціи, которая уже успѣла ихъ опутать,—если бы совершенно исключительныя и неожиданныя событія не придали имъ на короткое время такую энергію, какая была свойственна лишь очень немногимъ изъ заговорщиковъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Александръ. Начинанія. Планы реформъ. Перемѣны во внѣшней политикѣ. Аустерлицъ. Наполеоновскій періодъ Александра. Семейныя отношенія. Аракчеевъ. Сперанскій. Разрывъ съ Франціей. Нашествіе Наполеона и освободительная война. Священный союзъ . . 5

Внутреннія дѣла Россіи.

I. Государственный строй, управленіе, юстиція. Отзывы русскихъ. Либерализмъ Александра. Конституція Сперанскаго. Государственный совѣтъ. Конституція Новосильцева. Преобразованный государственный совѣтъ. Министерства. Комитетъ министровъ. Характеристика руководящихъ лицъ. Перемѣны послѣ войны. Сенатъ. Губерніи и ихъ администрація. Безсиліе суда. 37

II. Дворянство и крестьяне. Состояніе образованія. Упроченіе крѣпостного права. Вліяніе его на дворянство. Степень образованія послѣдняго. Школьное дѣло. Главное управленіе училищъ. Университеты и привилегированныя высшія школы. . . . .

III. Духовенство. Мистицизмъ Александра и его послѣдствія. Черное и бѣлое духовенство. Святѣйшій Синодъ. Какъ сокрушилъ Александръ его могущество. Оберъ-прокуроръ Голицынъ. Назначеніе его министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Мистицизмъ въ царской семьѣ. Александръ и скопческій „спаситель“. Рѣшительный поворотъ. Библейское общество. Вліяніе на общество и на народъ. Евангелическія церкви. Вліяніе на дѣло образованія. Магницкій, Руничъ и др. Фотій и паденіе Голицына. Святѣйшій Синодъ занимаетъ снова прежнее положеніе. 72

IV. Армія, военныя поселенія и тайныя общества. Армія до 1815 г. Характеристика генераловъ 2-й арміи. Новый духъ среди офицерства послѣ 1812 г. Масонскія ложи. Политическіе интересы. Пушкинъ и его кружокъ. Зародышъ тайныхъ союзовъ. Недовольство польской политикой Александра. Русскій Союзъ Благоденствія. Военныя поселенія. Идеальная картина ихъ по Сперанскому. Дѣйствительность. Чугуевское возстаніе поселенныхъ уланъ. Такъ наз. возстаніе семеновцевъ. Вліяніе этихъ дѣлъ на тайные союзы. Николай Тургеневъ. Пестель. Раевскій. Рылѣевъ. Соединеніе съ поляками. Сѣверный и Южный союзы и Соединенные Славяне. 109





